

РУСАНОВ

Владислав
Корякин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Владимир Александрович Русанов (1875–1913) — выдающийся исследователь Русского Севера и отважный путешественник. Крупный геолог, он первым обратился к непосредственному изучению Шпицбергена и Новой Земли. Он стал первым в плеяде наших соотечественников, которые проложили дорогу к освоению ископаемых богатств Заполярья.

Человек сложной и трагической судьбы, работы которого получили международное признание уже при жизни, Русанов остался для русских полярников примером блестящего организатора и отважного ученого, сумевшего предопределить многие достижения российской науки.

- - [Глава 1. Приближение к герою](#)
 - [Глава 2. Молодость в Орле](#)
 - [Глава 3. Вологодская ссылка. Первые поиски](#)
 - [Глава 4. Веселый город Париж. Преодоление](#)
 - [Глава 5. Такая старая Новая Земля](#)
 - [Глава 6. Приобщение к Новой Земле \(1907–1908\)](#)
 - [Глава 7. 1909 год на архипелаге](#)
 - [Глава 8. Вокруг северного острова](#)
 - [Глава 9. Вокруг южного острова](#)
 - [Глава 10. Грумант-батюшка](#)
 - [Глава 11. Последняя экспедиция](#)
 - [Глава 12. Пойти и не вернуться](#)
 - [Глава 13. Полярная эстафета](#)
 - [Основные даты жизни и деятельности В. А. Русанова](#)
 - [Краткая библиография](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Русанов

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1121

(921)

Глава 1. Приближение к герою

И это все в меня запало,
И лишь потом во мне очнулось...

Д. Самойлов

Для любого человека, интересующегося историей изучения и освоения Российской Арктики, встреча с Владимиром Александровичем Русановым неизбежна в силу огромного научного и общественного наследия, которое он оставил своим последователям. Его имя занимает достойное место среди первых русских полярных геологов, искавших на далеких полярных архипелагах полезные ископаемые. Несмотря на свою сухопутную специальность, он оказался у истоков идеи Северного морского пути в его современном виде — уже одного этого достаточно, чтобы завоевать себе место на страницах российской истории. Именно В. А. Русанов отстаивал интересы России на Новой Земле и Шпицбергене. При всем неприятии царской бюрократической России он нашел разумный компромисс с властями в служении родной стране, не поступившись ни убеждениями, ни совестью. Каждая из его экспедиций — переплетение глубокого научного поиска с преодолением совокупности критических ситуаций, часто непредсказуемых просто потому, что в Арктике во все времена по-другому не бывает. Уже только поэтому его опыт и его жизненный подвиг остаются востребованными и поныне. Покров неизвестности скрывает его жизненный финал, остающийся неразгаданным и по сию пору. И наконец, тайна любви, ибо в его последнее отважное предприятие, из которого он не вернулся, за ним пошла женщина, сознававшая, на что идет... Яркая короткая жизнь продолжительностью всего в 37 лет, насыщенная событиями и напряженным жизненным поиском, — вот биография одного из самых видных русских полярных исследователей, не дожившего до воплощения своих замыслов в жизнь, но определившего мыслью и волей развитие событий в Российской Арктике на десятилетия вперед уже в иных общественных условиях.

В полном смысле он был разведчиком нашего будущего в Арктике со всем тем, что сопутствует этой профессии. Как известно, во все времена разведчики обречены на риск, а в части славы и известности — как

распорядится история, которая, как известно, дама с норвом. Нансен однажды сравнил Арктику с женщиной, а наши старые полярники, подолгу лишенные женского общества, не случайно утверждают, что их избранница беспощадна к нахам и презирает чересчур осторожных. Ни к тем, ни к другим герой этой книги не принадлежал.

Для автора знакомство с Русановым происходило в несколько этапов. Первый пришелся еще на школьные и студенческие годы — по книгам и другим литературным источникам, содержащим оценки современников, уважительные, далеко не полные, а иногда просто спорные. К тому времени мой собственный интерес к Арктике уже сформировался вполне определенно, хотя я еще не представлял, как он осуществится в будущем. Второй этап произошел непосредственно в условиях полярной зимовки, когда собственный жизненный выбор осуществился, но оставалось только гадать, насколько успешным он окажется в будущем — тревожная ситуация ожидания для любого молодого человека в пору решительного и непростого жизненного поворота, включавшего и поиск личностных ориентиров, на кого равняться и в чем. Меня учили работать по солидным первоисточникам, а в трудах Русанова не было того, что лежит на поверхности, привлекая ярким (нередко фальшивым) блеском. С другой стороны, сам масштаб этой личности можно было оценить лишь с расстояния времени — вблизи он просто не умещался в доступном поле зрения. Кроме того, понять многие стороны его деятельности и решений можно было, только обретя собственный полярный опыт, который, как известно, «сын ошибок трудных». Наконец, третий и самый главный этап проникновения в личность этого выдающегося полярника проходил непосредственно в процессе собственной научной деятельности в экспедициях на Новую Землю и Шпицберген одновременно с освоением и использованием всего русановского наследия. На этом объяснение причин авторского интереса в личности Русанова закончу, дабы у проницательного читателя не возникло подозрение в желании автора погреться в лучах чужой славы, чему, увы, немало примеров.

Приобщение к опыту предшественников для участников академической экспедиции, обосновавшихся в заливе Русская Гавань для выполнения работ по программе Международного геофизического года 1957–1959 годов, началось, когда полугодичный строительный аврал на экспедиционной базе стал наконец выдыхаться. Порядком отупевшая от черной бесконечной физической работы молодежь начала постепенно приходить в себя и стала интересоваться чем-то иным, помимо цементного раствора, доставки кирпича,ковки металла и отесывания бревен.

Разумеется, никто не мог отменить ежедневного жизнеобеспечения (заготовки льда для камбуза или раскопок угля из снежных сугробов), тогда как наладка приборов или установка научного оборудования считалась занятием для отпетых интеллигентов. Пусть читатель не судит нас слишком строго в силу молодости — средний возраст участников нашей экспедиции в ту пору составлял всего двадцать шесть лет. Мы были открыты для восприятия всего нового, что сулила нам двухгодичная зимовка, постепенно приспособиваясь к новой, еще непривычной, обстановке.

На ней следует остановиться особо. Хотя сам термин в ту пору не имел хождения, окружающая нас среда была, несомненно, экстремальной. Местность — типичная «ненаселенка». Наша экспедиционная база в глубине небольшой бухточки располагалась на крохотном клочке прибрежной равнины, зажатом между двумя ледниковыми языками, от которых время от времени доносились громовые раскаты — это рушились в океан айсберги. Невысокий горный хребет между ледниками словно распирал их, не позволяя льду заполнить наш небольшой скальный «оазис», вся растительность которого состояла из мхов и лишайников. Свирепые здешние ветры даже зимой так «подметали» его, что снег в разгар зимы оставался только пятнами. Помимо маленькой полярной станции в пяти километрах от нашей научной базы, следующий «крупный» населенный пункт на крайнем севере архипелага на мысе Желания отстоял от нас в ста пятидесяти километрах — количество его обитателей превышало наше почти вдвое. Пространство между Русской Гаванью и мысом Желания занимал огромный ледниковый покров, где метели и поземки гуляли больше трехсот дней в году. Все вместе это называлось Новой Землей, где проходила основная исследовательская деятельность одного из наших самых результативных предшественников, каким был Русанов.

Уже в те времена даже школьники знали, что эпоха «белых пятен» на планете миновала. Однако карту на наши окрестности на основе аэрофотосъемки только-только создали, и она поражала взгляд бедностью какой-либо привычной топографической ситуации — чуть ли не главным ее содержанием оставались редкие голубые горизонталы, обозначающие поверхность ледника. Одних это повергало в уныние, а у других вызывало жгучее желание совершать великие и малые открытия, чтобы поскорее стать в один ряд с полярными корифеями, начиная с Михаила Васильевича Ломоносова, который, хотя и оставил немало трудов о природе высоких широт, наши края так и не посетил.

Возможно, по этой причине нас волновали в ту пору иные имена. В

первую очередь — руководители известных полярных организаций советского времени: первый директор Арктического института (возникшего как Северная научно-промысловая экспедиция) профессор Рудольф Лазаревич Самойлович или начальник Главного управления Северного морского пути академик Отто Юльевич Шмидт, оба побывавшие в наших местах. Первый из них получил известность прогремевшим на весь мир спасением итальянской экспедиции У. Нобиле, а второй впервые проплыл Северным морским путем за одну навигацию, а позднее создал на Северном полюсе первую дрейфующую станцию. Несомненно, своим арктическим выбором Самойлович был также обязан Русанову, который пригласил его в свою последнюю экспедицию, а затем спас ему жизнь, отправив с отчетными материалами на Большую землю. От страшной участи миллионов жертв культа личности в годы великого террора последнее обстоятельство Самойловича спасти не могло. Мы догадывались, что и Шмидт расстался с высокими широтами не по своей воле. В своих спорах о заслугах обоих арктических корифеев мы вскоре уяснили, что решали они разные задачи — Рудольф Лазаревич сосредоточил свои усилия на мобилизации природных ресурсов для нужд страны, а Отто Юльевич — на решении грандиозных транспортных проблем. Оба они выступали не столько в качестве самостоятельных исследователей, сколько организаторов науки, хотя и с большим собственным опытом экспедиционных работ в условиях Арктики.

Постепенно в спорах стало возникать имя их предшественника — Владимира Александровича Русанова, благо среди книг из академических запасников, от излишков которых освобождалась Большая земля (включая таких авторов, как Хемингуэй, Ремарк или Олдингтон), оказался солидный том его трудов. Каждая книга — это памятник своей эпохе, и упомянутый том лишь подтверждает эту мысль. Культ личности, совсем недавно пронизывавший всю жизнь советского общества сверху донизу, странным образом отразился на нашей полярной литературе. Издательство Главсевморпути предпочитало публиковать заслуженных иностранных полярников, начиная с Джона Франклина и Адольфуса Грили и кончая многотомными собраниями сочинений Нансена и Амундсена, поскольку они каких-либо проступков против ВКП(б), Советского государства и лично товарища Сталина заведомо совершить не могли. Со своими же российскими полярными корифеями, среди которых было немало достойнейших людей, дело обстояло сложнее. После ареста известного полярного геолога Урванцева или Самойловича их книги тут же изымались из всех библиотек. Издательствам проще было не рисковать и своих лучше

не издавать — никто не мог поручиться за то, что автор не окажется по воле НКВД очередным «врагом народа», потянув за собой и всех причастных... Разумеется, об издании Б. А. Вилькицкого (открывшего для нашей страны Северную Землю, первоначально получившую по традиции имя Николая II) из-за его эмиграции не могло быть и речи. Тем более это относилось к А. В. Колчаку, Верховному правителю Белого движения. Колчак в молодости разрабатывал планы изучения Антарктиды, а позднее по результатам собственных наблюдений в экспедиции Э. В. Толля в 1900–1903 годах предсказал еще одну систему дрейфа в Северном Ледовитом океане помимо открытой Нансеном. Он, таким образом, встал в глазах специалистов вровень с великим норвежцем, а его предвидение подтвердилось почти полвека спустя. В описываемые времена он иначе как «лютым врагом советской власти» и «наймитом иностранного капитала» не аттестовался. Хотя проблем с изданием книг чекистов-полярников И. Д. Папанина и А. И. Минеева не возникало, их уровень не соответствовал сохранявшимся традициям русской литературы.

Книги на полярные темы в предвоенные годы пользовались у нашей читающей публики значительным спросом, однако, перечитывая их сегодня, не перестаешь удивляться — нередко вместо конкретных имен и фамилий на страницах присутствуют безличные геолог или метеоролог, иногда человек обозначен лишь отчеством, порой каким-то своим специфическим признаком — самый длинный, рыжий... Причина подобных замен для читателя того времени не была секретом. Все полярники той поры знали, что предшественником Шмидта был Самойлович, который начал работать в Арктике вместе с Русановым, но его имя вдруг исчезло из арктических изданий. Это — атмосфера, в которой готовилось издание трудов Русанова.

Поскольку органы НКВД не предъявляли претензий к зарубежным полярникам, их продолжали издавать до той поры, пока однажды в журнале «Советская Арктика» (№ 6, 1939) не появилась статья под характерным заголовком «О плаваниях русских в Арктике и раболепстве перед Западом». За последующими военными событиями об этой показательной статье давно забыли, но именно она дала зеленый свет изданию трудов В. А. Русанова, которые из-за войны увидели свет лишь в 1945 году.

Том, общим объемом почти 30 печатных листов, имел характерное название «Статьи, лекции, письма. Литературное наследство выдающегося русского полярного исследователя начала XX века». Его составители С. П. Петросов и М. С. Державин проделали огромную работу, сведя воедино массу документов самого разнообразного содержания, что наглядно видно

из оглавления, составленного по тематическому признаку: «О Северном морском пути в Сибирь», «Новоземельские экспедиции», «Геологические статьи», «Шпицбергенская экспедиция», «Исследования Камо-Печорского края, переписка» и даже полицейское «Дело о политическом арестанте В. А. Русанове». Важны были и комментарии, для написания которых составители привлекли выдающихся специалистов того времени. Тем самым можно было судить не только о научном вкладе Русанова в изучение природы Арктики, но и о его деятельности по другим направлениям (в частности о планах освоения Северного морского пути), а также событиях личной жизни. Ни один из биографов исследователя с тех пор не может обойтись без этого издания.

Для начинающих полярников увесистый русановский том оказался, во-первых, в нужном месте, во-вторых, очень вовремя, да и сам автор — просто необходимым человеком, личностью, специалистом, на которого можно было равняться. Видимо, это свойство всех замечательных людей — оказаться там, где нужно и в нужное время. В такой встрече нам повезло, хотя восприятие личности одного из выдающихся наших предшественников начала XX столетия со всеми ее противоречиями и «нестыковками» оказалось для нас, с нашим еще ограниченным житейским багажом, непростым делом.

Сами труды Русанова подверглись такой редакторской обработке, что вызвали удивление у людей, еще не освоивших искусство чтения советских изданий между строк. Доморощенные экспедиционные «аналитики» отмечали два обстоятельства. Первое — даже после шести арестов юный Володя Русанов ни в какую революционную партию не вступил, в том числе и в большевистское крыло социал-де-мократов. Для издателей это было важно: с одной стороны — несомненный революционер, а с другой — колебаний от генеральной линии партии иметь не мог, поскольку в таковой не состоял. Второе обстоятельство заключалось в не-ком противоречии — мы считали В. А. Русанова в первую очередь геологом, в то время как издатели на первое место ставили его заслуги в разработке и изучении проблемы Северного морского пути, явно в противовес реальным заслугам О. Ю. Шмидта.

Последнее обстоятельство нам объяснил кто-то из «старичков» с полярной станции из числа ветеранов Главсевморпути, хотя и по-своему:

— Шмидт для нас «и академик, и герой, и мореплаватель...». А Папанин кто? Естественно, — плотник... Книгу-то вашу издавали, когда он был начальником Главсевморпути, а кто из руководства любит предшественников?.. Вон как Хрущев Сталина-то попер...

Против последнего примера возразить было нечего, так что старый полярник, видимо, был прав. Позднее я убедился, насколько Папанин терпеть не мог «шмидтовцев», причем для него это определение было ругательным. С нашим жизненным опытом той поры мы не рисковали судить о взаимоотношениях высшего руководства (которое Уинстон Черчилль сравнил со «схваткой бульдогов под ковром»), но сам по себе такой экскурс в недавнюю историю Арктики показался нам достойным внимания.

Повезло не только нам — важнее, что с Русановым повезло России. Для нас русановская деятельность выглядела очень значительной по объему, причем многосторонней: геология, изучение ледников, ликвидация белых пятен, океанография, топографические съемки, рельеф — целый комплекс проблем, и все с использованием минимума технических средств. Соответственно, длинные пешие маршруты, чтобы добыть эту информацию. Ясно, что многое из его научного наследия мы могли и должны были использовать. Например, карты, снятые им, отчетливо демонстрировали изменения природной среды, в первую очередь ледников. Много было сделано им просто впервые — от пересечения Северного острова и до карты его внутренних районов. Он первым установил отступление ледников на Новой Земле, а это важный момент с точки зрения прогноза изменений среды в связи с ожидаемым потеплением или похолоданием. Действительно, многое из того, что он считал необходимым для мореплавания в Арктике, спустя четверть века воплотилось в деятельности Главного управления Северного морского пути. И наконец, таинственное исчезновение — «пойти, открыть и пропасть...».

Вовремя появился Русанов, потому что российская политика в Арктике в ту пору оказалась в тупике, что неудивительно. Надо же было такое брякнуть на самом высшем уровне: «Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно, и никакие другие промыслы немислимы... необходимо народ с Севера удалить!» (Визе, 1948, с. 144). Подобных примеров хватало и в дальнейшем, достаточно вспомнить историю золотопромышленника Михаила Константиновича Сидорова, истратившего деньги на изучение Севера и умершего в нищете. Это он был вынужден обратиться к английским морякам с обещанием премии за рейсы к устьям Оби и Енисея, получив отказ от самого Федора Петровича Литке, совмещавшего в ту пору должности президентов Академии наук и Географического общества, со следующей мотивировкой: «У нас, русских, нет такого моряка, который решился бы плыть морем в устье Енисея» (там же). Тем самым бывшая Российская Арктика открывалась всем желающим

— хватай не хочу. Естественно, соседи не зевали... Потом власти спохватились сами и начали сверху спускать запоздалые, как в наше время говорили, ЦУ и РУ (руководящие и централизующие указания), а российское чиновное руководство на местах традиционно топило любое мало-мальски новое мероприятие, не сулившее ему непосредственной выгоды. Мы обсуждали со старыми полярниками и эту проблему, получив однажды совершенно неожиданный пример ее актуальности в наше время: американцы шастают по нашей Арктике где хотят, вплоть до территориальных вод. В Ялте товарищ Сталин мог, конечно, за нашу кровушку заставить союзников признать наши арктические моря советскими внутренними водами, да предпочел пол-Европы... И адмирал Кузнецов, хоть и голова, ему не подсказал... После войны хватились, сказали, что Севморпуть наша внутренняя магистраль, да что толку...

В последнем мы убедились много времени спустя весьма наглядно, а что касается адмирала Кузнецова, то, как известно, инициатива наказуема, тем более в тоталитарном государстве.

В похожей (но не совсем) обстановке и пригодился Русанов, принявший риск проведения необходимых мероприятий в жизнь на себя, одновременно предоставив возможность местному архангельскому начальству достойно предстать перед столичным, поскольку еще оказался и дипломатом, что проявилось и позднее.

Он на редкость удачно вписался тогда в события на полярных окраинах России, поскольку хорошо понимал интересы страны по двум главным направлениям: во-первых, в транспортном освоении своих полярных окраин (прежде всего на море) и, во-вторых, в эксплуатации природных ресурсов, прежде всего полезных ископаемых, являясь, таким образом, идейным предшественником Самойловича и Шмидта. Читателю следует учесть, что геолог не может руководствоваться ситуацией лишь сегодняшнего дня, хороший специалист всегда работает на будущее. Минеральные богатства, не находящие применения сегодня, завтра с изменением конъюнктуры могут оказаться стратегическим сырьем, и история с этой точки зрения преподносит нам немало сюрпризов. В одной из книг, изданных на рубеже XIX–XX веков, автор, описывая нефтяные месторождения как источники топлива, отмечает их доходность благодаря продаже мазута и керосина, с одной стороны, а с другой — жалуется на затраты для уничтожения не находящей сбыта огнеопасной легкой фракции — бензина. Другие времена — другие песни... Так что геология — это не только наука о породах, слагающих нашу планету, но еще и о предвидении их использования в будущем, что дано далеко не каждому. Русанову это

удавалось неплохо, что и сделало его в значительной мере провидцем российского будущего в Арктике. Но Русанов — геолог — это только часть проблемы о роли личности в истории Российской Арктики, явившийся, как отмечено выше, в нужном месте и вовремя. Эта личность не замыкалась в профессиональной сфере, а видела проблему в комплексе.

Другой составляющей комплекса проблем для Русанова стала разработка перспектив развития Северного морского пути. Ведь добытые в Арктике ресурсы и сырье надо было еще вывозить самым дешевым морским транспортом. Он правильно сообразил, что полярник без моря — это не полярник, поскольку Арктика — это прежде всего ледовитые океанские акватории с присущей только им спецификой. Эту особенность арены будущей деятельности герой книги не только воспринял в самом начале своей арктической карьеры, но и усваивал в процессе экспедиционной работы, осмысливая и развивая ее на будущее. То, что ему это удалось — лишь подтверждение его незаурядности. В сочетании этих двух направлений — ресурсного, с одной стороны, и морского транспортного, с другой — он и остался в истории освоения Российской Арктики.

Еще одно обстоятельство привлекло внимание будущих полярников, стоявших в самом начале своего жизненного и научного пути. Разумеется, соотношение личного и общественного определяет значимость любой исторической личности. Однако эта аксиома усложняется, если страна и государство — существенно разные понятия. Похоже, наши предки во времена Русанова уже не только понимали это положение, но и руководствовались им на практике. Выступая в разной форме против самодержавного государства (включая участие в революционном движении), они одновременно не отказывались служить стране — в биографии Русанова это буквально бросается в глаза. Не берусь судить за нас всех, но, по крайней мере, для мужской половины российского общества идея службы то ли государству, то ли стране, то ли обществу всегда была актуальной и очень непростой, особенно на переломных моментах российской истории, на которую пришлась вся жизнь героя настоящей книги. Пример Русанова весьма поучителен, хотя едва ли история и тем более литература являются руководством для прагматиков, оставаясь прежде всего проявлением духовной жизни общества.

Оглядываясь в прошлое, я вижу, как в деятельности Русанова отразилось многое из того, что имело продолжение в последующих поколениях российских полярников уже в совершенно иных общественных условиях. Определенно, его опыт пригодился нам по многим

направлениям. Он оказался необыкновенно важным, поскольку лучше позволял оценить связь поколений, с одной стороны, а с другой — помогал лучше понять нашего предшественника и если не войти в его образ, то во всяком случае приблизиться к нему вплотную. Можно было взять его карту, статью или другой документ и сравнить с тем, что В. А. Русанов наблюдал на местности. Многие совпадали, а отличия порой ставили в тупик (кто же из нас прав?) или заставляли искать причину обнаруженной разницы. Нередко такой причиной оказывались изменения природной среды — проблема, которая с каждым годом становилась все актуальней и перспективной на будущее. Именно в ту далекую пору я ощутил, как формируется «связь времен», в данном случае преемственность разных поколений исследователей, без которого наука остается только набором разрозненных сведений и непонятных фактов. И не только это... Как держаться в безвыходной обстановке, на которую так щедра Арктика, когда, казалось бы, все, от тупого руководства до беспощадной непогоды, ополчилось против тебя? Если это твой выбор — не жалуйся, не проси и ни о чем не жале! Сделай или умри — он так и поступил.

Русанову удавалось сотрудничество с людьми самого разного общественного положения и образования — от губернаторов и министров до неграмотных обитателей Новой Земли, которых он по-своему любил и ценил. Именно Русанов сформировал как общественного деятеля Тыко Вылку, что позволило ему со временем стать «президентом Новой Земли». Образ аборигена как помощника исследователя впервые описал Фенимор Купер, в нашей литературе это сделал на примере Дерсу Узала Владимир Клавдиевич Арсеньев. Однако опыт Русанова гораздо интереснее, поскольку он способствовал развитию Вылки до уровня самостоятельного исследователя и общественного деятеля. Титул «президента Новой Земли» тот заслужил в народе, а не от советской власти, оплатившей ему черной неблагодарностью, которой он не пережил. Появление такого местного лидера — несомненная заслуга Русанова. Однако много было и своих, «материковских» деятелей, с кем он не нашел общего языка, но об этом подробнее ниже.

В процессе работы я столкнулся с жизнью очень своеобразной и неординарной личности, несомненным интеллектуалом и вместе с тем человеком активного действия, решительным, способным увлечь окружающих на серьезное и рискованное предприятие. В моих глазах это не было недостатком — вся окружающая обстановка учила нас тому, что риск для исследователя неизбежен по природе самого исследования, которое проводится обычно на грани неизвестного. А кто может

поручиться в том, что полученный результат не ведет к опасности? Разве не взрывались и не травились химики, не зарабатывали «лучевую болезнь» (часто не подозревая об этом) физики, не говоря о врачах-инфекционистах? В лучшем положении оказались «технари», они отчетливей представляли опасный предел и для подозрительных случаев содержали специальный штат испытателей. Увы, риск для исследователя — это норма, и судьба самого В. А. Русанова лишь доказала это. Не случайно наиболее прозорливые из племени администраторов до сих пор не могут простить Русанову жизненного финала, к разгадке которого мы приблизились только в самые последние годы... С любых точек зрения русановский опыт даже в современных условиях не потерял значения, если только не стал еще актуальней...

Теперь читателю понятно, чем этот человек заинтересовал автора почти полвека назад. Он оставил свой след в самых разных, порой неожиданных местах нашей Арктики. Обычно литературное знакомство с новым районом предстоящих работ на Шпицбергене или Новой Земле неизбежно начиналось с русановских работ. Сходным образом это проходило на Таймыре или во льдах Карского моря на трассе Северного морского пути. Запомнился зловещий, какой-то беспощадный ландшафт западного Таймыра с борта трудяги Ан-2, там, где были обнаружены последние следы его пребывания — даже чисто зрительно здесь на милость Арктики рассчитывать просто не приходилось и последствия самой незначительной ошибки вырисовывались в своей неотвратимой трагичности. Однако восприятие льдов Карского моря было другим — на моих глазах караван во главе с атомоходом «Арктика» ломился, так и хочется сказать, напрямую, что будет заведомо неверно, учитывая последние спутниковые данные, лежавшие на столе в штурманской рубке. Но дело происходило на пути, выбранном именно Русановым в обход Новой Земли с севера — еще пример воплощения идей исследователя, сложившего свою голову в белых просторах много лет назад.

Сложнее приходилось проникать в мотивацию его поступков. Он был не столько скрытным человеком (в чем нередко его обвиняли), сколько не стремился к дешевой популярности — это было не только его правом, но и всей жизненной позицией. Вот почему понять его побудительные мотивы часто было не простым делом, тем более что наука не имеет ничего общего с шоу-бизнесом, даже если в наши дни иные «корифеи» демонстрируют обратное.

Разумеется, личность такого масштаба и размаха деятельности привлекала не только автора настоящих строк, тем более что мой интерес

на первых порах был ограниченным, он был направлен только на чисто природные явления. Интерес к В. А. Русанову в обществе и среди ученых-полярников понятен, даже исходя из чисто человеческих побуждений — был и вдруг исчез, что стряслось, почему, каким образом? Собирался искать его Р. Л. Самойлович, но, как говорится, не суждено... Много усилий приложили историки (М. И. Белов, В. М. Пасецкий), чтобы прояснить его судьбу. Однако свои поиски они вели в архивах, редко учитывая природный фактор в той мере, которую он заслуживал — прежде всего характер местности и происходящие на ней процессы. Были полезны так называемые научно-спортивные экспедиции, которые, казалось бы, имели возможность смоделировать развитие событий на местности, однако их руководители не обладали необходимыми для этого знаниями. Были и другие обстоятельства, мешавшие установить истину. Знарок Арктики член-корреспондент Академии наук В. Ю. Визе, лично одолевший Северный морской путь еще на «Сибирякове» вместе с О. Ю. Шмидтом и нашим лучшим ледовым капитаном того времени В. И. Ворониным впервые за одну навигацию, настолько оказался под впечатлением прогресса ледового мореплавания 20-30-х годов прошлого века, что заранее объявил последний поход В. А. Русанова невозможным. Нельзя забывать и другое — цель и задачи этого предприятия до сих пор достоверно не установлены.

Я уже писал, как обнаруживал присутствие Русанова в разных частях Арктики прежде всего на основе его отчетов и других трудов, то есть чисто «книжным» образом. Однако сравнение русановской информации с реальной местностью начало для меня приносить свои плоды. Уже простое знакомство с побережьем пролива Маточкин Шар во время рекогносцировок накануне Международного геофизического года даже с борта судна оказалось в высшей степени интересным. Вся панорама первой русановской экспедиции 1907 года оказалась у меня перед глазами. Вот эти ледники, у которых он обнаружил отступление, здесь он совершил восхождение на гору Вильчека, а здесь выполнил разведку в глубине побережья. То же повторилось в 1959 году при возвращении с зимовки в процессе посещения полуострова Адмиралтейства, где я даже сделал несколько небольших маршрутов, наблюдения в которых позволяли понять нашего предшественника совсем иначе, чем специалисты-историки, не бывавшие на Новой Земле. Обогатившись со временем собственным экспедиционным и исследовательским опытом, посетив другие русановские места, я уяснил, что по сравнению с самыми мудрыми «архивными крысами» вижу многие события в ином свете, благодаря

знакомству с местными условиями, в которых герой этой книги добывал свои знания и которые нередко диктовали ему действия.

Роль природного фактора невозможно оценить, не испытав на собственной шкуре немытого, голодного, загнанного «полевика» (как именуют себя участники экспедиций), нередко обреченного работать без связи с цивилизованным миром, причем сделавшего свой выбор совершенно добровольно. Отсюда иной взгляд на события с участием Русанова, с которым наши полярники, несомненно, «одной крови». Претензия на подобное родство заставляет быть на уровне даже тогда, когда, казалось бы, нет ни сил, ни возможностей.

Сейчас все чаще вспоминают о том, что Россия — полярная держава. Это означает, что две трети ее пространства или лежат за полярным кругом, или приравнены к территориям Крайнего Севера. На них трудится менее десяти процентов населения государства, но зато находятся две трети наших природных ресурсов — леса, нефти, алмазов и цветных металлов. Зависимость благополучия остальных девяноста процентов россиян от своих полярных и заполярных окраин, казалось бы, достаточно очевидна, как и нагрузка, выпавшая на долю северян и полярников. То ли еще будет, когда в обозримом будущем мы превратимся в информационное общество, в котором информация из высоких широт обретет свою реальную высокую цену! Как не вспомнить адмирала Макарова, утверждавшего, что «простой взгляд на карту России показывает, что своим главным фасадом она выходит на Ледовитый океан». Русанов первым начал наполнять это суждение реальным содержанием.

Россия не просто обращена в Арктику — она обречена на нее, и за повседневностью эта истина как-то проходит мимо сознания и высокого руководства, и, к сожалению, рядового россиянина, нашего современника, отученного советской властью от ответственности за происходящее в стране. Хуже того — сколько поколений россиян пугали Сибирью и Колымой — и допугали... Теперь заново приходится усваивать азы XVIII столетия, известные со школы — «усугубиться может российская слава через изобретение восточно-северного мореплавания» или «богатство России будет произрастать Сибирью», — суждения специалиста высокого уровня, каким был уроженец Севера Михаил Васильевич Ломоносов. Позднее тот прогноз был выхолощен поколениями чиновников и негодных администраторов, пугавших своих подчиненных перспективой оказаться на указанных пространствах не по своей воле. А для нормального свободного предприимчивого человека, готового к трудностям и риску ради собственного будущего и будущего своей страны, от которой его отлучали

вожди и незваные правители, там все с точностью до наоборот: для начинающего жизнь — Арктика и Сибирь дадут возможность приличного заработка и жизненного опыта, молодому специалисту — приобрести необходимый профессиональный опыт, ученому — получить уникальный материал и перспективу будущего роста, бизнесмену — размах дела (достаточно напомнить о нефти и газе на шельфе Баренцева моря) и т. д., но все это при непереносимом условии свободного выбора, который был у Русанова. Его результативность и производительность — это от свободы выбора.

Еще одно интересное обстоятельство — полярник в российском обществе издавна занимает особое положение, что подтверждается со времен Петра (а возможно, Дежнева) многими достойными примерами участников Великой Северной экспедиции, вошедших в школьные хрестоматии, именами Макарова, Седова, Папанина, Шмидта и, естественно, самого Русанова, причем при желании этот перечень можно продолжить. Не всякий россиянин может рассказать о профессиональном вкладе перечисленных полярников, но их место в общественном сознании и в самой российской истории для мало-мальски образованного человека достаточно очевидно и не случайно. Следует напомнить, что полярник прочно обосновался в нашей художественной литературе в качестве разведчика будущего, по крайней мере со времен Н. А. Некрасова («Три страны света»), что один из героев чеховской «Дуэли» замышляет экспедицию в Арктику, полярная тема отчетливо прозвучала в творчестве Б. Лавренина, В. Каверина, Н. Заболоцкого, К. Паустовского, Ю. Казакова и особо ценимого северянами Олега Куваева и многих других не столь именитых писателей.

Если «поэт в России больше, чем поэт», то это же относится и к полярнику, думаю, оттого, что, не претендуя в современных условиях на славу и известность, в свое время он взвалил на свои плечи столько, что под стать порой воину в годину испытаний страны — и это в мирное время. Какая-то особая, почти нечеловеческая стойкость и терпение ко всем невзгодам и жизненным перипетиям, выпадающим на его долю, готовность вынести все и вся порой ради какой-то только ему известной цели, заставляет его держаться и не проклинать судьбу. Истоки высшего звания как меры мужества и отваги «Герой России» лежат в Арктике и были связаны с мирным подвигом во имя спасения ста с лишним человеческих жизней. Перед своей страной и перед своим временем российский полярник не в долгу. Эта книга только об одном из них.

По мере проникновения в характер этой неординарной и талантливой

личности первоначальное удивление и восхищение все чаще сменялись ощущением причастности к его деятельности. Он словно продолжал свою работу нашими руками и нашим интеллектом, а это, что называется, обязывало быть на уровне и, определенно, не искать ни легких путей, ни тем более дешевой славы, ни любви руководства на службе научной истине в ее арктическом воплощении.

И вместе с тем никак не выходил из памяти тот свирепый и безжалостный арктический пейзаж на западе Таймыра, где прошел его последний маршрут навстречу гибели и бессмертию, каким однажды мы увидели его во время полетов осенью 1962 года. С нашими возможностями в процессе аэровизуального обследования каких-либо новых свидетельств пребывания Русанова здесь мы установить, разумеется, не могли, но зато характер местности на его пути к спасению к жилым местам в низовьях Енисея предстал во всей зловещей реальности — сотни и сотни километров глухой безысходной то ли тундры, то ли полярной пустыни. Эффект восприятия этой безжизненной местности был усилен поздней осенью накануне первых снегопадов. Ни намека на человеческое жилье или просто признаков человеческого присутствия. Правда, в то время ходили слухи о таинственном скелете на Северной Земле, который, по всеобщему мнению, мог принадлежать только кому-то из участников последней экспедиции В. А. Русанова. Понадобилось немало времени, чтобы эта версия рассыпалась в прах, хотя ее возникновение по-своему показательно: многие из нас свыклись с мыслью, что от В. А. Русанова можно было ожидать самого неожиданного... Одно только это настораживало — имя Русанова стало обрастать легендами, домыслами и другими вольными или невольными искажениями реальных событий, так что любая новая информация о нем требовала тщательной проверки, причем с подтверждением.

Яркий пример подобного рода я получил, когда начал работать на Шпицбергене. Один из самых известных и популярных наших российских исторических объектов здесь — так называемый «домик Русанова» в бухте Колсбэй вблизи брошенного угольного рудника Грумант на берегах Исфиорда, который оказался совсем не русановским. Мои робкие попытки установить истину неожиданно встретили единодушный отпор как со стороны администрации Арктикугля (нашей организации, занятой добычей угля на Шпицбергене), так и консульства. Но червь сомнения в глубине моей души уже делал свою разрушительную работу. В сборнике трудов Русанова, изданном в 1945 году, каких-либо упоминаний о строительстве этого дома не было. Более того, при внимательном изучении хронологии

последней русановской экспедиции (она начиналась на берегах Шпицбергена) времени на сооружение чего-либо подобного у него просто не оставалось. Постройка первого русского дома на Шпицбергене (если не считать поморов) имела место в 1913 году с началом добычи угля нашими земляками под руководством Р. Л. Самойловича. Об этом он совершенно определенно писал в отчете, который после гибели этого исследователя в годы великого террора на десятилетия осел в глубинах спецхрана. Наконец я раскопал этот документ, но и после этого наши деятели на Шпицбергене (в заботах о собственном имидже, явно не сопоставимом с русановским) советовали мне не распространяться об этом открытии, чтобы не разочаровывать наших добытчиков угля, которые что о Самойловиче, что о Русанове слышали впервые, оказавшись уже на Шпицбергене.

При всем своем интересе к личности В. А. Русанова и поиску материалов не могу без содрогания вспоминать о собственных промахах и упущениях, теперь уже невозполнимых. Заведующим фотолабораторией в нашем институте был фотомастер Захар Захарович Виноградов, напоминавший благородной сединой библейского патриарха. Узнав, что я недавно вернулся с Новой Земли, он поделился со мной воспоминанием:

— А я ведь с самим Русановым встречался...

С запозданием признаюсь, что мой тогдашний уровень не позволил оценить значение этой бесценной информации. К счастью, новоземельские дневники З. З. Виноградова и многочисленные фотографии хранятся теперь в Историческом музее в Москве и использованы в настоящей книге.

На Новую Землю мне пришлось возвращаться еще много раз, и я посетил, наверное, все места, связанные с деятельностью Русанова. Примерно то же повторилось и на Шпицбергене, где за свои одиннадцать экспедиций я практически повторил все маршруты исследователя непосредственно на местности, иной раз, что называется, «след в след». Порой новые технические средства демонстрировали свое преимущество слишком наглядно. Десяток строк в письмах Русанова о трудностях пересечения главного острова архипелага по ледникам летом 1912 года раскрылись для меня в жуткой реальности, когда я увидел эту местность с вертолета — заснеженная сквозная долина от моря до моря в салатных разводьях снежных болот на ледниках, картина знакомая еще по Новой Земле. Мне показалось, что я сам по пояс погружаюсь в противную холодную жижу, еле передвигая ноги в сапогах с намокшими портянками, когда каждый шаг дается нечеловеческим напряжением. Открывшаяся картина объясняла то, что не вполне уяснили комментаторы русановских трудов — причину задержки русановского отряда при пересечении

Шпицбергена с потерей нескольких важных дней, поставивших его на край гибели. Не стану продолжать эту тему, поскольку к ней придется возвращаться на страницах этой книги многократно. Однажды я понял, что могу сесть за книгу о Русанове-исследователе, хотя в этом у меня уже были предшественники и весьма серьезные.

В качестве ответственного редактора издательство решило мне назначить доктора исторических наук Василия Михайловича Пасецкого и понятно почему — у него о Русанове уже были опубликованы две книги. Очевидно, моя третья на ту же тему должна была стать совсем другой, иначе терялся смысл ее публикации. Кроме того, Русанов в то время стал популярной фигурой и на его поиски устремились чуть ли не десятки самостоятельных экспедиций и, соответственно, многие издания подхватили эту тему, обещая решение всех проблем, связанных с Русановым, в самом ближайшем будущем. Вот почему я не мог ожидать особо теплого приема у маститого полярного историка, что он, собственно, мне и пообещал:

— Сами понимаете, если вы напишете плохую книгу, моего согласия на ее издание вы не получите...

Спустя какое-то время мне пришлось наблюдать его работу над моей рукописью, причем я сам стремился обратить его внимание на спорные места. Внешне было трудно определить, насколько Василий Михайлович удовлетворен моим произведением — его лицо оставалось совершенно непроницаемым. Иногда он все же снисходил до замечаний, но таких кратких и сдержанных, что судить о его окончательном решении было невозможно, типа «подумать только...», «ну, это вы, батенька...», «а это действительно так?» и т. д. Какой-либо мелкой правкой, чем отличаются большинство специалистов на его месте, он не занимался и совершенно оправданно — это было делом редактора издательства. Так продолжалось несколько дней. Наконец я услышал: «А ведь это другое прочтение... Странно, что на это место не обратили внимание ваши предшественники!» — и поставил свой шикарный автограф на титульном листе рукописи. Правда, он тут же добавил: «Не радуйтесь, на таком материале можно было бы сделать гораздо более полное исследование. Ну, да у вас впереди еще время есть...» Так я получил благословение мэтра, и оставалось только завершить мой замысел в виде печатного труда.

Хочу сказать, что работа над ним предоставила мне множество интересных встреч не только в столице российских полярников, каким в то время был Ленинград (и таковым остается нынешний Санкт-Петербург), но и в других городах, связанных с жизнью героя этой книги. Прежде всего это его родина Орел, где в 1975 году по инициативе Московского филиала

Географического общества проводилась научно-общественная конференция в связи со 100-летием со дня рождения исследователя. Свою роль в ней сыграла научно-спортивная экспедиция «Комсомольской правды» во главе с Д. И. Шпаро и А. В. Шумиловым. В значительной мере благодаря этим ребятам удалось отстоять от сноса дом, в котором прошли молодые годы исследователя, а позднее был организован Дом-музей В. А. Русанова, со временем превратившийся в небольшой научно-исследовательский центр. Поскольку прилегающая часть городской застройки еще долго сохраняла свой первоначальный облик, оставалась возможность ощутить непередаваемый аромат прошлого, в котором формировался характер юного Володи Русанова в период его мужания.

То же относится и к Архангельску, откуда начинались пути-дороги исследователя в просторы Арктики, в первую очередь на Новую Землю. Я застал еще деревянную застройку по Троицкому проспекту, скрипучие тесовые мостки на центральной улице города, прихотливый рисунок резных наличников деревянных домиков современников Русанова, Соборную пристань, откуда он уходил в просторы полярных морей, монументальные постройки старинной таможни на набережной просторной Двины, певучий поморский говор — все то, с чем имел дело герой этой книги. К счастью, Архангельский краеведческий музей сохранил немало документов той поры.

Так постепенно за многие годы у меня выработался определенный подход к интересующей меня личности исследователя. Я не только сравнивал полученные им результаты с современными данными, но пытался хотя бы мысленно оказаться в его положении, чтобы увидеть развитие событий его глазами, — чаще всего это относилось к характеру полученной им маршрутной информации. Это непростая проблема, поскольку теперь аналогичные работы стараются проводить со стационаров или еще лучше дистанционными методами — путем аэрофотосъемки и космической съемки. Конечно, это сберегает время и позволяет охватывать обширные территории, но в любом случае ключевые, контрольные участки требуется отрабатывать в поле. Но это далеко не все в оценке достижений героя книги, ибо главным все-таки остаются его человеческие качества: вкусы и пристрастия, склонности и слабости, отношения с родными, близкими, сотрудниками, начальством и просто окружающими. Ведь интересно, любил ли он природу, интересовали ли его искусство, литература и многое другое. Оказалось, что в этом отношении имеющиеся возможности далеко не исчерпаны. В литературе о Русанове, например, не использовались дневники людей, встречавшихся с ним —

Виноградова, Писахова, Пришвина, как и воспоминания его отчима

А. П. Соколова и некоторые другие источники, «задействованные» в настоящей книге, как и не публиковавшиеся фотографии. Эти не столько новые, сколько не использовавшиеся материалы позволяют заново осветить многие стороны деятельности Русанова, например, его отношение к своему современнику Георгию Яковлевичу Седову на основе статьи, опубликованной в кадетской газете «Речь» в мае 1912 года. А ведь был еще и личный дневник исследователя, неоднократно и лишь частично использованный им для отчетов. Был, ибо его местонахождение в настоящее время неизвестно...

Конечно, следовало бы больше поработать в архивах, особенно Сорбонны, но здесь я оказался в положении героя анекдота, заявлявшего окружающим: «Опять хочу в Париж...» Как известно, на вопрос: «А давно вы там бывали?» он отвечал: «Нет, но я уже хотел...» Для меня эта проблема остается в том же положении и теперь, если не хуже — поскольку французским я так и не овладел. Правда, кое-какие документы оттуда получить удалось — и на том спасибо! В частности, диплом об окончании университетского курса героем этой книги, что имело принципиальное значение — выдающийся полярный исследователь и студент-недоучка в одном лице для многих немыслимое сочетание, даже если жизнь преподносит порой и не такие сюрпризы.

Что касается опубликованной книги «Владимир Александрович Русанов (1875–1913?)», вышедшей в издательстве «Наука» — это прежде всего научное издание, посвященное деятельности одного из самых результативных русских полярных исследователей дореволюционной поры. Личному там места почти не нашлось или постольку поскольку... В той книге автор стремился показать истоки успехов исследователя, его высокой научной производительности, поскольку эти проблемы интересовали меня и тех, кто издавал книгу. Надеюсь, мне удалось докопаться до причин, которые сделали этого исследователя таким, каким он остался в нашей памяти. Хотя я и понимал, что сама личность ученого и его достижения неразделимы, тем не менее на фоне поставленной задачи все личное в этом человеке оказалось оттесненным на второй план. По этой книге можно было защищать диссертацию, но к тому времени я уже «остепенился». Книга исчезла с прилавков довольно быстро, устные отзывы я получил вполне приличные, кое-кто остался недоволен отдельными выводами и оценками (особенно в заключительной части), но в любом деле, а в науке тем более, угодить на все вкусы невозможно — велик риск утратить главное.

Работая над книгой, я убедился в том, что имеющиеся документы освещают биографию героя далеко не полностью — это же отмечали и мои многочисленные предшественники. Во всяком случае, сам В. А. Русанов не позаботился снабдить своих будущих биографов необходимым материалом, но в отличие от многих он не старался в своих работах представить свои поступки и действия в благоприятном для себя свете. Даже в наиболее уязвимом для критики последнем плавании в Карское море (поскольку речь идет о самовольном использовании находящегося в его распоряжении судна, если хотите — угоне) ни в одном из известных документов он не только не ищет оправданий, но и ничего не скрывает. В сложившейся обстановке, скорее всего, он и не мог назвать конечный пункт своего плавания, предоставив оставшимся судить о нем в меру собственного разумения. И не только это... Годы его молодости можно воспроизвести по документам полиции, но гимназический период или учебу в реальном училище описать сложнее. Не могли же его отчислить из гимназии и реального училища без мотивировки — за что? Хулиганство, разбой, просто лень?.. Увы, каких-либо документов, чтобы ясно ответить на этот вопрос, в нашем распоряжении нет.

Еще одно важное обстоятельство для оценки сделанного в Арктике Русановым. При всей грандиозности достигнутого им сам-то он видел в содеянном лишь первый шаг, некую обширную рекогносцировку — не более, после которой собирался приступить к углубленному изучению всего, что связано с Российской Арктикой. Не получилось, потому что погиб, не вернувшись из непонятого разведочного маршрута, как это не раз и не два случалось с другими разведчиками — настоящее проявление скромности, которое не всегда свойственно ученым мужам. Именно скромности от понимания грандиозности открывшихся перед ним проблем.

Следует сказать, что даже известные документы, связанные с Русановым, не были использованы достойным его образом. Всего один пример. Где-то в конце 70-х годов мне позвонили из одного солидного журнала и сказали, что хотели бы получить мое заключение по поводу русановских документов, оказавшихся в распоряжении редакции. Они получили интереснейшие материалы о награждении участников самой успешной его экспедиции 1910 года. На каждого из награждаемых была представлена детальная характеристика с перечнем заслуг, с краткими биографическими данными. Отсутствие в этом перечне некоторых лиц подтвердило мое подозрение о конфликте среди участников, о чем я догадывался по научным публикациям. Бросалось в глаза другое — судя по ряду приведенных цитат, В. М. Пасецкий был явно знаком с этим

документом. Почему же он не упоминает о награждении самого Русанова и его отважных спутников — ведь речь идет ни более ни менее как об официальном признании заслуг исследователя на родине? При ближайшей встрече я задал Василию Михайловичу этот вопрос и получил неожиданный ответ.

— Из-за позиции редакции... Там стали уверять, что читатель не поймет, почему царское правительство награждает революционера.

(От себя замечу, что составители и редакторы издания 1945 года также знали об этом документе из архива в Архангельске, умолчав о самом интересном, чтобы в условиях по-истине «совковой» цензуры сохранить главное.)

— Согласитесь, — заметил я, — во-первых, он награжден за дело. Во-вторых, каких-либо сведений об измене революционным идеалам за Русановым не числится... В конце концов, он сам имел полное право решить — как служить стране: в подполье или на Новой Земле...

— К сожалению, я не смог им этого доказать...

Возникали и другие ситуации. Очередной звонок — есть дама, утверждающая, что вскоре после революции она встречала Жюльетту Жан (француженку, возлюбленную

В. А. Русанова, невесту, гражданскую жену — назовите, как хотите, суть от этого не изменится, но главное в том, что она отправилась за своим избранником на смерть, обретя в нашей памяти бессмертие), участницу той последней, роковой экспедиции. Не очень-то я в него поверил, однако чем черт не шутит...

Источник информации — дама в годах, кандидат наук, пенсионерка, часа два рассказывала о своей учительнице в детском доме первых послереволюционных лет, которая поведала своим ученикам об участии в полярной экспедиции именно Русанова, вынужденной зимовке (естественно, без какой-либо «привязки» этих событий к карте), голоде, нападении аборигенов, пленении и т. д. и т. п. Не припомню деталей ее возвращения в цивилизацию, но затем моя рассказчица сообщила, что указанная учительница как французская подданная по окончании Гражданской войны получила официальное разрешение вернуться на родину и, как говорится, концы в воду... Пойди проверь!

Затем битых пару часов я выуживал детали. Каждое отдельное событие из рассказанного могло иметь место, хотя и не подтверждалось каким-либо другим независимым источником. Хочешь — верь, хочешь — не верь! И вот наконец удача — мнимая Жюльетта Жан поведала своим ученикам, как пленившие ее аборигены охотились на белого медведя с

помощью свернутого китового уса, замороженного в шариках из китового жира. Нет такого способа охоты у наших северных народов, явное заимствование у Киплинга или Джека Лондона! Очевидно, такая «Жюльетта Жан» была достаточно образованной и знающей дамой, но (как жаль!) к реальной отважной возлюбленной Русанова не имела никакого отношения... Чем она руководствовалась, рассказывая недавним беспризорникам о своих приключениях за полярным кругом, нам не суждено уже узнать. Еще раз увы!.. Какой сюжет я прикончил, можно сказать, собственноручно, причем совершенно безжалостно — до сих пор не могу забыть...

Теперь читателю понятно мое отношение к герою книги. Любая биографическая книга — это прежде всего исследование личности, если об ученом — то его научной деятельности, как и каким образом он достиг выдающихся результатов. В своей первой книге о В. А. Русанове я рассказал прежде всего о его научных заслугах, стремясь объяснить, как он достиг столь высоких результатов на Новой Земле и Шпицбергене, и не только там. При этом читателю-ученому важно знать еще методику авторского исследования, способ проникновения в секрет успеха своего героя. Литературная или научная биография всегда основана на использовании документов — иначе не бывает. То, что мне посчастливилось добыть, не привело к каким-то кардинальным изменениям в оценке заслуг одного из самых выдающихся исследователей Арктики дореволюционного периода. Удалось другое — во-первых, углубить и конкретизировать наши представления о его научных заслугах по отдельным направлениям и, во-вторых, понять, как он достиг этого.

Это важно, потому что по способу получения природной информации наше время и начало XX века резко отличаются, поскольку сейчас основная масса природной информации добывается дистанционными методами — из космоса или с помощью аэрофотосъемки. Однако при этом «связь времен» очевидна, поскольку мы используем и материалы Русанова, полученные «в поле» в маршрутах, и современная аэрофотография. А в итоге — изменения природной среды. Таким образом, без маршрутов Русанова результативность новейших дистанционных методов, увы, была бы неполной.

Чтобы понять логику его научного поиска, следовало ознакомиться поближе с теми полярными местностями, где он трудился, и даже немного побывать в его шкуре — у специалистов подобная методика называется моделированием. Судя по отзывам, тогда мне это в известной мере удалось.

Возможно, самое интересное — когда и каким образом герой этой

книги ощутил зов Арктики. Выбор профессии, определение призвания обычно происходят на основе скрытого внутреннего осознания собственных возможностей, чтобы проявить себя достойным образом в избранной сфере деятельности, нередко вызывая удивление современников, руководствовавшихся совсем иными жизненными критериями. Иногда это именуют озарением, нередко в собственное оправдание. У кого-то это происходит внешне само собой, порой вопреки мнению и советам окружающих, у других — уходят годы, а третьи спокойно плывут по течению всю жизнь... Трудно ожидать, что орловские обыватели конца XIX века оценили в достойной степени книгу Фритъофа Нансена, которая стала отправным пунктом для полярных устремлений юноши Русанова. Он также не сообщил своим потомкам и последователям, чем она привлекла его — научным предвидением Нансена или его способностью к преодолению препятствий на жизненном пути, причем не в ущерб другим. Именно тогда впервые зов высоких широт услышал не самый благополучный мальчишка из мещанской семьи на окраине губернского города во глубине России. Знать, умел слушать или обладал восприятием того положительного, что делает человека личностью.

Есть еще один важный показатель значимости человека такого масштаба — его личные, общественные и научные связи. В самом начале жизненного пути эти связи у Русанова отслеживала полиция, благодаря которой мы знаем многое о его друзьях-революционерах. Хотя иногда и говорят о его возможной встрече с Ульяновым (Лениным), но это скорее дань советскому времени. В Париже, разумеется — эмигрантские демократические круги, но больше научные, включая ученых с мировым именем среди преподавателей Сорбонны. В России в связях прослеживается определенный «путь вверх», начиная по крайней мере с военных событий 1905 года, когда Русанов обращался к военному министру, но затем общение с официальными российскими кругами прекратилось и возобновилось, видимо, лишь в 1909 году в связи с исследованиями на Новой Земле уже на губернаторском уровне, поднявшись к 1912 году вплоть до правительственного в связи с экспедицией на Шпицберген. Более того, формально можно даже говорить о связях (хотя и односторонних) героя настоящей книги с самим российским самодержцем, поскольку тот визировал документы, связанные с высылкой в Вологодскую губернию, и наградные листы после экспедиции 1910 года. В любом случае, с точки зрения связей Русанов — весьма показательная личность для характеристики своего времени и состояния российского общества той поры в целом. Есть и другие источники для

характеристики таких связей — фотографии, газетные статьи, письма. Они использованы в настоящей книге, хотя и не отвечают на все возникающие вопросы.

Если мне удалось убедить читателя в правильности выбора героя, последуем же за ним на страницах этой книги из российской глубинки на рубеже XIX–XX веков через печорскую ссыльную глухомань в славный город Париж, а затем в белые просторы Арктики навстречу преждевременной гибели и бессмертию.

Глава 2. Молодость в Орле

...Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.

Н. Тихонов

Без Орла на рубеже XIX и XX веков понять становление молодого Русанова невозможно. Старый купеческий город не помог ему в этом. Скорее наоборот — в стремлении избавиться от окружающей орловской действительности герой этой книги, однажды оказавшись в северной глуши, обнаружил в себе способности, которые сделали его полярным исследователем, — вот такая сложная диалектика. Да и сам город очень непростой: находится в местности, где на протяжении последних столетий происходили судьбоносные события российской истории — от известной «сцены под Кромами» из Смутного времени до переломов в Гражданской войне осенью 1919-го и жарким летом 1943 года с «лебединой песнью» вермахта на Восточном фронте во Второй мировой.

Попробуем увидеть этот город во времена юности Русанова вместе с русским классиком, причем очень наблюдательным, каким был Иван Бунин: «Выйдя в Орле, я велел везти себя в лучшую гостиницу... Были пыльно-сиреневые сумерки, везде вечерние огни, за рекой, в городском саду, духовая музыка... Известны те неопределенные, сладковолнующие чувства, что испытываешь вечером в незнакомом городе, в полном одиночестве. С этим чувством я и обедал в пустой зале той старой и почтенной губернской гостиницы, в которую привезли меня, и сидел потом на железном балкончике своего номера, над уличным фонарем, горевшим под деревом, сквозившая зелень которого казалась металлической. Внизу взад и вперед шли с разговором, смехом и огоньками папирос гуляющие, напротив, в больших домах, были открыты окна, а за ними были видны освещенные комнаты, люди, сидящие за чайным столом или что-то делающие, чья-то чужая, манящая жизнь, на которую глядишь в такие часы с особенно обостренной наблюдательностью...

Утро было жаркое. Главная улица, белая, голая, была еще пуста... Я пошел сперва вниз по этой улице, перешел какой-то мост, вышел на

другую, большую, торговую со всякими старыми складами и амбарами, скобяными, железными, москательными и колониальными лавками и вообще всем тем грузным обилием благосостояния, от которого тогда ломились русские города. В лад с этим обилием и густым утренним солнцем густо и важно-благостно звонили к обедне в тяжелой и высокой церкви возле Орлика. Под этот гудящий звон... я перешел еще один мост, поднялся на гору к присутственным местам, к домам николаевских и александровских времен, перед которыми вдоль длинной светлой площади вправо и влево тянулся бульвар, широкая аллея еще по-утреннему свежих, прозрачно-тенистых лип» (Бунин И. А. 1984, с. 475–476).

Упомянутая в этом описании гостиница — скорее всего Троицкая, сыгравшая в биографии Русанова свою роль. На старом плане города несложно найти и другие характерные места в этом бунинском тексте, относящемся к центру города, тогда как герой нашей книги рос и формировался на городской окраине, внешне совсем иной, чем картина, нарисованная Буниным, в чем легко убедиться по старой фотографии 2-го Мацневского переулка (ныне улица Русанова) с унылой панорамой деревянных одноэтажных домов за высокими деревянными заборами и пыльной проезжей немощеной мостовой. Тем не менее бунинский текст и старая фотография относятся к одному и тому же российскому губернскому городу с населением 70 тысяч обывателей, так что пересечь его пешком можно было всего за час. В нем-то 3 ноября (старого стиля) 1875 года появился на свет будущий полярный исследователь.

Почти наверняка можно утверждать, что восприятие родного города для скрытного и упрямого, не всегда понятного даже для родных мальчишки, выросшего в доме с надстройкой-мезонином и красными ставнями, за глухим деревянным забором, было иным, чем у начинающего классика русской литературы, помимо разницы в возрасте (И. А. Бунин был старше В. А. Русанова на пять лет) и происхождении. Единственная общность — оба, вырастая, тяготились окружающим, но каждый искал свой выход из него по-своему и на этом сходство их кончается, даже если они могли оказаться свидетелями одних и тех же событий, например, описанных Буниным в «Жизни Арсеньева» сцен на железнодорожном вокзале в связи с возвращением тела умершего императора Александра III в столицу империи. Для героя Бунина это одно из запомнившихся событий молодости, а для Русанова, скорее всего, повод продемонстрировать отрицание существующих общественных и государственных устоев, если, конечно, не победило элементарное любопытство. Но чего не знаем, того не знаем... В социальной среде того, ушедшего Орла они не совпадали, это

достаточно очевидно.

Чтобы ознакомиться по профессиональной привычке с ситуацией на местности, автор настоящей книги более четверти века назад посетил ту часть города, где прошли юность и молодость Русанова, и, надо сказать, с пользой. Это посещение по времени совпало с интенсивным жилищным строительством в городе, когда новая блочная, лишенная индивидуальности застройка неумолимо вытесняла потускневшую обветшалую старину и вдруг остановилась перед самым домом-музеем Русанова, который, таким образом, оказался на границе двух разных эпох, поскольку за ним еще оставалась часть старого города с массой ветхих деревянных домиков, переживших Революцию, Гражданскую войну и даже уцелевших непонятным образом в огне Великой Отечественной, от которой немало пострадал Орел.

Дом, как известно, принадлежал Любови Дмитриевне, матери юного Володи, в бывшем 2-м Мацневском переулке и находился между 1-й и 2-й Курскими улицами, а прилегающая старая часть города выглядела местами так же, как и в XIX веке. Состояние обеих улиц еще сохраняло облик старого Орла — сонный, в меру ленивый и одновременно незлобивый, без сегодняшнего суетливого напряжения — движение на этих окраинных улицах было настолько слабым, что лопухи и трава наступали на проезжую часть. Почерневшие от времени домики, иные покосившиеся, порой вросшие в землю, со ставнями, прикрывающими три-четыре окна на улицу, помнили еще семейство Русановых. Завалинки и скамейки у ворот, заросли сирени и развесистые кроны столетних вязов, пышные заросли акации, припудренной пылью, стройные очертания южных тополей и мелодия «Не корите меня, не браните» под гармошку откуда-то из глубины одного из дворов, — все это было оттуда, из эпохи молодого Русанова. Диссонансом из нашего времени выглядели джинсы на молодежи и рок-музыка в жаркой слепополуденной истоме, как и редкая машина, грузно переваливающаяся на колдобинах. Сама улица Русанова оказалась заасфальтированной лишь частично, и к железнодорожному техникуму, помещавшемуся в здании бывшей духовной семинарии о шести классических колоннах на фронтоне, можно было добраться пешком минут за пятнадцать по обычной грунтовой дороге. Кажется, мне удалось прикоснуться к былому, и я старался задержаться в нем намеренно, избегая чересчур деятельной и шумной современности.

Вблизи дома-музея Русанова тогда еще оставалось довольно много памятников разных поколений этого деградировавшего купеческого рода. Неподалеку, на 2-й Курской улице посреди приземистых, почерневших от

времени деревянных домишек, высился трехэтажный каменный дом Русанова-деда, который, несмотря на облупившуюся штукатурку и парадный вход, замурованный кирпичом (та же участь постигла и некоторые окна), производил своими размерами и основательностью внушительное впечатление, хотя буквально рядом руины принадлежавшей ему «трепальни» для конопля (сырья для производства веревок и морских канатов, пользовавшихся спросом во все времена) свидетельствовали о крахе всего купеческого сословия. Дед-Русанов остался в памяти потомков не только благодаря загулам (воспетым его земляком Лесковым), но и неподдельным интересом к культуре (говорят, неплохо знал наизусть Пушкина) и тягой к интеллигенции, о чем поведала первый директор дома-музея В. А. Русанова В. В. Титова. (В ответ я поделился с домом-музеем образцами новоземельских и шпицбергенских горных пород помимо полярной литературы.) Унаследовав от родителя склонность к разгульной жизни, представитель следующего поколения — Русанов-отец, купец 2-й гильдии, не проявил деловых способностей, демонстрируя закат купеческой династии. Не поправила его дел и поздняя женитьба на молоденькой мещанке из уездного Дмитровска. Разгульная жизнь рано подорвала его здоровье, вскоре после рождения сына последовал паралич, и спустя несколько лет, не покидая постели, он умер. Сыну Владимиру в то время шел, видимо, пятый год. Хотя Русанову-отцу принадлежал солидный дом во 2-м Мацневском переулке, выходивший на улицу восемью окнами (в нем-то и родился будущий полярный исследователь), пришлось молодой вдове дом продать, а самой перебраться в скромный домик с мезонином и красными ставнями, стоявший за перекрестком 2-го Мацневского и 2-й Курской улицы в ста сажнях. Теперь вдове с сыном приходилось рассчитывать только на себя, сдавая комнаты временным жильцам, один из которых вскоре стал отчимом Володи.

Сын же, судя по всем сохранившимся отзывам и воспоминаниям, оказался одновременно неглупым и трудным, с интересами, далекими от дома и учебы. Интеллектом он, видимо, обязан матери, волевой и умной женщине. Эти черты отчетливо проявлялись в ее внешнем облике, судя по сохранившимся фотографиям. Потеряв мужа, она сосредоточила свою нерастратенную любовь на единственном сыне, которому решила дать, несмотря на скудность доходов, приличное образование в единственной в городе классической гимназии. Фотография сохранила внешность юного Володи Русанова тех лет — привлекательное правильное лицо с высоким лбом, наглухо застегнутый мундир со стоячим воротником и серьезный внимательный взгляд, словно в попытке проникнуть в неизведанное

будущее — ничего такого, что могло бы подсказать причины последующего исключения за неуспеваемость. Однако факт остается фактом — игры в казаки-разбойники и приключения в ближайших оврагах с каменоломнями, где в кусках известняка попадались таинственные раковины и даже порой щетки горного хрусталя, привлекали энергичного деятельного мальчишку гораздо больше, чем мертвые латинские и древнегреческие тексты наравне с учебниками Рыбкина и Киселева, которым в ту пору он просто не видел реального применения в жизни. Именно это и отвращало его от учения, а не недостаток способностей. То ли дело живая природа, которой в гимназическом курсе почти не было места. Как не хватало ему в ту пору мудрого наставника, как он сам нуждался в понимании, а не в материнских упреках, которые только травили его неокрепшую душу.

А юношеская склонность к самоутверждению уже отчетливо проявлялась в нем. На летние каникулы мать нередко отправляла Володю к родным в деревушку под Кромами. К ее ужасу, он заявил, что намерен одолеть пятидесятиверстный путь пешком — и одолел! Непогода не останавливала подростка, у которого начинали пробиваться усы, — к его услугам был любой старый стог, а при случае он не постеснялся бы попроситься на ночлег в попутной деревушке. А что может быть лучше для здоровья помимо таких пеших переходов? И не только — еще расширение кругозора в окружающей жизни, природе, умей только смотреть и удивляться, умей спрашивать и слушать, не замыкаться в себе. Такая в ту пору у него была жизненная школа, по-своему неплохая.

Все повторилось после перевода в Александровское реальное училище — на этот раз, повидимому, от отсутствия интереса к прикладным наукам, связанным с техникой. Было от чего не спать долгими ночами матери в размышлениях о судьбе сына, да и сам Володя, несомненно, не ощущал жизненного комфорта и понимания со стороны сверстников. Однако затем ситуация изменилась к лучшему — Любовь Дмитриевна неожиданно обрела мудрого союзника в лице одного из своих постояльцев, который появился очень вовремя. Сближение старших, завершившееся для нее вторым замужеством, обернулось для сына благом, хотя далеко не сразу.

Андрей Петрович Соколов, второй муж матери Володи, служил преподавателем древних языков (которые так досаждали пасынку во время учебы в гимназии) в Орловской духовной семинарии. К счастью, Андрей Петрович был настоящим педагогом — для него на первом месте стояли не формальные успехи ученика по программе, а сама молодая личность в процессе формирования со всем ее потенциалом на будущее. Так он, видимо, воспринимал приемного сына, а тот принял своего отчима со всем

пылом молодой, истосковавшейся по пониманию души, хотя для этого понадобилось длительное время. Огромным терпением обладал господин Соколов, поскольку все приключения пасынка в учебных заведениях отражались прежде всего на нем как на профессиональном преподавателе. Семинария оказалась для молодого Русанова последним прибежищем, куда он попал не без протекции отчима в 1891 году, где и застрял на долгие шесть лет, оставаясь на каждом курсе по два года. Поразительно, что столь долгий путь постижения семинарских наук не отразился на их отношениях, хотя, вероятно, Соколову пришлось выслушать немало горьких упреков начальства по поводу успехов приемного сына. В позднейших воспоминаниях о периоде обучения сам Русанов, будучи уже взрослым человеком, высказывался неоднократно и достаточно критически. По собственному опыту он считал, что гимназия забивает голову тысячами ненужных вещей, не может научить работать, а человека с чутким сердцем неизбежно приведет к тюрьме и ссылке — вывод далеко не однозначный и тем не менее весьма возможный для конкретной личности... По поводу церковного образования, несмотря на неизменно хорошие отношения с отчимом, он высказывался не менее критически: «Духовенство своими школами...проповедями, писанными по заказу, храмами, созданными по принуждению, превосходно выполнило задачу правительства: оно держало народ в полном невежестве, в слепой косности, в диком суеверии до тех пор, пока могло» (1945, с. 350). Несмотря на эти критические суждения, уже первые работы Русанова, написанные в вологодской ссылке, показали достаточно высокий уровень его образования, в том числе и по таким вопросам, которые он мог постичь лишь в процессе самообразования. Наконец, едва ли без должной подготовки он смог бы поступить в один из самых престижных европейских университетов. Так что в части образования нашего героя мы имеем очевидное противоречие, которое не объяснил ни один из его биографов. Частично этот пробел можно восстановить на основе перечня книг, прочитанных нашим героем в молодые годы.

Составители сборника 1945 года раскрывают эту сферу интересов в детские годы слишком в общем виде: «Рано пристрастился Володя Русанов к чтению. Любимыми его книгами были рассказы о путешествиях и описания природы. Книги он покупал себе сам, тратя на них все деньги, которые получал в подарок от родных. Так у него в детстве составила собственная библиотечка» (1945, с. 6), но без каких-либо конкретных ссылок. Позднее документы охранного отделения за время пребывания Русанова под стражей перечисляют: «Основы химии», «Психология»

Вундта, «Введение в изучение зоологии и сравнительной анатомии» М. А. Мензбира, сочинения Г. И. Успенского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. Н. Потапенко (в то время по популярности соперничавшего с А. П. Чеховым). Интересно, что в список входят самоучитель французского языка, а также книга Фритьофа Нансена о дрейфе на «Фраме» — первое зафиксированное свидетельство интереса к полярным странам. Издавна среди арестантов существовал обычай делиться с товарищами полученной с воли литературой, что также способствовало развитию кругозора. Все перечисленное позволяет считать, что молодой Русанов в период формирования жизненных взглядов и интересов отличался помимо широкого кругозора еще и вниманием к естественным наукам и стремлением к самообразованию, хотя о достигнутом уровне судить сложнее. Важнее другое — спустя несколько лет в Вологодской ссылке он успешно использовал эти познания, порой по неожиданным направлениям, что показательно само по себе, в чем читателю предстоит убедиться.

Вскоре в повседневной жизни Владимира Русанова обозначились новые сложности, возникшие благодаря его причастности к событиям, входившим в сферу компетенции охранного отделения. Во все времена становление личности молодого человека сопровождается переоценкой окружающего мира, порой приобретая форму отрицания всего достигнутого и родителями, и обществом, — в России со времен Тургенева это явление с присущими ему крайностями получило название нигилизма. С конца XIX века общественная ситуация в стране осложнилась повышенной восприимчивостью не слишком образованной молодежи к революционным идеям, нередко в самой экстремальной форме. Не избежал новых веяний и герой этой книги.

В исторической литературе вовлеченность Русанова в революционное движение приписывают его дружбе с семинаристом Владимиром Родзевичем-Белевичем, впоследствии членом РКП(б), умершим от чахотки в разгар Гражданской войны. Оба входили в кружок, собиравшийся для обсуждения политических и общественных проблем на квартире у учительницы Надежды Смерчинской, находившейся под негласным надзором полиции. В докладной записке орловского губернатора министру внутренних дел от 12 октября 1894 года сообщалось, что «к Смерчинской ходило много гостей и все молодые люди обоего пола, от четырех до пятнадцати человек, почти ежедневно; гости эти пили чай, что-то читали и писали, просиживали иногда до рассвета...» (1945, с. 400), среди которых оказался и Русанов. Описанная выше ситуация, однако, не была столь мирной, судя по заявлению одного из участников: «Когда вы все изучите,

тогда составите союз и будете бороться с правительством» (там же). При попытке установить связь с местными рабочими члены кружка в августе 1894 года оказались в поле зрения охранки, включая Русанова, причастность которого была установлена на основании показаний одного из арестованных. «Благодаря своему твердому поведению во время следствия Владимир Александрович благополучно выпутался из этой истории» (1945, с. 8), считают составители сборника 1945 года, но это был только первый раунд в его длительном поединке с охранным отделением, который он выдержал. Видимо, к этому же времени относится характеристика Русанова одной из участниц кружка, несомненно, равнодушной к нему: «Высокий блондин, полный жизни и энергии, он, как говорится, был душой нашей организации в то время, но он более чем кто-либо из нас вдавался в теоретическую область. Читал он много, толково, говорил превосходно, никогда в спорах не оскорблял противника и, между тем, оставался победителем. Симпатии слушателей всегда были на его стороне» (Орловская правда. 1940. 13 ноября).

Революционные увлечения не помешали ему наконец завершить затянувшееся пребывание в стенах семинарии, и теперь надо было думать о продолжении образования, что подтверждается следующим документом:

«Выдано сие свидетельство из Орловской мещанской управы орловскому мещанину В. А. Русанову...вследствии просьбы матери его и согласно приговора мещанского общества, состоявшегося 27 февраля 1897 года и утвержденного орловским губернатором, в том, что на продолжение им, Владимиром Русановым, образования в высших учебных заведениях препятствий со стороны общества и Мещанской управы не имеется» (1945, с. 10). Сложность, однако, состояла в том, что окончание семинарского курса не давало права на поступление в университет или другие светские высшие учебные заведения. Кое-как он устроился вольнослушателем на естественный факультет Киевского университета, который посещал в течение зимы 1897/98 года. Однако посещение университета пришлось прекратить из-за вмешательства полиции — его второй раунд в отношениях с охранкой оказался более серьезным и сопровождался немалыми потерями.

В декабре 1897 года полиция совершила налет на одну из явочных квартир московского «Рабочего союза», захватив документы и печатную технику, в связи с чем было привлечено к следствию до 25 человек. Какая-то причастность Русанова к делам «Союза» выяснилась только восемь месяцев спустя, когда начальник московского губернского жандармского управления генерал Шрамм приказал «сообщить... по возможности

безотлагательно, где именно Русанов находится, а также могущие оказаться в делах департамента сведения о степени его политической благонадежности и сношениях» (1945, с. 402). Последовал очередной обыск, а самого Русанова этапировали в Москву. Единственно, что удалось установить полиции — факт предупреждения своего «клиента» об опасности провала одним из участников кружка, тогда как само членство в «Союзе» осталось недоказанным. Очередной жандармский документ под заголовком «Сообщение о допросе В. А. Русанова в департаменте полиции, 11 сентября 1898 года, № 9107», опубликованный в издании 1945 года (с. 403–404), проливает свет на многие обстоятельства его биографии.

Так, в графе «занятие» указано — «готовился в высшее учебное заведение — в Политехнический институт», причем указанный институт в каких-либо биографических работах о нашем герое более не фигурирует. Возраст Любови Дмитриевны отмечен в 40 лет — очевидно, родившись в 1858 году, она произвела сына на свет, имея всего 17 лет от роду, оставшись вдовой почти в 20 лет. Указана и скромная величина дохода от принадлежащего ей дома (30 рублей ежемесячно), как и учеба юного Владимира: «...сначала в Орловской гимназии прошел два класса, вышел в 1889 году, а в 1891 году поступил в духовную семинарию, курс которой окончил в 1897 году. Перешел в семинарию из гимназии, так как это освободило его от платы». Столь же полный ответ и в графе «На чей счет воспитывался»: в гимназии на счет родителей, в семинарии на казенный счет. Каким-то образом выпало пребывание анкетированного в реальном училище, которое по приведенным данным датируется 1889–1891 годами. Странным кажется солидный возраст гимназиста — 14 лет при исключении после всего двух классов гимназии. Возникает вопрос: сколько же времени он затратил на пребывание в каждом из них? Еще один интересный пункт, по которому отсутствуют какие-либо опубликованные документы, ибо в графе «Привлекался ли ранее к дознаниям» следует ответ: привлекался в Орле в 1889 году по делу Перес, в качестве свидетеля. Ответ в 27-й графе («Что обнаружено по обыску») для нашего героя традиционен: «ничего явно преступного», так, мелочовка...

Тем не менее тут же по возвращении в Орел Русанов был вновь арестован и помещен в одиночную камеру Орловского тюремного замка, где бывшим семинаристом и университетским вольнослушателем занялись всерьез, что подтверждает, например, «Протокол примет В. А. Русанова 1898 года декабря 29 дня» (1945, с. 411), несомненно, имеющий важное значение для его биографа, особенно при описании внешности и манеры поведения героя нашего повествования. Из него следует: рост Русанова —

177 сантиметров (2 аршина и 7 7/8 вершка), для того времени явно выше среднего. О телосложении отмечено кратко, но выразительно — крепкое, здоровое. В графе «Нет ли особенной манеры держать себя» указано: «Кроме быстроты в движениях другого не заметно», при оценке наружности отмечено: «Наружность выражается живостью характера, волосы — русые, глаза — светлосиние, выражение живое, веселое, лицо — овально-заостренное, кожа — белая, с легким румянцем. Голос ясный, чистый, не заикается. При разговоре часто улыбается, обнажая верхние зубы и покачивая головой в правую сторону. Походка прямая, с наклоном правого плеча вниз» и прочее, и прочее... Хотя суть человека чаще проявляется в его делах, несомненно, внешние черты, даже полученные из такого источника, в целом рисуют образ не просто молодого деятельного человека, но еще и приятного в общении и, несомненно, активного, уверенного в себе, но не склонного подавлять окружающих.

Обобщив всю доступную ему информацию по своему ведомству, жандармский поручик Дудкин смог вменить в вину своему «клиенту» лишь три обстоятельства: принадлежность к подпольному кружку, ведение устной пропаганды и передачу нелегальной литературы, с чем Русанов и был выпущен на волю в феврале 1899 года под подписку о невыезде, причем следствие продолжало набирать обороты, а полицейские агенты активно обрабатывали свое жалованье.

В ночь на 30 января 1900 года у Русанова проводится очередной обыск с последующим привлечением к дознанию в связи с революционной агитацией. В феврале Московское охранное отделение зафиксировало появление Русанова в Москве, где он прожил неделю у знакомых без прописки. Безуспешной оказалась попытка привлечь Русанова к ответственности по делу тайной революционной типографии в Твери.

Полиция явно «пасет» Русанова, не выпуская его из поля зрения, но одновременно не предъявляя обвинений. 30 июня

1900 года он снова подвергается аресту, хотя ничего «явно преступного у него обнаружено не было» (1945, с. 14), — опять по обвинению проживания в Москве без прописки. Спустя десять дней ввиду недостаточности обвинения он снова на воле. Однако такое освобождение достаточно условное, поскольку бдительный и весьма тесный полицейский надзор продолжается. Чтобы освободиться от него, он готов отправиться в Китай санитаром, набор которых объявлен в связи с так называемым боксерским восстанием. Снова неудача — вплоть до завершения следствия какие-либо отлучки ему запрещены.

В разгар полицейских преследований Русанов женится на Марии

Петровне Булатовой, только недавно окончившей с золотой медалью гимназию. Брак недоучки с золотой медалисткой, несомненно, наделал шума в губернском городе и не только поэтому. В значительной мере он выглядел мезальянсом. Родители невесты занимали солидное положение в орловском обществе (отец был крупным железнодорожным чиновником и придерживался весьма консервативных взглядов) и не разделяли выбора дочери, и их согласие на брак с человеком без определенного положения, с абсолютно неясным будущим, да еще находящимся под полицейским надзором, было, несомненно, вынужденным, если только дочь просто не поставила их своим выбором перед совершившимся фактом. Забегая вперед, отмечу, что выбор обоих оказался счастливым и испытания, выпавшие на их долю, не привели их к разочарованию — несомненно, они разглядели друг в друге нечто такое, что осталось недоступно остальным, подтвердив правильность жизненного выбора всей непродолжительной совместной жизнью. Видимо, женитьба в самое сложное для Русанова время оказалась не случайной — но тогда приходится признать, что инициатива в решении принадлежала даме, что, несомненно, делает ей честь.

Неожиданно оформившийся союз не мог повлиять на маховик машины полицейских преследований, набиравший силу с каждым новым оборотом. Уже по совокупности предъявленных обвинений и объемистому сыскному делу, накопившемуся на него, каких-либо перспектив на поступлении в высшее учебное заведение у Русанова не было, учитывая практику при приеме в университет требовать свидетельство о благонадежности из полиции. Вместе с мужем такой же возможности лишалась и Мария Петровна — это становилось ее платой за совместную жизнь с избранником. Уже только поэтому тревоги ее родителей за судьбу дочери можно понять.

Отношение к политическому сыску за прошедшие века в России сложилось однозначное, однако документы этих ведомств для историков бесценны, хотя слишком часто свидетельствуют не в пользу тех, кто их составлял. Русанов с 1894 года привлекался по разным поводам к следствию, включая задержание и арест, практически ежегодно. Несмотря на это, полиция добыла минимум улик, хотя круг общения недавнего семинариста включал достаточно крупные фигуры, связанные с революционным движением. Какой-либо ценной информации от него полицейские чиновники не получили, израсходовав на работу с Русановым лишь свои силы и время. С другой стороны, говорить о каком-то его особом вкладе в революционное движение в России того времени тоже не

приходится (как это делали его советские биографы по конъюнктурным соображениям). Скорее, его деятельность отражает позицию представителя разночинной интеллигенции, еще не сформировавшегося в совокупности жизненных и общественных интересов. Так называемая революционная деятельность была не более чем стихийным протестом против застоявшейся российской монархии, сковавшей производительные силы страны, типичным для многих представителей его общественного круга — и только. Гораздо серьезнее и интереснее на этом фоне выглядит именно его гражданская позиция, сформировавшаяся в молодости, но проследить ее развитие можно лишь на более длительном жизненном пути героя настоящей книги.

А пока ближайшие перспективы не сулили молодой чете ничего обнадеживающего, ибо их жизненный горизонт на два грядущих года оказался ограничен плотным частоколом вологодской тайги, за которым разглядеть просветы было трудно. Оставалось жить и работать...

Глава 3. Вологодская ссылка. Первые поиски

Ему нельзя ни выть, ни охать,
Коль он в гостях у росомах...

Н. Заболоцкий

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром по плечам моим...

Н. Тихонов

Жизненный поворот в судьбе героя книги определил документ департамента полиции, датированный 26 июня

1901 года: «...объявляется сыну купца Владимиру Александрову Русанову, что на основании Высочайшего повеления, последовавшего в 31 день мая 1901 года в разрешении дознания по обвинению его в государственном преступлении, он, Русанов, подлежит, во вменении в наказание предварительного заключения, высылке в Вологодскую губернию под надзор полиции на два года, считая срок с 31 мая 1901 года». На этом документе имеется личная подпись того, кому это решение было адресовано: «Настоящее постановление мне объявлено 6 июля 1901 года. Владимир Русанов» (1945, с. 421).

И поехал 16 июля 1901 года несостоявшийся студент Киевского университета с молодой женой, ожидавшей ребенка, под слезы и стенания родных и близких в места не столь отдаленные. Пока в Вологду, столицу губернии, которая своими восточными, наиболее глухими пределами упиралась аж в Уральский хребет, тогда как на западе ее границы проходили вблизи железной дороги на Архангельск. Предварительное знакомство с будущими местами пребывания по карте из гимназического атласа Э. Ю. Петри не сулило ничего хорошего. Уже неподалеку от губернского центра кончались любые пути-дороги, ближайшая станция «чугунки» на востоке была только в Котласе на Северной Двине, а условные знаки городов словно сбежали оттуда в среднюю полосу России,

и только линии рек, служившие там «путями сообщения», уводили в места, «куда Макар телят не гонял».

По прибытии последовали новые знакомства, в первую очередь с местными жителями и товарищами по несчастью — ссыльными, вырванными судьбой из привычной жизни больших городов, университетских центров и заводов. Местная публика оказалась интересной. На одном из фото в компании ссыльных Русанов запечатлен вместе с людьми, оставившими в российской истории весьма заметный след. В первую очередь это Борис Савинков, один из самых известных революционеров эсеровского толка и непримиримых борцов с советской властью, окончивший свой жизненный путь четверть века спустя во внутренней тюрьме Лубянки. Писатель А. М. Ремизов, один из крупнейших русских писателей первой половины века. На том же фото и первый советский нарком просвещения А. В. Луначарский, вспоминая позже, что колония вологодских ссыльных «была очень многочисленной и жила интенсивной общественной и умственной жизнью» (1923, с. 1). В числе ближайших помощников Русанова в скором будущем оказался врач А. А. Богданов, что не помешало ему оставить ряд работ философского и экономического направления. В советское время вместе с И. И. Степановым-Скворцовым он издал учебник «Курс политической экономии», а позднее организовал в столице и возглавил Институт переливания крови. Подобный перечень окружения Русанова можно было бы продолжить. Разумеется, были и другие — опустившиеся, смирившиеся со своим подневольным положением, потерявшие интерес к жизни или водившие тесную дружбу с «зеленым змием».

Чем заняться молодому, полному сил человеку в подобной ситуации? Мария Петровна готовилась стать молодой мамой, и ее ближайшее будущее определялось этим обстоятельством, она не могла отлучаться из Вологды. Ее родители, несмотря на все претензии к неудачному выбору дочери, не забывали молодых, регулярно высылая денежные переводы, как, впрочем, и Любовь Дмитриевна с Андреем Петровичем. Можно утверждать, что с отчимом молодому Русанову очень повезло. Тот сделал для формирования личности будущего российского полярника гораздо больше, чем родной отец, преждевременно почивший от излишеств. Взаимное уважение и дружба отчима и его приемного сына подтверждаются их перепиской не только во время пребывания четы Русановых в Вологде, но и позже. Помимо скудного содержания, которое местные власти выплачивали ссыльным, денежные переводы от родных были очень кстати. Тем не менее любой дополнительный заработок для молодой семьи был отнюдь не

лишним...

Трудно сказать, насколько быстро освоились Русановы в губернском центре. Глава молодой семьи через несколько месяцев по прибытии в Вологду предпринял попытку сменить место вынужденного пребывания, хотя и неудачно. Об этом известно из запроса вологодского губернатора в департамент полиции: «Владимир Александров Русанов обратился ко мне с прошением об исходотайствовании ему разрешения переехать на Дальний Восток в г. Харбин, так как ему, Русанову, по состоянию здоровья необходим более умеренный климат, чем сырой и резкий климат г. Вологды, причем проситель заявляет, что в г. Харбине ему представляется возможность заработка, который позволил бы содержать семейство... Имею честь сообщить на усмотрение департамента полиции и присовокупить, что проситель, находясь в г. Вологде, вел себя хорошо и в предосудительных поступках не замечался» (1945, с. 421). Не повезло — сам глава МВД пришел к выводу, что просителя «ввиду тенденции к рабочей пропаганде едва ли желательно пускать в Маньчжурию, где масса железнодорожных рабочих (на строительстве Китайско-Восточной железной дороги. — В. К.), но во внимание к болезни можно бы перевести в Астраханскую губернию» (там же). Дело тянулось до апреля 1902 года, когда окончательно выяснилось, что «сын купца Владимир Александров Русанов при предложении ему отбыть остающийся срок надзора в Астраханской губернии пожелал остаться в г. Вологде» (1945, с. 422). Повидимому, не последнюю роль сыграла выяснившаяся возможность поездок для статистического обследования наиболее глухих лесных углов на востоке губернии. Вологодский губернатор направил запрос в департамент полиции в связи с тем, что Русанов «обратился... с ходатайством о разрешении ему поездки в Усть-Сысольский уезд для статистических работ, предпринимаемых уездным земством одновременно с партией) по заготовлению переселенческих участков в этом уезде» (там же). Губернатор решил поддержать прошение своего подопечного вследствие «1) вполне одобрительного поведения просителя, 2) что для Русанова его пребывание в Усть-Сысольском уезде, изобилующем хвойными лесами, в летнее время может благоприятно повлиять на расстроенное его здоровье, 3) что общение просителя с населением при исполнении возложенного на него поручения не может вызывать опасений, так как население Усть-Сысольского уезда, весьма редкое и состоящее исключительно из зырян, по своей неразвитости и незнакомству с русским языком, представляет из себя среду, мало пригодную для противоположительственной пропаганды» (там же). Ссылные обращались к

исследовательской деятельности начиная со времен Великой Северной экспедиции (Овцын) и кончая многочисленными ссыльными поляками (Чекановский, Черский, Ды-бовский). Так что в поступке Русанова не было ничего неожиданного. Важно, что не все решались на подобное, да и не у всех получалось. Русанов и решился, и у него получилось ничуть не хуже, чем у его современника А. В. Журавского, оставившего по себе на Печоре добрую память, несмотря на раннюю гибель.

Мы не знаем, как отнеслась к этому решению своего супруга Мария Петровна, но в конце июля 1902 года Русанов оказался в селе Помоздино в самых верховьях Вычегды, откуда описал свои ближайшие намерения в письмах в Орел. Прежде чем перейти к его первой экспедиции в неведомое, остановимся на пути из Вологды в Усть-Сысольск и далее, описанном четверть века спустя (за указанное время этот медвежий угол не претерпел внешних изменений) известным открывателем воркутинских углей Георгием Александровичем Черновым, пути которого не однажды пересекались с русановскими. Даже если после первых походов Русанова по зырянской глухомани не осталось солидного научного результата (сопоставимого, например, со вкладом династии Черновых), без них понять истоки формирования Русанова-исследователя невозможно. Поскольку мы не располагаем необходимым материалом, в деталях это сделать едва ли возможно. Попытаемся провести, как говорят специалисты, «привязку на местности» наиболее важных жизненных событий у будущего исследователя в период его вологодской ссылки.

Итак, на местном пароходике из Вологды по Сухоне через Великий Устюг на Северную Двину с Котласом и далее вверх по Вычегде строго по Г. А. Чернову: «Мы залюбовались панорамой берега. Наш пароходишко пошел мимо города Сольвычегодска. Вблизи я рассмотрел, что вокруг старинного собора сгруппировалось несколько церквей. Утро следующего дня встретило нас дождем, дул противный встречный ветер. Неслись рваные низкие облака. И берега реки показались мне однообразными, неприветливыми. Унылый пейзаж наводил тоску... Вдоль всей реки не оказалось ни одной пристани. Пароход, прямо тыкаясь носом в берег, останавливался около каждого селения, хотя нельзя сказать, что селения на Вычегде были часты. Обычно это небольшие деревеньки. Изредка на высоком берегу среди посеревших и покосившихся от времени бревенчатых изб возвышалась белая церковка, вносящая особый колорит в однообразную картину северной природы. Пароход подолгу стоял у каждого населенного пункта, выгружая и нагружая тюки, ящики и дрова. Редкие селения, отсутствие пристаней, месиво грязи на берегу, унылая

природа — вот первое впечатление о территории...края» (1974, с. 12). Не лучшее впечатление производил на приехавших впервые (тем более не по своей воле) и сам «Усть-Сысольск, расположенный на высоком берегу реки Сысолы при впадении ее в Вычегду. Издалека, с Вычегды, видна церковь, красующаяся на краю высокого берега среди высоких тополей. Вид изумительный, но не городской. Поднявшись на берег, я сразу попал в березовый светлый парк. Но по выходе из парка набережная омрачилась неприветливой улицей с деревянными домами. Это был, между прочим, центр города... Каменных домов здесь было очень мало, есть пожарная каланча, магазин, да, может быть, наберется несколько каменных домов. Весь город состоял в большинстве из деревянных одноэтажных домов. От дома к дому проложены деревянные мостки, так называемые тротуары. Немощенные дороги. От них в сухую погоду поднималась пыль, а в дождь разливались грязные лужи. Отовсюду раздавалось кудахтанье кур, по улицам бродили козы и другой домашний скот. А роскошный, дорогостоящий Стефановский собор, возвышавшийся среди бедных построек, лишь подчеркивал убогость Усть-Сысольска» (1974, с. 14). Такие же впечатления, вероятно, от городка вынес по прибытии сюда и Русанов. Если разница между степной Орловской и лесной Калужской губерниями в свое время бросилась в глаза опытному охотнику Тургеневу, что же тогда говорить о молодом, еще не избалованном частой сменой пейзажа, уроженце степного, солнечного Орла. На его родине простор открытой местности с редкими рощами лиственных деревьев, где ничто не мешает обзору, здесь — дебри дремучих непролазных лесов под низким северным небом, закрыты тучами, окружающие тебя со всех сторон. Наверное, понадобилось время, чтобы освоиться в этом новом мире (совсем, как он вскоре убедился, небезнадежном), приспособиться к новой, непривычной местности.

Отметим, что в те времена сама статистика по своему уровню не требовала профессионалов — достаточно было гимназического курса (не говоря о студенческом уровне), чтобы проводить опрос населения с постановкой вопросов, в первую очередь экономического, в меньшей степени социологического, характера, с чем Владимир Русанов справился. А главное, это позволяло совершать разъезды, знакомиться с экзотическим таежным народом зырянами-коми и присматриваться к местности, окружающей северной природе, могучей и суровой одновременно. Несомненно, в этих поездках впервые у молодого ссыльного стал формироваться интерес не только к местным общественным проблемам, но и к природным явлениям, что подтверждают его первые публикации, о

которых пойдет речь ниже и где оба направления его деятельности и интересов предстают в неразделимом переплетении. Интерес к статистическим исследованиям обозначился в России еще в середине XIX века настолько, что с самого начала образования Русского географического общества одним из его подразделений стало Отделение статистики, публиковавшее с 1851 года «Сборники статистических сведений о России». В значительной мере по настоянию Географического общества в 1897 году была проведена первая перепись населения страны не только с целью определения количества податных душ, но и для использования полученных сведений для нужд страны в целом. При этом одновременно с подсчетом населения проводилось изучение его национального состава, вероисповедания, хозяйственных занятий, оценки сельскохозяйственного и промышленного производства. К этой работе в должности статистика земской управы и приступил Русанов, причем в качестве помощника и одновременно топографа с ним отправился ссыльный А. А. Богданов, о котором сказано выше.

О впечатлениях пути к исходному пункту своего маршрута в село Помоздино в верховьях Вычегды он упомянул буквально одной фразой в письме в Орел, написанному 21 июля 1902 года: «До сих пор приходилось жить в сравнительно культурных условиях — ночевать в деревнях, ездить на лошадях и по дорогам, иметь раз в неделю почту и пр. и пр.», тогда как далее он излагает более сложные планы и намерения: «Маршрут таков: от села Помоздино вверх по Вычегде на север, затем по Чер-Вычегде, затем придется полверсты тащить лодки посуху, и тогда мы попадем в Печорский бассейн. По Ижме будем подниматься на север до границы Архангельской губернии, затем свернем на юго-запад по реке Седью — до этого пункта нам попадется пять селений от 3 до 12 дворов, но дальше начинается настоящая пустыня... С верховьев Седью мы пойдём по совершенно неизвестным местам, никто кроме зырян-охотников здесь не бывал — это будет наиболее трудная часть пути, так как придется пробираться среди огромного болота... Предстоящее путешествие будет венцом всего, я страстно его желаю и радуюсь, что, наконец-то осуществляется добрая доля того, о чем я не смел мечтать». Затем следуют детали подготовки к маршруту, не лишённые молодого желания покрасоваться перед близкими, вроде: «Привесил кинжал, который напоминает мне купившего его А. П. (отчима. — В. К.) или «Спасибо тебе за ружье — оно хорошо и верно бьет, я из него много дичи стреляю, и себе и товарищам» (1945, с. 372).

Позднее район предстоящих исследований, в пределах которого и проходил намеченный маршрут, Русанов описал так: «Площадь,

занимаемая зырянами, огромна; ее поверхность во всяком случае больше 200 тысяч кв. верст (площадь Республики Коми, по современным данным, 416 тысяч квадратных километров. — В. К.). Точный учет этой площади пока невозможен, так как наибольшая часть северо-восточной России никогда точной съемке не подлежала. Приблизительные границы Зырянского края лежат между Уральским хребтом и Северной Двиной — с востока на запад и между северными окраинами Пермской губернии и тундрами Архангельской губернии — с юга на север.

Все население приютилось вдоль больших рек, остальное пространство остается пустыней и служит охотничьим районом для зырян. Общая населенность края чрезвычайно слаба, и чем севернее, тем слабее; в то время как по всей Европейской России в среднем на 1 кв. версту приходится почти 30 человек, в этой части... приходится меньше одного жителя» (1945, с. 328). Теперь читателю понятно, с какими трудностями столкнулся начинающий исследователь на описанной территории.

В отношении того маршрута и первого полевого сезона

1902 года на местности даже в сборнике трудов исследователя издания 1945 года имеются существенные разночтения, которые могут быть разрешены, повидимому, только новыми находками в вологодских архивах. Действительно, на карте в этом издании большая часть русановского маршрута показана на основании письма, цитированного выше, причем с пометкой «июль 1902 года», что неверно. Ведь, отправив письмо из Помоздино 21 июля, Русанов особо отмечает: «С месяц вы не услышите обо мне ничего», а затем добавляет: «Я приеду, кажется, поздно — в конце сентября» (там же, с. 373), и, таким образом, его полевая деятельность в 1902 году пришлась в основном на август-сентябрь. Это во-первых. Во-вторых, наши замечания по положению маршрута на местности включают следующие поправки по сравнению со сведениями сборника 1945 года. Если на Седью Русанов попал с устья, достигнув впадения этой реки в Ижму, то это означает, что в своем крайнем северном пункте он оказался в районе современных городов Ухта и Сосногорск на нынешней Воркутинской железнодорожной магистрали, построенной силами заключенных сорок лет спустя после походов Русанова в краю коми. Дальнейший подъем вверх по Седью, то есть с началом возвращения, приводил его к южным отрогам Тиманского кряжа — возвышенности Очпарма с абсолютными отметками до 325 метров на современных картах (гора Потчурк), откуда, учитывая отсутствие у него надежных карт, он легко мог оказаться как в бассейне Вычегды (по реке Воле), так и Вишеры (по реке Нишере), причем сплав по последней выводил бы его

непосредственно к Усть-Сысольску. Эти места не посещались ни одним исследователем — в какой-то деревушке вообще впервые увидели русского. Тем не менее указание на находки именно на реке Воль моллюсков *Spirifer* из рода *Stola Rhynchonella*, принадлежащих к среднему девону, показывает, что его обратный путь на юг проходил именно по этой реке. Поэтому утверждение составителей русановского сборника о пути «сквозь густые леса и обширные болота, расположенные между верховьем Ижмы и Синдерским озером» (с. 16), то есть на пространстве более 150 километров непроходимой северной тайги, лишь сбивает с толку при анализе возвращения исследователя в его первом самостоятельном маршруте, который для его будущего имел огромное значение — он ощутил свою способность к работе в очень сложных условиях и нужно было только время, чтобы это его качество раскрылось в полной мере. Отметим также еще одну деталь — откуда у выпускника духовной семинарии знания, позволяющие ему проводить палеонтологические определения, не прибегая к помощи специалистов? Ответа на этот интересный вопрос нет, но само по себе, учитывая будущую профессию Русанова, это обстоятельство заставляет задуматься.

Год спустя Русанов в докладной записке Вологодскому земству так описал условия этого маршрута: «Летом 1902 года, во время статистических работ, мне пришлось пробираться в течение двух недель то в лодке по неведомым речкам, то пешком с компасом в руках через огромные барган-иольские болота, тянущиеся между западными истоками Ижмы и Синдерским озером, имея при себе только молодого зыря-нина-рабочего, со скудным запасом пищи, пополняемым охотой и рыболовством... не останавливаясь ни перед неизбежными затруднениями, ни перед неизвестностью» (1945, с. 308). Судя по последним строкам, неукротимый характер исследователя к этому времени уже сформировался.

По мнению составителей сборника 1945 года (они использовали далеко не весь накопленный ими материал), в верховьях Седью Русанов в течение двух недель продолжал свой маршрут сначала в лодке, а затем (видимо, на водораздельном участке Очпармы) уже пешком и с компасом в руках в условиях крайне ограниченного обзора, такого характерного для северной тайги. Порой, чтобы получить представление о местности, приходилось забираться на деревья. Имеющиеся документы не объясняют, с какой целью отделился Богданов со своими рабочими. Много мучений доставляли верховые болота, передвигаться по которым приходилось, перепрыгивая с кочки на кочку, по словам Русанова, с ловкостью жонглера, оставляя на сучьях куски одежды и то и дело теряя опору под ногами на

скользких гнилых стволах бурелома, спотыкаясь разбитыми сапогами о старые корневища. Здесь была нужна не просто физическая сила, а скорее особая лесная ловкость в сочетании с мужеством, чтобы не растеряться, не остаться навсегда в лесной глухомани, выбившись из сил, превратившись в падаль, чтобы наполнить желудки обитателей северной тайги. Из этого же маршрута он вынес воспоминания о лесных зырянских избушках, предоставлявших ему кров на ночь и укрытие от непогоды, которые не однажды посещали его позднее в одной из самых блестящих европейских столиц: «Чтобы оценить всю прелесть охотничьей избушки, надо сделать полный дневной переход через эти дебри... надо промокнуть от дождя или, что еще хуже, от напитанных влагою хвойных ветвей. После этого, случайно наткнувшись к вечеру на гостеприимную и уютную лесную избушку и поскорее разведя огонь в очаге, сложенном в углу из кусков необтесанного камня и лишенном всяких признаков трубы, с каким наслаждением можно тут отдохнуть, высушиться, согреться, похлебать горячего супу и съесть несколько только что поджаренных рябчиков» (1945, с. 340). Воистину, важен не сам комфорт, а удовлетворение, которое от него получаешь, с чем согласится, вероятно, каждый опытный путешественник.

Результаты своего первого маршрута, который сам Русанов считал удачным, он изложил так: «В 1902 году впервые было проведено частичное статистико-экономическое обследование Усть-Сысольского уезда; собранный статистический материал касался верховий рек Вычегды (приток Северной Двины) и Ижмы (приток Печоры). В опросных статистических бланках вопрос об артелях предусмотрен не был... Мне удавалось констатировать существование артелей в главнейших промыслах; позже выяснилась для меня структура артелей и их большое разнообразие. Зыряне чувствуют вполне основательное недоверие ко всем чиновникам; с недоверием они отнеслись и к статистикам, но мало-помалу участливым отношением мне удалось сломить это недоверие, и тогда они охотно стали со мной говорить о своем хозяйстве, о своих опасениях и нуждах. Долгие совместные скитания по лесам, вечерние беседы у костра после утомительного перехода без дорог и тропинок особенно способствовали сближению» (1945, с. 329).

Результатом поездки или экспедиции стал очерк хозяйственной деятельности зырян-коми на обследованной территории со всеми особенностями, характерными для территории, лишенной надежных хозяйственных связей с остальной Россией с выделением основных направлений хозяйственной деятельности: охотой, рыболовством, сбором грибов и ягод, кустарными промыслами, заготовкой дров и сортового леса,

а также началом использования полезных ископаемых в виде ломок брусяного (точильного) камня и копкой железных руд для небольших железоделательных заводиков.

Публикация по итогам полевого сезона результатов наблюдений или научной статьи — неперемный признак профессионализма исследователя, без которого он превращается просто в бродягу-любителя, каких немало было на Руси во все времена. Вполне определенно можно утверждать, что герой книги выдержал этот тест с самого начала, о чем свидетельствует его статья (хотя и без подписи) «Очерк промыслов по Усть-Сысольскому уезду», опубликованная в брошюре под редакцией А. И. Масленникова промысловым бюро Вологодского земства. На авторство Русанова указывает ссылка на одну из цитат, в отношении которой в примечаниях указано, что она приводится «по рукописи, любезно предоставленной Русанову автором до напечатания». Кроме того, сам Масленников указал, что приведенный «Очерк» составлен главным образом по интересным заметкам Русанова. Таким образом, это обычный путь появления первой публикации на основе каких-то исходных материалов, представляющих интерес для редактора или издателя, обычно с его же редакторской правкой. Уже одно то, что статья посвящена Усть-Сысольскому уезду, где в 1902 году другие статистики не работали, является несомненным признаком авторства самого Русанова, как по самому материалу, так и по стилю его изложения. Содержание очерка полностью соответствует его заголовку и, таким образом, в самом начале своей исследовательской деятельности Русанов занимался проблемами преимущественно экономико-социологического направления. Отметим, что наблюдения и впечатления первого самостоятельного путешествия конца лета — начала осени 1902 года разбросаны по другим работам Русанова периода вологодской ссылки.

Описанная поездка была далеко не единственной. О каком-то путешествии Русанова зимой 1902 года известно из официальной губернской переписки, но как и где оно проходило, были ли намеченные планы реализованы и какие были получены результаты — остается неизвестным. Тем не менее из письма вологодского губернатора в департамент полиции от 9 ноября 1902 года следует, что согласие на такую поездку дано при «условии, что работа Русанова при разъездах ограничится исключительно выписками из дел волостных правлений и землеописных книг, не сопровождающимся опросом населения» (1945, с. 432).

Главным событием лета 1903 года стала поездка на водораздел

бассейнов Печоры и Камы в заболоченной депрессии между южными отрогами Тимана и Полюдовым Кряжем в предгорьях Уральского хребта с изыскательскими целями, с последующей грандиозной рекогносцировкой территории, примыкающей уже к арктическому побережью, после сплава по Печоре. Пожалуй, именно в этой экспедиции впервые проявился почерк максималиста с отчетливым стремлением объять необъятное.

Планы на предстоящий полевой сезон 1903 года в достаточно общем виде впервые намечены в письме отчиму из Вологды за 27 апреля того же года: Любовь Дмитриевна, приехавшая к сыну, «завалена приготовлениями к моему путешествию в Печорский край (а не на Ледовитый океан) и возней с Шуркой» (1945, с. 373), внуком, родившимся уже по прибытии Русановых в Вологду. Повидимому, у автора письма были какие-то более обширные намерения, о которых он, похоже, проговорился, что следует из его следующего письма уже с берегов Печоры: «Завтра поеду с одним рабочим в болота и пробуду там недели две, затем один в лодочке спущусь вниз по реке Печоре верст на пятьсот» (1945, с. 374). Однако о том, что это путешествие продолжилось вплоть до устья реки и завершилось плаванием по морю в Архангельск, стало известно год спустя из письма военному министру Сахарову летом 1904 года в связи с событиями Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Судя по опубликованным документам, начало экспедиции 1903 года было положено докладной запиской Русанова вологодскому земству, озаглавленной «Об изыскании нового водного пути между Волжско-Камским и Печорским бассейнами», включенной в сборник 1945 года в качестве самостоятельной работы. Суть предложения по поискам будущего водного пути изложена Русановым следующим образом: «Под 62 градусом северной широты и 26 градусом восточной долготы от Пулкова простирается, вытянувшись с запада на восток, обширное болото. Это болото замечательно тем, что из него берут начало реки, принадлежащие к трем огромным системам. С запада и северо-запада из него вытекают Щамля, Лерта и Синьель — притоки Северной Мылвы; с северо-востока выходит Рассоха, приток Безволосной; с севера течет и сама Безволосная, непосредственно впадающая в Печору. Все эти реки принадлежат Печорскому бассейну. С южной стороны болота вытекают уже упоминавшиеся Березовка и Молога. Обе реки входят в состав Волжско-Камской системы. Наконец, рядом, юго-западнее, выбегает несколько малых речек, впадающих в реку Немь, приток реки Вычегды; эти речки относятся к бассейну Северной Двины.

Проектируемый водный путь должен будет пройти по рекам Березовке

и Безволосной через указанное болото. Следовательно, изыскания, которые я предлагаю произвести нынешней весной, сосредоточатся в трех пунктах: по реке Березовке, на площади водораздела — болота, и по реке Безволосной» (1945, с. 306–307). Последняя фраза, таким образом, намечает фокус будущих усилий — еще одна важная деталь, характерная для исследователя высокого уровня. Чтобы окончательно уговорить скуповатых земцев (выделивших на его изыскания целых 85 рублей!), Русанов не жалеет описаний блестящих перспектив: «Кто знает, быть может в будущем, и даже недалеко, когда промышленная жизнь Печоры расширится и окрепнет, вместе с тем расширится и торговля, тогда окажется возможным и необходимым превратить волок, устроенный здесь по инициативе Вологодского земства, в канал» (1945, с. 307).

В 1904 году отчет об этих работах был издан Вологодским земством под названием «Об изыскании водного пути из реки Печоры в Волжский бассейн», откуда мы можем судить о маршруте исследователя в полевом сезоне 1903 года к водоразделу рек Березовка — Безволосная из Троицко-Печорска, который в наше время соединен железной дорогой с Воркутинской магистралью и даже располагает собственным речным портом и леспромхозом. Этот последний пункт в намерениях Русанова на лето 1903 года играл важнейшую роль в связи с дальнейшей рекогносцировкой по всей Печоре.

«Дорога от Помоздино до Троицко-Печорска не предвещала ничего хорошего. Она тянулась по прямой линии через множество болот и низин. На этом участке не было ни одной деревни, где можно было бы поменять лошадей. Через болота когда-то были проложены настилы из бревен, так называемая гать. От времени бревна почти нацело сгнили. Но, как бы то ни было, в селе нашлись желающие сопровождать нас до Троицко-Печорска» (1974, с. 19) — так описал местность на пути к Печоре Г. А. Чернов, исследователь тех мест в 20-30-е годы прошлого века. Можно утверждать, что за время между походами Русанова и Чернова каких-либо существенных изменений в описанных местах не произошло. Для Русанова в самом начале его работ не оказалось проводника. Это было тем досаднее, что его предшественник — управляющий архангельскими рыбными промыслами Варпаховский, пытавшийся решить ту же проблему с юга (начав свой маршрут с Березовки из Чердыни), так и не добрался до ее истоков, оказавшись в непроходимых болотах. Однако по опыту 1902 года Русанов утверждал: «...я позволю себе сомневаться в существовании на северо-востоке России абсолютно непроходимых болот, хотя, правда, иногда попадаются болота, переходы через которые до чрезвычайности

утомительны и даже опасны» (1945, с. 307–308) и, таким образом, в своих дальнейших намерениях весь риск неудачи брал на себя. У Чернова путь от Помоздино до Троицко-Печорска занял на лошадях четыре дня, и, видимо, столько же времени ушло у Русанова. Скорее всего, также совпали и первые впечатления от новых мест у обоих исследователей. «Вскоре показались маковки Троицко-Печорской церкви. Меня поразило своеобразие красоты этого местечка. Утренние лучи солнца пронизывали прозрачный, чистый воздух, а нетронутая гладь реки излучала голубоватый цвет. Все здесь казалось чистым, голубым, прозрачным. Эта первая встреча с Печорой в лучах восходящего солнца осталась у меня в памяти на всю жизнь... Троицко-Печорск — старинное село; оно возникло в 1674 году в связи с интересом к рыбным и звериным богатствам в районе верхней Печоры. Как раз против села Печора поворачивает с востока на север. С левой стороны, ниже поворота она принимает приток Мылву, которая несет в Печору много воды. Расстояние между берегами, пожалуй, будет здесь с километр. Вот почему Печора выглядит величавой рекой даже на этом участке своего верхнего течения. В селе около сотни дворов, большинство из них расположились на ровной террасовой поверхности. Вдали от реки, над селом поднимается высокий коренной берег с могучими кедрами. Далее простирались вспаханные под посевы поля. По правому низкому берегу Печоры тянулись сенокосные луга. Кругом роскошная природа. Вот только жалкое впечатление производили избы — бревенчатые, почерневшие, покосившиеся от времени, с еще более черными пристройками, или клетями, для скота» (Чернов, 1974, с. 21–22). Последнее замечание не случайно — прежние производительные силы края себя исчерпали, нужно искать новые пути для их привлечения с вариантом через водораздел Безволосной и Березовки, куда так стремился Русанов, описавший свой поиск в работе, о которой сказано выше.

При этом он столкнулся с целым рядом обстоятельств, которые было невозможно предвидеть. Так, при расчете необходимого времени Русанов посчитал, что Варпаховский в оценке длины Безволосной ошибся вдвое — на деле же оказалось, что втрое и такой просчет (рядовое событие для необследованных мест) имел самые тяжелые последствия: «Пищевых запасов нам не хватило; голодая несколько дней, блуждали мы вдвоем с рабочим по болотам водораздела и, открыв водораздел и верховья Безволосной, сильно истощенные крайне утомительными переходами и голодом, с трудом добрались до нашей лодки и спустились обратно, вниз по Безволосной» (1945, с. 312). Место, где была оставлена лодка, можно примерно определить исходя из указания Русанова, что «в верстах

пятидесяти от устья начинаются довольно частые, хотя и не длинные завалы упавшего леса», форсирование которых оставило у него достаточно сильные впечатления: «Перебираться через завалы с такими ограниченными силами, какими я располагал, было делом нелегким: часто приходилось рубить топором ветви и толстые сучья, с усилием отпихивать мешающие бревна и, стараясь упираться в шаткие и скользкие стволы, перетаскивать через них лодку, не раз рискуя соскользнуть в воду. В трех местах завалы были настолько значительны, что приходилось разгружать лодку и волоком тащить ее до свободного пространства реки. Длина-таких больших завалов сравнительно невелика-самый большой из них имеет не более 15 саженой длины, причем обращенный к устью нижний конец их достигает значительной вышины — до 2 и даже 3 саженой — и резко обрывается, напоминая собой мельничную плотину, если подплывать к завалу снизу.

Несколько выше, чем в 60 верстах от устья, завалы становятся настолько многочисленными, что после целого дня огромных, почти непрерывных усилий мы едва ли прошли 7 верст. Вверх по реке завалов становилось больше, хотя они нигде не идут сплошной массой и не слишком длинны; но подавляющая масса их заставила покинуть лодку и пешком отправиться на поиски верховьев Безволосной и водораздела» (1945, с. 312–313). Таким образом, для восстановления маршрута по современной карте можно принять с большой долей вероятности, что в лодке, включая участки с завалами, Русанов со своим рабочим поднялся почти на 70 верст от устья Безволосной, преодолевая многочисленные препятствия на своем пути. Нельзя не отдать должное его упорству, причем последующие события показывают, что оно, к счастью, не перешло в упрямство.

Оставалась, однако, проблема водораздела и истоков Березовки. Для ее решения потребовались новые усилия, когда запасы продовольствия оказались весьма ограниченными, а тайга не всегда щедра к путешественникам, даже вооруженным огнестрельным оружием. Русанов, описывая свои скитания в дебрях верховий Печоры, не упоминает о грибах и ягодах, видимо, отсутствовавших из-за исключительно сухого и жаркого лета. «Оставляя лодку, — повествует он о продолжении своих поисков, — мы могли нести лишь очень ограниченный запас пищи. Сделав чрезвычайно утомительный переход в 31 версту к западу, где я надеялся встретить Березовку и ничего не встретил, я возвратился назад южнее, причем пересек волжско-печорский водораздел и наткнулся на истоки Безволосной» (1945, с. 313). Это место требует определенного

комментария. Даже если считать, что поход от лодки и выход на истоки Безволосной потребовал всего двух (в крайнем случае трех) суток, такой пеший маршрут протяженностью примерно 70 километров (а с учетом возвращения к лодке от истоков Безволосной не менее 80 по шагомеру) в описанных условиях потребовал напряжения всех сил на крайне ограниченном рационе. «Так как в течение двух дней у нас не было пищи, кроме одного случайно застреленного рябчика, — продолжает Русанов, — ...я должен был заботиться, чтобы не погубить от голода и истощения своего единственного рабочего и себя, и решительно не имел возможности следить за румбом, нанося на план все бесконечные извилины реки. Нанесение на план требует много времени, а нам приходилось дорожить каждой минутой, каждым шагом, чтобы не погибнуть от истощения среди бесконечных лесов и болот...

Вопреки мнению Варпаховского, который считал эти болота местами непроходимыми, я их мог беспрепятственно пересечь в любом направлении и дважды перешел их... в различных и удаленных друг от друга местах. Быть может, исключительно сухое и жаркое лето сделало эти болота доступными, но единственно, что приходилось делать, идя по ним — это следить, чтобы не попасть в небольшие темные лишённые даже скудной растительности круговины, жидкая тина которых так быстро засасывает ноги, что иногда бывает нелегко вырваться из этих предательских капканов. Лишь по окраинам болота ютятся редкие группы чахлых, приземистых и корявых сосенок. Самое болото совершенно лишено древесной растительности... В одном месте болото образует заметный склон, идущий к югу и северу; вода проложила здесь заметные, хотя и высохшие теперь, в середине лета, ложбины. Ложбина, идущая к северу, приводит в том месте, где начинается лес, к ряду глубоких ям, расположенных террасами, одна ниже другой, и наполненных до половины темной водой; эти ямы не что иное, как верховье реки Безволосной. Здесь Безволосная течет в северо-северо-восточном направлении. У самых истоков Безволосной, на границе болота, в ложбине у ям, на левой стороне, считая вниз по течению, я обрубил березу и на импровизированном столбе написал следующее: «Верховья Безволосной. Изыскания водного пути Березовка — Безволосная. 21 июля 1903 года. Влад. Русанов»».

Как не вспомнить здесь строки Н. С. Тихонова, в поэтической форме отражающие не подвиг, а повседневную работу рядового изыскателя-землепроходца:

Разведчик я. Лишь нагибаю ветки,

Стволы рубцую знаками разведки,
Веду тропу — неутомим,
Чтобы товарищ меткий
Воспользовался опытом моим.
А что порой шагаю я неслышно,
Что знаки непонятны иногда,
И что мою тропу находят лишней, —
Так, Вейнемянен, — это не беда!

Работа почти как на войне — «кому память, кому слава, кому черная вода», хотя, наверное, прав по большому счету другой поэт — «...Но поражения от победы ты сам не должен отличать». Русанов в полевых буднях и не отличал, а действовал по принципу «сделай или умри», не дожидаясь оценок потомков.

Хочу обратить внимание читателя на особенность этого достаточно типичного для своего времени сугубо технического отчета практика-изыскателя, каких на Руси было немало. Множество описанных Русановым примет местности (рельеф верховий речки в виде ям-бочагов, необычные болота, высохшие жарким летом, характер речного русла с многочисленными лесными завалами и т. д.) в совокупности дополняющих и подтверждающих друг друга признаков отличает вдумчивого и внимательного исследователя и инженера-изыскателя, характеризует начало формирования одного из наших самых выдающихся полевых исследователей. Но и помимо этого в отчете сохраняется «аромат эпохи» поисков на «белых пятнах» нашей России и сопредельных стран. Русановским страницам характерен особый настрой, вызывающий спустя более века у обитателей асфальтовых джунглей непонятную тоску по иным временам и иным местам, помимо улиц, залитых неоновым светом, или одинаковых международных аэропортов, где люди, утратив свою первоначальную связь с матерью-природой, потеряли еще и нечто им первоначально присущее, превратившись, по словам Китса, в «жертвы жизни городской, оглохшие от мелкой дребедени».

Могу только добавить, что приведенные Русановым детали местности вполне годятся в качестве дешифровочных признаков при полевых работах с аэроснимком, с чего начинаются любые изыскания в наше время, хотя сам будущий исследователь, разумеется, не мог и предполагать возможностей наших дистанционных методов. Тем самым вырисовывается некая весьма реальная связь времен, как будет показано ниже, весьма не случайная для

героя книги. Даже заштампованный вывод русановского отчета украсил бы любую региональную диссертацию: «Я ни на минуту не сомневаюсь, что рыбные, лесные, каменноугольные, нефтяные и рудные богатства края с лихвой окупят все затраты, которые понадобится сделать при разностороннем изучении Печорского бассейна» (1945, с. 316).

Несколько лет спустя в своей неопубликованной работе «Зыряне» Русанов написал, что полевой сезон 1903 года «я посвятил Печоре — этой великой реке Севера, полной своеобразной, дикой, девственной красоты. Мне пришлось проплыть по ней две тысячи верст (а не пятьсот, как он собирался первоначально. — В. К.) от стремнин и порогов ее лесистых верховьев до устья, где необъятная ширь реки почти незаметно смешивается с волнами Ледовитого океана» (1945, с. 329), не указывая нигде, с какой целью было предпринято это плавание и какими транспортными средствами он воспользовался. От этого вояжа сохранилась в изложении Русанова зарисовка пейзажа Урала, как он выглядит из района, повидимому, Усть-Щугора: «При ярких и ласковых лучах летнего солнца разворачивается дивная, чарующая нежностью красок и тонкостью линий картина. За Печорой, за бесконечным, морем лесов, на самом горизонте поднимаются нежные, мягкие силуэты Уральских гор, а впереди гордо высится остроконечный пик Сабли — высочайшей вершины Северного Урала. Голубоватая дымка слегка прикрывает горы и делает их почти такими же прозрачными и легкими, как и те облака, которые время от времени задевают за их вершины. Вечный снег тонкими серебряными нитями украшает крутые, обрывистые стремнины гор» (1945, с. 359) и т. д.

Чем только не занимался герой настоящей книги за время двухлетнего пребывания на Печоре: статистикой, гидротехническими изысканиями, этнографо-социологическими исследованиями... Несомненно, при всем разнообразии интересов будущего исследователя, проявившихся в этих первых самостоятельных экспедициях, все отмеченное — прежде всего поиски самого себя и своих интересов на будущее. С учетом его будущей специальности важно отметить повышенное внимание, которое он уделял уже в ту пору признакам полезных ископаемых, фиксируя, например, «груды железного колчедана, которые на каждом шагу встречались мне, те изъеденные, причудливые скалы волокнистого белого асбеста, идущие на изготовление огнеупорных предметов, те, черные, пропитанные асфальтом сланцы с резким характерным нефтяным запахом в изломе, когда я разбивал их своим геологическим молотком, та нефть, которая стекает в реку Ухту маленькими черными пахучими ручейками... — все это вместе взятое и многое другое с убедительностью, что изыскание и разработка

несомненно разнообразных и крупных богатств, разбросанных вдоль Северного Урала, — благодарное дело ближайшего будущего» (1945, с. 350). Если бы так оправдывалась хотя бы половина подобных прогнозов! Еще раз остается удивляться — откуда он получил свои геологические познания в период печорских походов? Ответа нет, как и на многие другие вопросы в его биографии.

Особо остановимся на его этнографо-социологической работе «Зыряне», опубликованной лишь в 1945 году, поскольку она достаточно отражает систему общественных взглядов Русанова. В своих попытках представить Русанова несгибаемым и последовательным революционером составители издания 1945 года были вынуждены отметить, что «сообщаемые Русановым сведения представляют большой интерес для историков и этнологов, тем более что автор пытался осмыслить свои наблюдения с материалистических позиций.

Однако в этой работе, больше чем в какой-либо другой, сказалось влияние на мировоззрение Русанова народовольческих и анархических идей, которые имели достаточно широкое распространение среди современной Русанову мелкобуржуазной интеллигенции. В частности, автор, повидимому, разделял взгляды Кропоткина... В силу этого Русанов рассматривает первобытно-общинную организацию производства, называемую им несколько старомодно «коммунистической организацией», не как порождение низкого уровня производительных сил, а как следствие стадных альтруистических чувств... Утверждения о социально преобразующей роли артелей при капитализме являлись либо наивной фантазией, либо сознательным обманом. К сожалению, Русанов в известной мере оказался в плену таких теорий» (1945, с. 368). Его редакторы и критики обнаружили немало и других прегрешений как этнографического характера, так и философского, обрушившись, например, на его обращение к «чувству социальной нравственности», противопоставив диалектико-материалистическую концепцию происхождения человека по Энгельсу и т. д. Определенно, судя по приведенным оценкам с позиций коммунистической идеологии, Русанов не выглядит «железным» революционером. Точнее, жизнь заставила его обратиться к каким-то другим ценностям помимо социально-революционных, о чем пойдет речь ниже.

Не станем фантазировать на деталях его возвращения морем из устья Печоры в Архангельск, о чем не сохранилось каких-либо сведений, помимо самого факта такого плавания. Оттуда он проследовал в Вологду, где его ждало горькое известие о смерти сына от дизентерии.

Пока он скитался по водоразделу Печоры и Камы, очередной полицейский чин, заполняя анкету ссыльного Русанова в связи с окончанием срока ссылки, на минуту задумался, пытаясь припомнить что-либо, достойное внимания высокого начальства, и за неимением оно, дойдя до графы «Сведения, полученные наблюдением за отчетный период», решительно вписал, отчаянно скрипя непослушным пером: водит знакомство с поднадзорными.

Мол, и мы при деле...

А тем временем в Петербурге другой чин департамента полициизнакомился с последней почтой из Вологды, среди поступлений которой было и такое сообщение: «Состоящий под негласным надзором полиции орловский мещанин Владимир Александров Русанов 29 минувшего сентября выбыл из г. Вологды в г. Орел, откуда, по имеющимся у нас сведениям, намерен ехать за границу с выданным ему вологодским губернатором заграничным паспортом...сроком на полгода...» (1945, с. 424). Однако Россию он увидел только четыре года спустя.

Глава 4. Веселый город Париж. Преодоление

О где ты, где ты, где ты, мечта моя — Париж!

Песенка из старого голливудского фильма

Представьте себе иностранца, выброшенного сегодняшним утренним поездом в Париж, человека одинокого, не имеющего здесь ни знакомств, ни связей.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Несомненно, переход от российской ссылочной глухомани в центр мировой интеллектуальной и духовной жизни — серьезное испытание для россиянина рубежа XIX–XX веков. Внешне эта встреча с одним из важнейших центров мировой цивилизации по описанию одного из свидетелей того времени выглядела так:

«Я вышел из Северного вокзала на грязную шумную площадь. Меня удивил ветер — в нем чувствовалось дыхание моря; мне стало весело и тревожно... Я знал, что русские эмигранты живут неподалеку от Латинского квартала, и спросил полицейского, как мне туда добраться. Он мне показал на омнибус; в Париже оказалась наша конка, только без рельсов и двухэтажная... Мы пересекли Большие бульвары... На Бульварах было множество палаток; в одних продавали всяческую дребедень, в других были огромные, непонятные мне игры — рулетки.

На углах улиц стояли певцы с нотами; они пели что-то грустное; зеваки, толпившиеся вокруг, подпевали. На тротуарах громоздились кровати, буфеты, шкафы — мебельные магазины. Вообще все товары были на улице — мясо, сыры, апельсины, шляпы, ботинки, кастрюли. Меня удивило количество писсуаров, внизу краснели штаны солдат. Ветер был холодный, но люди не торопились; они не шли куда-то, а прогуливались.

Кафе были с террасами, и на многих чадили жаровни... На бульваре Севастополь я увидел паровой трамвай, он трагически свистел. Извозчики гикали и свистели бичами. Пролеток не было, у извозчиков были кареты, как у московского генерал-губернатора... Иногда дорогу пересекали кареты

без лошадей — автомобили; они гудели и грохотали, и лошади шарахались в ужасе... Москва мне показалась милым детством. Мужчины были в котелках, женщины в огромных шляпах с перьями...» (Эренбург, 1966, с. 57–59) — на этом остановимся, тем более что внешняя картина совсем не отражала духовной жизни эмигрантов самых разных мастей и профессий, как и причин, заставивших покинуть Россию.

Если французы из провинции (например, герои Дюма, Мериме, Стендаля или Бальзака), отправляясь на завоевание Парижа, подразумевали прежде всего карьеру, то русские со времен Петра ехали в этот город больше на учебу, а уже позднее — для овладения тамошним этикетом или познания особых радостей жизни, эмигранты более позднего времени — в поисках убежища «и от всевидящего глаза, и от всеслышащих ушей». Отдавали должное этому центру европейской и мировой культуры и серьезные ученые-географы, отмечая свойственную этому городу особую привлекательность для иностранцев. «Значение Парижа, как первого мирового города новейшего времени, сыграло для Франции роль могучего рычага, давшего ей культурный перевес», — отмечал немецкий географ Филипсон. «Парижане могут сказать, что их город есть в настоящее время главный город Европы, как объявляют его и сами иностранцы, которые стекаются в Париж в таком множестве, — тосковал о замечательном городе активный участник Парижской коммуны Элизе Реклю, — привлекаемые своими делами или просто более или менее утонченными удовольствиями, или в особенности любовью к искусствам, к науке» (Реклю, 1898, с. 695).

Именно последнее и привело в Париж поздней осенью 1903 года русскую чету из глубокой российской провинции после окончания вологодской ссылки Русанова. Разумеется, первые мысли как самого Русанова, так и его жены были не о парижских удовольствиях, а гораздо более прозаичными — жилье, простейший насущный заработок, перспективы учебы...

Трудности в характеристике парижского периода жизни Русанова связаны с ограниченным количеством свидетельств и документов той поры. Едва ли не единственным источником информации для нас остаются немногочисленные сохранившиеся письма, причем часто отсутствует возможность подтвердить или опровергнуть описанные в них ситуации и события, ведь письма — документ весьма субъективный в своих оценках и пристрастиях, и вместе с тем весьма ценный в части жизненных деталей. Зная об этом, историк н? может позволить разгуляться собственному воображению, отпуская поводья творческой фантазии, каждый раз особо оговаривая любую попытку собственного домысла, без которого нередко

просто не обойтись.

Парижский период в жизни Русанова одновременно счастливый и трагический, когда осуществилось его стремление к образованию в одном из самых престижных учебных заведений мира и здесь же произошла жизненная драма — потеря любимой жены. Практически одновременно происходило его становление в качестве русского полярного исследователя и получил огранку его талант исследователя и ученого, не раскрывшийся в полной мере из-за преждевременной гибели. Со всех точек зрения парижский период его жизни оказался чрезвычайно насыщен разнообразными событиями — осенью 1903 года вместе с Марией Петровной он приезжает во Францию, весной 1905 года он потерял жену, а еще через два года началась полоса его периодических возвращений в Россию для участия в полярных экспедициях, когда воплотилось в жизнь его призвание на службе родной стране, подданство которой он так и не поменял. А Франция для него осталась просто любимой страной, куда он возвращался из Арктики на очередную «зимовку» для обработки собранных материалов и продолжения образования. Определенно, от приобщения к ее науке и культуре он не стал менее русским. При любом раскладе понять значение Русанова для России без Парижа и Франции невозможно — поэтому этот период его жизни требует максимального освещения даже на ограниченном имеющемся фактическом материале. С другой стороны, жизнь любого эмигранта за рубежом, желающего сохранить связь с родиной-мачехой, заведомо трудная и понять ее иначе, чем с позиции жизненного преодоления, невозможно. Думается, что вся жизнь Русанова в Париже, несмотря на очевидные успехи, в частности в Сорбонне, была таким преодолением, потребовавшим от него немало усилий и жертв, а с другой стороны, закалившим его характер ничуть не меньше, чем все его арктические экспедиции. Это преодоление, как и интеллектуальная огранка под сводами Сорбонны, сформировало в значительной мере его как личность.

Приведенные выше чисто внешние картины парижской жизни нужны уже потому, что самые яркие и свежие впечатления от прибытия во Францию оказались в первом русановском письме к родным в Орел, не дошедшем до нас. Второе же от 10 декабря 1903 года переполнено важнейшими деловыми новостями и в целом достаточно благоприятного характера, касающимися прежде всего перспектив учебы в одном из университетов, пользующемся мировой известностью, и не только:

«Через три недели, после того как я послал прошение со своими документами министру, я получил ответ. Теперь я удостоен бакалаврской

степени и, уплатив 205 франков, состою 1 etudiant (студентом) Парижского университета. Поздравляйте меня. Жена тоже поступила на медицинский, и у нее страшная пропасть работы, минуты нет свободной; сегодня резала лягушку. Я взял только ботанику и минералогию, пока не овладею языком...» Далее следуют просьбы прислать словари и ботанику Кернера, сменяющиеся затем будничными новостями повседневной парижской жизни: «Я завтра возьму обменный курс с одной француженкой, то есть я буду учить ее русскому языку, а она меня — французскому... Верно, русскую высшую школу придется забросить, хотя там читают светила русской науки, гордость России Ковалевский, с которым я имел счастье лично познакомиться, и который был заинтересован некоторыми моими наблюдениями, сделанными над бытом зырян, Мечников, Исаев и другие талантливые и блестящие представители кафедры.

До сих пор мы, собственно, не видели Парижа, не были ни разу в театре, даже в Лувре, не были ни в одном музее — некогда, надо учиться и учиться...

Здесь зима: постоянно идут проливные дожди — без зонтика нельзя выйти. Шел один раз снег, но к вечеру стаял. Мы один раз топили камин за все время...» (1945, с. 374).

Все русановские письма из Франции из-за своего богатого подтекста требуют комментария, причем достаточно развернутого, ибо, например, понятие «бакалавр» в разных странах трактуется различно — в нашем случае оно близко к абитуриенту. Ботаника будущему геологу нужна для изучения континентальных отложений с их остатками ископаемых растительных форм. Обменный языковой курс — нормальная ситуация для небогатых студентов, взаимно просвещающих друг друга на основе собственных познаний, даже если порой эти упражнения выходят за рамки языкознания — однако здесь не тот случай... Отметим, что напарницу Русанова рекомендовал известный в то время палеонтолог Буль, знакомство с которым нашло отражение в последующей деятельности Русанова, в чем читателю предстоит убедиться.

Весьма интересно указание на Высшую русскую школу с целым перечнем знаменитых имен — она была основана до появления Русановых в Париже историком и социологом Максимом Максимовичем Ковалевским (1851–1916), расставшимся с Московским университетом в 1887 году из-за «отрицательного отношения к государственному строю», но несмотря на это избранным в Санкт-Петербургскую академию наук незадолго до смерти. Таким образом, интерес к быту зырян с подачи Русанова понятен. Илья Ильич Мечников (1845–1924) — лауреат Нобелевской премии 1908

года за разработку теории иммунитета в знаменитом Пастеровском институте, также был российским изгнанником, что не помешало ему стать на родине академиком. Андрей Алексеевич Исаев — статистик, социолог и экономист народнического направления, статистическими данными которого пользовался Ленин. На чужбине тяга к землякам понятна, но здесь еще и другое — стремление к лучшим представителям российской науки, нашедшим в силу обстоятельств пристанище и признание за рубежом. Русская профессура за рубежом без работы не оставалась и по мере средств и возможностей еще и образовывала молодых земляков — Русанов был только одним из многих, кто искал пути приложения собственного интеллекта, которым его наградила природа как для гуманитарного, так и естественного направлений научной деятельности. Распорядиться этим даром мог только он сам — для этого нужно было только время и немного везения. Естественно, что в такой ситуации свободного времени у него практически не оставалось ни на музеи, ни на театры, как и на общение с поэтической или художественной богемой, традиционно обитавшей в Париже.

Что касается парижской зимы — это скорее удивление от сравнения с русской, но не только. Находиться даже в таких условиях в нетопленном помещении — не сахар, но что делать, если за топливо тоже надо платить, и даже не сантиматами, а франками — таков общий смысл этого одного из первых русановских писем из Парижа на родину, несмотря на общий мажорный тон с отдельными минорными нотками — жизнь не состоит только из радостей. Тем не менее успешный выбор сделан, предстоит долгий путь к цели, что подтверждается дальнейшей перепиской, где на фоне разлуки главенствует радость приобщения к науке, причем по нарастающей.

Текст очередного послания по случаю дня рождения отчима спустя полгода после начала парижской жизни уже не нуждается в столь значительных комментариях:

«Меня нет с вами в этот торжественный и приятный день, я не могу присутствовать за парадным обедом... Я не могу чокнуться с вами и, расцеловавшись, выпить застольную чарочку, но это не должно огорчать вас ни на одно мгновение. Помните, дорогие мои, что живя здесь, в далеком Париже, я достиг всего, о чем мечтал целые годы, и не желаю ничего лучшего, ибо это лучшее со мной. Поэтому мое отсутствие должно доставлять вам не огорчение, а самую глубокую радость.

В этом письме я слегка, слабо, постараюсь показать вам, какой роскошный пир науки окружает меня ежедневно и как велико счастье

принимать участие в этом пире.

Лекции я уже понимаю настолько свободно, что многое могу записывать. Нечего и говорить, что здесь собраны лучшие интеллектуальные силы Франции, нечего говорить о блестящем красноречии профессоров, о чрезвычайном изяществе и ясности их лекций.

При изучении естествознания огромное значение имеет познавательная сторона, и тут перед нашими глазами проходят на лекциях самые точные и многочисленные картины, самые ясные и часто чрезвычайно редкие ископаемые, которые позволяют понять, о чем идет речь, в тысячу раз скорее, чем голые объяснения. Сравнивая со знакомым мне Киевским университетом, я поражаюсь обилием богатейших коллекций в Сорбонне и скудностью в Киеве. И постановка учебного дела здесь совсем иная: слушать все предметы хотя бы только по естествознанию невозможно. Здесь каждый должен выбрать и записаться на два или три специальных предмета, на каждый из которых здесь полагается год. Экзамены в течение трех лет можно держать когда угодно. В русском университете, например, геологию надо проходить по кусочкам (по курсам) в течение трех-четырех лет, а здесь, записавшись на геологию, вы проходите только ее одну и всю в течение одного года, а если недостаточно успели усвоить, слушаете и еще следующий год. Обыкновенно, сразу больше двух предметов здесь не берут, но проходят их здесь сполна.

Я поступил в Сорбонну, а не в Высшую горную школу, как сначала думал, потому что не хотелось тратить годы на подготовку к очень трудному конкурсному экзамену, а в университете я получу, не потеряв годы, общее строго научное знание по своим специальностям — минералогии и геологии, а затем за особую невысокую плату буду иметь возможность прослушать любые из специальных курсов, читаемых в этой же Высшей горной школе, так что специальные знания горного инженера у меня будут основываться на общей широкой научной основе. Тогда и карьера ученого, и карьера горного инженера в равной степени будут доступны для меня.

Жена учится по совсем особой программе. Ей, как медику, нельзя выбирать предметов, и она в нынешнем же году должна держать первые четыре экзамена по зоологии, ботанике, физике и химии. Конечно, это страшно трудно, но она учится превосходно, и надеюсь, что она, может быть, не провалится на экзаменах.

Несмотря на незнание языка, с товарищами французами я чувствую себя так же хорошо, как с русскими студентами. Студенты одинаково

хорошо относятся и к иностранцам, и женщинам, которых довольно много во всех аудиториях. Есть тут и изящные француженки, но большинство женщин — все же русские» (1945, с. 374–375).

Несколько слов о состоянии наук о Земле во Франции того времени и подготовке специалистов в стенах Сорбонны. К этому времени Франция стала второй по общей площади заморских владений колониальной державой мира после Англии, что отразилось не только на состоянии науки. Если во времена Великой французской революции контрреволюционеры, избежавших казни, как и проштрафившихся сторонников революции, везли за океан на знаменитую каторгу в Кайенне (Французская Гвиана на карибском побережье Южной Америки), то пленных коммунаров отправляли уже на рудники и плантации Новой Каледонии в Тихом океане. По-своему использовали колониальные мотивы французская литература и искусство — достаточно вспомнить множество пикантных таитянок с картин Гогена. Уже ближайшее будущее показало, что наука и искусство странным образом шли рука об руку не только в Полинезии, но и на полярных архипелагах, в чем читателю предстоит убедиться на последующих страницах. Неудивительно, что геологи и географы Франции на рубеже XIX и XX веков работали практически по всему миру, особенно в Африке, хотя влияние Черного материка на героя настоящей книги не прослеживается.

В целом же французская геология и география в те годы делали несомненные успехи. Так, в исследованиях Г. Дебре получила свое развитие экспериментальная геология. В области минералогии и петрографии успешно трудился Альфред Франсуа Антуан Лакруа. Основы металлогении заложил Л. Лоне. А. Дарси и Ж. Дюпюи сформулировали важнейшие положения гидрогеологии. А. Лаппаран широко использовал методы геологического картографирования. Гюстав Эмиль Ог (во времена обучения Русанова в Сорбонне он возглавлял в качестве декана естественный факультет) разрабатывал свое знаменитое учение о геосинклиналиях. Не случайно многочисленные ссылки на этих ученых встречаются во всей мировой геологической литературе того времени, включая русскую — достаточно сослаться на «Физическую геологию» Ивана Васильевича Мушкетова, увидевшую свет в 1906 году.

Из перечисленных наиболее значительной научной фигурой в области геологии (как будущей специальности Русанова) был, несомненно, Ог (1861–1927), автор известного учебника геологии (уже в советское время переведенного на русский язык), изучавший проблемы стратиграфии (исторической последовательности в формировании горных пород),

тектоники (строение пород, слагающих земную кору) и региональной геологии Альп и Прованса. Он полагал, что основой геологических процессов являются изменения в строении земной коры по мере охлаждения Земли, что в настоящее время считается устаревшей точкой зрения. Главным вкладом в науку этого ученого стала теория формирования геосинклиналей — подвижных участков земной коры, заполненных молодыми осадками, подвергшихся сжатиям и растяжениям в процессе взаимодействия с соседними более устойчивыми блоками земной коры — платформами. Он выдвинул также идею (у специалистов известного как закон Ога) цикличности геологических процессов во взаимодействии платформенных и складчатых областей, когда с наступанием моря на платформах осушаются участки геосинклиналей и наоборот. В знак признания его заслуг Ог был в 1909 году избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук.

Настоящим добрым гением для Русанова стал профессор того же факультета, известный специалист по вулканическим процессам Лакруа (1863–1948), фармацевт по образованию. В 1893 году он стал профессором Национального музея естественной истории, успешно совмещая эту должность с преподаванием в Сорбонне. У себя на родине в 1904 году после изучения катастрофы с вулканом Мон-Пеле на острове Мартинике (французские владения в бассейне Карибско-го моря), сопровождавшейся многочисленными человеческими жертвами, он был избран академиком, а с 1909 года стал еще и членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук. Своим питомцам Лакруа прививал вкус к изучению вулканической деятельности как в прошлом истории планеты, так и в ее настоящем. Таким образом, Русанов оказался на пересечении традиционных мировых научных связей, что также пошло ему на пользу. Отметим, что в своей незавершенной деятельности Русанов отдал должное французской профессуре, с чем читатель встретится на страницах этой книги не однажды.

Еще раз отметим, что уровень французской науки того времени был высоким — в своих письмах Русанов отмечает по крайней мере трех лауреатов Нобелевской премии — Кюри, Мечникова и Муассона, что показательно само по себе. Русскому самородку предстояло пройти огранку у специалистов высокого класса, пользующихся мировым признанием — их труд не пропал даром.

Разумеется, молодые русские студенты не могли обойтись в своей учебе без помощи родных, которая была самой разнообразной. Так, сам Русанов нередко просит прислать различную геологическую литературу на

русском языке, порой книги французских авторов (например «Минералогию» Лаппарана) или известное издание «Истории Земли» Мельхиора Неймайера, реже русских авторов («О геологической фотографии и фотограмметрии» Павла Аполлоновича Тут-ковского, известного специалиста по четвертичным процессам). Великовозрастный студент порой проявляет самостоятельность — так, химию он изучает по русскому учебнику Реформатского, в котором детально изложена периодическая таблица Менделеева, которого по каким-то причинам не признают во Франции начала XX века. Пожалуй, в это время (по крайней мере до весны 1905 года, то есть почти за полтора года занятий) курс Сорбонны представляется ему несколько оторванным от жизни, слишком теоретическим, что привело его к сомнениям, которыми он поделился с отчимом: «Я даже подумываю, несмотря на свое незнание немецкого языка, не перебраться ли мне в знаменитую Фрей-бургскую горную академию, куда я могу быть принятым без экзамена, если получу диплом Сорбонны и где плата ниже. Впрочем, это дело будущего, и я посоветуюсь с некоторыми из профессоров» (1945, с. 378). Каждый русский геолог знает, что заведение во Фрейбурге (Саксония) окончил сам Ломоносов. Эту же академию окончил и будущий сотрудник Русанова Рудольф Лазаревич Самойлович.

Как бы удачно ни складывалась судьба россиян за рубежом, для большинства из них «немытая» Россия остается Родиной — какой ни есть, но Родиной с большой буквы, тоска по которой не раз прорывалась в письмах Русанова. Один из современников Русанова, также нашедший прибежище в Париже, выразил состояние вечной ностальгии французских русских в следующих поэтических строках:

Когда в Париже осень злая
Меня по улицам несет,
И злобный дождь, не умолкая,
Лицо ослепшее сечет, —
Как я грущу по русским зимам,
Каким навек недостижимым
Мне кажется и первый снег,
И санок окрыленный бег,
И над уснувшими домами
Чуть видный голубой дымок
И в окнах робкий огонек...

(Эренбург, 1997, с. 392).

Не забывал России и Русанов, иначе бы его не волновали ни начавшаяся Русско-японская война 1904–1905 годов, ни совпавший с ней подъем революционного движения. В письме матери от 17 марта 1904 года он просит: «Напиши, пожалуйста, какие у вас по поводу войны настроения?» (1945, с. 376). О каких настроениях могла идти речь, если матросы 2-й Тихоокеанской эскадры, направлявшиеся на выручку осажденного Порт-Артура и оказавшиеся в аду Цусимы, отчетливо сознавали, что их победа приведет к поражению революции, а поражение в бою — к собственной гибели. Когда газеты сообщали о многочисленных революционных выступлениях, его сердце остается с Россией. «Вы мне не советуете в Россию впредь до успокоения, — читаем в письме Русанова родным от 30 марта 1907 года, — но я боюсь, что успокоения пришлось бы ждать долгие годы, не говоря ни о чем прочем, очень и очень интересно повидать родину именно теперь» (1945, с. 382).

На этом фоне совершенно естественным выглядит его письмо русскому военному министру Сахарову, поступок совершенно неординарный для политического эмигранта и революционера, каким представляют Русанова многие исследователи его биографии. «Зная, что вопрос о прохождении Балтийской эскадрой (в литературе обычно 2-й Тихоокеанской. — В. К.) через Северный Ледовитый океан обсуждался весьма компетентными лицами, я все же решаюсь представить на Ваше усмотрение свои собственные соображения по этому предмету» (1975, с. 16). Это письмо интересно с точки зрения, во-первых, отношения Русанова к судьбам страны и, во-вторых, его несомненным интересом к изучению Арктики. Думать о ней из Парижа представляется странным — и тем не менее это так. Поскольку высказанные в этом письме идеи были через несколько лет претворены Русановым в жизнь, уже поэтому письмо к Сахарову требует более детального рассмотрения, несмотря на то, что русановские предложения были отвергнуты компетентной комиссией по очевидной причине — осажденный Порт-Артур не мог ждать проведения исследований для обеспечения успешного похода русских военных кораблей к нему на помощь Северным морским путем. Однако на будущее многие предложения автора письма представляют несомненный интерес, а главное, многое объясняют в его последующей деятельности.

Возможность плавания в Северном Ледовитом океане Русанов уже тогда связывал с отепляющим влиянием Гольфстрима. При этом исследования он предлагал вести двумя отрядами, каждый из двух судов

ледокольного типа, с востока (от Берингова пролива) и с запада — со стороны Атлантики. Частично эта идея нашла свое воплощение в исследованиях Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана 1910–1915 годов, у истоков которой стоял Александр Васильевич Колчак.

Русановская программа наблюдений, изложенная в письме Сахарову, включала гидрографические и океанографические работы с передачей информации на материк доступными средствами — от почтовых голубей до телеграфа. «Этот флот, — писал Русанов, — если море окажется свободным, а прочие условия благоприятными, сможет достичь Тихого океана, затратив 18 дней приблизительно на переезд от Карских Ворот до Берингова пролива» (там же). Такой вывод при уровне тогдашнего мореплавания не представляется реальным. Первый поход наших военных кораблей в 30-е годы XX века занял почти три месяца, а за 18 суток был выполнен экспериментальный рейс весной 1978 года в сопровождении атомного ледокола.

В целом его жизнь в Париже освещается письмами далеко не полностью, но тем не менее она выглядит насыщенной и активной, хотя и без материальных излишеств. Когда в марте 1904 года отчим переводит Русанову 100 франков, тот отвечает: «Пожалуйста, не подумайте, что мы живем так плохо, что отказываем себе во всем. Правда, мы живем скромно, но ни в чем не терпим недостатка, так что на созданный благодаря вам излишек я, быть может, приобрету со временем хороший микроскоп. Здесь эти инструменты гораздо дешевле, чем в России» (1945, с. 375). Много места в письмах он отводит жене и ее учебе. 12 июня 1904 года он сообщает: «У Мани будут устные экзамены и держать она их должна теперь... Ужасно много работает перед экзаменами. Я недоволен, что она будет доктором; лучше бы и скорее, если бы она была химиком, но что поделать, если ей нравится! А я не люблю медицины и мы с ней на этот счет спорим...» В конце октября следует очередная реплика об успехах супруги: «Маня выдержала экзамены и перешла на следующий курс. Сегодня прочитал ее имя в числе первых. А перед этим фамилии выдержавших были торжественно прочитаны в присутствии всех профессоров известным всему миру ученым — профессором Кюри.

Сколько трудов и волнений было перед экзаменами! Дома в качестве подготовки к экзаменационным практическим работам было разрезано несколько крыс, лягушек, пиявок, улиток и проч., отчасти при моем содействии. Затем ботанику Маня не успела повторить, и я за нее читал физиологию растений и вкратце рассказывал по-русски для сохранения

времени. Последние пять дней мы спали 3–4 часа в сутки. Но зато на этот раз не голодали ни разу: я сам постоянно готовил обед... Хорошо то, что для Мани и этот год не пропадет, так как занятия у нее оканчиваются в марте, и больше у нее экзаменов в этом году не будет, — достаточно, чтобы ей засчитали репетиции первых месяцев. Таким образом, ей, кроме этого года, останется учиться только три... В нынешнем году я записываюсь на минералогию и геологию; первую буду заканчивать, так как уже слушал в прошлом году, а вторую — начинать» (1945, с. 376–377).

Пока в учебе жена опережает мужа, что не случайно — в марте они ожидают ребенка и будущей маме надо выиграть время на самые сложные и трудные первые месяцы для кормления и ухода за чадом. Два месяца спустя учебные планы или, скорее, намерения, судя по письму к отчиму самого Русанова, в части геологии выглядят следующим образом: «Ею я только начал заниматься (в текущем году. — В. К.) и закончить надеюсь в будущем, когда я и буду держать экзамен, и все же и теперь геология не главный мой предмет; по ней я слушаю лекции и веду практические работы. Надо бы и читать специальные книги, но у меня нет времени.

В этом году мой главный предмет минералогия, ее я начал слушать в прошлом году и в этом ее заканчиваю и буду держать экзамен.

Работать приходится много: 1) надо знать основу минералогии — кристаллографию; она у нас уже пройдена и я ее знаю настолько, что на практических работах заслужил лестный отзыв от профессора, он сказал мне: “Parfortement” (отлично); затем 2) кристаллофизику; ею я теперь спешно занимаюсь, чтобы поскорее закончить и перейти к 3) кристаллохимии — определению состава минералов химическим путем... Надо будет знать существенные черты, классификацию и названия 2000 существующих в природе видов минералов и уметь их узнавать... Кроме того, в курс минералогии входит “les gites metalliferes” — металлоносные жилы, то есть изучения способа разыскания и эксплуатации полезных ископаемых» (1945, с. 377).

В марте 1905 года на молодую семью обрушилось горе, хотя еще в середине месяца содержание писем из Парижа не предвещало чего-либо тревожного. В письме отчиму от 19 марта Русанов, поздравляя близкого человека с днем рождения, сообщал: «Твердо надеюсь и с радостью думаю, что в будущем мы не раз проведем этот праздник вместе, семейно, мирно и счастливо... Быстро приближается время экзаменов, а работы еще предстоит масса. Уже теперь чаще приходится засиживаться дольше, чем следовало бы, за работой и рано вставать, чтобы успеть сделать побольше.

Но во что бы то ни стало я должен держать этой весной экзамены,

которые будут состоять в письменной работе (самое для меня ужасное), устном ответе и ряде практических работ плюс определение предложенных минералов. Здесь не такая система, как в русских университетах. Каждый предмет проходится сразу, а не разбивается на несколько курсов, экзамены сдаются же по одному предмету во всей его полноте, и, выдержав их, вы получаете диплом об окончании высшего образования по данной, свободно избираемой вами специальности.

Ближайшей моей задачей является получение этого диплома» (1945, с. 378).

20 марта у Русановых родился сын, названный в память о первом, умершем в Вологде, Шурой. Роды у Марии Петровны прошли легко, несмотря на солидный вес малыша — почти пять килограммов. Однако на исходе четвертых суток у роженицы поднялась температура, которая и в последующие дни продолжала расти, достигнув вскоре 40,6, — началось общее заражение крови. «Маня очень изменилась, — написал Русанов матери, — вечером даже бредила немного, третью ночь не спит, горячка, приняты теперь все меры, но я страшно боюсь за нее». К несчастью, его опасения оправдались. Срочно приехавшая по вызову сына в Париж Любовь Дмитриевна уже не застала невестку в живых — она-то и приняла на себя все заботы о внуке, оставшемся вскоре после появления на свет без матери. Мобилизовав все наличные средства, Любовь Дмитриевна вместе с внуком вскоре уехала в курортное местечко Аркашон — небольшой порт на побережье Бискайского залива в департаменте Ланды, доступное людям даже с ограниченными средствами. Здесь, на открытом морском берегу среди дюн, поросших сосновым лесом, они прожили несколько месяцев. Сам Владимир Александрович стремился забыть за работой, которой он буквально глушил себя, — подготовкой к экзамену по минералогии, который успешно одолел со второго захода в октябре 1905 года, спустя семь месяцев после смерти жены. Хотя он оказался лишь в середине списка по сложной системе оценок, у него были все основания быть довольным — лиха беда начало!

В письме к отчиму в Орел он детально описал сложную процедуру экзамена, иную, чем принятая в нашей стране, и, несомненно, более изматывающую как для студентов, так и преподавателей. Разумеется, студенты-иностранцы с ограниченным знанием французского языка при этом испытывали дополнительную нервную нагрузку. Еще один характерный штрих — студенту, опоздавшему даже всего на одну минуту, экзамен переносился на следующий семестр — в каждом монастыре свой устав. Все отмеченное нашло отражение в письме: «В четыре часа надо

было написать две обширные темы:

- 1) руды, содержащие цинк и свинец,
- 2) описать происхождение и характер золотых россыпей и россыпей драгоценных камней.

В прошлый раз, написав начерно и переписав набело одну тему, я не успел ничего написать на другую; теперь, наученный опытом, я с часами, положенными перед собой, все писал прямо набело и как раз к сроку успел кончить все, но даже не перечитал написанного; всего исписал с чертежами восемь страниц формата большего, чем формат писчей бумаги. Можете судить, сколько там было орфографических ошибок, не говоря об оборотах и красоте стиля, о которых у меня не было времени заботиться. Значит, вся эта тьма ошибок не была принята во внимание, ценили, исключительно, содержание. Я недурно знал обе темы и последнюю (о золоте) написал почти с такой же полнотой, как ее изложил профессор на лекциях. Затем на практических работах я определил данные мне минералы, но забыл написать название одного из них. Когда работа была отдана профессору, он, конечно, принял это за ошибку; лаборант подошел ко мне и сказал, рисуя контур минерала: вы знаете название этого голубого минерала? — Да, это топаз. — Но почему же вы не написали этого? — Я забыл.

Тогда он подошел к профессору и сказал, что я знаю название этого минерала, но что я просто забыл его написать, и профессор зачеркнул подчеркнутую было ошибку. На устном экзамене они повторяли вопросы, стараясь говорить медленно, вообще всячески содействовали...» (1945, с. 378–379).

Разумеется, на фоне перегрузок от экзаменов оставались заботы чисто материального свойства, о которых тридцатилетний студент не распространяется, но которые сами собой то и дело возникают в переписке: то опасения за чересчур скромную диету матери, которая в своем Аркашоне с внуком почему-то предпочитает дешевые местные устрицы дорогим молоку и мясу, то жалобы на одинаковую температуру в 5–6 градусов что на улице, что в натопленной комнате и т. д. и т. п. Поэтому неудивительно, что в письмах возникают порой странные, казалось бы, просьбы, например: «Привезите мне, пожалуйста, самые дешевые, самые простые недлинные валенки... Здесь зимой так мерзнешь, как нигде в России» (1945, с. 380). А причина одна — бедность, все деньги теперь уходят на ребенка. Се ля ви — как говорят французы в таких случаях.

Но наконец настает время практики, которая для любознательного студента-геолога или географа прежде всего проверка теорий на местности. Так, следы вулканической деятельности в прошлом Русанов изучал под

руководством профессора Лакруа. Летом 1906 года он знакомится с потухшими вулканами Центрального Французского массива, которые произвели на будущего геолога сильное впечатление, о чем он поведал родным в письме от 13 июня:

«Какие чудные картины я видел, и не только видел, но проникал в их научный смысл! На вулканах Оверни под руководством опытных профессоров передо мной открывалась вся глубина и сложность структуры нашей планеты, раскрывалась полная захватывающего интереса и разнообразия ее история!

Я поднимался на самую высокую гору Франции — пик Sancy. Пробираясь по снежным и ледяным откосам ее, я должен был бороться с ледяным ветром, готовым сорвать и сбросить в открывающуюся под ногами бездну» (1945, с. 380). Эти первые учебные маршруты произвели на Русанова, впервые оказавшегося в горной местности, такое впечатление, что он забыл о том, что высшая точка Франции как-никак гора Монблан в Савойских Альпах почти на три километра выше, но такая ошибка свидетельствует не столько об отсутствии знаний, сколько о переполнявших великовозрастного студента чувствах. Видимо, чтобы профессия не показалась будущим геологам слишком приятной, их отправили повыше в горы (отнюдь не Альпы или Кавказ) в начале полевого сезона, когда в горах еще не сошел снег, который и произвел на будущего полярного исследователя должное впечатление. Знал бы он, с какими льдами и снегами, не говоря о ветрах, он повстречается всего год спустя... Однако важнее, на наш взгляд, неподдельный интерес к будущей профессии, который сквозит буквально в каждой строке письма, желание разглядеть неизвестное за картиной открывающихся пейзажей — то, что делает исследователя исследователем в отличие от пресыщенных повседневностью туристов и других экскурсантов, то и дело встречающихся в самых отдаленных уголках в поисках дешевых впечатлений.

К сожалению, нам неизвестны его письма, в которых он наверняка описал родным свои впечатления от посещения извергающегося Везувия, куда Лакруа организовал поездку для наиболее одаренных студентов немного позднее. Можно не сомневаться, что маститый профессор довел до своих подопечных разницу в вулканических процессах древней Оверни или современных Везувия и Мон-Пеле, которая на местности выглядела весьма «весомо, грубо, зримо», как и картина происходящего на глазах выходца с Великой Русской равнины, где чего-либо подобного не могло быть по природной ситуации. Свой вклад в разгул разбушевавшихся стихий с

потоками раскаленной лавы и обстрелом вулканическими бомбами, несомненно, внесла и картина людского горя несчастных жителей, потерявших при этом и жилье, и урожай, и надежду на будущее. Оказывается, природная катастрофа имеет еще и определенный социальный смысл, к поиску которого Русанов питал склонность с молодых лет. Где-то в архивах Сорбонны, возможно, до сих пор хранится его отчет об увиденном и пережитом на склонах Везувия.

И тем не менее боль утраты не отпускает его... «Недавно один мой знакомый, — пишет Русанов отчиму в конце

1906 года, — спросил у одной моей знакомой: “Что поделявает Русанов?” — Она ответила: “О, он по-прежнему влюблен в науку”.

...Я не так скоро изменяю своим симпатиям» (1945, с. 380).

За легким порханием чьих-то фраз и обрывков разговора не так трудно угадать и боль незаживающей душевной раны, и недовольство молоденькой француженки, раздраженной тем, что симпатичный и не всегда понятный русский предпочитает тратить время на науку, а не на хорошеньких женщин.

Но все-таки постепенно жизнь берет свое, сквозь мрачные завалы прошлого пробивается окружающее светлое, которое Русанов учится заново воспринимать, словно очнувшись от пережитого кошмара, о чем свидетельствует продолжение того же письма: «Как хорош Париж! Только зная язык, только живя его умственной жизнью, можно понять, какая тут кипучая, страстная, огненная жизнь. Кстати, вчера я был на прелестной лекции Шарко, недавно вернувшегося из полярных антарктических стран; в зале было около пяти тысяч человек, яблоку было негде упасть.

Заранее обещаю писать вам очень редко — у меня нет совершенно и буквально минуты времени; непрерывно интенсивная, интересная, яркая, часто захватывающая работа (подчеркнуто мной. — В. К.). Я не могу представить, что я мог бы жить в Орле, где какая-нибудь одна паршивая лекция — исключительное событие, митинг — небывалая вещь, хорошо исполненная вещь — счастливая случайность... Я ценю не внешнюю сторону Парижа (бесспорно и она прекрасна), а его культурность, его интеллектуальность!..» (1945, с. 380–381).

Видимо, его душевные раны были так тяжелы, что в своем восприятии окружающего мира он теперь опирается уже не на эмоции, а только на разум, не доверяясь сердцу, которому, как известно, не прикажешь. Лекция Шарко, видимо, заставила его вспомнить те же проблемы, которых он два года назад касался в письме к военному министру Сахарову — ждет своего часа зерно, запавшее в его душу во время плавания морем из устья Печоры

в Архангельск более трех лет назад. Странная эта штука — Север с его специфической бациллой, подхватив которую, человек не может излечиться от нее уже всю жизнь, чему современная наука так и не нашла объяснения.

В который раз он подчеркивает свою крайнюю занятость даже не столько жизненным, сколько научным поиском — именно в этом и заключается смысл противопоставления с родным Орлом, который сам по себе никак не мог считаться духовной пустыней, даже если вспомнить только одних писателей того времени от Тургенева с Лесковым до начинающих Бунина и Пришвина. Его духовное выздоровление на этой стадии принимает порой несколько странные формы, судя по ряду признаков. Например, описывая в письме к матери посещение вместе со своей сокурсницей театра, он не нашел слов для впечатлений от самого театра или даже спутницы, но зато посвятил немало места описанию химических опытов, демонстрировавшихся в университете. Определенная духовная однобокость, несомненно, присутствует в его характере в это время. Весь 1905 год и далее вплоть до возвращения в Россию летом 1907 года (в общей сложности около трех лет) — это время преодоления прежде всего травмы, нанесенной смертью Марии Петровны, с последующим медленным выздоровлением.

Многое в характере этой достаточно скрытной личности, тщательно оберегающей свою индивидуальность (что, в общем, неудивительно для человека, оказавшегося в одиночестве на чужбине), объясняют его немногочисленные письма в Россию в это время, даже если их содержание порой вызывает сомнение. Например, он слишком упорно уверяет Любовь Дмитриевну в собственном благополучии, делая это по-мужски достаточно неуклюже: «...я живу очень хорошо, денег девать некуда (с чего бы? — В. К.), работаю много, но еще больше ем. Во время экзаменов я несколько отощал, похудел — тогда не до того было, зато теперь я наверстываю и не только каждый день ем мясо, а ничего не ем, кроме мяса, яиц и молока — одним словом, откармливаю себя на убой и, кажется, начинаю толстеть. Когда куплю себе фотографический аппарат, то снимусь и пришлю тебе карточку в доказательство...» (1945, с. 381). Даже если это заведомая ложь — она святая, чего не сделаешь, чтобы успокоить родную мать хотя бы таким образом. Как-то не вяжутся эти уверения с благодарностью отчиму за присланные ножницы, чтобы подстригаться самому.

В том же письме от 12 января 1907 года обращают на себя внимание следующие строки: «Занимаюсь, следуя совету моих профессоров, главным образом геологией, а химией между прочим — посещаю некоторых, правда самых крупных профессоров (Maisona, получившего на днях Нобелевскую

премию за свои научные открытия)...

...Вчера профессор Лакруа, с которым мы были на Везувии, сам прислал мне пригласительный билет на свою публичную лекцию об извержении Везувия. Смотря на знакомые туманные картинки (диапозитивы. — В. К.) и слушая лекцию, я как бы второй раз совершил это интересное путешествие. Пока что я доволен своими научными занятиями: мы четверо — двое студенток и двое студентов — составили группу, совместно занимаясь геологией: это очень облегчает работу и оживляет, добавлю я. Только уж очень много работы. За зиму пока я успел побывать только на двух ученых собраниях и два раза в театре — это маловато» (1945, с. 381). Очень интересные и многозначительные детали, многое объясняющие, в том числе и на будущее.

Наступил особый для героя настоящей книги новый, 1907 год, изменивший его жизнь и заново приобщивший к российским делам, в которых ему предстояло сыграть особую роль. Однако сам он и не подозревал о грядущих переменах, судя по его письму в Орел от 30 марта того же года: «Говорят, карнавал у нас прошел весело, но я тогда никуда не показывал носа. Вместо того, чтобы бросать в хорошеньких женщин конфетти, я зубрил мертвых, и не всегда красивых ископаемых.

Ведь я собираюсь этим летом держать тот самый экзамен, на который мне следовало бы употребить не один, а два года занятий. Тут уже не до того, чтобы выдержать первым, а чтобы не провалиться. Ну а если провалюсь, то буду держать не осенью, а весной, через год, так как на осень я хочу поехать в Россию (выделено мной. — В. К.) и начал к этой, столь желаемой мной поездке делать соответствующие приготовления: выхлопотал себе новый паспорт и без содействия батюшки, только они содрали с меня, конечно, по российскому обыкновению.

Если я в этом году выдержу экзамен, то я буду “лисансье”, то есть получу лисанс — диплом об окончании полного курса естественного факультета; по-русски буду кандидатом естественных наук. Для огромного большинства студентов-французов это единственная цель, дальше которой они не идут, а для меня это будет в лучшем случае только половина того подготовительного научного пути, который я решил пройти...

Затем мне надо сделать хоть маленькую предварительную геологическую экскурсию, чтобы познакомиться и собрать материал для своей будущей докторской диссертации (выделено мной. — В. К.) и я рассчитываю хотя бы на маленькое содействие в этом отношении со стороны Петербургского геологического комитета, с какой целью и имену в виду поехать прямо в Питер...

Начинаю подготавливаться к своей экскурсии на дикий север (выделено мной. — В. К.); только что приобрел самый лучший немецкий полевой бинокль, чертовски сильный и дорогой, но по случаю, с очень большой уступкой — за 125 франков.

Палатку и весь охотничий непромокаемый костюм тоже закажу здесь; фотографический аппарат еще не купил» (1945, с. 382). Очень интересное письмо с массой важных деталей, на которых остановимся особо и по порядку.

Первая — экзамен по геологии в связи со сборами на какую-то геологическую экскурсию пришлось отложить. Зато ему предстоял самый сложный экзамен на звание русского полярного исследователя такому экзаменатору, который никогда ничего не обещает и ничего не прощает (об этом в следующей главе).

Вторая — едва ли эта экскурсия в 1907 году планировалась осенью именно на дикий север, поскольку осень на севере — не лучшее время для геологических исследований. Очевидно, дикий российский север фигурировал в планах Русанова как некая отдаленная перспектива, для которой понадобится помощь Петербургского геологического комитета.

Третья — он видит себя на будущее ученым-исследователем и, скорее всего, в каком-то северном регионе, хотя в его сборах (в частности, в произведенных покупках) нет ничего, что как-то указывало бы на арктическую направленность — например, нет упоминаний о спальном мешке или меховой одежде. Тем не менее выбор именно северного направления деятельности в ближайшем будущем очевиден и по-своему понятен: в неизученных местах легче собрать необходимый научный материал, который пользуется особым вниманием в ученом мире.

Четвертая — в этих планах совершенно четко присутствует благородное честолюбие, несомненно, способствующее выполнению намеченных планов.

Пятая — нигде не назван будущий конкретный район исследований, окончательный выбор которого, повидимому, зависел от визита в Геологический комитет в Петербурге. Более того, в возникшей ситуации было бы логично ожидать возвращения в уже знакомый по 1900–1903 годам Печорский край — не его ли имел в виду Русанов, когда писал родным о «диком севере»? Тем более что глава Геол-кома академик Феодосий Николаевич Чернышев сам работал в бассейне Печоры и на Тимане. Но это уже авторский домысел...

Так или иначе, весной 1907 года студент Сорбонны, не окончивший курса и достаточно оторванный от родины, намечает себе будущий путь в

науку, выбрав прямой и заведомо сложный путь на «дикий север», откуда любая научная информация у специалистов обречена на успех — остается ее только получить. Определенно, это был не только сложнейший научный выбор с точки зрения направления деятельности, но и важнейший жизненный рубеж для студента, которому предстояло стать ученым-исследователем. Выбор достаточно рискованный, где потерпело крушение немало надежд и было разбито немало человеческих судеб. Возможно, это банальность — но Север, или Арктика (что в наше время чаще всего синонимы), действительно любит не только любознательных, но еще и сильных или, скорее, выносливых, способных переносить моральные и физические перегрузки длительное время, не только месяц за месяцем в условиях, например, зимовки, но если понадобится (а при научных исследованиях это бывает нередко), то и год за годом. А еще высокие широты (есть и такое обозначение местностей, где предстояло проявить себя нашему герою) любят неординарных личностей, — несомненно, Русанов относился к таким как по своему духовному складу, так и по интеллекту.

Весна 1907 года — время великих решений для него, еще далеко не определившегося в своем окончательном выборе в таком далеком от северных дебрей Париже. Так и хочется продолжить — мол, посмотрим, как он вел себя в эти решающие для его дальнейшей судьбы дни и месяцы: не получится, нет документов или иных свидетельств. Поскольку читателю уже известно, что дальнейшая жизнь героя книги оказалась связанной с Новой Землей, обратимся к истории архипелага, чтобы лучше оценить вклад Русанова в изучение этой части Российской Арктики.

Глава 5. Такая старая Новая Земля

Страна, которая всех дольше знает зиму
И гулкую тюрьму сцепляющего льда.

К. Д. Бальмонт

Место, куда нелегко добраться и откуда трудно выбраться.

Виктор Гюго

От побережья континента Евразии, разделяя Баренцево и Карское моря, протянулся по направлению к полюсу почти на тысячу километров затопленный морем горный хребет, отрезанный от материка проливами Югорский Шар и Карские ворота — это и есть Новая Земля с островом Вайгач. Это высокая (до полутора тысяч метров) горная цепь в броне ледников преграждает путь мощным воздушным и морским течениям в высоких широтах Арктики — отсюда жестокий и переменчивый нрав здешних мест, который испытали на себе поколения российских полярников. От первых из них о Новой Земле много веков назад и узнали просвещенные западноевропейцы.

Так, например, итальянец Юлий Помпоний Лет, живший в 1425–1498 годах, описывая Московию, указывает, что «на Крайнем Севере, недалеко от материка, находится большой остров; там редко, почти никогда не загорается день; все животные там белые, особенно медведи» (Визе, 1948, с. 16) — перечисленными особенностями это весьма напоминает Новую Землю.

В начале XVI века другой итальянец, Мавро Урбино, видимо, имевший связи с послом Ивана III при папском дворе Дмитрием Герасимовым, приводит уже более конкретные сведения: «Русские, плавающие по северному морю, открыли около 107 лет тому назад остров, дотоле неизвестный, обитаемый славянским народом и подверженный...вечной стуже и морозу. Они назвали сей остров Филоподия, он превосходит величиной Кипр и показывается на картах под названием Новая Земля» (там же). Этот итальянец впервые в литературе употребил современное название архипелага. Дмитрий Герасимов подал европейцам еще одну

идею, в которой Новой Земле отводилась роль исходного рубежа, от которого впоследствии западноевропейские моряки пытались добраться до Китая, Индии и Чипанго (Японии). «Двина, — утверждал он, — увлекающая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу... море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться до страны Китая» (Белов, 1956, с. 41).

Примерно к тому же времени относятся по крайней мере еще два старинных документа, в которых несмотря на отсутствие самого топонима Новая Земля вся остальная историческая информация приводит именно к ней.

Так, врач из Нюрнберга Иероним Мюнцер в письме от 14 июля 1493 года португальскому королю Жоао II сообщает о русских, которые живут «под суровой звездой арктического полюса, как и великого герцога Московского, ибо немного лет тому назад под суровостью сказанной звезды недавно открыт большой остров Груланда... и на котором находится величайшее поселение людей под сказанным господством сказанного сеньора герцога» (Обручев, 1966, с. 106). Хотя сам С. В. Обручев полагает, что в этом письме сказано о Шпицбергене, но более вероятно, что речь идет все же о Новой Земле, которая была открыта нашими предками раньше указанного архипелага просто из-за близости к материку. Что касается таинственного Груланда, как и других топонимических вариаций на тему Гренландии (например, Енгронеланд), то в представлении ученых европейцев эпохи Возрождения, далеких от полярных дел, с ней ассоциировались любой значительный остров или архипелаг в Северном Ледовитом океане. Но и это не все.

Посол Священной Римской империи Сигизмунд Герберштейн, в первой половине XVI века долгое время живший в Московии, в своей книге уделил много внимания самым отдаленным окраинам страны местопребывания: «Ледовитое море на широком пространстве тянется вдаль за Двиною до самых устьев Печеры и Оби, за которыми, говорят, находится страна Енгронеланд. Судя по слухам, я думаю, что она отчуждена от сношений и торговли с нами как по причине высоких гор, которые покрыты постоянными снегами, так и вследствие постоянно плавающего по морю льда» (1866, с. 179–180). Ориентируясь по устьям Печеры и Оби, ясно, что Енгронеланд, по Герберштейну, не что иное, как Новая Земля. Так что, никакая она, с точки зрения историка, не новая, а достаточно древняя — по крайней мере, это наиболее старый из известных нам российских полярных архипелагов, причем название ему было дано

поморами, очень своеобразной ветвью российского народа, единственного сообщества из россиян, чья жизнь была изначально связана с морем. Произошло это так.

На рубеже I и II тысячелетий с ухудшением климатических условий Господин Великий Новгород чаще стал испытывать недостаток в хлебе и других пищевых продуктах, поставляемых земледелием. А дальше повторялась ситуация, известная по Скандинавии, — избыток населения был вынужден покинуть родные места и искать пропитания на стороне. Древние скандинавы (викинги и норманны) именно по этой причине переплыли Атлантику, колонизировав до поры до времени Гренландию и даже Лабрадор (не говоря об Исландии, где они осели навсегда), а другие представители того же племени разбойничали на Средиземноморье. У новгородцев в сложившейся ситуации выбор был еще хуже — на запад не пускали оголодавшие «варяги», на юг — славянские родичи, сами с голодухи затянувшие пояса потуже. Оставался один путь — в Заволочье, как называли необжитые места к северо-востоку от границ бассейна Ильменя и Волги. И потянулись туда не от хорошей жизни большие и малые ватаги рискованных и активных людишек, которым нечего было терять на родине, на своих лодках-ушкуях, за что и прозвали их ушкуйниками. На новых землях они частично смешивались с чудью и югрой, предками современных коми и ненцев, частично оседали, чтобы заняться земледелием. Однако северные земли не отличались плодородием и не всегда были пригодны для животноводства. Волей-неволей пришельцы все чаще обращались к охоте, пушному промыслу, рыболовству, а с выходом к побережью Северного Ледовитого океана к добыче морского зверя. Выбив зверя, приходилось искать новые охотничьи угодья, сниматься с обжитых мест и искать новые промысловые участки в самых отдаленных северных землях. А на путях, пройденных разведчиками, основывались крепости-монастыри да малые и большие городки: Вологда (1147 год), Великий Устюг (1207), Холмогоры (XI век), Пустозерск (1499), Кола (1502 год) и многие другие. Пока Москва и Новгород решали свои проблемы огнем и мечом — кому владеть и править на Руси, народишко в Поморье осваивал морское дело, прокладывая таежные тропы по волокам на Югру и за Камень (в Зауралье), подчиняя чудь да югру, где миром, а где силой, вдали от центральной власти, где силу постепенно забирала Москва. Поморы рано осознали свою особую роль на Руси в качестве открывателей Севера, в том числе и на море-океане — достаточно вспомнить землепроходцев XVII века: пинежан Семена Дежнева и Михаила Стадухина, мезенца Исаю Игнатьева, холмогорца Федота Попова, устюжанина Василия Пояркова и

многих-многих других. В то время именно Север принял на себя миссию по расширению Руси, ибо центр Московского государства, в потрясениях Смутного времени утративший значительную часть населения от сражений и голода на рубеже XVI–XVII веков, едва ли был способен на подобное. Отсюда традиционная внутренняя независимость и особая непоказная исконная гордость северян, не очень понятная людям из средней полосы России. Далеко не всегда эти народные качества были по нраву представителям центральной власти, которая традиционно мучилась вопросами — а не учинят ли их северные подданные какое «воровство», не перекинутся ли к заморским «немцам», не покажут ли им запретные пути-дороги?.. Однако сами поморы знали, что пришельцам с их европейскими замашками на Севере не удержаться. Потому с иноземцами поморы вели себя соответственно — от них не бегали, все полезное на ус наматывали, себя не роняли, но и своих достижений не скрывали. Надо сказать, что представители западных морских держав, как люди практичные, быстро уяснили, кто в этих негостеприимных водах и на пустынных берегах первый, а кто — второй, и не пытались изменить сложившуюся ситуацию в свою пользу.

Западноевропейские моряки в своих поисках Северо-Восточного прохода в Китай и Индию просто не могли миновать Новой Земли. Первым здесь в 1556 году оказался английский шкипер Стивен Борро, который отметил интенсивное российское мореплавание в наших северных водах и целый ряд других важных для нас обстоятельств, в частности свободное отношение русских с иностранцами. Так, во время стоянки в Коле «к нашему борту причалила русская двадцативесельная ладья, в которой было 24 человека. Шкипер ладьи поднес мне большой каравай хлеба, 6 кольцевых хлебов, которые у них называются калачами, 6 сушеных щук и горшок хорошей овсяной каши... Он заявил мне, что отправляется на Печору... Пока мы стояли на этой реке, мы ежедневно видели, как по ней спускались вниз много русских ладей, экипаж которых состоял минимально из 24 человек, доходя на больших до 30. Среди русских был один, по имени Гавриил... он сказал мне, что все они наняты на Печору на ловлю семги и моржей; знаками он объяснил мне, что при попутном ветре нам было всего 7–8 дней пути до реки Печоры, и я был очень доволен обществом русских. Этот Гавриил обещал предупреждать меня о мелях, и он это действительно исполнил...

Мы выехали из реки Колы со всеми русскими ладьями. Однако, плывя по ветру, все ладьи опережали нас; впрочем, согласно своему обещанию, Гавриил и его друг часто приспускали свои паруса и поджидали нас» (1937,

с. 100–101) — важное свидетельство о состоянии русского мореплавания того времени представителем страны, претендовавшей на звание владычицы морей. Знакомство с Новой Землей произошло позднее, после посещения англичанами Печоры в самом конце июля.

«Во вторник, 28-го, мы плыли к западу вдоль берега при сильном северо-западном ветре. Я уже собирался стать на якорь, как увидел парус, выбегавший из-за мыса, у которого мы думали стать на якорь. Я послал шлюпку навстречу; подойдя друг к другу, шлюпки вступили в разговор и начальник русской шлюпки сказал, что он был вместе с нами на реке Коле и что мы проехали дорогу, которая ведет на Обь. Земля, у которой мы находились, называется “Нова Зембла”, т. е. Новая Земля (New Land)... и добавил, что на Новой Земле находится, как он думает, самая высокая гора в мире и что Большой Камень, находящийся на Печорском материке, не идет в сравнение с этой горой» (1937, с. 107).

В описании этой встречи есть два важных момента: во-первых, поморы и англичане настолько понимали друг друга, что сумели донести друг для друга смысл русского топонима Новая Земля, и во-вторых, русский моряк явно бывал на севере Новой Земли, где видел высокие горы, значительно превышавшие Большой Камень — современные отроги Пай-Хоя, которые, скорее всего, он мог наблюдать только с моря, причем на значительном расстоянии.

Другой участник плавания 1556 года Ричард Джонсон главные результаты вояжа отразил так: «К северо-востоку от Печоры находится Вайгач... За Вайгачом находится земля, называемая Новой Землей, очень большая, но людей на ней мы не видели» (1937, с. 114). Наконец, брат шкипера, Уильям Борро, позднее составил карту, на которой впервые показал часть Новой Земли с губой Саханиха на самом юге архипелага, что совпадает и с широтой, измеренной английскими штурманами.

Борро, установив знакомство русских с Новой Землей, тем не менее еще не обнаружил их присутствия на архипелаге, хотя в более поздних английских документах, относящихся к 1584 году, говорится, что «холмогорцы ездят на Новую Землю ежегодно» (Визе, 1948, с. 16). Встречаются в зарубежных источниках и более удивительные сведения о деятельности в то время русских на Новой Земле. Так, англичанин Кристофер Холмс, торговый агент, проживавший в Вологде, сообщил в 1584 году, что русские используют для плавания к Оби путь через таинственный *Matthuschan Yar* — очевидно, Маточкин Шар в искаженной английской транскрипции, — откуда добираются до цели всего за пять суток.

Спустя сорок лет с Новой Землей познакомились голландские моряки, причем при драматических обстоятельствах, поскольку им первым из западноевропейцев пришлось испытать прелести зимовки в условиях Арктики. Три плавания в самом конце XVI века с целью все того же поиска путей в Китай и Индию в истории полярного мореплавания связывают с именем голландца Виллема Баренца.

В 1594 году он вышел на своем судне к мысу Сухой Нос немного севернее входа в Маточкин Шар и, обходя неизвестную для него сушу, устремился на север, тщательно отмечая в судовом журнале ее особенности, порой не совпадающие с современной ситуацией. Так, например, на своем судне он прошел проливом между Новой Землей и островом Адмиралтейства, который в наше время составляет с ней одно целое, превратившись, таким образом, в полуостров. Миновав Крестовые острова, расположенные на 76 градусе северной широты (названные так по стоявшим там русским крестам), голландцы вышли к Ледяному мысу, конец которого располагался на 77 градусе, выдвигаясь примерно на 12 километров за береговую черту. Самым дальним достижением голландцев в этом плавании стали Оранские острова вблизи северных пределов Новой Земли, откуда они повернули на юг, поскольку далее путь им преградили льды. Хотя в отчете об этом плавании много места занимают описания охоты на таких экзотических для европейцев животных, как белые медведи или моржи, для нашей книги важнее признаки присутствия поморов на архипелаге, которых оказалось немало, вплоть до настоящей промысловой базы в заливе Святого Лаврентия (вероятно, Строгановская губа современных карт), где были обнаружены три избы, корпус русского судна, вытасченного на сушу, несколько могил и склад муки. Правда, обитатели становища предпочли не встречаться с посетившими их пришельцами.

Второе плавание Баренца проходило к югу от архипелага через пролив Югорский Шар в Карское море, где голландцы, однако, не прошли дальше острова Местный, в районе современной Амдермы, достаточно далеко от Новой Земли.

Третье плавание голландцев в навигацию 1596 года началось с открытия Шпицбергена, который уже был известен русским поморам. Затем судно, на котором Баренц исполнял обязанности штурмана, направилось к берегам Новой Земли, повторяя обход западного побережья. За Оранскими островами берег Новой Земли повернул к югу — голландцы посчитали, что перед ними открывается путь к заветной цели и по такому случаю один из заметных мысов назвали мысом Желания. Наступила вторая половина августа, и вскоре льды преградили путь отважным

морякам — надо было возвращаться, и вскоре их судно было заблокировано льдом у полуострова Спорый Наволок, в гавани, получившей название Ледяной. Зимовка голландцев прошла в доме, построенном из выброшенного морем леса — плавника. За время зимовки (первой для западноевропейских моряков в условиях Арктики) от лишений и болезней умерло всего два человека, причем, похоже, голландцам удалось избежать цинги. Некоторые исследователи считают, что это произошло благодаря пиву, сваренному на хвойном сусле, сыгравшем роль противоцинготного средства. Зимой корабль был так поврежден льдом, что к весне стал непригоден для дальнейшего плавания. Возвращаться голландским морякам пришлось на сохранившихся судовых шлюпках. Лишения зимовки сказались на состоянии моряков, из которых трое, включая Баренца, погибли от истощения во время обратного плавания в открытых шлюпках вдоль сурового побережья с многочисленными ледниками. «Смерть Баренца, — заметил один из участников плавания, — очень огорчила нас, потому что он был нашим главным руководителем и единственным нашим штурманом». Тем не менее ценой жестоких испытаний с каждым днем шлюпки упорно продвигались на юг, пока в заливе Святого Лаврентия не состоялась встреча с поморами. На этот раз русские не стали избегать измученных голландских моряков. «Знаками мы объяснили им, — писал позднее один из голландцев, — что мы бросили судно во льдах. Тогда русские спросили: “Crabble pro pal?” и мы ответили: “Crabble pro pal”. Позднее кто-то из русских узнал среди голландцев знакомых моряков по прошлым встречам и поинтересовался, что же они пьют теперь. Голландцы показали на воду в ближайшем потоке, и русские отреагировали по-своему — “No dobbre”. Они снабдили несчастных голландцев небольшим количеством пищи и, главное, показали употребление ложечной травы в качестве противоцинготного средства, в котором, когда хвойное пиво закончилось, голландцы очень нуждались. Всего таких встреч до Колы, где голландцы обнаружили земляков на кораблях под флагами Соединенных провинций, было не менее шести и в каждом случае наши поморы выручали голландских моряков чем могли — без их поддержки те не выбрались бы из негостеприимных полярных вод.

В отличие от поморов западноевропейские моряки не только публиковали карты тех мест, где они побывали, но и книги о своих плаваниях, содержащие много полезной информации, — из этих записок стало понятно, что ожидает человека, решившегося на зимовку в условиях Новой Земли. Погодные условия Новой Земли голландцы описали так детально, что наш ведущий специалист по Арктике первой половины XX

века Владимир Юльевич Визе особо отметил, что «они и сейчас имеют научную ценность» (1948, с. 31).

Благодаря плаваниям Баренца впервые на карту было положено почти все западное побережье архипелага, причем с географическими объектами, не сохранившимися до нашего времени, — например проливом между островом Адмиралтейства и Северным островом Новой Земли, Большим Ледяным мысом и некоторыми другими. Однако на этой же карте отсутствуют такие важнейшие объекты, как пролив Маточкин Шар, делящий Новую Землю на два главных острова Северный и Южный, другой крупный пролив — Костин Шар, отделяющий от Южного острова крупный остров Междушарский, и т. д. Эта карта служила верой и правдой мореходам почти триста лет — вплоть до съемок Георгия Яковлевича Седова весной 1913 года. Еще одна из исторических загадок — в 1598 году немец Конрад Лев показал Маточкин Шар на своей карте — тот самый, что «в упор» не разглядели голландцы (о причинах этого ниже) в своем шлюпочном походе при возвращении. Видимо, в распоряжении немца оказался какой-то неизвестный нам русский источник — других в то время о Маточкином Шаре просто не существовало.

Незадолго до своей гибели на противоположных берегах Атлантики западный берег Новой Земли в 1608 году посетил английский моряк Генри Гудзон, который под 72 градусом 12 минутами высаживался на новоземельское побережье у какого-то поморского креста, обнаружив, что «для человеческого взгляда — это приятная земля».

Вскоре западноевропейские китобои, первоначально осваивавшие воды Шпицбергена, добрались и до Новой Земли, где оставались вплоть до 1730 года, что, повидимому, никак не отразилось на поморской деятельности на архипелаге, свидетельством чего остаются многие архивные источники:

1647 год — «С Новой Земли с кожей и салом моржовым и с костью рыба зубу на Холмогоры и Двинский уезд торговых и промышленных людей в приезде осенью было много».

1651 год — «Посылан на Новую Землю для сыску серебряные и медные руды и узорчатого камня и жемчугу для смотра угодных мест Роман Неплюев».

1667 год — «Ходят на море на Новую Землю...в больших судах для моржового промысла мезенцы и пинежане. Кыр-калов Фома посылан на море для сыска руды и на Новую Землю» и т. д.

Лишь в 1667 году голландский китобой Виллем де Фламминг с одной из горных вершин убедился, что Маточкин Шар действительно рассекает

Новую Землю от моря до моря. Не только добычей китов занимались голландцы в XVII веке на Новой Земле — в 1675 году Корнелий Снобегодовер вывез на родину с Новой Земли груз камней, содержащих, по его мнению, серебро. Вообще, легенды о серебре на архипелаге, как мы убедимся, оказались удивительно стойкими, но в итоге — бесплодными, и их сохранившимся отзвуком является название одного из заливов — губа Серебрянка. Особенности поморской топонимики в наше время бросаются в глаза на современной карте архипелага: губа — залив, нос — мыс узких и длинных очертаний, наволок — мыс тупых очертаний, шар — пролив, соединяющий разные моря, и т. д., в чем читателю предстоит убедиться не однажды. О Новой Земле порой вспоминало и церковное начальство. Так, в письме патриарха Иосифа II игумену Сийского монастыря сказано: «Мы, святейший патриарх, указали послать с Двины на Новую Землю с Иваном Неклюдовым для божественного пения попа и дьяка», но как это указание отразилось в жизни новоземельцев XVII века, осталось неизвестным.

Еще одно примечательное событие, увенчавшее усилия иностранцев в части поисков Северо-Восточного прохода в Китай и Индию в районе Новой Земли, имело место летом 1676 года на полуострове Адмиралтейства, где потерпел крушение английский корабль «Спиделль». Его экипаж спасся на берегу, причем сохранив наиболее ценное имущество. Для поддержания духа своих матросов капитан Джон Вуд не нашел ничего лучшего, как раздать виски и другие горячительные напитки. Случайно или нет, но в разгар этого мероприятия к негостеприимным берегам подошло другое английское судно «Просперус» (капитан Уильям Флоус), оказавшее помощь незадачливым землякам. История не сохранила, как именно спасенные отблагодарили спасителей, но сам факт остался в анналах истории Новой Земли как исключительный в назидание потомкам, даже если из описанного они могут сделать совершенно противоположные выводы.

Целый ряд событий на Новой Земле известен по надписям на поморских крестах, особенно поставленных по обету — по случаю удачного промысла, избавления от опасности, зимовки без цинги и по другим поводам. Иногда это только дата, как, например, на кресте в заливе Мелкий — 1718 год, но как много порой стоит за одной только датой. В других случаях присутствует текст, требующий определенного толкования, как это было с крестом, обнаруженным летом 1833 года гидрографом Петром Кузмичем Пахтусовым в устье реки Савиной: «Поставлен сей животворящий крест на поклонение всем православным христианам, 12 человек, кормщик Савва О...анов, на Новой Земле, по правую сторону

Кусова Носа ЗСН оду июля... дня», то есть 7250 года от сотворения мира или 1742 года по современному летоисчислению. Сам Пахтусов считал, что крест поставлен легендарным Саввой Лошкиным (о котором ниже), хотя дата на указанном кресте не совпадает с тем временем, когда отважный олончанин совершил свой обход Новой Земли. Таким образом, если основываться на датах — Савва Лошкин (или Лоушкин?) и таинственный Савва О...нов — это совсем разные люди. Кроме того, известно, что Савва Лошкин плыл от Карских Ворот к мысу Желания («Доходы» у поморов), тогда как текст на кресте Саввы О...нова с указанием «по правую сторону Кусова Носа» архипелага свидетельствует о противоположном направлении плавания скорее всего из Маточкина Шара к югу. Это всего лишь один из примеров информативности таких текстов — определенно, с уничтожением таких крестов в советское время невосполнимо погибла часть поморской истории, о чем лишь остается сожалеть.

Поморская деятельность на Новой Земле в суровом по природной обстановке XVIII веке (недаром Европа в это время переживала так называемый «малый ледниковый период») не только не прекращалась, но ознаменовалась новыми событиями, способствовавшими изучению архипелага, что подтверждается, например, научной деятельностью Михаила Васильевича Ломоносова, который в своих трудах, несомненно, использовал информацию поморов, в том числе и с Новой Земли. Наш великий помор и научный корифей знал с их слов то, что оказалось для нас новостью во время экспедиционных исследований по программе Международного Геофизического года в 1957–1959 годах: «На Новой Земле...из-под ледяных гор (то есть ледников. — В. К.) ущелинами текут ручьи и речки; следовательно изнутри земли теплота действует» (Перевалов, 1949, с. 147) — тем самым Ломоносов выдал своим последователям фору в два века! И не только в этом... Еще пример уже широкого ломоносовского теоретического обобщения, включая сведения с Новой Земли: «Горы, что на суше также разделяются на два рода, одни, подобно альпийским, покрыты вечным льдом и снегом, выше облаков восходят по большей части от берегов в некотором отдалении.

Другие суть самые береги, состоящие в крутых утесах, со льдами соединенных» (Перевалов, 1949, с. 162) — первое подразделение в мировой гляциологической литературе всех ледников на горные и материковые. Как величайшего теоретика, самого известного помора меньше интересовала просто географическая характеристика отдельных архипелагов и других местностей — это задача исследователей иного уровня, в чем наши предки тоже не подкачали. После их рассказов другой

российский академик, выходец из Франции, Петр Людовик Ле Руа (тот самый, что описал робинзонаду четырех поморов на Шпицбергене в 40-х годах XVIII века, о чем будет рассказано ниже) выдал свою точку зрения на природу архипелага: «Новая Земля свойственно не есть остров... но куча льду, который от времени до времени умножился и собирался в одно место и так представился путешествующим» (1975, с. 39). Порой в сообщениях иностранцев реалии Новой Земли было трудно отличить от вымысла, что, например, характерно для книги «Мемории о самоедах», вышедшей в Кенигсберге в 1762 году, где приводится следующее описание Маточкина Шара: «Как раз посредине острова или, точнее, под 73 градусом северной широты на восточной стороне остров разрезается каналом или проливом, который поворачивает на NW, выходит в северное море на западной стороне, деля остров на две почти равные половины. Неизвестно, доступен ли этот пролив для мореплавания; он, несомненно, всегда бывает покрыт льдом, и по этой причине пролив не мог быть хорошо исследован» (Визе, 1948, с. 94). Возможно, ссылки на тяжелую ледовую обстановку в Маточкином Шаре действительно отражали условия «малого ледникового периода», но уже в скором времени эти сведения были опровергнуты.

В XVIII веке поморы не только снабжали исследователей необходимой природной информацией, но порой и сами принимали активное участие в изучении Новой Земли, как это имело место в 1768–1769 годах в первой, по мнению В. Ю. Визе, русской научной экспедиции на Новую Землю — уже поэтому она требует более детального описания.

Поводом для ее организации стало сообщение опытного в морском деле шуерецкого крестьянина кормщика Якова Чиракина, за плечами которого было девять зимовок, о том, что в 1766 году он «тогдашним летом одним небольшим проливом... оную Новую Землю проходил поперек насквозь на другое, называемое Карское море», причем он представил также снятый им план пролива и описание побережья от острова Междушарского до восточного устья Маточкина Шара. Архангельский купец Бармин для такого предприятия предоставил «кочмару», небольшое парусное судно грузоподъемностью около десяти тонн. Поскольку «добро» на экспедицию дала сама Екатерина II, она стала, таким образом, государственной. Помимо четырех военных моряков в ней приняло участие еще десять поморов, в их числе Чиракин. Научное оборудование экспедиции включало астрономический квадрант, астролябию, несколько компасов и лотов для промера глубин помимо «пасмурной трубы». Архангельский губернатор Головцын «по доброму своему поведению и совершенному знанию в науке» назначил начальником экспедиции

«штурмана порутческого ранга» Федора Розмыслова, поскольку, как утверждал губернатор, «вы в мореплавании кормщика Чиракина превосходнее». Как мы увидим, подобное пренебрежение опытом поморов со стороны официальных лиц и на этот раз и в будущем имело самые неблагоприятные последствия.

Экспедиция получила крайне сложное невыполнимое задание: помимо съемки пролива Розмыслову поручалось при благоприятных условиях попытаться «не будет ли способов впредь испытать с того места воспринять путь в Северную Америку» — это сверх того, чтобы «осмотреть в точности, нет ли на Новой Земле каких руд и минералов, отличных и неординарных камней, хрусталя и иных каких курьезных вещей, соляных озер и тому подобного, и каких особливых ключей и вод, жемчужных раковин, и какие звери и птицы и в тамошних водах морских животные водятся, деревья и травы отменные и неординарные и тому подобных всякого рода любопытства достойных вещей и произрастаний натуральных». Для выполнения этой огромной естественно-научной программы у экспедиции не было ни средств, ни исполнителей. Мало этого — в «Наставлении» Розмыслову предусматривалось, «ежели благословением Божиим Вами до реки Оби путь предпринят будет и Вы туда доедете благополучно, то сибирскому губернатору и кавалеру господину Чичерину дано с Вами в запас сообщение, чтобы Вас со всеми людьми принял под свою опеку». Похоже, не только иностранцы, но и сам архангельский губернатор не представлял реалий Новой Земли и полярных вод, что и проявилось уже в ближайшем будущем.

22 июля (по новому стилю) судно оставило Архангельск и довольно долго (почти месяц) добиралось до Новой Земли, где на побережье уже 22 августа выпал первый снег. 27 августа кочмара вошла в Маточкин Шар, его экипаж приступил к промеру, вскоре установив, что пролив «для прохождения судов глубинами весьма безопасен». Спустя почти две недели Розмыслов достиг восточного устья и убедился с ближайшего высокого побережья в отсутствии льда в Карском море. 16 сентября снег выпал при небольшом морозе, что послужило поводом для подготовки к зимовке в Тюленьем заливе (губа Белушья на Северном острове), где 23 сентября была выстроена изба. Вторую спустя три дня построили в десяти километрах юго-восточнее на мысе Дровяном уже на Южном острове — зимовать было решено двумя отдельными отрядами, равными по численности. В первых числах октября пролив замерз, а с 12 ноября наступила полярная ночь. «Зима, — отметил Розмыслов в своем описании зимовки, — происходила весьма крепко морозна, снежна и вихревата;

ветры беспрестанные дули... снега весьма глубоки, так что жилище наше занесено было двойным снегом, сколь она высота имело. И беспрестанная ночь при нас находилась... в трех месяцах мы уже не находили света немало и думали протчие, что уже не лишились ли мы дневного света навеки. И так мы во оной пустыне продолжали время свое весьма в худом здоровье...» Последнее замечание начальника экспедиции далеко не случайно, поскольку Чиракин заболел с самого начала зимовки и умер 28 ноября, и это было только началом, потому что к весне от цинги и других заболеваний вымерла половина участников экспедиции. Тем не менее, несмотря на эти потери, Розмыслов уже с мая приступил к астрономическим наблюдениям, а 22 мая «было приступлено к геодезическим работам», хотя люди продолжали гибнуть от болезней один за другим. В конце мая начали промер со льда, тем более что до середины июня толщина льда в проливе достигала двух аршин, а в июне приступили к описи берегов. 20 июля 1769 года «от идущих с гор ручьев» вскрылся лед в Тюленьем заливе, однако осмотр судна показал наличие течи, из-за которой вода в трюме за восемь часов поднималась на 35 сантиметров, причем дополнительная конопатка бортов привела лишь к тому, что «течь не весьма успокоилась». С началом августа лед в Маточкином Шаре взломало, но по проливу его носило еще целую декаду. Хотя к этому времени болезнь одолела самого Розмыслова настолько, что он передал руководство экспедицией своему помощнику Губину, подготовка судна к походу на Обь продолжалась своим чередом. 13 августа стало последним днем зимовки. Хотя Карское море выглядело свободным от льда, такая картина оказалась весьма обманчивой, и уже 15 августа в процессе плавания выяснилось, что «с верху мачты водяного проспекту не видно», и пришлось возвращаться к берегам Новой Земли, «дабы с худым судном не привести всех к напрасной смерти». Вынужденное возвращение привело кочмару в Незнаемый залив, на пути к которому скончался еще один человек — от всей экспедиции осталось всего шесть участников. В Маточкином Шаре Розмыслов встретил ладью помора Антона Ермолина, на судне которого оставшиеся в живых вернулись в Архангельск, бросив пришедшую в негодность кочмару в западном устье Маточкина Шара.

Полученные результаты весьма заинтересовали Санкт-Петербургскую академию наук, в связи с чем академик И. А. Гильденштедт в 1779 году составил докладную записку, в которой доказывал, что для изучения Новой Земли необходимо «путешествие, очень важное как для физической географии и натуральной истории, так и для торговли России в связи с до сих пор пренебрегаемой ловлей морских животных», подразумевая прежде

всего добычу китов. Этот документ дальнейшего хода не получил, но тем не менее Академия наук вскоре издала первый сводный труд по географии архипелага, которому предшествовало появление на берегах Северного Ледовитого океана академической экспедиции под руководством академика Ивана Ивановича Лепехина вместе со своим помощником студентом (впоследствии также академиком) Николаем Яковлевичем Озерецковским. Именно последний закончил свои исследования на мысе Святой Нос (восточное побережье Чешской губы), «с конца которого с неописанным удовольствием смотрел на пространство Ледовитого моря, обращая глаза мои в сторону Новой Земли, на которой побывать тогда имел великое желание... Видя на море жестокие бури, оставил мое намерение в надежде на своих истинных друзей, граждан города Архангельска», одним из которых оказался родоначальник северо-ведения в современном понимании образованный мещанин города Архангельска Василий Васильевич Крестинин.

С 1759 года он фактически возглавлял «Историческое архангельское ютеветство» — группу любителей истории этого северного города. Крестинин совсем неплохо справился с поручением от академической экспедиции по сбору сведений о северных территориях России, опубликовав свои материалы в академическом издании «Новые ежемесячные сочинения» в 1788 году под заглавием «Географическое известие о Новой Земле полуночного края» с последующими двумя «Прибавлениями» на основе сведений, полученных от промысловиков-поморов, хотя сам не бывал на Новой Земле ни разу, удачно сгруппировав полученные сведения по тематическим разделам и, что важно, с характеристиками своих информаторов.

Рахманин Федот Ипполитов сын (родом из Мезени в свои 57 лет провел в море до 40 лет, 26 раз зимовал на Новой Земле, пять раз на Шпицбергене, несколько раз плывал на Енисей) рассказал Крестинину о юго-западном побережье Новой Земли от Карских Ворот до западного устья Маточкина Шара. Крестинин особо отметил достоинства своего информатора — «отличается еще от прочих кормщиков знанием своим читать и писать; он любопытен и имеет неограниченную склонность к обысканию неизвестных земель» (1802, с. 153).

Частично информация Рахманина перекрывалась со сведениями Ивана Шухобова («нынешний архангелогородский мещанин из поселян, упражняющийся 30 лет в мореходстве, неграмотный, но памятный человек», четырежды зимовавший на Новой Земле), сообщившего об особенностях побережья между западным устьем Маточкина Шара и

островом Междушарский.

Общую картину побережья к северу от западного устья Маточкина Шара с характеристикой шести губ сообщил Крестинину мезенец Федор Заозерский, сведений о котором почему-то не приводится. Самую же детальную характеристику архипелага сообщил Крестинину «Алексей Иванов сын Откупщиков, просто называемый Пыха, мещанин города Мезени, неграмотный старик 74 лет, упражняющийся от

13 лет... и даже до днесь в мореплавании... Никогда не зимовал на Новой Земле, звероловство его было и продолжается, в одно только летнее время на водах между Маточкиным Шаром и Доходами (то есть мысом Желания. — В. К.)». Именно он-то и сообщил Крестинину об обходе всей Новой Земли своим другом Саввой Лошкиным с двумя зимовками на ее берегах — беспримерный подвиг по тем временам в условиях самой сложной ледовой обстановки.

Таким способом Крестинин собрал сведения практически о всей Новой Земле, не считая внутренних участков этого архипелага. Разумеется, побережье Карского моря, или, как говорят поморы, Карская сторона, было им описано в меньшей степени. О детальности труда Крестинина говорят названия глав («Местоположение, пространство и разделение», «Губы, реки и озера», «Горы и мысы» и т. д.), включая те, что посвящены хозяйственной деятельности поморов («Упражнения жителей», «Выгоды мезенцев от Новой Земли» и т. д.). К сожалению, Крестинин не присовокупил к своему труду достойной карты, что затрудняет в наше время использование этой работы, поскольку топонимика Новой Земли за два века претерпела значительные изменения.

В целом вклад Крестинина в географию Новой Земли переоценить невозможно, тем более что подобной работы на Западе не появлялось по той причине, что пределы и размеры даже самых изученных полярных территорий (таких, как Гренландия или Шпицберген) еще не были установлены. Его деятельность в «Клевретстве», как и публикация «Географического известия о Новой Земле...», с учетом накопления поморами обширной информации о природе северных островов, которой они охотно делились с учеными, по сути положили начало возникновению в Архангельске своего самостоятельного научного центра, предшественника современных «городов науки», что не имеет прецедента в истории России — чего-либо подобного на ее периферии в то время не наблюдается. Но это самое перспективное и совершенно не случайное начинание прервалось с безвременной гибелью самого Крестинина в 1795 году. Как и в других известных случаях на протяжении мировой истории от

Джордано Бруно и до Андрея Дмитриевича Сахарова, наиболее активные исследователи нередко вступают в конфликт с «власть предержащими». Примерно так же произошло и с Крестининым, когда он подал в городской магистрат «Хронологическую записку о взыскании с мещанского общества подушной недоимки», по мнению «отцов города», содержащую «многих непристойных, дерских и к настоящему делу немало неприличных изречений», за что член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук был приговорен к наказанию кнутом и ссылке в Сибирь, от чего его избавила только преждевременная смерть под стражей. Издавая описание академической экспедиции 1772 года академика Лепехина уже после смерти «шефа», его сподвижник и продолжатель академик Озерецков-ский полностью включил в это издание работу Крестинина, которая стала ему, таким образом, памятником на века.

Минеральные богатства Новой Земли продолжали привлекать внимание специалистов. В 1807 году на средства графа Румянцева к архипелагу отправилась экспедиция горного чиновника Василия Лудлова на яхте «Пчела», которой командовал отставной штурман Григорий Поспелов, хотя «и не имел он и возможности сделать точной описи берегов Новой Земли, им виденных; но, заметив с самого начала несходство карт, ему данных, с истиной, брал он часто пеленги, замечал положение берегов и по этим данным составил неплохую карту... от Костина Шара до Маточкина» (Литке, 1948, с. 84). Лудлов посетил губу Серебрянка, не обнаружив здесь ни малейшего признака серебряных руд. Из других полезных ископаемых он сообщил о признаках серы и медного колчедана, полагая, что в будущем «Новая Земля заслуживает точнейших исследований минералических» (Визе, 1948, с. 96).

Поскольку интерес к Новой Земле как у предпринимателей, так и у моряков оставался, правительство решило снарядить к ее берегам в 1819 году очередную морскую экспедицию на бриге «Новая Земля» под начальством лейтенанта Андрея Петровича Лазарева, представителя известнейшей фамилии в истории российского флота (один из его братьев — Михаил Петрович является открывателем Антарктиды, другой — Алексей Петрович участником кругосветного плавания на шлюпе «Благонамеренный»). Однако на этот раз он не стяжал славы в арктических водах, поскольку так и не достиг поставленной цели из-за массовых заболеваний в экипаже. Когда его корабль уже в середине сентября возвратился в Архангельск, «девятнадцать человек нижних чинов немедленно надлежало свезти в госпиталь. Три окончили жизнь еще до прибытия к порту» (Визе, 1948, с. 96).

Дальнейшие рекогносцировки побережья, его опись и съемки были поручены также военному моряку лейтенанту Федору Петровичу Литке, поначалу мало считавшемуся с деятельностью предшественников, что не однажды ставило его в сложное положение. Его первое плавание в 1821 году оказалось сугубо разведочным как с точки зрения навигации в полярных водах, так и в части исследований берегов. У юго-западного побережья архипелага он встретил сложную ледовую обстановку из-за массы льда, поступавшего через Карские Ворота с холодным течением, названным позднее в его честь. Потратив много времени на лавировку во льдах, он лишь 6 сентября достиг Машигиной губы, не обнаружив по пути к ней входа в Маточкин Шар, полагаясь лишь на изданные карты, — ведомственный снобизм, свойственный остзейскому офицерству, оказал ему дурную услугу. Уже миновав вход в Маточкин Шар, Литке пытался исправить положение, обратившись к унтер-офицеру из поморов Смиреникову, бывавшему на Новой Земле, но южнее, который, разумеется, не мог опознать незнакомого берега. Заключение Литке было однозначным: «На показания человека неморского (то есть не морского офицера! — В. К.) совсем полагаться нельзя» (1948, с. 131). К чести самого Литке надо отметить, что, возвратившись в Архангельск и ознакомившись с картами предшественников (в первую очередь Пospелова), он понял причины собственной неудачи и сделал правильные выводы.

Во втором плавании в навигацию 1822 года, оказавшись 19 августа у берегов Новой Земли, Литке понял, что в прошлогодних поисках Маточкина Шара вход в него он принял за залив, однако неудачи продолжались, порой не по его вине. Так, в описание важнейшего ориентира побережья севернее полуострова Адмиралтейства с характерной «одной превысокой, имеющей вид палатки горою», названной им в честь Крузенштерна, при публикации вкралась очевидная опечатка в величину широты, тем более досадная, что эта гора оказалась наивысшей среди остальных — 1547 метров по современным данным, отчего на многих картах она показывается безымянной. Зато Смиреников теперь в глазах командира восстановил свою репутацию, легко опознав при входе в Маточкин Шар остров Паньков, на котором до службы однажды провел целое лето. При дальнейшем плавании к северу на подходах к Машигиной губе была обнаружена новая губа — Литке назвал ее в честь дальнего родственника капитана 1-го ранга Сульменева, не имевшего к Новой Земле никакого отношения. Он также подтвердил, что остров Адмиралтейства, как это еще описали спутники Баренца, отделяется от Северного острова проливом, но уже недоступным для парусных судов из-за малых глубин.

Буквально двое суток спустя Литке посчитал, что поставленная задача по достижению северных пределов Новой Земли выполнена, хотя по его определению мыс Желания оказался почти на полградуса южнее, чем у Баренца. Все остальное как будто зрительно совпадало с картой — и небольшие островки, которые он принял за острова Оранские, и крупный ледник (Литке первый использовал этот термин для Новой Земли вместо привычного для моряков «ледяные горы») на подходе к ним, опознанный Литке в качестве Ледяного мыса. Однако это была очередная ошибка... Общее впечатление от открывшейся его взгляду картины Литке выразил слова ми стихотворца: «И мнится, жизни в той стране от века не бывало». При возвращении в устье Маточкина Шара был определен астропункт — тем самым внесены некоторые исправления в съемки Розмыслова. Сам Литке подвел такой итог вояжу 1822 года: «Во вторую экспедицию совершено было гораздо более, нежели в первую. Высшее начальство трудами нашими было довольно» (1948, с. 195).

Однако в процессе обработки полученных результатов «возродилось подозрение, не другой ли какой мыс, например Нассаусский, приняли мы за мыс Желания. Хотя опись штурмана Розмыслова не было особенной причины подозревать в неверности, желательно было новым измерением Маточкина Шара вывести этот довольно важный в географии Новой Земли пункт однажды и навсегда из сомнения» (Литке, 1948, с. 195–196). С запозданием Литке принялся за изучение карты Баренца — результаты оказались неутешительными...

Поэтому не случайно в третье плавание в качестве лоцманов были взяты два помора: «Павел Откупщикова, сын того Алексея Откупщикова, по прозванию Пыха... от которого Крестинин брал часть известий своих о стране этой, найдя в Откупщикове человека, хотя и неграмотного, но со здравым рассудком и опытного... Нанят был кольский мещанин Матвей Герасимов, известный мужеством своим в 1810 году (при освобождении из английского плена и захватом пленившего его капера. — В, К.), который любопытствовал видеть Новую Землю... Я весьма был доволен обоими нашими лоцманами, отличившимися сколько добрым поведением, сколько и усердием своим. Оба они, особенно последний, были нам полезны местными сведениями своими и некоторым образом способствовали успеху нашей экспедиции» (Литке, 1948, с. 199). Оба помора показали себя настолько сведущими в своем деле, что по окончании экспедиции были награждены медалями Святой Анны.

Эти поморы прошлых упущений Литке, разумеется, исправить не могли, но, видимо, способствовали недопущению новых. Во всяком случае,

Литке честно признался: «Мыс, принятый нами в прошлом году за мыс Желания, есть действительно мыс Нассавский... Островки, по западную сторону мыса Нассавского, которые мы прежде почитали Оранскими, названы теперь островами Баренца» (Литке, 1948, с. 228). Наблюдая непростую ледовую обстановку в тех же местах, что и в прошлом году, Литке сделал свой вывод: «Ледяные массы, несомые из Сибирского океана, неиссякаемого льдов источника, не оставляют никогда берега Новой

Земли... Не имея по этим причинам никакой возможности проникнуть до северо-восточной оконечности Новой Земли, оказался я принужденным предпринять обратный путь к Маточкину Шару» (1948, с. 227).

На этот раз была осуществлена детальная съемка пролива, причем обнаружилось хорошее совпадение с результатами Розмыслова. Затем судно направилось с описью на юг к Карским Воротам, при попытке войти в которые оказалось на каменистой банке, причем в самой серьезной ситуации. «Скоро вышибло руль из петли, сломало верхний его крюк и издребезжило всю корму; море вокруг судна покрылось обломками кия... Жестокость ударов усугубилась и страшный треск всех членов брига заставлял ожидать каждую минуту, что он развалится на части» (Литке, 1948, с. 240). Вскоре, однако, мореходам удалось благополучно сняться с опасного места, но после полученных повреждений осталось только возвращаться в Архангельск.

Между тем Адмиралтейский департамент продолжал настаивать на продолжении работ, нацелив командира «Новой Земли» на восточное побережье архипелага, одновременно предлагая «сделать покушение к северу на середине между Шпицбергенем и Новой Землей, для изведения, до какой степени широты возможно в сем месте проникнуть» (Литке, 1948, с. 249). Собственно, этой попыткой в вояже 1824 года дело и ограничилось: «Видя, что лед беспрерывно продолжается к западу и с каждой милею становится выше и плотнее, решил я оставить эту попытку, которая по крайней мере в этом году не обещала ни малейшего успеха» (Литке, 1948, с. 256). Как и в предшествующие годы, это решение было принято на 76 градусе северной широты.

Очевидно, надо было менять тактику в изучении самой Новой Земли и окружающих морей, тем более что достижения Литке на фоне деятельности поморов не выглядели успешными. В продолжении исследований было заинтересовано как купечество Архангельска, так и морское ведомство, в 30-х годах XIX века объединившие свои усилия в этом направлении. Однако требовался инициативный и отважный специалист, и он нашелся — им стал прапорщик Корпуса флотских

штурманов Петр Кузмич Пахтусов, ранее хорошо зарекомендовавший себя на съемках арктического побережья материка на пространстве от Канина Носа до устья Печоры.

Первая экспедиция Пахтусова в 1832–1833 годах была организована на средства городского головы Архангельска Вильгельма Ивановича Брандта и советника корабельных лесов П. Клокова. Предполагалось, что экспедиция будет работать двумя отрядами. Лейтенант Кротов на шхуне «Енисей» должен был через Маточкин Шар плыть далее на Енисей, выстроив попутно на мысе Дровяной (где когда-то зимовал отряд Губина из экспедиции Розмыслова) зимовочную базу для второго экспедиционного отряда на боте «Новая Земля», возглавляемого самим Пахтусовым, с экипажем из десяти человек, задачей которого была опись восточного побережья Новой Земли. Таким образом, как обычно, исследование Новой Земли традиционно увязывалось с проблемой Северного морского пути в Сибирь. Однако все получилось иначе.

Оба экспедиционных судна практически одновременно оставили Архангельск в первых числах августа 1832 года, расставшись 7 августа у Канина Носа — как оказалось, навсегда... На пути к Новой Земле Пахтусов уже спустя три дня встретил ледяные поля, но тем не менее в тот же день вошел в губу Широчиха и уже с 13 августа приступил к работам в проливе Петуховский Шар, постепенно продвигаясь к востоку. Он понимал, что приближающаяся зима не позволит ему завершить задание, и одновременно со съемками стал готовиться к зимовке, для чего приспособил старую поморскую избушку в губе Каменка при входе в Карские Ворота. С конца сентября, когда зимовье было готово, он приступил к регулярным метеорологическим наблюдениям, первым инструментальным на Новой Земле. Зима прошла благополучно, и с наступлением светлого времени съемки и опись побережья были продолжены до той поры, пока 11 июля льды не позволили выйти в море на дальнейшее выполнение программы наблюдений. На месте зимовки остались две могилы погибших, очевидно, от цинги.

Только спустя месяц бот и его отважный экипаж вошли в воды Маточкина Шара, выполнив все намеченные работы, причем в условиях благоприятной ледовой обстановки, что немало способствовало успеху. Разумеется, других трудностей из-за переменчивой новоземельской погоды хватало, но начальник не позволял задумываться своим людям о возможных бедствиях, ибо, по его мнению, «отчаяние — первый повод к неудачам и всегда ведет за собою бедственные последствия, я старался скрывать мои опасения от товарищей моих и даже от самого себя» (1956, с.

75). При входе в Маточкин Шар с востока Пахтусов испытал те же трудности, что первоначально и Литке на западе — обычная ситуация для первопроходца, который своей работой открывает пути следующим за ним. Между тем окрестные горы укутались снеговым покровом, а вскоре отважного моряка и его товарищей ожидало неприятное открытие — на мысе Дровяной они не обнаружили каких-либо признаков пребывания их товарищей со шхуны «Енисей», как и необходимых припасов, которые те должны были оставить... «С того дня, — отметил в своем отчете Пахтусов, — не переставала преследовать меня грустная дума об участи моих енисейских товарищей» (1956, с. 78). И не только это — одновременно надо было решать проблему, возникшую в связи с благоприятной ледовой обстановкой. «Мне было и жаль, и совестно оставить берега никем не осмотренные... — делится своими сомнениями Пахтусов на страницах своего отчета. — Идти далее к северу — значило решиться на вторую зимовку, а мы не имели ни провизии, ни физических сил, необходимых для такого предприятия, хотя духом и были бодры... Пусть обвинят меня в робости, но для исполнения своих, хотя и полезных намерений я не хотел быть виновником гибели моих спутников» (1956, с. 80). Очевидно, оставалось возвращаться...

Из-за состояния своих людей и судна из западного устья Маточкина Шара Пахтусов не решился плыть напрямую в Архангельск, а направился к устью Печоры в обход острова Колгуева, достигнув материка после многих приключений уже поздней осенью.

Работы первой новоземельской экспедиции Пахтусова получили высокую оценку и было решено их продолжить, «чтобы описать восточный берег северного острова Новой Земли... попытаться, сколь позволят обстоятельства, проникнуть на восток и север от мыса Желания для осмотра, не имеется ли по сим направлениям каких-либо неведомых еще островов» (1956, с. 134). С учетом особенностей работы практически на «белом пятне» в инструкции от директора Гидрографического депо прямо указывалось, что «прежние опыты Ваши будут здесь Вас руководствовать более, нежели, что по сему предмету теперь предположить можно» (1956, с. 135).

Экспедиция вышла в море 5 августа 1834 года на шхуне «Кротов» и карбасе «Казаков», названных так в память пропавших без вести командира и его помощника со шхуны «Енисей», направившись к западному устью Маточкина Шара. На этот раз пролив был плотно закупорен зимними льдами, так что пришлось становиться на зимовку в устье реки Чиракина, рядом с остатками кочмары, брошенной экспедицией Розмыслова.

С наступлением весны сам Пахтусов продолжил работы Розмыслова и Литке по картированию Маточкина Шара, поручив своему помощнику Августу Карловичу Цивольке съемки к северу от Маточкина Шара по карскому побережью, что тот и выполнил на протяжении ста шестидесяти километров, отметив, что «в заливах Незнаемый и Медвежий видны были разлоги, которые, быть может, составляют часть проливов, проходящих до западного берега земли» (1956, с. 120) — тем самым на будущее обозначилась новая проблема, решать которую пришлось уже полярным исследователям XX века.

Между тем состояние зимовщиков оставляло желать лучшего. Еще 8 мая умер один из них, а ко времени выступления основной части экспедиции для выполнения поставленной задачи оказалось еще несколько больных. В результате в зимовье осталось четверо, а остальные 11 человек 29 июня отправились на карбасе «Кзаков» на север. По пути они осмотрели губу Серебрянка, где были обнаружены остатки кораблекрушения — «по краске и размерению не оставалось сомнений, что все это было со шхуны “Енисей”... Не оставалось больше сомнений в гибели наших товарищей» (1956, с. 125), — отметил Пахтусов. «Мне кажется, — продолжил он далее, — что Кротов почел эту губу за Маточкин Шар (ибо она с устья похожа на пролив, более чем самый Шар) и когда увидел свою ошибку, то, может статься, стал отлавириваться» (1956, с. 125), но было уже поздно.

Такая находка оказалась скверным предзнаменованием, потому что уже спустя неделю карбас «Кзаков» был раздавлен льдом у острова Верха почти на 76 градусе северной широты. Мыс, у которого это произошло, с тех пор известен под названием Крушения. В ожидании попутных ветров Пахтусов и Циволька продолжали съемки на окрестном побережье, отмечая многочисленные признаки пребывания предшественников-поморов в виде изб различной сохранности, остатки судов, а чаще могилы. Спустя десять дней потерпевшие крушение были спасены ладьей помора Афанасия Еремина, доставившей их в Маточкин Шар, откуда Пахтусов предпринял еще один маршрут по карскому побережью вплоть до 74 градуса 21 минуты северной широты, где был остановлен непроходимыми льдами. Вскоре после возвращения в Архангельск отважный моряк, организм которого был подорван перенесенными в экспедициях лишениями, скончался. Его заметки и результаты наблюдений были обработаны известным гидрографом Михаилом Францевичем Рейнеке, который так отозвался о результатах наблюдений за состоянием погоды — «эти данные — сокровище для метеоролога» (1956, с. 135). Несмотря на то, что

поставленная задача так и не была решена, полученные результаты были высоко оценены последующими поколениями исследователей. Не случайно швед Адольф Эрик Норденшельд (о заслугах которого в изучении Новой Земли речь впереди) так оценил личность этого исследователя и его результаты: «По преданности делу, которому посвятил себя, по уму, мужеству и настойчивости Пахтусов занимает одно из выдающихся мест среди полярных мореплавателей всех наций. В то время не много было таких арктических экспедиций, доставивших такое множество драгоценных астрономических определений мест, геодезических измерений, метеорологических наблюдений, замечаний о приливе и отливе и пр.» (1881, с. 270).

Полученные результаты привлекли внимание Академии наук, которая летом 1837 года командировала на архипелаг академика Карла Максимовича Бэра на шхуне «Кротов» под командованием Цивольки и в сопровождении ладьи «Святой Елисей» с кормщиком Ереминым (который два года назад выручал Пахтусова с его людьми). Целью этой экспедиции было выяснить, «что в состоянии природа создавать на севере при столь незначительных возможностях, какие ей там представляются». Бэр на берегах Маточкина Шара и западного побережья Южного острова собрал богатые ботанические и геологические коллекции, провел собственные метеорологические наблюдения, сопоставляя которые с данными Пахтусова, пришел к выводу о разнице в климатических условиях по обоим морским побережьям Новой Земли, что объяснил различиями в ледовом режиме омывающих морей. С его легкой руки определение Карского моря в качестве ледового погребца превратило последнее на многие десятилетия в пугало для моряков. Тем не менее именно Бэр первым показал необходимость оценки взаимодействия суши, моря и атмосферы при характеристике не только Новой Земли, но и других полярных архипелагов.

Новая Земля оставила сильное впечатление в душе этого выдающегося исследователя. По его мнению, отсутствие древесной и даже травяной растительности «вызывает чувство одиночества, которое охватывает не только рефлектирующего мыслителя, но и самого грубого матроса. В этом ощущении нет ничего устрашающего. В нем есть что-то торжественное и возвышенное. У меня при этом всплыло представление, которое я не мог подавить, как будто я присутствую при первых актах творения и что зарождение жизни еще последует за этими днями». Открывшееся огромное поле деятельности вызвало у Бэра ощущение эйфории, которое привело его к следующему заключению: «Новая Земля есть настоящая страна свободы, где каждый может действовать и жить, как он хочет. В этом ее

преимущество перед культурными странами. Далее, это единственная страна, по крайней мере в Европе, где пришелец не встречается как мошенник. Как только я попадаю в так называемые цивилизованные страны, так сейчас же меня встречает от имени правительства банда чиновников вопросами, не совершаю ли я чего-либо воспрещенного... На Новой Земле всякий пришелец принимается как честный человек».

Несмотря на столь оригинальные личные впечатления, научные результаты экспедиции Бэра оказались настолько значительными, что Академия наук выразила ему «усердную признательность за столь успешное использование возложенного на него важного и многотрудного поручения и объявила благодарность его сотрудникам, разделившим с ним труды и лишения» (1956, с. 15). Последнее в первую очередь относилось к Цивольке и, очевидно, Еремину, о котором Бэр особо отметил, что тот «искусен в своем деле и знает хорошо берега Белого моря, Новой Земли» (1956, с. 212) и т. д. Взаимодействие исследователей и первооткрывателей архипелага поморов спустя столетия продолжало успешно развиваться.

Тем временем петербургское начальство решило продолжить гидрографические работы на Новой Земле, столь успешно начатые Пахтусовым. Чтобы закончить эту работу, в 1838 году на негостеприимные берега архипелага была отправлена очередная экспедиция под начальством прапорщика Корпуса флотских штурманов Цивольки (деятельность которого частично описана выше) на шхунах «Новая Земля» и «Шпицберген» в сопровождении ладьи помора Ивана Яковлевича Гвоздарева. Интересно, что с отплытием из Архангельска 27 июня повторилась ситуация, описанная три века назад англичанином Борро, которая в изложении одного из участников выглядела так: «Видно было преимущество лодьи в ходу перед нашею шхуною» (1956, с. 167). Спустя месяц в заливе Мелкий приступили к строительству зимовочной базы из расчета на оба экипажа общей численностью 28 человек. В истории изучения Новой Земли эта экспедиция оказалась одной из самых несчастливых в связи со смертностью от цинги, жертвами которой стали девять человек во главе с Циволькой. Заменявший его прапорщик Корпуса флотских штурманов Степан Андреевич Моисеев в создавшейся ситуации многого сделать просто не мог. Из его попытки выйти к восточному побережью ничего не вышло, однако ситуация в куту Крестовой губы показала, что проливов в Карское море здесь быть не может. Основным достижением этой экспедиции стали картирование и опись разных участков западного побережья Новой Земли, причем Моисеевым первым были отмечены южные пределы выхода ледников к морю по крайней мере

в Машигиной губе: «Восточные утесы этой Ледянки состоят из льда... То же самое я заметил в заливе Сульменева, где в глазах наших обрушилась огромная ледяная глыба, надвисшая над водою, и оставшаяся часть утеса все еще была ледяная чистого синеватого цвета» (Пахтусов, Моисеев, 1956, с. 191). Ценность подобного рода наблюдений выявилась позднее, когда были установлены значительные колебания ледников в связи с изменениями климата.

Большие потери личного состава в экспедициях 30-х годов XIX века остановили на время изучение архипелага, чему также способствовало ухудшение ледовой обстановки. Это время было использовано для обобщения накопленных материалов, для чего уроженец Архангельска сибирский купец Михаил Константинович Сидоров выделил значительные средства, освоением которых занималось Русское географическое общество во главе с Литке, чья деятельность на Новой Земле описана выше. Литке поручил эту работу своему земляку Карлу Свенске, одновременно привлекая в качестве редакторов и кураторов разделов академиков Бэра, лично знакомого с Новой Землей (зоология), Григория Петровича Гельмерсена (геология) и Франца Ивановича Рупрехта (ботаника). Компетентность и дотошность этих выходцев из Прибалтики обеспечили достойный уровень труда, даже несмотря на многие заимствования из работы Крестинина. В результате получился солидный, тщательно выверенный том, увидевший свет в 1866 году, содержащий массу количественных сведений (особенно по климату), а также совершенно новый раздел экономико-географического направления. Вместе с тем раздел «Геогнозия», характеризующий слагающие породы, уже не соответствовал новому уровню науки — он опирался в основном на минеральный состав пород, тогда как набирала силу идея их происхождения одновременно с характеристикой возраста и условий формирования и взаимного положения слагающих слоев. Таким образом, важнейший компонент природной среды Новой Земли не получил достойного отражения, тем более что исходного материала для этого, как предстоит убедиться читателю, практически не было, и каждому геологу, пожелавшему работать на архипелаге, открывалось немереное поле деятельности. И тем не менее по многим другим направлениям по сравнению с работой Крестинина прогресс был очевиден, хотя большая часть территории архипелага оставалась непосещенной человеком. Не случайно в работе Свенске оказались такие строки: «Еще много остается исполнить, много сделать открытий на Новой Земле. Внутренность ее еще доселе мало известна, реки, озера, горы и ледники ее, большей частью,

почти вовсе не исследованы...» (1866, с. 44).

70-е годы XIX века стали для Новой Земли временем переоценки многих прежних представлений о природе и самого архипелага, и окружающих морей, а также его значения для будущего Северного морского пути в качестве исходного рубежа. Почти одновременно произошли два важных с точки зрения науки события. Во-первых, участник похода русских боевых кораблей к берегам Новой Земли в 1870 году под командованием адмирала Посыета академик Александр Федорович Миддендорф, проведя измерения температур воды в Баренцевом море на различных глубинах, обнаружил присутствие теплых вод, связанных с грандиозной системой Гольфстрима, истоки которого, как известно, находятся на экваторе. Во-вторых, год спустя норвежский промысловик Фридрих Мак обнаружил у берегов Новой Земли плоды тропических растений из бассейна Карибско-го моря. Таким образом, впервые Новая Земля рассматривалась в системе глобальных природных связей — идея, у истоков которой стоял Бэр. Это обещало в ближайшем будущем решительный прогресс в научном освоении этой части Российской Арктики, причем с выходом в практику.

Одновременно стало поступать все больше и больше сведений о природе самого архипелага, в первую очередь суши. В 1872 году австрийский геолог Ханс Хефер при высадках на острова в Архангельской губе обнаружил слагающие породы каменноугольного возраста порядка 280–350 миллионов лет. Более древние породы силурийского возраста (образовавшиеся 400–440 миллионов лет назад) он встретил в Маточкином Шаре, причем возраст пород он определил по находкам ископаемой морской фауны, нередко теплолюбивой. Таким образом, можно было сделать вывод о формировании слагающих пород на Новой Земле в условиях моря и развивать его на будущее, как вдруг швед Адольф Эрик Норденшельд несколько лет спустя привез образцы остатков деревьев пермского возраста (230–270 миллионов лет) с полуострова Гусиная Земля, и вся первоначально вырисовывающаяся схема поиска была нарушена. А тут еще в обломках пород стали попадаться совсем молоденькие ископаемые белемниты и аммониты, но, как назло, нигде в обнажениях — что сразу породило массу вопросов в геологической истории Новой Земли — отчего, почему? — на которые пока не было ответов, так что для будущих геологов новой формации (в отличие от геогностов типа Лудлова) тогда наметилось самое обширное поле деятельности. Прежде всего требовалось объединить отдельные находки на побережье (тем более что «глубинка» архипелага оставалась сплошным «белым пятном»), удаленные

друг от друга на сотни километров, некой общей единой природной системой — для этого и понадобился Русанов.

Накапливались также сведения о климате Новой Земли, в чем в описываемое время отличились норвежские промышленники, нередко зимовавшие на архипелаге (например, Сиверт Тобисен на острове Большой Заячий в 1873–1874 годах или Челль Бьеркан в Малых Кармакулах в 1876–1877 годах). Несколько раньше немецкий географ Август Петерман опубликовал сводную карту на север Новой Земли по результатам съемок норвежских промышленников в тех местах, куда так и не добрались русские моряки. В это время в связи с климатическими изменениями в районе Новой Земли и в Карском море возникла благоприятная ледовая обстановка, которой немедленно воспользовались многие норвежские промысловики, в то время как наши поморы еще долго оставались в скованном льдом Белом море. Нередко норвежцы огибали Новую Землю с севера, публикуя все новые и новые сведения о своих успехах в освоении новых промысловых районов, что вызвало настоящий взрыв неоправданного энтузиазма среди ученых. На радостях немецкий географ Оскар Пешель возвестил: «Все, что до сих пор было нам сообщено о Новой Земле и о Карском море, оказывается грубой и постыдной мистификацией. Недоступность Карского моря — чистый вымысел, — оно может служить для рыболовства, но не ледником» (цит. по: Визе, 1948, с. 103). Действительно, целая серия плаваний норвежцев благоприятствовала такой точке зрения. Правда, уже осенью 1872 года льды от западных берегов Новой Земли утащили судно австро-венгерской экспедиции «Тегетгоф», что привело на будущий год к открытию Земли Франца-Иосифа. Потом участники экспедиции были вынуждены бросить свое судно и отплыли на шлюпках к Новой Земле, где в заливе Пуховый были взяты на борт шхуны помора Федора Воронина (деда знаменитого ледового капитана советской поры) — поморские традиции в части оказания помощи плавающим и путешествующим со времен Баренца не изменились. Не отрицая вклада иностранцев в изучение Новой Земли, лишь отметим, что, как правило, они шли по следам наших предков. Так, когда Фридрих Мак, как он считал, оказался в неизвестном заливе, он обнаружил там поморские кресты с именами и датами — по справедливости он назвал его Русской Гаванью. Очевидно, помня об этом, наши картографы оставили на картах архипелага, в свою очередь, норвежский топоним — гавань Мака.

До поры до времени русское правительство не обращало особого внимания на активность иностранцев в своих полярных владениях, что на какой-то момент породило у них даже неоправданные надежды, вплоть до

территориальных приобретений, за что ратовали иные скандинавские газеты. В русских же правительственных кругах по этому поводу долгое время царило странное молчание, несмотря на то, что российские подданные ненцы из рода Вылки стали переселяться на Южный остров на постоянное местожительство из Печорских тундр еще с 1867 года. Немного позднее в Малые Кармакулы были переселены еще семь ненецких семей общей численностью 35 человек — таким образом, здесь возникло постоянное промысловое становище, которое было дополнено строительством спасательной станции для оказания помощи потерпевшим бедствие морякам и промысловикам. В 1878–1879 годах здесь остался на зимовку штабс-капитан Корпуса флотских штурманов Евстафий Алексеевич Тягин для выполнения программы метеонаблюдений, причем с женой — ему не только пришлось принимать у нее роды, но и крестить собственного ребенка. Для снабжения обитателей архипелага с 1880 года из Архангельска начались регулярные пароходные рейсы в Малые Кармакулы, в 1889 году продолженные до Маточкина Шара. Первые постоянные русские промышленники переселились на Южный остров лишь в 1893 году.

Примерно в то же время отчетливой обозначилась роль Новой Земли в качестве исходного рубежа Северного морского пути, в чем немалая роль принадлежала шведскому полярному исследователю Адольфу Эрику Норденшельду, который с улучшением ледовой обстановки в 1875–1876 годах совершил несколько плаваний в Карское море на деньги Сидорова, заинтересованного в развитии мореплавания на Севере. После первых же плаваний стала понятна роль новоземельских проливов для нормального развития Севморпути. Как отмечалось ранее, Норденшельд провел на Новой Земле целый ряд интересных наблюдений, в частности, отметив явное сходство ледниковых покровов Гренландии и Северного острова Новой Земли, не считая размеров.

Так или иначе, изучение архипелага продолжалось, хотя и не носило систематического характера.

Во время Первого Международного полярного года 1882–1883 годов в Малых Кармакулах действовала русская полярная станция под начальством лейтенанта Константина Петровича Андреева — в то время персонал таких станций практически во всех странах комплектовался из военных моряков, которым служба на берегу вдаль от родных мест была достаточно знакома, как и производство необходимых наблюдений. Результаты наблюдений этой станции оказались крайне важными на будущее, поскольку характеризовали интенсивные атмосферные и другие природные процессы

в зоне так называемого Арктического фронта на контакте различных воздушных масс воздуха из умеренного пояса и высоких широт. Однако выяснилось, что многие приборы просто неприиспособлены для таких условий, показания которых то и дело «зашкаливало». В первую очередь это относилось к свирепому новоземельскому ветру — стоку (или востуку, названному так поморами, поскольку на побережье Баренцева моря он обычно задувал с востока), нередко создававшему проблемы с проведением наблюдений, особенно когда нельзя было покидать жилые помещения. Надо ли говорить, насколько это были важные данные в эпоху парусного мореплавания, даже если причины возникновения таких ветров до поры до времени оставались тайной Новой Земли за семью печатями — до ее разгадки оставалось всего полвека.

Эти результаты в окрестных водах были пополнены также наблюдениями на двух экспедиционных судах, дрейфовавших на юге Карского моря, — «Варна» и «Димфна». Тем самым впервые в этой части Арктики появилась возможность пространственного синоптического анализа, но, разумеется, лишь после окончания дрейфа, поскольку радио в то время еще не пришло в Арктику, и не только. С учетом дрейфа «Тегетгофа» выходило, что Новая Земля располагается между двумя различными системами дрейфа, течения которых направлялись в противоположных направлениях — в Карском море к югу, а в Баренцевом — к северо-востоку. Мозаика взаимосвязей в природной системе Новой Земли еще только начинала складываться в общую картину, но ее отдельные куски уже становились если не вполне понятными, то доступными для осмысления и, главное, для поисков причин, объяснявших природные особенности архипелага.

Во время Первого Международного полярного года произошло первое пересечение Южного острова, описанное в литературе, — ненцы подобные маршруты в связи с необходимостью (обычно в процессе охоты) совершали неоднократно. Врач с научной станции в Малых Кармакулах Л. Ф. Гриневецкий вместе с каюрами-ненцами на нескольких собачьих упряжках спустился на юг вплоть до полуострова Гусиная Земля, откуда, повернув в юго-восточном направлении, вышел на верховья реки Рогачева и, перевалив главный водораздел острова, в конце концов вышел к устью реки Савиной, где когда-то Пахтусов обнаружил поморский крест. Этот поход принес первые сведения о рельефе во внутренних районах Новой Земли, не описанных ни Крестининым, ни Свенске. Обладая Гриневецкий знаниями в области геологии, такой маршрут обогатил бы науку на десятилетия.

Тем временем ненецкое население на Новой Земле постепенно

распространялось все далее к северу, продолжая вести в основном кочевой образ жизни, в связи с чем архангельская администрация продолжила в 1889 году пароходные рейсы вплоть до Поморской губы в устье реки Маточки. В связи с этим два года спустя шхуна «Бакан» под андреевским флагом провела необходимые работы между западным устьем Маточкина Шара и Малыми Кармакулами. В 1894 году было объявлено о создании становища в Поморской губе, которое посетил архангельский губернатор Александр Платонович Энгельгардт для ознакомления с условиями жизни на Новой Земле. В это же время у берегов Новой Земли, преимущественно у Южного острова, чаще стали появляться с демонстрационными целями наши крейсера. В Петербурге вспомнили, что Новая Земля — это российская земля.

В 1887–1891 годах на Новой Земле несколько раз зимовал писатель Константин Дмитриевич Носилов, описавший свои поездки, условия жизни и быт новоземельских ненцев в книге «На Новой Земле», увидевшей свет в 1903 году. По жанру это нечто среднее между путевыми заметками и литературными очерками, ознаменовавшими вовлечение архипелага в литературную сферу деятельности. Во время своих зимовок Носилов провел метеорологические наблюдения, однако их результаты не публиковались.

По мере роста населения архипелага все острее вставал вопрос их обеспечения всем необходимым, в частности топливом (в первую очередь каменным углем). Для решения этой проблемы по запросу архангельского губернатора Академия наук в 1895 году отправила на Новую Землю отряд одного из ведущих специалистов Геологического комитета, будущего академика Феодосия Николаевича Чернышева для проведения необходимых разведок. Он обследовал участок Южного острова, примыкающий к Маточкину Шару вплоть до параллели устья реки Абросимова. Поскольку повсеместно он встречал породы, сформировавшиеся в морских условиях, Чернышев пришел к заключению об отсутствии перспектив на уголь в пределах обследованной территории. Другие его впечатления перекликаются с суждениями Бэра: «Глаз поражается почти полным отсутствием растительного слоя: везде мы встречали или скалистые выступы разнообразных пород, либо те же породы, раздробленные в острую щебенку; лед, снег и камень повсюду господствуют и придают ландшафту в высшей степени угрюмый характер» (1896, с. 23). Что касается прогноза развития природы Новой Земли в обозримом для геолога будущем, то он был сформулирован следующим образом: «Новая Земля подымается, идет нарастание глетчеров и фирновых

полей, и если этот процесс достигнет известной стадии, то вся Новая Земля вновь окутается льдами и будет представлять ту же ледяную пустыню, какую мы видим к северу от Крестовой губы» (там же, с. 25). Отметим, что пересечение Южного острова от Малых Кармакул к устью реки Абросимова по заключению Чернышева прошло по сплошному пермскому полю слагающих пород.

1896 год на Новой Земле ознаменовался настоящим научным авралом в связи с наблюдениями полного солнечного затмения, когда на Малых Кармакулах базировалось несколько экспедиций — из Пулковской обсерватории во главе с академиками О. А. Баклундом и Б. Б. Голицыным, Казанского университета под руководством профессора Д. И. Дубяги. Поблизости на острове Большой Кармакульский расположился лагерь английской экспедиции. С учетом небольшой вероятности безоблачной погоды риск неудачи для всех участников этого беспримерного предприятия был очень велик, но тем не менее события развивались по самому успешному сценарию. С окончанием этих работ Голицын передал все метеорологические приборы в становище с условием продолжения метеонаблюдений. С тех пор, за исключением нескольких лет, наблюдения за погодой в Малых Кармакулах продолжались непрерывно — здесь получен самый продолжительный ряд наблюдений в Российской Арктике, что ставит здешнюю полярную станцию, действующую и поныне, в совершенно особое положение.

В 1890 году лейтенант Бухтеев на транспорте «Самоед» выполнил в связи с организацией становища в Белушьей губе необходимые гидрографические работы в этом заливе. На следующий год здесь было создано очередное становище на Новой Земле, третье по счету, тогда как Северный остров, посещаемый лишь отдельными промышленниками, оставался без постоянного населения.

В 1897 году на своей яхте с целью научного туризма Новую Землю посетили англичане Генри Пирсон и полковник Фейлден, обнаружившие на восточном побережье неизвестный залив, который они назвали в честь Цивольки. Англичане оставили описание Маточкина Шара с современным ледником Третьякова и обследовали остатки зимовья Розмыслова, выполнив там археологические раскопки. По сути таким же научным туризмом стало и посещение с рейсовым судном биологами С. А. Бутурлиным и Б. М. Житковым, основные наблюдения которых были выполнены в западном устье Маточкина Шара.

Увлечшись полярными пейзажами, известный художник Александр Алексеевич Борисов решил провести зиму на Новой Земле для работы на

пленэре, совмещая ее с попутными научными работами. Для этого он выстроил в Поморской губе в устье реки Маточки дом-студию, откуда в конце лета 1900 года на собственной яхте «Мечта» попытался войти в Карское море для организации продовольственных складов на карском побережье. Однако его судно попало в вынужденный дрейф и было унесено льдом к югу к устью реки Савиной. В сложившейся ситуации Борисов со всем экипажем оставил судно и с помощью ненцев добрался до Малых Кармакул, откуда перешел в Поморскую губу. Весной 1901 года на собаках он посетил Карскую сторону на Северном острове, где его сотрудники положили на карту заливы Медвежий, Чекина и Незнаемый с окрестными ледниками.

Летом 1901 года создатель первого в мире арктического ледокола «Ермак» адмирал Степан Осипович Макаров решил испытать его в плавании в обход Новой Земли к острову Диксон вблизи устья Енисея. Однако уже на пути к полуострову Адмиралтейства (который стал таковым вскоре после наблюдений Пахтусова в 1835 году) ледокол оказался в таком положении, что Макаров записал в своем дневнике: «Мысли о предстоящей зимовке не выходят у меня из головы» (1943, с. 179). Не пробившись к Новой Земле, ледокол совершил два рейса к Земле Франца-Иосифа и, возвратившись второй раз к ней же, предпринял попытку пройти к Диксону вокруг мыса Желания с тем же неудачным результатом. При возвращении были выполнены некоторые наблюдения на побережье между полуостровом Адмиралтейства и губой Крестовая, причем было отмечено в Машигиной губе, как кут Машигиной Ледянки перегорожен стеной глетчерного льда. Хотя ледокол действовал в сложной ледовой обстановке, главной причиной неудачи этого похода следует считать отсутствие необходимого опыта в использовании нового технического средства — ледоколом не научились еще управлять... Воспользовавшись этой неудачей, противники Макарова отправили ледокол на Балтику, где ему пришлось дожидаться возвращения в высокие широты более тридцати лет.

Таким образом, еще до появления Русанова на Новой Земле там был накоплен огромный исследовательский опыт и множество разнообразной научной информации на будущее — нужен был только исследователь, который бы мог использовать ее наилучшим образом, восполняя необходимые недостающие звенья собственными наблюдениями. Едва ли Русанов в своем Париже был полностью в курсе событий, происходивших на Новой Земле. Если он и следил за изучением архипелага, то по разрозненным публикациям и о происходящем мог лишь иметь самое общее представление. Не случайно в науке существует проблема

преимственности исследований, и это была первая и, возможно, самая главная, которую ему предстояло решать, включая и выбор направления деятельности, и «стыковку» с результатами предшественников. Он успешно справился с этой задачей, создав собственную концепцию на основе своих теоретических представлений и полевого опыта, в наращивании которого он не имел равных. Но об этом в последующих главах...

Глава 6. Приобщение к Новой Земле (1907–1908)

Смотрю в окошко, озадачен,
На что сей остров предназначен.

Д. Г. Байрон

«Куда и с какой целью тут путешествовать?»
— Все благоразумные люди задавали себе этот вопрос, но
удовлетворительно разрешить не смогли.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Очередной судьбоносный город на жизненном пути Русанова, такой русский и вместе с тем самый необычный из множества русских городов. Не просто первый русский порт, а центр, цитадель единственного русского сообщества, где жизнь каждого издавна определялась его связью с морем, да каким — не Средиземным и даже не Бискайским заливом, а Ледовитым океаном. Особый народ — поморы, со своим певучим говором, такими словечками и оборотами, которые приезжий из столиц или из средней полосы России не сразу уразумет. Морской образ жизни сформировал свою образность и свой словарный запас: голомя — дальше в море, бережнее — ближе к берегу, губа — большой залив, гурий — опознавательный знак на берегу, беть — встречный ветер, кошка — отмель и т. д., не говоря о промысловых терминах. Немало поморских словечек почерпнул отсюда и современный русский язык: снежный заряд, заструги, полынья, торосы и множество других. «Архангельский город — всему морю ворот» — так определяют значение своей поморской столицы обитатели. Роль Архангельска в освоении и изучении Новой Земли велика и до того дня, когда герой настоящей книги вновь прошел по его тесовым тротуарам, вернувшись сюда из Парижа. Теперь город был базой Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, связанной с именами Вилькицкого-старшего, Варнека, Седова, Морозова, Колчака и других представителей ученого племени моряков, которые даже среди выпускников Морского корпуса почитались морской интеллигенцией.

Русанов здесь не впервые, но на этот раз Архангельск определил его дальнейшую деятельность до самого конца жизни. Вот каким увидел город того времени другой будущий полярник:

«У этого города в те годы было три совсем разных лица. Одно... — облик типичного провинциального городка... Имелась здесь главная улица (Троицкий проспект. — В. К.) с двухэтажными домиками, вывески на них, герань на окнах и занавески, на перекрестках улиц, у губернаторского дома с колоннами и, конечно, у участка — стояли крашенные в елочку черным и белым полицейские будки, улицы были окаймлены шаткими деревянными тротуарами, спасавшими пешеходов от непролазной грязи. У края базарной площади блеснул куполами кафедральный каменный собор... К соборной площади примыкал старинной постройки облезлый гостиный двор, в нем ряд мрачных купеческих лавок с железными дверьми... За гостиным двором начинался нижний базар с горами деревянной и глиняной посуды и щепяного товара, тут же рядом толкучка, харчевни и кабаки...

Второе лицо Архангельска не кидалось в глаза... Это лицо открывалось... когда миновал бесконечно длинную улицу и соборную площадь, новый человек, знакомившийся с городом, решался пройти его до окраины. За старинным зданием таможни вид улицы резко изменялся... Улица пряма, чиста, прочные тротуары не хлябают под ногой, по сторонам утопают в зелени опрятные, обшитые тесом крашенные домики, перед фасадами, за прочными решетками везде палисадники с газонами и клумбами, мощные дворы, всюду телефонные и электрические провода... Это немецкий Архангельск, здесь жили настоящие хозяева северного края, все принадлежало обитателям чистого и аккуратного городка.

И третьим лицом Архангельска была набережная... Ширь могучей Двины, то спокойной, то бурной, как море, шум и бодрые крики в порту, на судах, стоящих у портовых пристаней и на якорях, движение поморских шхунок, карбасов, ботов, раныиин, клиперов и океанских бригов, гудки огромных океанских пароходов, разноязычный говор на пристанях, странная жителю средней России не сразу понятная речь поморов, острый запах трески, сложенной высокими горами... носился над городом всюду, — и самое яркое на берегу — бодрость и вольность движений людей, недавно пришедших с моря или собирающихся вновь отплыть, быть может на годы, энергичные, с морским загаром лица... Вглядываясь в черты этого третьего Архангельска, я заражался его движением».

Неудивительно, что эта «инфекция» поразила и Русанова — вернее, он приехал сюда, чтобы подхватить ее.

Продолжу затянувшуюся цитату из Н. В. Пинегина, благо она имеет

прямое отношение к Русанову: «Крепла мысль: здесь множество возможностей. Нужно быть большим мямлей, чтоб не воспользоваться ими, не ухватиться за случай поехать на Белое море, а может быть, и дальше» (1952, с. 19). Кто-кто, а Русанов-то уж никак мямлей не был...

Можно не сомневаться — подобные же мысли одолевали на берегах Двины и самого Русанова, даже если он и не поделился ими с кем-либо из близких людей. А куда могло потянуть еще геолога (а таковым, несомненно, он уже был) с берегов Двины? В какие-то иные места, о которых уже были сведения, хотя бы предварительного характера. Например, на Тиманский кряж, обследованный Ф. Н. Чернышевым в 1889–1890 годах, или на Южный остров Новой Земли, где тот же исследователь побывал в 1895 году, а то и на Кольский полуостров после финской экспедиции В. Рамзая, А. Петрелиуса и других. И только в письме от 8 июля 1907 года (за двое суток до отплытия парохода) место будущих исследований названо вполне конкретно: «Через день большой прекрасный пароход унесет меня в Ледовитый океан, на край света, на Новую Землю» (1945, с. 382). Возможно, все решила встреча со студентом-орнитологом из Харьковского университета Л. А. Молчановым — вдвоем на незнакомой местности с незнакомыми условиями работать все-таки легче, чем в одиночку. В любом случае следует поблагодарить студента из Харькова — он не только своим участием помог герою настоящей книги, но и описал за него перипетии событий 1907 года на Новой Земле — сам Русанов этого так и не сделал.

Интересно, что с еще одним уроженцем Орловщины пути Русанова или, по крайней мере, Молчанова в эти дни пересеклись в Архангельске, о чем свидетельствуют дневниковые строки 9 июля 1907 года (то есть за сутки до отбытия «Королевы Ольги Константиновны» на Новую Землю) Михаила Пришвина, по-своему также оценившего специфику столицы Русского Поморья: «...три ростани: в Соловки-Ла-пландию, в самоедскую тундру и в океан. Опять те же люди: моряки и богомольцы...

...На архангельской набережной весело: сколько тут мачт настоящих парусных судов... Надуваются паруса, десятки шхун приплывают и уплывают в море, сотни стоят у берега на якорях, красиво раскачиваются и отражаются в спокойной воде.

Тут люди не стареют душой: я вижу пожилого почтенного человека на самом кончике шпиля (бушприта? — В. К.).

Вижу совсем седого старца, похожего на образ Николая-угодника; он свесил ноги с борта и распевает веселую песню с бутылкой в руке» (1955, с. 616). В приведенных свидетельствах явно сквозят общие черты

душевного подъема, которые, вероятно, владели и героем настоящего повествования. Пришвин продолжает далее эту тему, одновременно сообщая нам важную информацию о будущем спутнике Русанова в их первой совместной новоземельской экспедиции, с которым по прихоти судьбы оказался в соседних номерах гостиницы и, как это нередко бывает с бродячими людьми, ощутил общность интересов и впечатлений, о чем и поведал в своем дневнике.

«Белою ночью, когда все кругом молчит, совсем уже неловко так рядом сидеть и молчать.

— Вы куда едете? — спрашивает он.

— К Канину Носу. А вы?

— На Новую Землю.

Мы разговариваем одними словами, мы делимся одним настроением. Наше общение призрачно, так же как и эта белая ночь. Быть может, завтра мы расстанемся, как чужие люди, и никогда не встретимся. Но сейчас мы близки, мы готовы открыть друг другу все, что есть на душе.

Мой знакомый едет тем же путем, как и я, на Новую Землю, на большом прекрасном пассажирском пароходе “Ольга”, а я на маленьком “Николае”. Мы предполагаем возможность нашей встречи в океане и радуемся этому. Он зоолог, едет изучать птиц... Целое лето он будет на Новой Земле, в палатке, в совершенном одиночестве...

Он... показывает металлическое блюдце, в котором будет варить себе уху, кашу, жарить себе птиц; показывает палатку, несколько меховых вещей, ружье...

Мы долго говорим о самоваре и сухарях. Сколько их нужно, чтобы прожить три месяца на Новой Земле? Это сложное вычисление. И брать ли с собой солонину? Зачем брать, когда на Новой Земле живут несметные стада гусей, водится множество оленей, попадаются белые медведи... А можно ли на тюленьем жиру поджарить гусей? Вот вопрос! Да гусей можно жарить в собственном жиру» (1955, с. 617–618). Двое новичков накануне решительных событий готовы обсуждать море проблем, одолевающих их, совсем как в наше время — абсолютно ничего нового, особенно если поблизости нет опытного наставника. Есть и наивности — в полевых условиях костер проще самовара, а еще лучше примус. В любом случае свидетельство Пришвина весьма ценно. Интереснее другое — а где же в них главное действующее лицо нашего повествования — сам Владимир Русанов? Пока ответа на этот вопрос нет...

Вернемся к ситуации в Архангельске накануне отплытия «Королевы Ольги Константиновны», описанной в письме Русанова матери, уже

частично цитированном выше. «Тебе за меня нечего тревожиться ни одной минуты, так как путешествие не опасно и очень интересно; я буду не один, а со мной едет новый товарищ, очень симпатичный парень, студент-зоолог из Харьковского университета — он изучает птиц, которых там великое множество. Потом еще с нами едет один художник (Писахов. — В. К.), чтобы рисовать там картины дикой северной природы. Наконец, с нами едет один француз и два русских архангельских чиновника вместе со священником.

Не знаю почему, но отношение ко мне со стороны российской бюрократии весьма любезное, мне оказывают полное содействие даже без всяких просьб с моей стороны; так, например, узнав, что я еду на Новую Землю с научной целью, предложили мне пользоваться единственным хорошим домом в Маточкином Шаре, куда я еду (первое упоминание о предстоящем конкретном районе исследований. — В. К.). Я не отказался и устрою там свою главную квартиру. Разрешают провезти бесплатно массу багажа (таковы были условия Мурманского пароходства для научных экспедиций. — В. К.). Инспектор рыболовных промыслов бесплатно снабжает меня своими сетями, чиновник особых поручений г-н Макаров достанет лодку и наймет самоедов.

Как видишь, путешествие будет обставлено всеми удобствами. Беру с собой прямо чудовищное количество съестных припасов: например, полтора пуда белых и черных сухарей, полпуда сахара, пуд дробы, картечи и пуль, два ружья, полпуда керосину с примусом, масла, сала, крупы, пшена, сыру, колбас, солонины и пр., и пр. У меня одежда: 1) французская — легкая и непромокаемая для охоты и 2) самоедская из оленьих и тюленьих мехов для спанья, невероятно теплая.

Буду охотиться на уток и гусей, которых там тысячи. Постараюсь убить оленя. Белых медведей опасаться нечего, они летом уходят еще дальше на север.

В Архангельске нашлись новые знакомые, которые очень помогают мне в моих окончательных сборах. Особенно драгоценна помощь г-на Афанасьева, милого и радушного архангельца, который угощал меня сегодня великолепными горячими пирогами, треской (особенно хороша с маслом) и, наконец, с изюмом. Вот оно — русское гостеприимство...

Больше ты от меня не получишь ни одного письма до первой половины сентября, так как почта, то есть пароходы, ходит только два раза в год. В сентябре жди меня» (1945, с. 382–383).

Очень личное письмо по форме, такие писали своим родным тысячи молодых людей, отправляясь на «белые пятна» страны, и вместе с тем

очень содержательное по сути, вплоть до перечня провианта и снаряжения. Нашлось в нем место и беспокойству за родных, попытке их успокоить. Однако главное для нас другое. Во-первых, Русанов ощутил, что попал в нужную струю — в Архангельске он почему-то нужен, в нем заинтересованы и ему активно помогают. Значит, есть надежда и на будущее, если, конечно, его деятельность в этой первой экспедиции (а скорее экскурсии) окажется успешной. Ощущение предстоящего успеха на фоне обычной в таких случаях легкой тревоги пронизывает письмо. Наконец-то ситуация после пережитого в Париже меняется к лучшему!

Неожиданным для Русанова оказалось содействие архангельской администрации, особенно на фоне неудачи в Геологическом комитете в Петербурге, где не разглядели будущего перспективного исследователя, приняв за выскочку с амбициями. В Архангельске же были традиционно заинтересованы в изучении своих полярных архипелагов, до которых просто не доходили руки. Там, как мы убедились, просто не хватало опытных кадров. Сам Русанов, по опыту общения с чиновниками в Орле и Вологде, любви к этому служилому племени не испытывал, и неожиданное гостеприимство как рядовых архангелогородцев (так традиционно именуют себя жители столицы Поморья), так и представителей местной администрации произвело на него самое благоприятное впечатление. Таким отношением ко всем любителям Севера, особенно из образованных слоев, архангельская администрация «завербовала», пока того не подозревая, профессионала высокого уровня, причем на основе взаимной заинтересованности. Этим историческим опытом не следует пренебрегать.

Письмо также ценно тем, что называет людей, у которых могли остаться какие-то документы и свидетельства о Русанове (оставшийся неизвестным господин Афанасьев, тот же Макаров или тем более художник Писахов), которые так ценны для биографа. Увы, Писахов, например, находясь в оппозиции ко всем властям и пользуясь их повышенным вниманием, предпочитал не вести дневников. Вот почему остается благодарить спутника и помощника Русанова Молчанова за его отчет, опубликованный Географическим обществом, по которому мы столетие спустя можем судить и об их совместном маршруте. С ним связаны немногочисленные скупые свидетельства самого Русанова, крайне важные, поскольку многие из них носят пионерный характер, которые благодаря Молчанову получают «привязку» как на местности, так и на современных картах.

О пассажирах, плывших на Новую Землю вместе с двумя студентами, мы можем судить по заметкам, которые оставили иные из них, даже если

они и не совпали по времени с описываемым рейсом. Так, известный художник В. В. Переплетчиков, также побывавший на Новой Земле (хотя и позднее), отмечает присутствие среди туристов иностранцев (немец и англичанин) при преобладании вполне демократической русской публики: «...два учителя, астроном из Москвы, студент-естественник, певец, математик, только что окончивший университет, агроном, желающий изучать птичьи базары на Новой Земле, чиновник из Москвы, чиновник из Архангельска... По мере того как мы поднимаемся все дальше и дальше на север, внешность нашего парохода делается все своеобразнее и своеобразнее. Всюду ружья и фотографические аппараты. В общей каюте на столе карты Новой Земли. Карты глубин Ледовитого океана, книги о Новой Земле, книги с газетными вырезками о Новой Земле...». Примерно тот же состав спутников называет его собрат по ремеслу Н. В. Пинегин, также впервые отправившийся на Новую Землю в поисках природы и новых впечатлений. Так что едва ли Русанов и Молчанов выделялись чем-то среди пассажиров «Ольги Константиновны». Едут и едут себе господа студенты в поисках новых впечатлений, соскучившись в своих городах по иной природе и иным людям — как все прочие пассажиры. Пока... Уже позднее они станут исследователями каждый по-своему, взгляды приобретут определенность и убедительность, из любителей превратятся в профессионалов, и это будет тем главным, что будет их отличать от новоземельских охотников и туристов. Но все это будет там, впереди.

Все неизвестно!
А пока туманы
Плывут над парусами корабля,
Там позади —
Покинутые страны,
Там впереди —
Чудесная Земля.

Эти строки Эдуарда Багрицкого, написанные на двадцать лет позже описываемых событий, достаточно точно отражают и настроение пассажиров «Ольги Константиновны», и общую ситуацию, в которой одному из них предстояло произвести переворот в представлениях о природе и возможностях архипелага для России. За исключением парусов, все остальное — верно, даже если внешний облик Новой Земли не всегда определяется эпитетом «чудесная», хотя бывает она и такой. Пока главное в

душе двух молодых людей на палубе рейсового судна среди десятков таких же пассажиров — ожидание будущего, в котором надежда на успех смешана с тревогой. Но молодости свойствен интерес к жизни, когда работа связана с увлечением — молодость всегда открыта для жизни и принимает ее, какой она есть, включая неизвестность. Последуем же за ними и мы на берега такой старой Новой Земли. Что-то нового принесут ей эти зеленые новички, которых на другом конце планеты один незадачливый золотоискатель, оказавшийся позднее неплохим писателем, называл обидным словом «чечако», давая, однако, возможность проявить себя настоящими мужчинами — другим на Новой Земле делать просто нечего.

Первым становищем на их пути была Белушья губа, не оставившая в описаниях новоземельских путешественников заметного места, возможно, из-за крайне невыразительного, чтобы не сказать заурядного пейзажа, особенно в непогожий день, каких на этом полярном архипелаге множество. Его созерцание способно повергнуть незадачливого туриста лишь в состояние меланхолии, заставляя проводить больше времени в судовом буфете.

Повидимому, не случайно певец Новой Земли, запечатлевший ее на своих многочисленных полотнах, А. А. Борисов как-то обошел в своем творчестве эту часть архипелага. Правда, виды побережья зрелищно выигрывали при дальнейшем пути на север, так что на подходах к Малым Кармакулам пассажиры уже не покидали палубы, во всю щелкая затворами фотоаппаратов. Действительно, изрезанный берег с многочисленными островами и обрывистыми берегами выглядел здесь значительно живописнее. Свое оживление в суровый полярный ландшафт вносили вопли многочисленных обитателей птичьих базаров, а также дальний силуэт гребней скалистых сопок в глубине острова. У мыса Приют появились очертания строений становища, среди которых выделялась небольшая деревянная церковка. Однако приехавшие на своих карбасах ненцы чаще внушали пассажирам разочарование, так как внешне мало походили на воспетых Фенимором Купером североамериканских индейцев. Лишь немногие из туристов были знакомы с книгой К. Д. Носилова, который описал Новую Землю без романтизации.

Дальше на север с широты губы Безымянной береговой пейзаж решительно изменился — на берегу высились уже настоящие горы, пестрые от многочисленных снежников, а прибрежная равнина занимала совсем немного места в виде узкой полосы между морем и горами. Следующая остановка судна должна была состояться в Поморской губе Маточкина Шара, где располагалось очередное ненецкое становище, в то

время наиболее северное на Новой Земле. Самые нетерпеливые старательно выискивали в сложных очертаниях побережья долгожданный вход в пролив, но это был напрасный труд — в свое время его не обнаружили ни голландцы с корабля Виллема Баренца, ни Литке в своих первых плаваниях два века спустя. Сложные очертания берега и коленчатые изгибы пролива, проектируясь на дальние горные массивы, нередко сбивали с толку даже опытных мореходов. Иные из них (например, экипаж шхуны «Енисей» под командой лейтенанта Кротова в 1832 году) за неумение ориентироваться в очертаниях берега заплатились собственной жизнью.

Наконец устье Маточкина Шара открывается в панораме окрестных гор, высота которых возрастает в глубь Новой Земли, тогда как ширина пролива остается почти неизменной. Само становище укрыто за мысом Маточкин в устье одноименной речки. Среди ненецких чумов выделяются дома солидной постройки, оставшиеся после зимовок Носилова и Борисова. С грохотом уходит на дно якорь, которому с берега нестройно салютуют ружейными выстрелами. На календаре 16 июля 1907 года...

Молчанов прямо указал, что «здесь сошел с парохода и студент Парижского университета В. А. Русанов, наметивший себе местом геологических исследований берега Маточкина Шара. Решено было отправиться в поездку по Шару вместе» (1908, с. 15). По поводу этих работ в своих воспоминаниях много лет спустя новоземельский ненец Тыко (Илья) Вылка, которому через два года было суждено стать ближайшим помощником исследователя, вспоминал так: «Русанов с Молчановым ходили по проливу Маточкин Шар на Карскую сторону. Проводником у них был Ефим Хатанзей» (Казаков, 1983, с. 157). Видимо, сам Русанов в выборе района исследований последовал совету Норденшельда, который утверждал по собственному опыту, полученному в береговых экскурсиях, что «более обстоятельное геологическое изучение Новой Земли, необходимо начать с означенного пролива... так как единственно в этих местах представляется возможность получить полную профиль страны от востока к западу» (1880, с. 22), то есть поперек архипелага.

Несколько дней, как это бывает обычно, ушло на разборку имущества и его подготовку к плаванию по проливу в ненецком карбасе. Тем не менее успели провести несколько коротких экскурсий вплоть до реки Песчанки, пытаясь уяснить местную специфику пополам с экзотикой, но эти первые маршруты не привели к каким-либо существенным открытиям.

«21-го утром, — сообщает в своем отчете Молчанов, — отправились по Шару на восток на нанятом карбасе с проводником Ефимом Хатанзеем.

Во время поездки погода была довольно ясная, дождь шел сравнительно редко; почти каждый день был сильный восточный ветер... Делались остановки на несколько дней у реки Гусиной, против ледника Третьякова, близ устья речки Бычковой и, наконец, у Переузья, самого узкого места пролива, верстах в 30 (в 40 километрах от мыса Выходного. — В. К.) от Карского моря. Дальше ехать не было возможности. Льдины, подгоняемые постоянным восточным ветром, совершенно заполнили Шар к востоку от Переузья» (1908, с. 15–16).

На протяжении трех последующих недель вплоть до середины августа были обследованы четыре района примерно до середины пролива. Чтобы «привязать» их к современной карте (это основа полевых экспедиционных работ), приходится обратиться к работе Русанова, опубликованной, когда надежды на его возвращение не осталось, в 1921 году преподавателем Сорбонны, географом по специальности, профессором Вэленом в «Ежегодном географическом обозрении» (том XI, выпуск 6). Несмотря на допущенную в этой работе топонимическую путаницу, она позволяет наполнить маршрутные описания Молчанова реальным научным содержанием.

Первый район исследований, по Молчанову, связанный со стоянкой карбаса в устье реки Гусиной (в 25 километрах по проливу от становища в Поморской губе), может поставить в тупик самого дотошного исследователя, поскольку на современных картах реки с таким названием нет. Однако схема Русанова, опубликованная в 1945 году в сборнике его трудов, уверенно позволяет отождествить эту реку с рекой Епишкиной современных карт. Немного западнее ее протекает небольшая река Серебрянка, впадающая в одноименную губу. Ее долину вместе с соседними, образованными системой разломов в кварцитовых сланцах, Русанов проследил на протяжении 45 километров ближе к верховьям соседней губы Митюшихи. Не упоминая названия хребта за речкой Серебрянкой, он, однако, побывал на каких-то ледниках, фотографии которых и были опубликованы Вэленом в качестве иллюстраций. Это-то и решает проблему восстановления маршрутов исследователя в первом из обследованных им районов, поскольку фото № 9 было сделано на леднике Кольцова в хребте Митюшов Камень, а фото № 12 — на соседнем леднике Гордеева. Надо иметь в виду, что в распоряжении Русанова не было точных карт — отсюда трудности в привязке обследованных объектов, а также с топонимикой. Таким образом, несколько дней на первой стоянке Русанов провел в основном в изучении долины реки Серебрянки и хребта Митюшов Камень с расположенными там ледниками — других гор с ледниками

поблизости нет.

Второй район исследований определяется положением стоянки карбаса Ефима Хатанзея, по Молчанову, на южном берегу пролива Маточкин Шар против ледника Третьякова — превосходного ориентира, присутствующего на всех картах пролива Маточкин Шар. Это означает, что от предшествующей стоянки оба начинающих исследователя удалились вместе с Хатанзеем, который, естественно, управлял своим «судном», всего на 15 км. Отсюда Русанов изучал ледник Третьякова на Северном острове. Позднее он описал особенности ледника Вэлена (названного им так в честь одного из преподавателей Сорбонны) на Южном острове на противоположном берегу пролива. Вместе с наблюдениями над ледниками Митюшева Камня это позволило ему сделать вывод о том, что «прибрежные ледники и ледники внутренних долин находятся в состоянии отступления» (1945, с. 270) — вывод, который сохраняется на протяжении столетия.

Третья стоянка в отчете Молчанова обозначена несколько неопределенно, и скорее всего она находилась где-то неподалеку от предшествующей. Такая неопределенность возникла из-за смены собственных названий на старых и новых картах, но работы в этом третьем районе не привели к особо важным результатам.

Четвертый район исследований Русанова располагался на северном побережье Маточкина Шара между так называемым Переузьем и кутом Белушьей губы на Северном острове. Исторически сложилось, что на обоих островах Новой Земли два одноименных залива. Поиск осуществлялся на удалении примерно 60 километров от становища, причем лед в проливе помешал дальнейшему плаванию к Карскому морю, до которого оставалось всего 40 километров. В создавшейся ситуации было решено оставить Хатанзея с его карбасом дожидаться улучшения ледовой обстановки примерно в районе современного мыса Гатиева, а самим выходить западнее гор Серной и Куплетского в кут Белушьей губы по долине ручья. Ручей в 50-е годы XX века был назван геологами Халькопиритовый по многочисленным находкам этого минерала (медного колчедана), о чем сообщает также и Русанов. В маршруте 14 августа, протяженностью всего в 17 километров, Русанов провел очередные наблюдения на небольших горных ледниках — как и ранее, их концы находились на некотором расстоянии от конечных морен, что свидетельствовало об их отступании. Один из ледников он назвал в честь своего спутника — правда, у французов при издании работы Русанова он превратился в ледник Менделеева. В куту Белушьей губы они встретили

охотников-нен-цев, родственников Хатанзея, у которых и заночевали, а еще двое суток спустя они сухим путем достигли своей цели — мыса Выходного. Оттуда прошли на север вплоть до залива Канкрина, наблюдая в Карском море сложную ледовую обстановку. В своем отчете Молчанов писал: «У берега был сплошной лед, на горизонте была видна полоса чистой воды; к северу льда было гораздо меньше, чем к югу» (1908, с. 16). Такая ситуация была подтверждена также наблюдениями с борта судна герцога Орлеанского (еще один турист из аристократов) «Бельгика», попавшего в это же время в вынужденный дрейф у восточного побережья Новой Земли. Так как намеченная цель была достигнута, оставалось возвращаться. Уже 18 августа путешественники вернулись к ненцам в Белушью губу, куда Хатанзей, дождавшись ухода льдов, привел свой карбас. 22 августа вместе с ненцами, направлявшимися в Поморскую губу, они уже у Переузья попали в сильный шторм, когда ветер сбрасывал крупные камни с окрестных гребней, с грохотом катившиеся по склонам — это было сугубо новоземельское проявление разбушевавшихся стихий. До Поморского они добрались лишь 26 августа, где в ожидании судна совершали маршруты в окрестностях на протяжении двух недель. Для Русанова первый полевой сезон на Новой Земле, в котором он в полной мере ощутил себя полярным исследователем, навсегда «заболев» Арктикой, был успешно завершен.

Особо остановимся на научных достижениях этого путешествия, в котором на него обрушился такой вал новой природной информации, что он не смог его в полной мере освоить в специальной работе в короткий срок. Видимо, он намеревался в будущем посетить многие объекты для повторных наблюдений. Тем не менее главный результат Русанов видел в том, что он «впервые установил общее отступление ледников на Новой Земле» (1945, с. 227).

Позднее это достижение превратилось в новое направление исследований для многих ученых в связи с проблемой потепления Арктики, поскольку поведение ледников подтверждало это. Таким образом, уже в своей первой экспедиции Русанов приступил к характеристике природного процесса, что было в ту пору новым словом в изучении высоких широт. Подобное удается далеко не каждому полевому исследователю в своей первой экспедиции — подобный талант сродни таланту солиста в отличие от рядового оркестранта.

Разумеется, среди самых первых достижений Русанова на Новой Земле вывод об отступании ледников оказался не единственным. Была выполнена детальная рекогносцировка, разведка побережья с выявлением

целого ряда важных объектов наблюдений (помимо ледников, разумеется) — обнажений слагающих пород, террасированных участков побережья, характерных форм рельефа и т. д., что позволило целенаправленно возвращаться к ним позднее, когда он смог изложить наконец свои чисто зрительные впечатления от великолепной природы Маточкина Шара:

«Кто проходил Маточкиным Шаром, тот, вероятно, никогда не позабудет удивительной красоты дикой и величественной панорамы, которая там постепенно разворачивается. Сколько прелести и разнообразия в сочетании зеленых морских волн с обнаженными и разноцветными горными складками, со снегом и ледниками! Пользующиеся такой известностью у туристов норвежские фиорды тусклы и бледны по сравнению с удивительным разнообразием и оригинальной яркостью форм, цветов и оттенков этого замечательного и в своем роде единственного пролива» (1945, с. 156). В таком восприятии арктической природы в нем заговорил не только исследователь, переполненный восхищением от увиденного и достигнутого, но и тонкий художник. И все-таки главным событием первого русановского полевого сезона на Новой Земле стало то, что Россия обрела в лице Русанова одного из своих самых выдающихся полярных исследователей, что выяснилось уже в ближайшем будущем — для этого было нужно время и новые экспедиции, о которых будет рассказано дальше. Несомненно, он сам испытывал глубокое душевное удовлетворение, обнаружив в себе способность к работе в самых сложных природных условиях, а главное, в зависимости от обстановки импровизировать, что называется, на ходу, на пути к достижению цели.

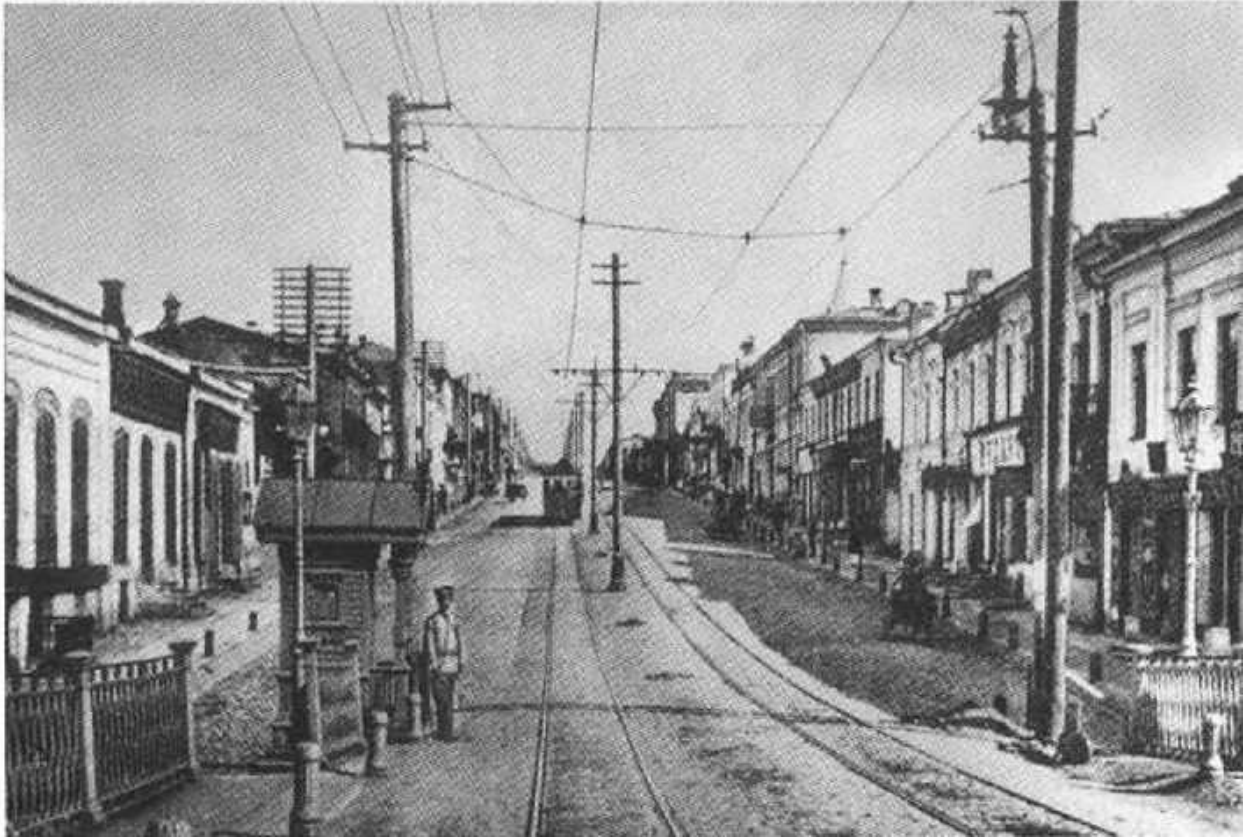

Гусанов

Александр Дмитриевич Русанов, Любовь Дмитриевна
Русакова» родители будущего исследователя Севера.

Орел на рубеже XIX–XX веков. Старая открытка.

Володя Русанов-гимназист.

Отчим, Андрей Петрович Соколов.

Дом семьи Русановых в Орле по 2-м Майневскому переулку.
В настоящее время — Музей Русанова. Современное фото.

Жена Русанова Мария Петровна (урожденная Булатова).

Русанов в годы учебы в семинарии.

Русанов с отчимом А. П. Соколовым.

Полицейское дело Русанова.

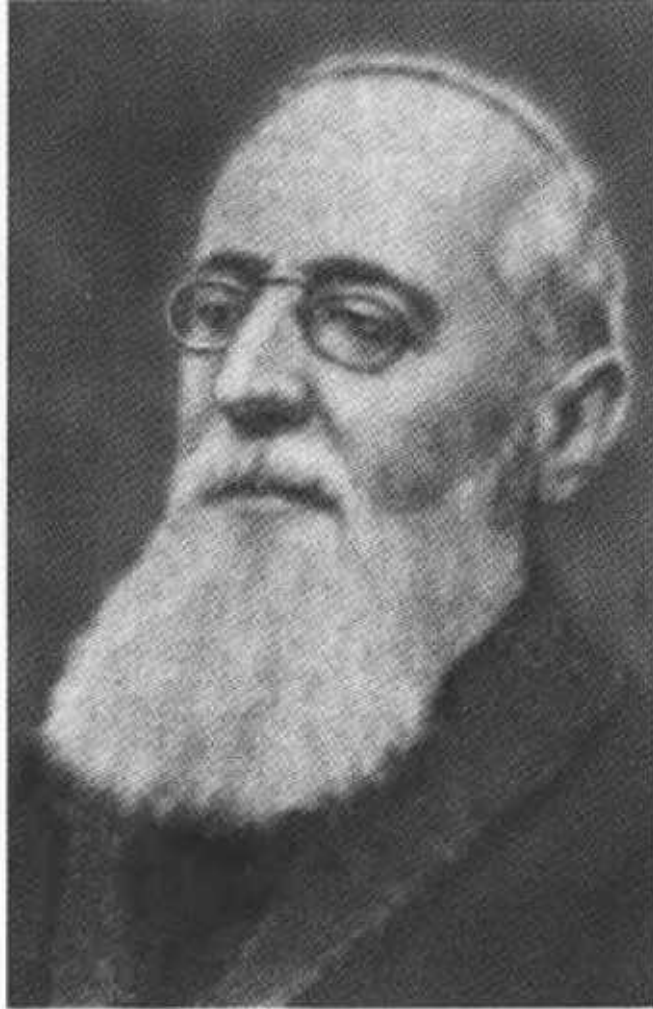
Мария Петровна Русанова в Вологде.

Русанов среди вологодских ссыльных.

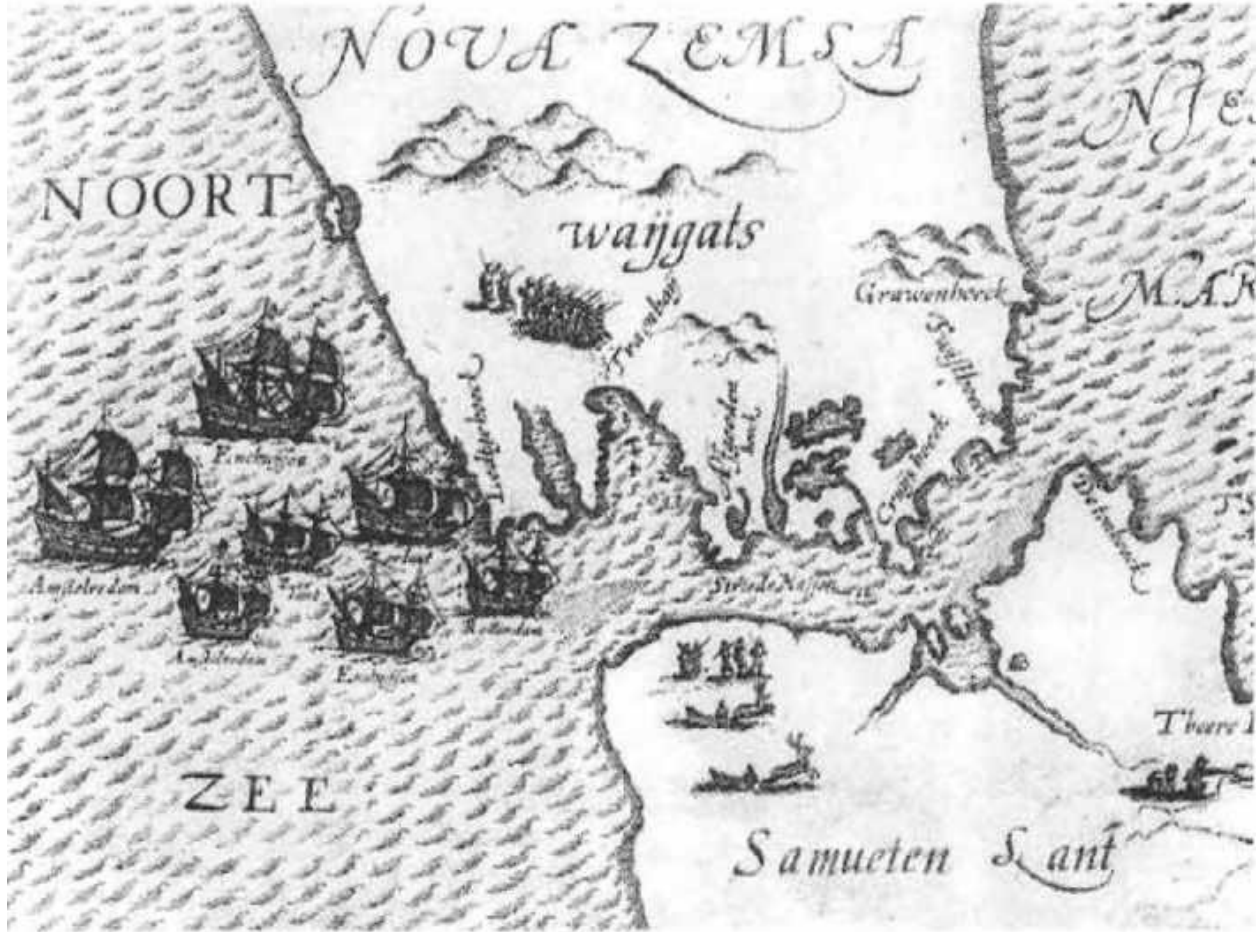
Гюстав Эмиль Ог, декан естественного факультета

Альфред Лакруа, профессор естественного факультета.

В геологическом лаборатории естественного факультета.

Первая карта Новой Земли, составленная по результатам плавания Виллема Бареня. 1598

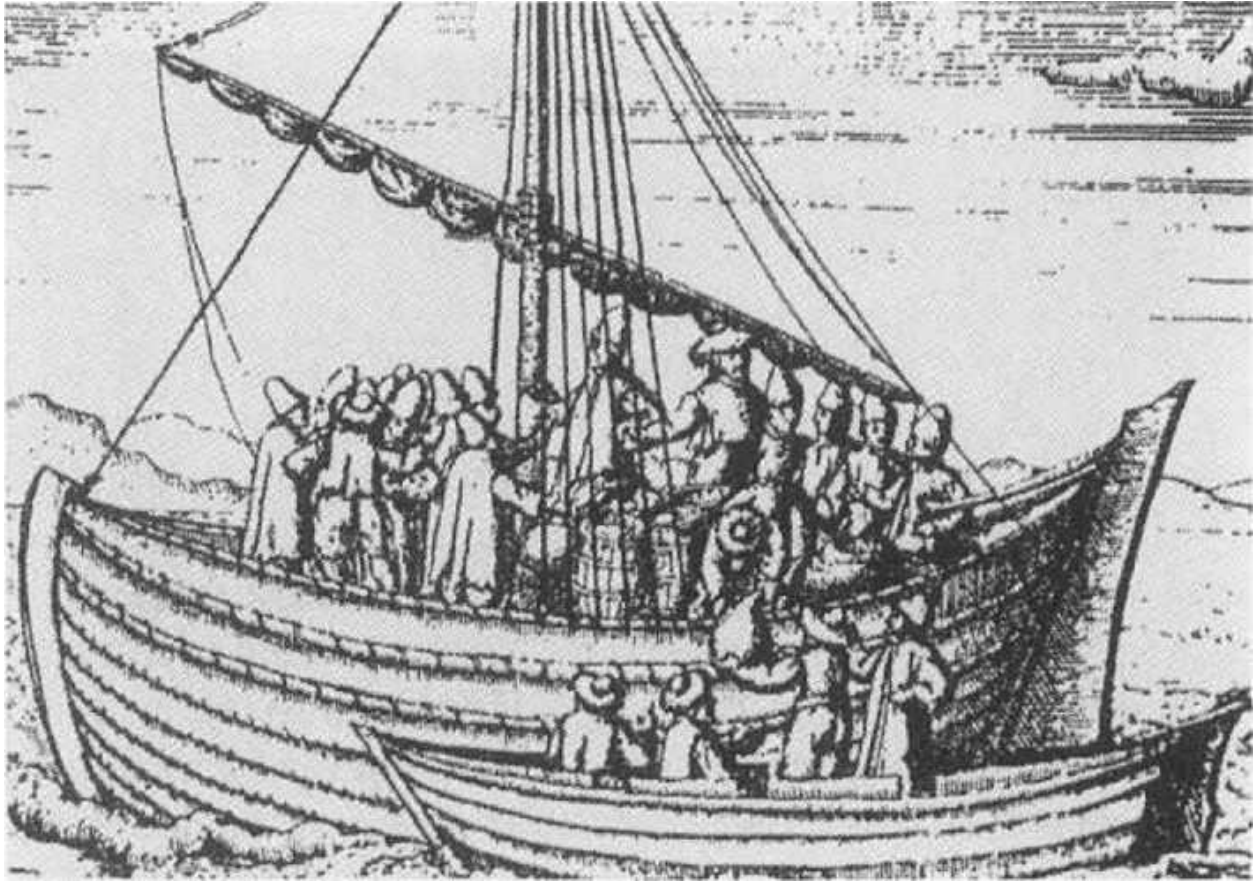
Дом, в котором участники экспедиции Баренца на Новой Земле зимовали в 1596/97 голу. Гравюра из книги Г. де Веера. 1600.

Федор Петрович Литке.

Виллем Баренц.

Встреча голландских моряков с поморами во время плавания Баренца. Гравюра из книги Г. де Веера. 1600.

Август Карлович Циволька

Карл Максимович Бэр.

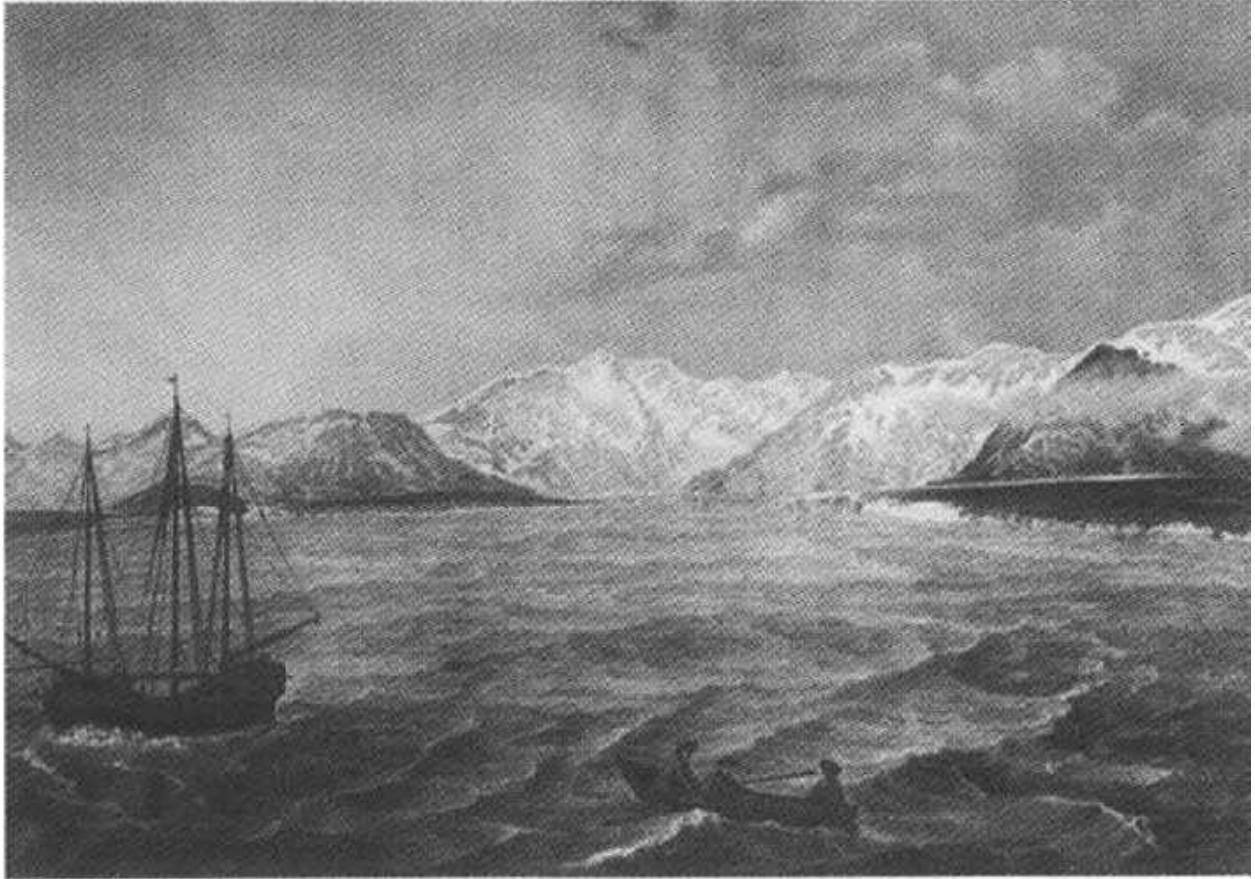
Самоеды. Русская гравюра. Середина XIX века.

Феодосий Николаевич Чернышев.

Степан Андреевич Моисеев.

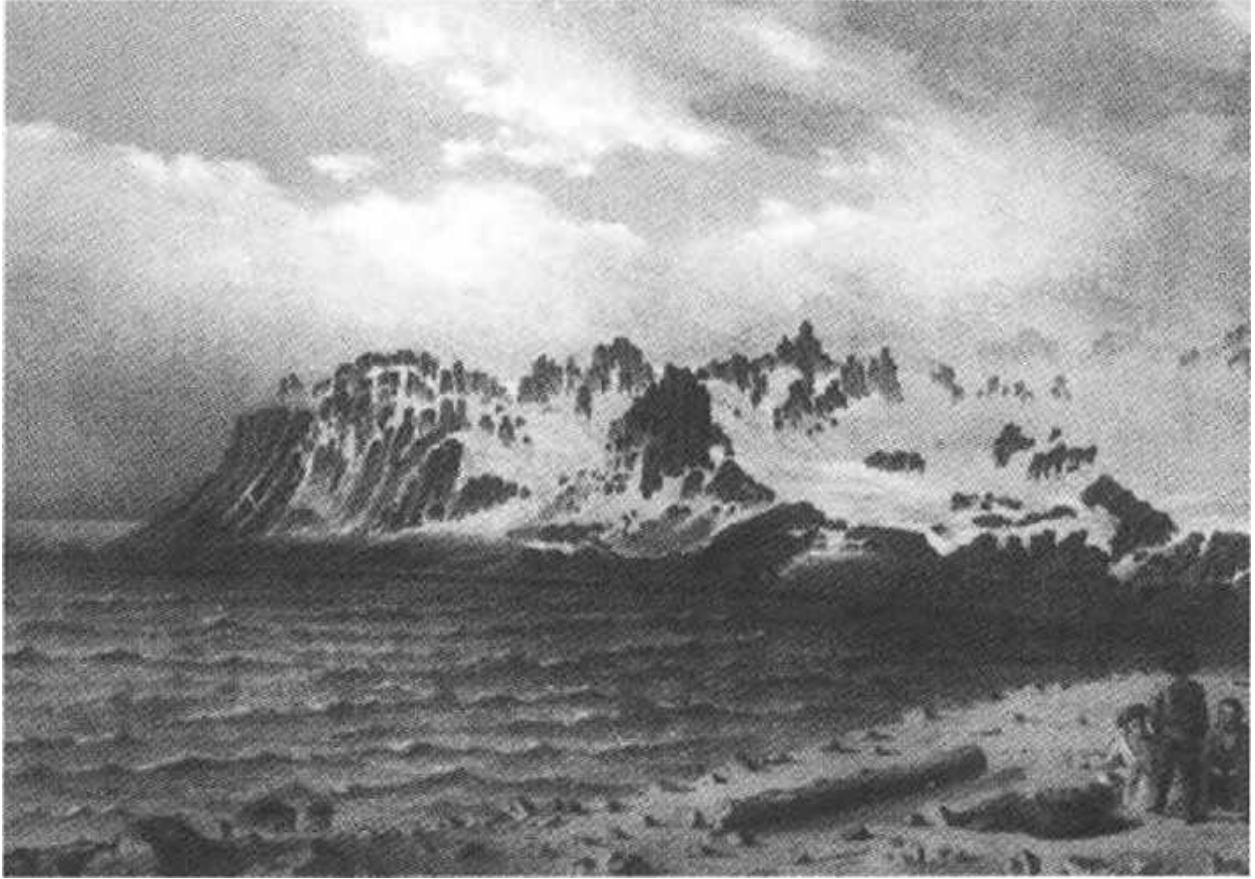
Экспедиция Бэра на ладье «Святой Елисей» у входа в Маточкин Шар. Литография середины XIX века.

Геннадии Иванович Пospelов.

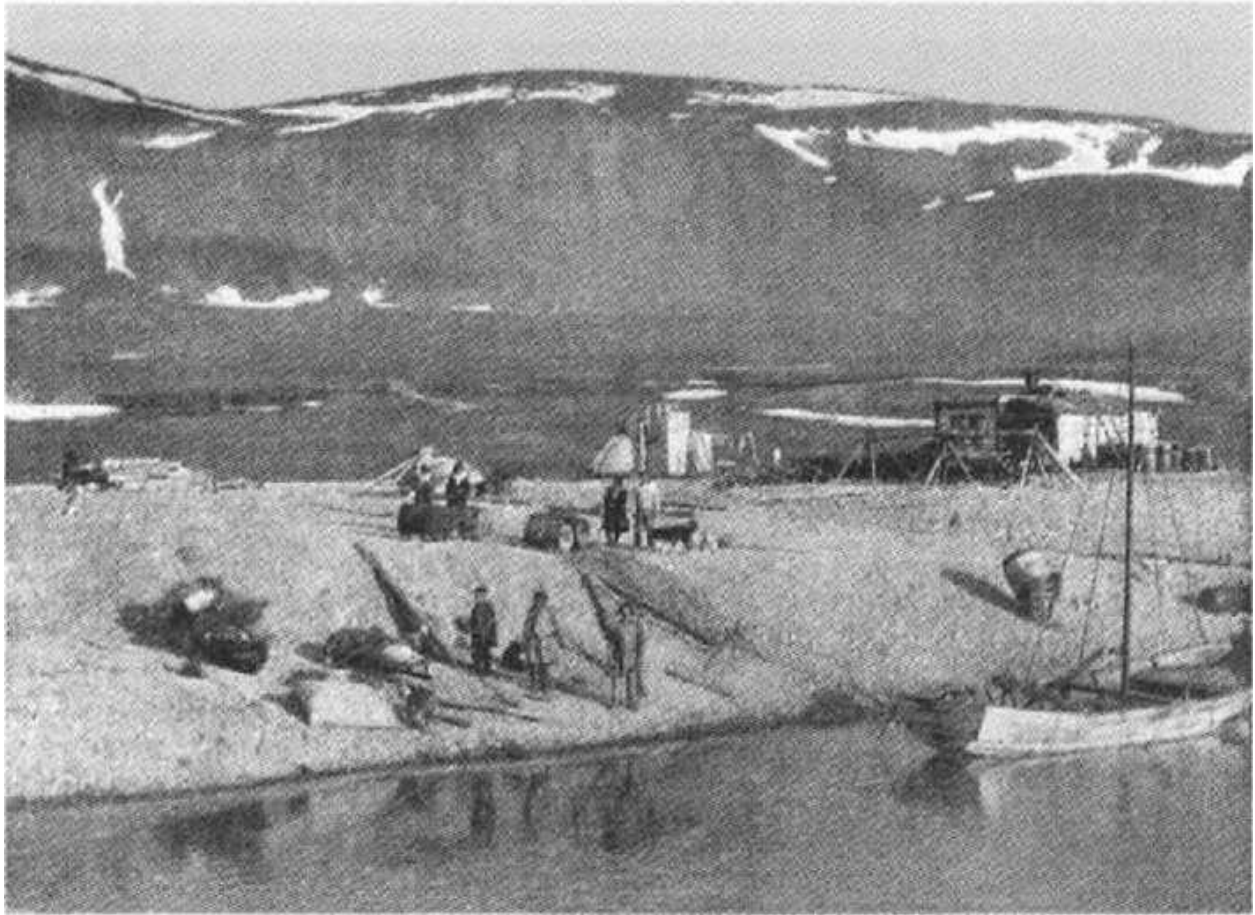
Александр Алексеевич Борисов.

Экспедиция К. М. Бэра у подножия хребта. Митюшев
Камень с ледниками. Литография середины XIX века.

Ненцы им Новой Земле. Фото начала XX века.

Становище Маточкин Шар в Поморской губе. Фото начала XX века.

Внутренность русской промысловой избы. Рисунок А. Киразина. Конец XIX века

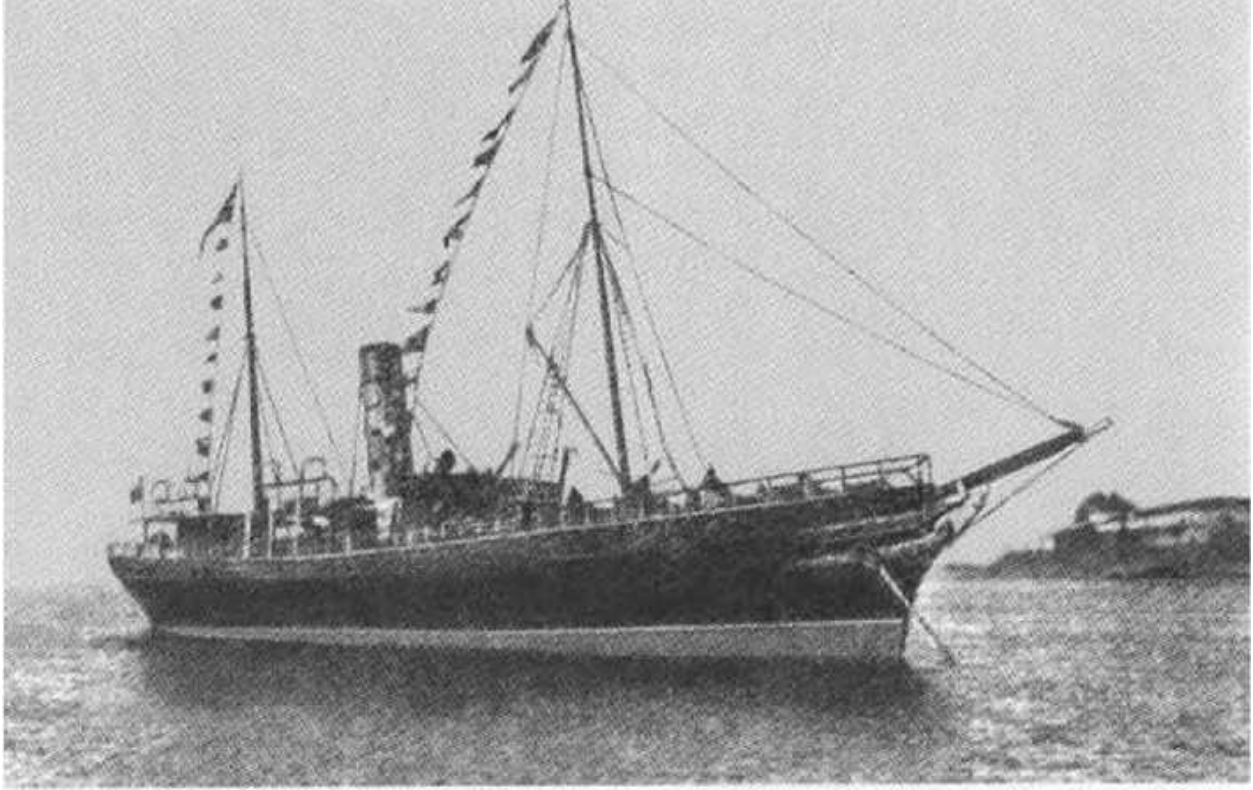
Русские поморы Новой Земли. Фотография начала XX века.

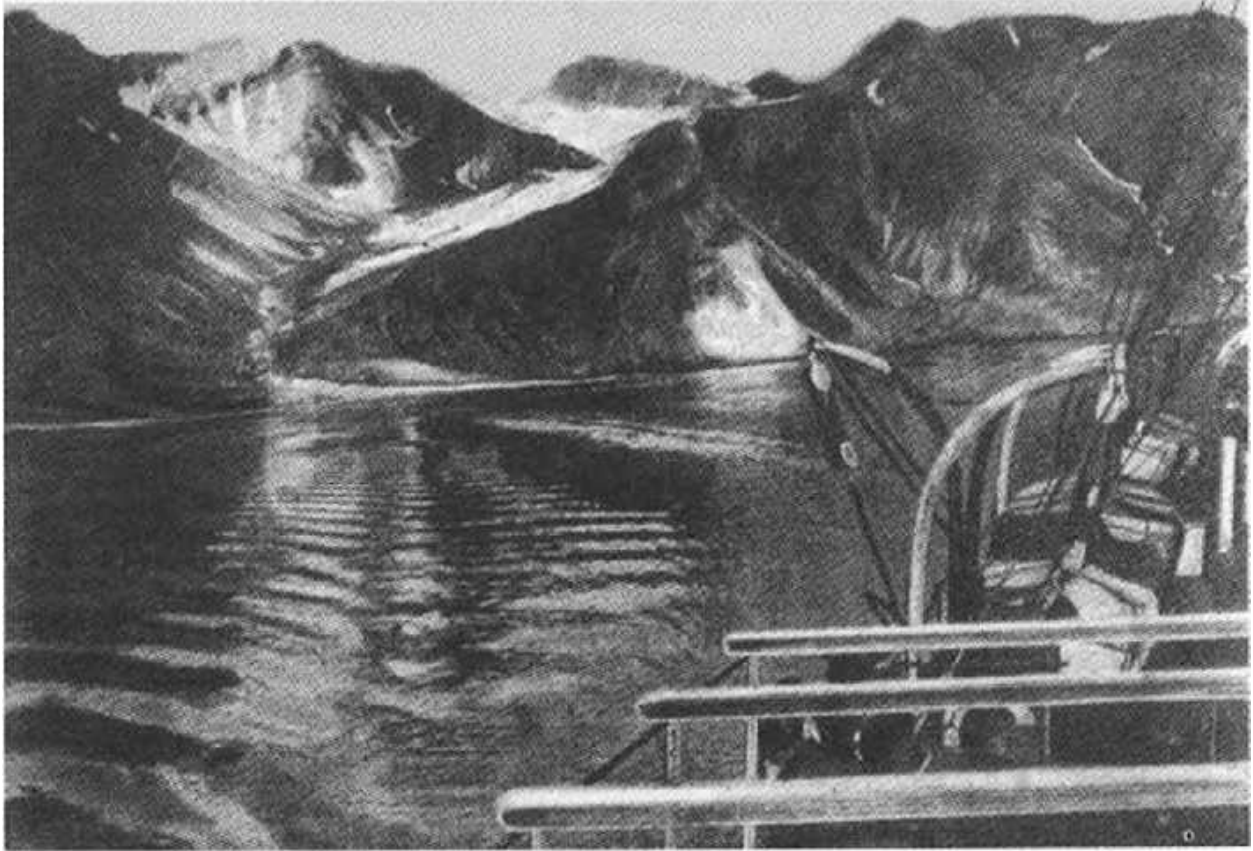
Архангельский порт. Открытка начала XX века.

Архангельск — столица Поморья. Открытка начала XX века.

Грузопассажирское судно — Королева Ольга Константиновна».

Пейзаж Маточкиного Шара.

Начальник отряда доктор Кандиотти.

Руководитель французской экспедиции Шарль Бенар.

Отплытие в Незнаемый залив на ненецких карбасах. На корме доктор Кандиотти, в центре (в шляпе) Русанов.

Здесь он ощутил главную особенность всех экспедиций всех времен и народов — всего там, на материке, предусмотреть невозможно, не настраивайся заранее на готовые решения, будь готов найти выход из самого невероятного положения, оставаясь верным поставленной цели. Иного пути нет, как нельзя восполнить здешние наблюдения наблюдениями в другом месте, ибо они незаменимы. А пока предстояло возвращение на материк.

Из Архангельска его путь лежал в Орел к родным, что неудивительно. Зато возвращение в Париж способно озадачить самого дотошного биографа исследователя — через Тифлис, куда, как позднее сообщил его сын Александр Владимирович, он поехал, чтобы повидаться с другом своей молодости Родзевичем-Белевичем. Воистину, по словам егосовременника-поэта «Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс!..», тем более что в Париж он добирался сначала пароходом по Черному морю через Батум до Одессы, а затем поездом через Львов, Краков и Вену.

Конечно, по меркам своего времени он уже стал бывалым

путешественником, познавшим не только Печорскую тайгу и ледники Новой Земли, но и горы Франции, по-видимому Альпы, которые для ученого путешественника всегда интересно сравнить с Кавказом. Опытному естествоиспытателю довольно много дает сопоставление самых разнообразных ландшафтов Русской равнины с Карпатами или Тавридой (чему его также учили в Сорбонне). Наконец, у путешественников навсегда остается неумное желание видеть то, что остается за горизонтом, которое обыватель нередко воспринимает как проявление застарелого мальчишества. Скорее всего, эти причины вместе и сделали его путь в Париж столь необычным, позволив получить свою долю впечатлений от природного разреза по меридиану через все природные зоны от ледяной Арктики до черноморских субтропиков. Он собственными глазами мог проследить эффект широтной зональности в разнообразии смены ландшафтов. Объяснять это другим непросто, но родственникам, провожающим профессионала-бродягу в очередную дорогу, остается, скрывая непрошенные слезы, принимать его каким есть...

В письме отчиму от 18 января 1908 года сквозят все те же знакомые мотивы: «В Вене остался на несколько часов, чтобы посмотреть замечательный минералогический музей — это колоссальный дворец, которого я успел за 4 часа осмотреть, увы, десятую часть. Не можете себе представить, с какой радостью я въехал во Францию. Я смотрел на вывески, дома и людей, как на родные. Как сразу после грубых и толстых немцев стало легко и весело с французами!.. Песни, шутки, остроты, *vis a vis* предложил мне вина, и с каким удовольствием я начал болтать с первым попавшимся соседом-французом.

Ну вот теперь я, наконец, у себя на месте (но не дома! — В. К.), в Париже. Еще не все успел привести в порядок, еще не у всех успел побывать. Профессора меня встретили очень радушно, наперебой предлагая свои услуги по определению привезенного материала; а мой старый профессор физической географии m-г Velain (в честь которого был назван один из ледников. — В. К.) умилил меня до глубины души; он буквально встретил меня с распростертыми объятиями. «*Je veux vous embrasser!*» (Я хочу вас обнять! — В. К.) и расцеловал меня трижды.

Теперь он все готов для меня сделать. Его прекрасная библиотека и лаборатория не только к моим услугам, но мне приходится протезировать некоторым из товарищей, которых я знаю и которых ему рекомендую в качестве желающих работать. Что касается знакомых, то я от них уже получил несколько письменных приглашений на тот или другой вечер. Всем хочется меня порасспросить о Новой Земле» (1945, с. 383).

Не касаясь остальных впечатлений от приобщения к парижской жизни (например, посещения театра-варьете «Мулен Руж»), отметим в письме ощущение научной близости и взаимной симпатии с профессором-географом Вэленом. Повидимому, не без его влияния и была совершена поездка от Белого моря до Черного с последующим возвращением через пол-Европы, что, несомненно, сыграло свою роль в становлении Русанова как профессионала.

Несмотря на самое хорошее отношение профессуры, публикаций по итогам первого полевого сезона на Новой Земле у Русанова не появилось по крайней мере по двум причинам. Первая — в связи с подготовкой к очередному экзамену, вторая — из-за срочных сборов в очередной «вояж», перспективы которого, судя по опубликованным письмам, обозначились на рубеже апрель-май 1908 года. 17 апреля 1908 года он пишет А. П. Соколову: «Завтра я подпишу контракт и сделаюсь геологом французской полярной экспедиции с жалованьем 3000 франков в год, на готовом столе, отоплении, освещении. Судно “Жак Картье” отправляется больше чем для годового путешествия в Северный Ледовитый океан и для исследования Новой Земли. Сейчас же после экзаменов с экстренным поездом через Берлин,

Варшаву, Москву или через Петербург и Вологду я выезжаю на Новую Землю. Надеюсь, что вы не осудите меня за то, что я принял это важное решение не посоветовавшись — я не имел возможности для этого и полагаю, что поступил недурно: 1) эта экспедиция для меня будет полезной в научном отношении, 2) превосходна для изучения языка, 3) интересна, так как нет спутников более живых и веселых, чем французы, 4) выгодна в материальном отношении.

Наконец, завязывая теперь прочные связи с высшими кругами образованного французского общества, я буду иметь шансы занять видное общественное положение во Франции, если я там захочу остаться...

Что касается посылок меня в опасные места, то ведь я уж не мальчик в путешествиях. У меня уже настолько есть опытности и знания местных условий, что фактически я буду руководить сухопутными экскурсиями и буду единственным посредником с самоедами» (1945, с. 384).

Письмо явно непростое и в значительной мере оправдательного характера — да, затягиваю я свое студенчество, отработаю потом и т. д. и т. п. Эти нотки не случайны, поскольку затем следуют просьбы денежного свойства в связи с предстоящими расходами, а они при сборах в экспедицию всегда немалые. Из названных четырех пунктов первый и последний особенно важны, из них оправдался, как показало время, только

первый. Пункты второй и третий, попросту говоря, притянуты за уши, поскольку условия для их выполнения в Париже не хуже — просто Русанов не уверен, что его аргументация по первому и последнему покажется убедительной, хотя именно выполнение последнего гарантировало бы ему завершение образования, тем более что в жизни все произошло иначе.

Несколько слов о достаточно высокой самооценке, кстати не сбывшейся в будущей экспедиции, поскольку претензии на самостоятельное руководство не осуществились, как это будет показано ниже. Что касается заявок на «видное общественное положение во Франции», то в оставшиеся ему годы оно также не было воплощено в жизнь. Тем не менее именно эта экспедиция открыла перед ним путь на будущее самостоятельное поприще, но там, где он сам не ожидал. Интересный момент также по поводу посещения Москвы или Петербурга — скорее всего это связано или с личными, или с официальными экспедиционными делами. Во всяком случае, этот визит (если он состоялся) никак не отразился на экспедиционных делах.

Составители сборника, опубликованного в 1945 году, отмечают, что на должность экспедиционного геолога было немало желающих среди французов, хотя и не подтверждают это документально. Даже если это было, преимущество Русанова перед конкурентами как уже знакомого с районом предстоящих исследований было несомненным и поэтому выбор его кандидатуры понятен.

К экспедиции Шарля Бенара он присоединился 25 июля в Белушьей губе, где его ожидало экспедиционное судно «Жак Картье» — на встречу с ним он добирался, очевидно, снова на борту «Королевы Ольги Константиновны», обходившей новоземельские становища. Экспедиция была укомплектована в основном военными моряками, причем вместо самостоятельного руководства (на что Русанов, как отмечено выше, рассчитывал) он был включен в состав отряда доктора Кандиотги, который для выполнения самостоятельной задачи проследовал в становище Маточкин Шар вместе с Русановым на том же рейсовом судне лишь рядовым участником, видимо, в связи с изменениями планов экспедиции. Там отряду, наняв проводников-ненцев с карбасами и собачьими упряжками, следовало добираться до Карского побережья, с тем чтобы попытаться пересечь Северный остров Новой Земли между Незнаемым заливом и Крестовой губой, что позволило бы ознакомиться с природной обстановкой на «белом пятне» между указанными пунктами. В случае тяжелой ледовой обстановки в Карском море ту же задачу следовало выполнять с западного побережья. Возвращение отряда планировалось на

попутном русском судне с последующим присоединением к основному составу экспедиции в норвежском порту Хаммерфест.

Плотный туман задержал прибытие «Королевы Ольги Константиновны» на несколько дней, которая добралась в Маточкин Шар лишь 30 июля. Уже на следующий день имущество отряда было выгружено у дома Борисова, знакомого Русанову по прошлому году — в будущем он останавливался здесь всякий раз при очередном посещении Маточкина Шара. К сожалению, этот памятник былого не сохранился — хозяева Новоземельского полигона распорядились им по-своему, видимо, не подозревая о его исторической ценности, а с учетом особенностей его постройки он уже не может быть восстановлен.

Тут же после высадки из пролива задул сильный «сток» — по инициативе В. Ю. Визе, разработавшего в 20-х годах прошлого века теорию его образования, в литературе этот ветер теперь называют новоземельской борой по аналогии с новороссийской. Этот ветер помешал поставить палатки — французам вместе с Русановым пришлось переселяться в дом Борисова. Поиски проводников продолжались недолго — на этот раз Матвей Хатанзей и Константин Вылка (описанные в книгах Борисова и Носилова) согласились на предложенные условия при активном участии Русанова в качестве переводчика и эксперта. При обсуждении планов работы отряда ненцы с Русановым чувствовали себя настолько уверенно, что Кандиотти в своем отчете особо отметил: «Мы были вынуждены оставаться в стороне» (Benard, 1909, с. 121).

5 августа доктор Кандиотти и Русанов вместе с нартами, частью собак, сетями и другим снаряжением разместились на карбасе Вылки, а курсант Непве и инженер Деламар с подобным же скарбом заняли места на карбасе Хатанзея. Карбасы сильно текли, и поначалу это вызвало тревогу у французов, но ненцы не видели в этом ничего особенного, да и Русанов по собственному прошлогоднему опыту советовал французам на подобные мелочи не обращать внимания — тем не оставалось ничего другого, как согласиться. Только тронулись в путь, как из пролива вновь потянул «сток», настолько сильный, что пришлось срочно приткнуться к берегу, чтобы переждать его. Время ожидания было использовано, чтобы пошить новый парус на карбасе Хатанзея из подручного материала вместо износившегося старого. Путь продолжили только 8 августа и спустя 17 часов плавания достигли места, носившего название «Два креста»: на одном из них была вырезана дата — 1895-й, возможно, оставленная Чернышевым. Только 10 августа были в устье реки Гусиной, а на следующий день у мыса Морозова. Для Русанова эти места запомнились по прошлому году, тогда как оба

ненца прожили здесь всю жизнь и Маточкин Шар они знали как собственные пять пальцев. Зато французы успевали только крутить головами по всем румбам, издавая восхищенные восклицания с каждым поворотом скалистого побережья — посмотреть в Маточкином Шаре было на что! Действительно, пейзаж здесь резко отличался от унылого однообразия Белушьей губы на Южном острове или даже от окрестностей Малых Кармакул самым разнообразным сочетанием высоких гор, узкой полосы воды пролива и меняющимися скальными берегами с участками речных дельт в устьях боковых долин, упиравшихся в пролив справа и слева. Определенно, таким пейзажам мог позавидовать самый избалованный европейский турист, но пока они были доступны или местным аборигенам, или редким исследователям, посвятившим себя раскрытию арктических тайн.

Сам Русанов с долей сожаления отмечал, как остаются за кормой многие интересные объекты наблюдений, но он был связан официальной программой и, кроме того, справедливо надеялся (как и получилось) восполнить пропущенное новыми не менее достойными находками уже в ближайшем будущем на иных берегах, которые ожидали его, — ведь год назад для него изучение побережья закончилось практически перед Белушьей губой Северного острова, поскольку дальнейший путь к мысу Выходному и заливу Канкрина был пройден в спешке и на этом участке знакомиться с местностью пришлось практически на бегу. 12 августа очередное усиление ветра привело к еще одной незапланированной стоянке, которую Русанов в сопровождении курсанта Непве использовал для восхождения на гору Вильчека, откуда убедился в отсутствии льда на востоке пролива — это была весьма важная информация, подтверждавшая более благоприятные условия по сравнению с прошлым годом. Разумеется, наблюдения за слагающими породами (в частности, были сделаны находки железного колчедана) оказались сугубо беглыми, но тем не менее они сыграли свою роль. Затем с благоприятным западным ветром благополучно добрались до Белушьей губы, где снова застряли до 18 августа — столько потребовалось времени для ремонта карбаса, чтобы подготовить его для похода по Карскому морю, где была опасность встречи со льдами. Внимание французов привлек высокий белый крест на братской могиле погибших от цинги участников зимовки Розмыслова в 1768–1769 годах, поставленный недавно экспедицией на гидрографическом судне «Пахтусов». Так и осталась нераскрытой таинственная загадка — почему здесь люди мерли один за другим, тогда как в отряде той же экспедиции, зимовавшем на мысе Дровяном всего-то в 10 километрах, от цинги умер

всего один человек? Как-то в таких местах порой становится не по себе — острее чувствуешь, как легко в здешних условиях уйти в небытие, однако для полярного исследователя это не повод отказаться от исполнения своих обязанностей, тем более добровольно принятых на себя. Считается, что Розмыслов первым выполнил съемки Маточкина Шара, но пролив уже существовал на секретных картах Адмиралтейства в Санкт-Петербурге, хотя и без указания на исходные материалы.

Зато 18 августа мореходы предприняли рывок, обойдя мыс Выходной и, таким образом, распрощавшись с Маточкиным Шаром, ушли к северу за залив Канкрина, одолев сразу километров полсотни. Коварное Карское море на этот раз пропустило путешественников без задержек, а сам Русанов, год назад с береговых обрывов наблюдавший лед до горизонта, порой не верил собственным глазам. И тем не менее препятствий в дальнейшем плавании оказалось предостаточно, в основном из-за погоды. У устья ручья Носилова участников похода надолго задержал плотный туман, такой тяжелый и безысходный, что, казалось, конца краю ему не будет. Кое-как пробираясь среди молочной мглы, когда силуэт спутника, казалось, грозил раствориться буквально в нескольких метрах, Кандиотти с Русановым обследовали реликтовые озера, отгороженные от моря галечниковыми косами — их наличие свидетельствовало о поднятии берегов архипелага. Окончание тумана придало сил участникам похода, увидавшим где-то за заливом Чекина важнейший ориентир — очертания горных гребней в окрестностях долгожданной цели — залива Незнаемый.

К вечеру следующего дня с попутным ветром (да таким, что временами приходилось спускать паруса) Русанов и его спутники были уже в устье залива Незнаемый, где нарвались, выражаясь грубоватым языком моряков, на «мордотык» — сильный встречный ветер, все тот же пресловутый новоземельский сток. Хотя на этот раз он задувал из центра острова — с запада, его свирепый нрав оставался неизменным. В результате на оставшиеся сорок километров до стоянки в ку-ту залива понадобилось четверо суток, и времени на ожидание прекращения ветра с приближением завершения полевого сезона просто не оставалось — Карское море совсем не Средиземное. На французов, напяливших на себя все, что только можно надеть, и укутанных поверх всего в брезенты, было тяжело смотреть, тем более что резкий сильный ветер срывал гребни волн, окатывая людей потоками всепроникающей влаги, от которой непривычные южане страдали особенно сильно. Да и зима недвусмысленно напоминала о своем неумолимом приближении: если снега на ближайшем прибрежном плато еще не было, то дальние горы в глубине острова порой были укутаны

в снежное покрывало, от одного вида которого французы начинали стучать зубами, а ненцы, наблюдая смятение гостей, лишь улыбались — они-то были у себя дома и не привыкли жаловаться.

Подобный пейзаж в багровых закатных тонах низкого полярного солнца показался доктору Кандиотти скверным предзнаменованием, и он все чаще выжидательно посматривал на своего русского эксперта, который на недоуменные вопросы француза чаще отвечал традиционным «Са ва!» с успокаивающим жестом — да ничего особенного... В такой ситуации французам оставалось только положиться на опыт и интуицию русского участника экспедиции, который, в общем-то, внешне и не показывал признаков беспокойства или сомнений в исходе предприятия. Однако, разумеется, перспективы приближения зимы не могли его не тревожить, даже если по его прошлогоднему опыту и со слов ненцев сентябрь, несмотря на отдельные непогожие дни, оставался достаточно полевым месяцем, с определенными ограничениями для маршрутов. Однако ночевки во французских палатках, не слишком пригодных для здешних условий, у всех (кроме ненцев) оставили сильное впечатление. Порой безжалостный сток просто срывал их с отяжек, закрепленных на тяжелых камнях. В такой обстановке нечего было думать поставить их заново, и люди пытались продолжить сон в спальнях мешках, заворачиваясь в палаточный брезент, стараясь не оставлять на растерзание ветру свободной палаточной ткани, убирая ее излишки под себя, пытаясь забыться в мучительной дреме под музыку непогоды, куда входили завывание ветра, хлопанье брезента и непрерывный плеск волн на берегу, временами переходящий в натруженный рев. Ненцы в это время в своих нецивилизованных малицах, укрывшись брезентами на днище карбасов вместе с обогревавшими их собаками, как говорится, и в ус не дули — они-то были у себя дома и происходящие атмосферные возмущения не казались им чем-то чрезвычайным.

Тем не менее 27 августа два неуклюжих карбаса достигли кута залива Незнаемый, остановившись в небольшой уютной бухточке, впоследствии получившей название Гольцовой из-за обилия рыбы гольца из породы лососевых, которому французы, после надоевшего сухого рациона, вскоре отдали должное. Со всех сторон громоздились горные вершины, расступавшиеся на юге довольно широкой долиной, откуда к морю спускался крупный долинный ледник, который экспансивные потомки галлов тут же называли в честь капитана Бенара (сейчас он носит имя русского географа Краснова). Со всех точек зрения, место, выбранное для стоянки карбасов и берегового лагеря, можно было считать идеальным, тем

более что в глубине суши устья нескольких долин выглядели весьма перспективными для намеченного похода к западному побережью. Убедиться в этом можно было, только пройдя их, — ликвидация большей части «белых пятен» произошла именно таким образом, пока всего полвека назад маршрутные исследования в значительной мере уступили свое место дистанционным, в первую очередь аэрофотосъемке, до торжества которой в высоких широтах герой этой книги не дожился. И тем не менее еще до начала выполнения поставленной задачи на его долю выпало открытие (заинтриговавшее его коллег на десятилетия), которое дало ему возможность судить о предельном возрасте слагающих пород на архипелаге.

День 28 августа, облачный и ветреный, прошел в рекогносцировках. Кандиотти отправился на запад к устью средней из трех долин на продолжении кута залива в глубь Новой Земли, наиболее перспективной для выполнения поставленной задачи. Правда, долина перегораживалась ледником, причем из лагеря поверхность ледника проектировалась на небосвод, что позволяло надеяться одолеть этот перевал на сравнительно небольшой высоте. Увы, как часто первые зрительные впечатления нередко подводят даже испытанных полевиков...

Русанов же из лагеря ушел к востоку по южному берегу губы Гольцовой с обычной геологической рекогносцировкой по направлению к конечным моренам ледника Бенара, обрывавшимся в море всего в трех километрах от лагеря. На пути к ним его внимание привлекли обработанные прибором фрагменты горных пород с многочисленной ископаемой фауной, даже на первый взгляд достаточно древней, а затем и само обнажение в береговом обрыве, которое потом искали поколения наших геологов — увы, подобное не редкость, так как склоны живут своей собственной жизнью. Позднее оно, вероятно, оказалось под плащом рыхлого обломочного материала или было разрушено морским прибором.

Судя по описанию Русанова, оно было опорным с точки зрения геологической истории Новой Земли, поскольку обнаруженная здесь фауна на то время была самой древней на архипелаге. Несомненно, это был крупный успех, но в отличие от главного достижения предшествующего сезона, в значительной мере он определялся везением (или фартом, по выражению старателей), фактор, который часто присутствует в работе полевого исследователя. Существует такая проблема, не описанная в учебниках и известная любому опытному специалисту, как и то, что везет почему-то самым упрямым и наиболее талантливым, но, как читателю предстоит убедиться, далеко не всегда. Свое открытие Русанов сделал

вовремя, так как его последователи (включая первопроходца 30-х годов XX века Михаила Михайловича Ермолаева) этого обнажения впоследствии не обнаружили.

Уже поэтому стоит привести описание этого природного объекта Русановым, — вдруг кому-то из читателей повезет наравне с первооткрывателем: «Оно находится в глубине залива Незнаемый, на юго-восток от бухты Гольцовой. На холме, отполированном движением льда и эрратических валунов — отторженцев, в непосредственном соседстве с диабазовым массивом, сохранившимся после ледников, находится небольшая антиклиналь, сложенная из выветренных сланцев. Там я нашел все виды цефалопод палеозоя (*Orthoceras* и др.).

Это месторождение со скоплениями ископаемых не превышает 30–40 метров в ширину. Ископаемые, попадая в воду бухты, разрушаются волнами. Даже на небольшом расстоянии от выходов этих пород ничто не напоминает о богатстве месторождения ископаемой фауны» (1945, с. 226–227).

Несколько пояснений в связи со специальной терминологией, от которой в любой профессии никуда не денешься. У геологов термин «эрратический» (не местного происхождения, принесенный откуда-то) служит для новичков предметом плоских шуток в связи с другим сходным для уха термином, не имеющим к геологии никакого отношения. Термин «отторженец» понятен в силу происхождения от исходного глагола. Диабаз — магматическая порода, лишенная кварца, образовавшаяся из вулканических расплавов, широко распространенная на Новой Земле. Антиклиналь — складка пород земной коры вершиной вверх, в отличие от синклинали, у которой изгиб слоев внизу. Палеозой — эра древней жизни, начавшаяся около 600 миллионов лет назад и продолжавшаяся до мезозоя с границей между ними возрастом примерно 230 миллионов лет, естественно тому назад. В свою очередь эры в геологии делятся на периоды — для примера, фауна обнажения, описанного выше, относилась к силуру, продолжавшемся с 440 до 400 миллионов лет назад. Столь значительный экскурс в геологическую терминологию, увы, неизбежен в связи со специальностью героя этой книги, поскольку такие термины на ее страницах будут повторяться неоднократно.

Особое внимание в геологии к ископаемой фауне и флоре связано с тем, что по этим находкам геолог или палеонтолог (специалист по ископаемой фауне или флоре) определяет возраст пород, а также судит, в каких условиях они возникли — на суше или на морском дне. Не случайно, породы, лишенные органических остатков, называют немymi. Сходные

находки, сделанные в самых отдаленных местах, нередко позволяют установить сходство условий в прошлом. Так, для примера, немного забегая вперед, находки в заливе Незнаемый позволили Русанову уже по возвращении наметить существование силурийского обширного морского бассейна, протянувшегося от Средней Европы через Предуралье и Новую Землю вплоть до Северной Америки, что и было признано другими учеными. Такое восстановление былой природной обстановки требует от геолога полета фантазии в сочетании с самым строгим отбором известных фактов, — а неизвестные он добывает в экспедициях. Все вместе взятое требует от геолога и кругозора, и интеллекта под стать математическому в сочетании с жизненной неприхотливостью и подчас запредельными физическими нагрузками. Недаром сами геологи былых времен, истоптавшие собственными ногами тысячи километров с тяжеленными рюкзаками за спиной, свою специальность нередко называли научно-вьючной.

29 августа сильный ветер продолжался, хотя немного потеплело. При этом облачность опустилась настолько низко, что, видимо, оседлала ледниковый перевал, ведущий на запад. В связи с этим Кандиотти отменил намеченный было на завтра выход на пересечение и, скорее всего, был прав, тем более что сутки спустя «небесная канцелярия» снизошла к участникам маршрута, продолжив улучшение погоды.

В предпоследний день августа французы с Русановым наконец вышли в маршрут, цель которого состояла в том, «чтобы видеть поперечные разрезы горных пород на возможно большем протяжении» (1945, с. 121). Разумеется, Русанова интересовала наука, а не приключения, к которым сами геологи и представители других экспедиционных специальностей относятся как к досадным помехам, поскольку предусмотреть всего в полевой жизни практически невозможно и приходится изворачиваться всеми доступными средствами, чтобы избежать затраты сил и времени на преодоление возникших трудностей, тем более неизбежных в условиях «белого пятна» на намеченном пути — ведь в их распоряжении не было даже карт, без которых в наше время невозможна никакая научная деятельность.

Понадеявшись решить задачу в один прием, взяли с собой лишь самое ограниченное снаряжение, заменив, например, палатку брезентами. Разумеется, не забыли продовольствие и примус с небольшим запасом керосина. Вылка, повредивший накануне выхода ногу, кое-как доковылял до ледника и вернулся обратно. Хатанзей намеревался сопровождать маршрутную группу с нартами, запряженными собаками, однако старого

снега практически не осталось, а новый еще не выпал. Тащить нарты даже с небольшим грузом по грудам камня и жидкой грязи на моренах перед ледником было каторжной работой, хотя на самом леднике, относительно ровном и с небольшим количеством трещин, дело пошло лучше. Тем не менее после форсирования полосы морен и многочисленных ручьев выяснилось, что походная обувь участников маршрута пострадала самым бедственным образом.

На леднике уже царствовала зима. Порывы ветра с характерным шелестом волокли клубы поземки, бросая изнемогавшим людям в лицо снег, оседавший на одежде и собачьей шерсти искрящимися снежинками. При подъеме к ледоразделу стало попадаться больше трещин, так что на их обход уходило много времени. Когда anerоид показал 340 метров высоты, наметился отчетливый ледяной спуск на запад, а вдали обозначилась синева Баренцева моря, выглядевшая особенно привлекательной на фоне косматых снежных туч. Здесь выяснилось положение ледораздела на границе двух ледников. «Мы убедились, что они тесно связаны, — отметил позднее Русанов. — Но ледник адмирала Макарова, обращен в сторону Карского моря, а ледник адмирала Жерве спускается к морю Баренца» (1945, с. 228). Достижение перевала не означало, что пройдена наиболее сложная часть пути, так как вскоре участники похода оказались у отвесного пятидесятиметрового обрыва, исключавшего дальнейший путь для собачьей упряжки. Кое-как люди одолели и это препятствие, но Хатанзей остался ждать возвращения основной группы, буквально устремившейся на запад к обширной дельте, в которой сливались воды нескольких рек, стекавших из центра Новой Земли в кут Крестовой губы. На этом оставшемся пути участники похода могли рассчитывать только на собственные силы, включая возвращение. Это не только существенно ограничивало их по времени, но, главное, не позволяло проводить серьезные научные наблюдения.

Путь к Баренцеву морю был обозначен темной долиной, в отличие от Карской стороны свободной от снега, шириной до трех километров, по дну которой текла река с истоками у ледника Жерве. По мере приближения к дельте, принимая притоки, она становилась все шире и шире, так что перейти ее было уже невозможно, что также сказалось на выборе пути. С ледника была заметна отчетливая асимметрия в положении ледников по бортам долины — с севера спускалось пять ледников, а с юга — только три. Как обстояло дело за поворотом, можно было узнать, лишь миновав его. Над Баренцевым морем плавали космы тумана, ухудшая видимость и мешая визуальным наблюдениям.

Облачность, однако, с каждой минутой уплотнялась, и следовало спешить, чтобы на обратном пути не оказаться на ледниковом перевале в тумане. После спуска с ледника идти по насыщенному водой топкому дну долины было трудно, так что пришлось прижиматься в процессе движения к левому каменистому склону долины, угрожавшему камнепадами. В опасных местах приходилось порой переходить на бег, что для уставших людей было порой уже не под силу. Предельный темп привел к тому, что расстояния между людьми все больше увеличивались, задние все больше отставали. Это был плохой признак, грозивший осложнениями уже в ближайшие часы, когда усталость людей приблизилась к опасному пределу. Чтобы избежать рискованного развития событий, Русанов вырвался вперед, с каждым часом опережая остальных. У берега он схватил пучок морской капусты и повернул назад, при встрече поделившись с первым из французов своей добычей — теперь остальным можно было возвращаться.

Благодаря такому маневру обратный путь к леднику Жерве занял четыре часа вместо шести — это была солидная экономия времени в ситуации, с каждым часом приближавшейся к критической. Еще час ушел на подъем на ледник к ожидавшему их Хатанзею, где участники перехода получили горячий чай и обильный перекус, а также заслуженный двухчасовой отдых, вдохнувший в них новые силы, но вместе с тем принесший страдания от холода. Кое-кто начал жаловаться на резь в глазах — это был первый признак так называемой снежной слепоты, ожога слизистой оболочки глаз отраженной от снега и льда солнечной радиацией. Определенно, задерживаться на леднике не стоило, и люди почти бегом бросились вниз по леднику Макарова к бухте Гольцовой, где они уже видели дым от костра, зажженного Вылкой. В 2 часа ночи 31 августа, одолев, таким образом, за

19 часов почти 70 километров, участники перехода вернулись в свой лагерь в бухте Гольцовой — поставленная задача была выполнена и можно было возвращаться в Поморскую губу, с тем чтобы успеть к последнему пароходу.

Даже кратковременное пребывание на ледниках показало участникам маршрута, чем чревато приближение полярной зимы. Поэтому уже на следующий день, чтобы воспользоваться попутным северо-западным ветром (повидимому, все тот же не слишком сильный сток), на обоих карбасах подняли паруса и возвращение началось. С попутным ветром залив Незнаемый одолели всего за один переход и уже 2 сентября оказались в соседнем заливе Чекина. Однако затем усилившийся ветер заставил ждать улучшения погоды, на что, к счастью, потребовались всего сутки, но

следующий переход оказался слишком коротким, всего до устья ручья Носилова, где непогода навалилась уже всерьез, задержав путешественников на неделю, так что пришлось тщательно пересчитывать оставшиеся галеты и раздумывать над последними банками консервов. Между тем волнением карбас Вылки был выброшен на берег. Потребовалось много работы, чтобы снова спустить его на воду. С берега было видно, как в глубине острова над гребнями гор потянулись снежные вихри — там уже зима наводила свой порядок всерьез и надолго. В сплошных снежных зарядах карбасы вошли в Маточкин Шар и, чтобы дать отдых людям, остановились на уже знакомой стоянке в Тюленьей бухте у братской могилы участников экспедиции Розмыслова. 12 сентября оба карбаса достигли становища в Поморской губе, где запоздалые путешественники встретили радушный прием его обитателей.

Между тем развитие погоды уже в ближайшие дни показало незадачливым французам, каких они избежали испытаний, если хотя бы немного задержались с возвращением. Уже 17 сентября замерзла река Маточка. Русанов продолжал изучение окрестностей и по выпавшему снегу и даже, как отмечено в рапорте Кандиотти, якобы обнаружил месторождение угля — разумеется, это были лишь фрагменты лигнита, скверной разновидности бурых углей. Спустя десять дней путешественники оставили берега Новой Земли, степень гостеприимности которых каждый мог оценивать по-своему. Что касается Русанова, несомненно, в такой ситуации он сделал все, что мог, хотя, повидимому, об организации самого похода у него были какие-то свои соображения и, как показало уже ближайшее будущее, он сделал свои выводы, особенно в части научной производительности. В любом случае, для него экспедиция оказалась в высшей степени полезной, хотя намеченная, видимо, сгоряча зимовка так и не состоялась — Бенар изменил первоначальные планы и предпочел вернуться во Францию.

Что касается результатов пересечения, то в отношении их можно вполне определенно утверждать — каждому свое: Кандиотти осуществил ликвидацию очередного белого пятна, хотя даже и не положил его на карту; Русанов собрал гораздо более богатый научный урожай, требующий более подробного описания.

Это тем более оправданно, что с этой экспедицией связаны первые общие публикации не только в экспедиционном очерке на страницах книги Бенара, но и в «Отчетах, изданных еженедельными собраниями Академии наук» в Париже, публиковаться в которых считали за честь самые маститые ученые того времени. То обстоятельство, что рядом с ними появился

первый серьезный научный опус студента Сорбонны, говорит само за себя — его участие в экспедиции Бена-ра не было напрасным. Такая публикация явилась знаком признания солидного научного сообщества, допустившего в свою среду студента — как он того, несомненно, заслуживал. Таким началом ученой карьеры мог бы гордиться самый искушенный в науке корифей.

Статья «О силуре Новой Земли», увидевшая свет в «Отчетах...» за 12 июля 1909 года, в которой начинающий геолог определил по сборам ископаемой фауны границы пород разного возраста с преобладанием силура на востоке архипелага и девона в центральной части Северного острова, явилась серьезной заявкой на будущее. При этом был обнаружен новый род моллюсков *Caroceras*, сходных с тем, что описал Барранд для пород силура в Чехии на Европейском континенте — это означало, что силурийские моря Средней Европы и Новой Земли были единой теплой акваторией. Дальнейшее изучение сборов показало, что «список ископаемых содержит и американские виды, что подтверждает мнение некоторых геологов (иллюстрированное профессором Огом на палеогеографической карте) о том, что арктическое море соединялось во время верхнего силура с морями Европы и с морем Северной Америки» (1945, с. 232). Это означало, что новичок в науке замахнулся на научные концепции глобального масштаба, проявив как смелость и новизну научных построений, с одной стороны, так и умение добывать факты для подобных выводов в самых сложных природных условиях, порой, что называется, на бегу в самое ограниченное время, как оно было в бухте Гольцовой. Спустя четверть века русановская идея прочно заняла свое место в вузовских учебниках, по которым готовилось предвоенное поколение наших геологов. Далек не все авторы новых научных идей удостоились подобной чести.

Достижения Русанова отражены также и в книге Бенара, куда геологический раздел, написанный русским участником, вошел целиком. В русском варианте под заголовком «Состояние геологических исследований на Новой Земле» этот труд опубликован в сборнике 1945 года. Эта работа по своим целям и задачам несколько шире, она включает целый ряд исходных положений, послуживших основанием для продолжения русановских исследований на архипелаге. В ней он подразделил породы, слагающие Новую Землю, на первичные (древние палеозойские) и более молодые вторичные (мезозойские), причем последние, по его мнению, «сохранились на Новой Земле лишь небольшими разбросанными островками. «Я не нашел обнажений пород вторичной эпохи» (1945, с.

227), отметил он и был прав, поскольку с тех пор это не удалось никому.

Его последователям попадались лишь жалкие остатки былой мезозойской толщи слагающих пород, которые были сметены самыми разнообразными природными процессами — работой текучих вод, морозным выветриванием, ледниковой деятельностью, разрушены морским прибоем и т. д. Нам достались лишь отдельные, чудом сохранившиеся экземпляры морской фауны того времени, порой восхищающие глаз специалиста своей сохранностью и изяществом форм.

Не менее важны его выводы о процессах в четвертичное время (то есть за последний миллион лет) по наблюдениям полевых сезонов 1907 и 1908 годов. В первую очередь это относилось к ледникам, которые в начале XX века рассматривались учеными в качестве остатков великого древнего оледенения, причем во взаимосвязи с другими природными процессами, прежде всего с изменениями уровня моря, о чем свидетельствовали многочисленные морские террасы. Это позволило ему прийти к важнейшему заключению: «В этом (то есть 1908. — В. К.) году мне удалось проверить точность этого наблюдения, многочисленные ледники, которые я наблюдал в глубине острова, находятся часто на расстоянии 2–3 километров от конечных морен» (1945, с. 227). Однако дело не просто в контроле предшествующих наблюдений (что важно само по себе), а в том, что проявления одного и того же природного процесса были прослежены в удаленных друг от друга частях архипелага.

Что касается полезных ископаемых, то имеющихся находок пока было недостаточно для каких-либо обоснованных заключений. Отдельные находки фрагментов лигнита (бурых углей) позволяли надеяться на наличие где-то в глубине малоизученного острова коренных месторождений, что позднее, впрочем, не подтвердилось. Что ж, геолог-поисковик часто работает по нескольким версиям, из которых в конечном итоге подтверждается лишь одна, причем не самая приятная, что скорее относится уже к прозе жизни...

Говоря о первых исследованиях Русанова на архипелаге в 1907–1908 годах, следует отметить такие его качества (причем проявившиеся в самых сложных природных условиях), как наблюдательность, строгий отбор фактов, повышенную научную интуицию. И тем не менее полученные результаты явились только трамплином для его успешной будущей деятельности — не более... Но всем специалистам-полярникам, наблюдавшим его восхождение, стало ясно, что появился новый перспективный исследователь, возможности которого на будущее выглядели весьма обещающими.

Глава 7 1909 год на архипелаге

На борт вздымали якоря, Отворяли паруса.
Прощай, город Архангельский!
Прощай, матушка Двина!

Из поморского фольклора

На север в сумрачные дали
Мы в новый тронулись поход.

Н. Тихонов

Вовремя появились французы на Новой Земле. Во-первых, как-никак они наши союзники в Европе, на которых, если что не так, можно надеяться. Во-вторых, едва ли Франция будет претендовать на особые интересы в этом архипелаге. В-третьих, симпатии к французам в нашем обществе традиционные. Выходит, кандидатура нашего русского, работавшего с французами на Новой Земле, которому они поют дифирамбы, должна всех устроить, несмотря на его причастность в прошлом к «политике», — а кто не причастен к ней после 1905 года?

Так или примерно так рассуждал архангельский губернатор Иван Васильевич Сосновский, человек в своей должности новый и поэтому в меру осторожный. Став губернатором по протекции самого премьер-министра Петра Аркадьевича Столыпина, он столкнулся с массой проблем в губернии, переполненной после событий 1905 года ссыльными всех мастей и оттенков — от отпетых уголовников до интеллектуальных ниспровергателей самодержавных устоев самого разного толка. Не легче обстояло дело и на полярных окраинах губернии. Отношения с норвежцами на Новой Земле становились тревожными, пора давно было принимать меры. Но где конкретно нарушители, сколько их?.. С варягами придется проявлять определенный такт — лучше не просто запрещать и выгонять, а селиться самим, приступать к энергичной эксплуатации природных богатств Новой Земли, но каких? При Энгельгардте выручила Академия наук, послав Чернышева сначала на Тиман, а потом на Новую

Землю, где он особых минеральных богатств не обнаружил. Сейчас Феодосию Николаевичу не до экспедиций — занят обработкой прежних результатов, руководит Геологическим комитетом, постарел... Нужен кто-то новый. Есть добровольцы, однако с отсутствием полярного опыта. Определенно, этим Русановым пренебрегать не следует...

Прав был Русанов, когда позднее в очередном письме к отчиму утверждал, что для французов он сам «чужой человек, иностранец, и все-таки они меня ценят и любят больше, чем мои любезные соотечественники. В этом отношении последние, так сказать, тянутся за французами» (1945, с. 385). Воистину, нет пророка в своем отечестве...

Не останавливаясь на всей переписке в связи с участием Владимира Александровича в будущих работах на Новой Земле, приведем лишь один показательный фрагмент его письма от 18 мая 1909 года правителю канцелярии губернатора Б. И. Садовскому, который по-своему показателен:

«Если Крестовая губа будет признана подходящей для устройства в ней нового становища, то я считаю безусловно необходимым пополнить предложенный мною и принятый губернатором план исследований одним новым и очень существенным пунктом. Стоит Вам бросить один только взгляд на карту, чтобы убедиться, что на всей Новой Земле Крестовая губа — единственное место, от которого до Карского моря самое короткое расстояние. Всего лишь 25 верст (по прямой линии) отделяют Крестовую губу от Незнаемого залива. Незнаемый залив — непочатое дно для промысла. Мы в нем ловили превосходных гольцов и видели массу нерп, морских зайцев, а также моржей. Так вот, отыскать удобный и кратчайший проход из Крестовой губы в Незнаемый залив мне представляется делом большой важности, так как если проход найдется, то промышленное значение будущего Крестового становища возрастает раз в десять. Тот проход, которым следовали мы (с французами в 1908 году. — В. К.), нельзя рекомендовать — для переправы грузов он решительно недоступен: два огромных ледника заграждают его, из которых один опускается ледяной вертикальной стеной в 25 сажений высоты. Но у меня есть веское основание думать, что рядом лежащая более южная долина свободна от ледников. И так, по-моему, задачей нашей экспедиции должно быть: исследование западного побережья до полуострова Адмиралтейства; исследование в частности и в особенности Крестовой губы, и переход в Незнаемый залив» (1945, с. 34). Из этого текста становится понятна роль Русанова в качестве генератора идей, наметившего районы работ и тематику исследований.

В июне личный состав небольшой по численности экспедиции

окончательно сформировался. Ее начальником был назначен ссыльный Ю. В. Крамер, инженер-технолог по специальности, взявший на себя метеорологические наблюдения и топографическую съемку. Все связанное с геологией, естественно, поручалось Русанову. К. А. Лоренц отвечал за ботанические сборы и препарирование фауны, А. А. Быков должен был обеспечить фотографирование местности, включая специальную фотограмметрическую съемку. В экспедиции принял участие и представитель архангельской администрации — младший чиновник для особых поручений при особе губернатора П. А. Галахов. При таком подборе специалистов можно было ожидать уже на предварительной стадии подготовки экспедиции, что наиболее интересные результаты будут получены именно в области геологии, даже если с формальной точки зрения Русанов оставался лишь студентом Сорбонны, одним из представителей пользующейся мировой известностью геологической школы Г. Э. Ога, ставшего в том же 1909 году иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук. Публикация Русанова в трудах Французской академии наук по итогам предшествующей экспедиции также явилась серьезной заявкой на будущее. Уже поэтому он занимал в новоземельской экспедиции 1909 года особое положение неформального лидера, причем с самого начала.

Знакомым путем на знакомом судне по знакомым местам на Новой Земле. В Маточкином Шаре для участия в экспедиции были наняты с двумя упряжками ненцы Санко и Ты-ко (Илья) Вылки — о последнем из них написано немало книг, в будущем он станет известен как «президент Новой Земли», его имя читатель встретит на страницах этой книги много раз. Вечером 9 июля экспедиция высадилась на северном берегу Крестовой губы в небольшой бухточке, названной в честь архангельского губернатора, где был организован экспедиционный базовый лагерь, или, по терминологии того времени — стан, отчего ближайшая к нему горная вершина была названа Становой. Продовольствием экспедиция была обеспечена на два месяца. Судя по тому, что в конце полевого сезона часть его была оставлена в Маточкином Шаре, провианта оказалось достаточно.

На следующее утро (достаточно условное для бесконечного полярного дня в летнее время) приступили к разборке и сортировке экспедиционного имущества. Первое время погода не мешала этой работе, однако потом усилился ветер, а вскоре пошел легкий снежок, перемежающийся с морозящим дождем. Люди потянулись к костру, а затем укрылись от непогоды в палатки. На следующий день все повторилось, так что оставалось заниматься в стане лишь самой грубой физической работой,

которой, впрочем, в экспедиции всегда хватает. Только 12 июля солнце пробилось сквозь плотное облачное покрывало, прекратилась морось и можно было приступить к первым ближним экскурсиям — сначала к устью реки Северной Крестовой. В современных отложениях Русанов вновь обнаружил фрагменты лигнита, причем неокатанного — можно было рассчитывать, что его коренное месторождение где-то поблизости, возможно, совсем рядом. Лиха беда начало!

Два дня спустя Крамер и Быков, обрадовавшись поначалу солнечной и ясной погоде, испытали на себе удары «стока», так сотрясавшего штативы инструментов для фотограмметрической съемки, что работать было невозможно. Новая Земля впервые в полевом сезоне проявила свой нрав всерьез и не в последний раз... Частично эта неудача была компенсирована на следующий день результатами рекогносцировки со Становой горы, когда восточнее кута Крестовой губы были обнаружены устья трех долин, выходящих из центральной части острова, — очевидно, по средней из них в прошлом году Русанов и совершил свой марш-бросок к морю. Были и другие первые пока попутные наблюдения — например, повсеместное развитие обширных дельт свидетельствовало о продолжающемся поднятии Новой Земли из моря, что, кстати, подтверждалось и наличием береговых террас — на побережье — все это сулило исследователю самое широкое поле деятельности уже в ближайшем будущем. Сравнение с картой Главного гидрографического управления показало, что очертания берегов Крестовой губы в основном совпадают, зато один из островов на карте отсутствовал и т. д. Западнее стана Русанов обнаружил серые известняки с хорошо сохранившейся ископаемой фауной раковин-продуктусов, характерных для каменноугольного периода. Своя добыча была и у Лоренца — он обнаружил новый вид папоротника и даже гнездо шмелей (сами эти насекомые не были чем-то необычным на Новой Земле), одновременно встретив на южных и юго-западных склонах горы Становой сплошное переплетение ползучей ивы вместе с сообществом разнообразных цветковых, среди которых выделялись неприхотливые незабудки.

Для участников экспедиции окружающий полярный ландшафт постепенно становился своим, и даже новички находили его по-своему привлекательным, хотя и непривычным, возможно чересчур загадочным для восприятия человека с материка, что позднее нашло отражение в экспедиционном отчете, судя по вниманию к природным процессам и рельефу, написанном именно Русановым:

«В соседстве с ними в долины падают мощные ледники, прорывшие

себе глубокие пути среди неприступного кряжа диких и неприветливых гор, куда устремилась бирюзовая водная гладь 90-верстной Крестовой губы, охваченной прозрачной летней ночью с ее молочными сумерками и померкшим солнцем над горизонтом. Отсутствие здесь теней нарушает перспективу и придает горам характер панорамы, теряющейся со стороны востока в едва приметных красках бледного неба.

Светло, как днем, но в природе все-таки чувствуется сон и необычная полночь, нежная в красках, но суровая в своих очертаниях. Есть что-то сказочное, но недосказанное, загадочное в летней полярной ночи, что раздражает художественное чутье человека и, пробуждая в нем дух отваги, предприимчивости и любознательности, влечет все дальше к северу» (1945, с. 113). Русановское авторство приведенного текста (который слишком созвучен таким художникам своего времени, как Бакст, Сомов или Лансере) подтверждается еще и последней фразой — из всех участников экспедиции 1909 года «дух отваги, предприимчивости и любознательности» увел дальше на север только его самого. Еще одно обстоятельство относительно стиля старинных экспедиционных отчетов, в которых блестящим образом сочеталась настоящая литература с настоящей наукой, что, например, характерно для книг Владимира Клавдиевича Арсеньева. Весьма вероятно, что при иной судьбе Русанов своими ненаписанными книгами, возможно, затмил бы славу Арсеньева как писателя-путешественника. Отмечаю это сознательно, чтобы показать, что экспедиции на протяжении веков были не только проявлением научного, но одновременно и духовного поиска, даже если в настоящей книге приходится больше уделять места экспедиционной прозе.

Очередной период непогоды был использован для работы в экспедиционном лагере (стане) для подготовки к шлюпочному походу на север, тем более что возни с «плавсредствами», судя по опубликованному дневнику А. А. Быкова, оказалось немало. В распоряжении экспедиции было три суденышка. Однако самая маленькая парусная шлюпка не годилась для открытого побережья, для большого карбаса нехва-тало команды. Третье же «судно» отличалось изрядным возрастом, порядочно текло, местами борта его подгнили. Позднее его срочно подконопатили, еще раз просмолили и для крепости набили на киль старый металлический полоз от нарт.

Среди участников сложились дружеские отношения, но Быков в своем дневнике явно выделяет среди остальных именно Русанова, к которому испытывал неподдельную симпатию, как к старшему и более опытному товарищу, профессиональному исследователю, у которого было чему

поучиться, что следует из целого ряда описанных им эпизодов. Например, когда Русанов при выгрузке повредил ногу упавшим ящиком, несмотря на травму он продолжал участвовать в общих работах, одновременно оглядывая окрестности. Потом начинает собираться, вешает через плечо сумку для образцов, засовывает за пояс геологический молоток и, вооружившись для страховки палкой-клюкой, найденной на берегу среди плавника, отправляется в путь. Товарищи пытаются унять нетерпеливого геолога:

Куда вы с такой ногой и в такую погоду?

— Только в небольшую экскурсию. Вот поброжу неподалеку и скоро вернусь, — отвечает он, чтобы вернуться через несколько часов с тяжелой сумкой образцов, которую и иному здоровяку поднять не под силу.

Затем долго раскладывает на брезенте непонятные для непосвященных «камни», порой изучает их с лупой и тут же комментирует свой «улов», заражая остальных неподдельным интересом к этим невзрачным странным кускам породы, а его «болельщики» постепенно проникаются научной значимостью русановских находок. Или демонстрирует отпечатки морской фауны былых времен, навечно запечатленные в камне, свободно оперируя возрастными в сотни миллионов лет. Тут же пускается в теоретические изыски, обращая особое внимание на полезные ископаемые — мрамор, аспидный камень, диабазы и другие. Нередко вечер у костра заканчивался песнями, среди которых порой звучала «Марсельеза». Из других событий отметим посещение губы Крестовой 21 июля судами известного архангельского рыбопромышленника Д. Н. Масленникова «Николай» и «Дмитрий Солунский», поскольку читателю еще предстоит встреча с этими судами на страницах настоящей книги.

Неудивительно, что такие качества, как преданность профессии, энтузиазм, внимание к другим участникам экспедиции, и сформировали отмеченное выше отношение А. А. Быкова к своему кумиру. Несомненно одно — с самого начала экспедиции именно Русанов стал ее неформальным лидером и тем участником, который взвалил на свои плечи если не формальную, то реальную ответственность за ее успешное завершение.

Особенно это проявилось в шлюпочном походе к полуострову Адмиралтейства. Понимая, что именно этот маршрут в случае удачи станет главным событием экспедиции, Крамер поначалу, судя по дневнику А. А. Быкова, также намеревался участвовать в нем, но в последний момент по каким-то причинам отказался. Отъезд 22 июля Русанова и обоих Вылок,

составивших экипаж крохотного судна, Быков описал так:

«Подняв паруса, шлюпка ушла в океан после дружеского теплого прощания. Сжималось сердце невольной боязнью за Русанова. Поездка в такой старой полуразбитой шлюпке открытым океаном могла окончиться печально. Страшен Ледовитый океан, когда разбушует сердитыми волнами, и опасны прибрежные скалы с их подводными рифами. А от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства была не одна сотня верст» (1945, с. 36).

Хотя оценка обстановки глазами новичка-фотографа и уже прошедшего крещение Арктикой профессионала не могла совпадать, опасения Быкова понятны. Не в первый и не в последний раз исследователи использовали транспорт, оставлявший желать лучшего по единственной причине — цель стоила того. Скорее удивительно другое — как часто она достигалась.

Первое «открытие» последовало, когда еще шлюпка не вышла из Крестовой губы — новенький, с иголки норвежский охотничий домик приютился среди скал у мыса Прокофьева. Как эту «новостройку» не заметили с борта «Королевы Ольги Константиновны», остается только гадать, но факт остается фактом — трое россиян и трое норвежцев теперь с интересом рассматривали друг друга, про себя решая неожиданно возникшую проблему — как вести себя с незванными гостями, ибо таковыми они оказались друг для друга. Строго говоря, новостью возникшая ситуация была только для Русанова, поскольку его спутники-ненцы неоднократно ранее имели дело с «норвегами», вступая с ними в «бартер» по той простой причине, что собственное правительство в далеком Петербурге попросту оставило их на произвол судьбы.

Открывшаяся картина (учитывая развалины старой поморской избы поблизости) была настолько символичной, что в отчете была описана следующим образом:

«Печальная картина на русской земле! Там, где некогда в течение столетий промышляли наши русские отважные поморы, теперь спокойно живут и легко богатеют норвежцы. Рядом с гнилыми, покрытыми мхом развалинами нарождалась новая жизнь» (1945, с. 114) — но не наша, российская — остается добавить в качестве комментария. В отчете также сказано, что «норвежцы оказались очень гостеприимными» (а что им оставалось делать?). Русанов использовал это обстоятельство, оставшись здесь на ночевку. В общении с норвежцами, когда переводчиком выступал Тыко (Илья) Вылка, выяснилось много интересного — размеры норвежского промысла, наличие других норвежских охотничьих баз

(например, в губе Архангельской), связь между ними и т. д. Только вблизи домика стояли тридцать бочек с салом морского зверя и свежепосоленным гольцом. Доход от этого явно незаконного промысла было нетрудно подсчитать, как и убытки государства из-за российского ротозейства, причем на высшем уровне. Определенно, не стоит обвинять Русанова в «непринятии мер», скорее он поступил мудро, отодвинув их на будущий год, причем без ненужных осложнений, продемонстрировав, таким образом, свои качества еще и на дипломатическом поприще.

Переход на следующий день в губу Южную Сульменева занял немного времени, причем для ночевки остановились в небольшой защищенной бухте прямо против крупного ледника на противоположном берегу, от которого с грохотом, временами переходившим в отдаленные раскаты, всю ночь валились айсберги — за это на своей отчетной карте Русанов назвал его Шумным. Если читатель однажды посетит эти негостеприимные берега Новой Земли, он уже не увидит здесь чего-либо подобного — ледник отшумел, когда в процессе отступления его край оказался на суше и перестал продуцировать айсберги с сопутствующими звуковыми эффектами. Но тогда Русанова волновала иная проблема — отойди ветер к северу и вся беспокойная флотилия красавцев-айс-бергов безжалостно атакует его стоянку. Лучше было покинуть ее, что и было сделано 24 июля.

Поскольку ветер действительно отошел к северу и стал, таким образом, встречным, идти пришлось большей частью на веслах. У северного входного мыса в оставляемую губу на каменистых банках застряло множество айсбергов, отчего Русанов назвал его мысом Плавучих льдов. Его миновали на приличном расстоянии, чтобы самим не оказаться на случайной подводной скале. На исходе суток, несмотря на ветер и волнение, стали на якорь в соседней губе Северной Сульменева. При этом стоянка оказалась открытой волнению настолько, что пришлось разгружать шлюпку и вытаскивать ее на берег. Такая предосторожность оказалась правильной — неподалеку сохранились следы старой морской катастрофы — избитые на камнях волнами обломки небольшого судна как напоминание неосторожным мореходам. Сколько подобных «памятников» суждено было Русанову потом встретить на Новой Земле...

Побережье, вдоль которого проходил маршрут, было достаточно типичным для этой части Новой Земли — горные хребты один за другим тянулись вдоль побережья, постепенно повышаясь в глубь суши, сверкая в лучах незаходящего солнца многочисленными ледниками на склонах. Вся эта горная система поперек побережья рассекалась многочисленными заливами-фиордами, которые поморы издавна называли по своему губами,

и этот термин в знак признания их заслуг остался в топонимике Новой Земли. Такие заливы-фиорды-губы, разрывая хребты на обособленные друг от друга куски, вторгались в глубь Новой Земли на десятки километров, отчего пейзаж архипелага приобретал необычайную зрелищность и перспективу. В самих губах между пересекавшими их хребтами существовали так называемые расширения-ледянки, в которых лед сохранялся с наступлением лета даже тогда, когда на открытом побережье от него не оставалось и следа. Такой экскурс в особенности топонимики Новой Земли необходим, поскольку является местной особенностью, без которой обойтись невозможно. Отметим также, что в те времена изучение рельефа входило в компетенцию геолога, и неудивительно, что Русанов уделял ему в своих работах много места.

На пути к конечной цели своего маршрута — полуострову Адмиралтейства Русанов пока не вел особых научных наблюдений, используя свой вояж лишь для попутной рекогносцировки — разведки побережья на будущее, одновременно отмечая все несовпадения в описаниях предшественников. Природный процесс здесь проходил настолько интенсивно (о чем он уже знал по прошлым экспедициям на примере ледников), что его эффект проследить было несложно. Разумеется, он отмечал также места наиболее благоприятных стоянок, скопления плавника на берегу для костров, наличие поблизости пресной воды, — все то, что облегчает жизнь человека в этом суровом краю, его быт и безопасность.

Обычно начало маршрута сопровождается массой непредвиденных мелких случайностей. Каждый новый участник по-своему приспособляется к новой обстановке, стараясь «вписаться» в нее и одновременно уясняя свое место в грядущих событиях. Все, как в любом новом коллективе на материке, не считая окружающей обстановки, которая не прощает многого из того, что сходит с рук где-либо в средней полосе России. Все точно так же происходило и в этом плавании, когда Русанов впервые отвечал не только за его результаты, но еще за доверившихся ему ненцев, у которых он сам многому научился за две прошедшие экспедиции. Хотя на пути к цели — полуострову Адмиралтейства — было не до науки, она оставалась в его мыслях постоянно — наукой ему предстояло заниматься много (причем сколько понадобится) уже при возвращении к «стану» экспедиции. Именно тогда он впервые оценил недостаток такого похода туда-обратно, когда одно направление движения выходило «холостым», то есть без наблюдений. В будущем он старался избегать подобных ситуаций.

Однако условия похода не способствовали исследованиям. Вот отрывки из дневника Русанова для характеристики морской стихии на траверзе мыса Черницкого: «Кажется, я никогда не видал таких огромных и таких яростных волн. Но как красивы эти призрачные, сине-зеленые водяные чудовища с их развевающимися косматыми белыми волосами из морской кипящей пены.

И самоеды, и я утомились: уже почти сутки плывем мы, не выходя из лодки. Теперь дует хороший попутный ветер с туманом. Страшно холодно. Термометр показывает 4 выше нуля, ветер пронизывает одежду, брызги волн леденят лицо и руки. Туман спустился и наконец совсем лег на волны. Стало ничего не видно, кроме замкнутого узкого круга бушующих волн. Мы, однако, быстро идем по компасу к северу под всеми парусами. Окутанный туманом берег давно пропал из виду. Но мы верно идем вдоль берега: это доказывает шум прибоя, то отдаленный, то сильный, словно пушечный выстрел. Попади наше старое, с разбитым килем суденышко в этот прибой, и я уверен, что оно разбилось бы в щепки» (1945, с. 117). О собственной судьбе, как и остальных, ни слова... Еще одно новое обстоятельство — Русанов впервые столкнулся с волнением на открытых морских акваториях: в 1907 году он плывал с ненцами только по Маточкину Шару, а в 1908 году с французами — в Карском море, где волнение умерялось льдом. Здесь же дело обстояло иначе.

В таком же тумане в ночь с 25 на 26 июля он вывел свое суденышко к мысу Спидилл на полуострове Адмиралтейства, тому самому, где в 1676 году капитан Джон Вуд после крушения судна устроил для своего экипажа грандиозную пьянку, пытаясь хоть таким образом решить проблему Северо-Восточного прохода. Увы, не только славными подвигами известны полярные мореходы...

Кое-как определившись по столь памятному у полярников ориентиру, Русанов сменил курс на восточный и утром

26 июля стал лагерем в заливе Садовского. «Сильная усталость и бессонная ночь взяли свое, — сообщает русановский дневник, — и я заснул на камнях, в мокрой одежде, прежде чем была поставлена палатка и готов чай. Самоеды, набрав сухих, давно выброшенных морем дров, развели костер и разбудили меня, когда закипел чайник и сварился суп из пингвинов. (Так Русанов неправильно называет новоземельских кайр, внешне напоминающих антарктических пингвинов. — А. К.) Как вкусен показался нам этот слегка отдающий рыбой суп и горячий ароматный чай» (1945, с. 117–118). В опубликованных отрывках из личного дневника исследователя присутствует все — от духовных поисков и полета

интеллекта до деталей полевого, не слишком уютного быта, но такова экспедиционная жизнь в своей триединой сути — духовной, интеллектуальной и элементарно мускульной.

Дальнейшие события в отряде отражены в экспедиционном отчете так: «26, 27 и 28 июля Русанов делал экскурсии на горы, прилегающие к полуострову Адмиралтейства, и в глубь острова, причем 28 июля вышел из залива Садовского в Машигину губу» (1945, с. 115), ту самую, что миновал в шлюпке несколько дней назад. Пока он, вооружившись самыми необходимыми инструментами и минимумом провизии, в одиночку изучал окрестности, сопровождавшие его ненцы отдохнули и теперь морем направились к Машигиной губе, которая преподнесла исследователю неожиданный сюрприз. Но прежде остановимся на его достижениях в северной части маршрута, которых оказалось немало.

Во-первых, он первым разгадал загадку превращения острова Адмиралтейства в полуостров, отметив, что «этот низменный и плоский полуостров, бывший во времена одного из первых и наиболее известных исследователей Новой Земли голландца Баренца (в конце XVI века) островом, соединяется (теперь. — В. К.) с Новой Землей столь же низменным и широким перешейком, покрытым ледником» (1945, с. 115), который Русанов назвал Низким. Самое главное сказано — ледник сыграл свою роль в процессе причленения острова к Новой Земле, тем более что завершение этого процесса в XIX веке наблюдали русские моряки Литке и Пахтусов.

Во-вторых, Русанов составил подробное описание побережья, целиком включенное в первую лоцию Новой Земли, изданную в 1930 году известным полярным гидрографом Н. И. Евгеновым.

Что касается непосредственно геологических результатов шлюпочного маршрута, то породы, слагающие полуостров Адмиралтейства, он описал как «палеозойские сланцы с развитыми молодыми четвертичными отложениями со следами каменного угля» (1945, с. 196). Разумеется, проблема топлива для будущих новоземельских поселенцев имела важнейшее значение, и на протяжении ряда экспедиций Русанов пытался ее разрешить, пока на основе как теории, так и практики исследований не доказал невозможность существования здесь углей в количестве, способном обеспечить новоземельцев. Однако пока все находки и самые предварительные выводы — лишь фрагменты будущей мозаики, которую еще предстоит создать.

В Машигиной губе, которую Русанов обследовал с 29 июля по 1 августа, были получены результаты первостепенной важности. Обогнув на

шлюпке мыс Борисова с покосившимися поморскими крестами на островке поблизости, было решено стать на якорь на берегу одной укромной бухточки, откуда Русанов, не теряя времени, отправился в очередной маршрут вокруг горы на полуострове, отделяющем Машигину губу от современного залива Мурман, со склонов которой обнаружил странные отличия в куту губы как от карты 1896 года, так и от описаний предшественников — Моисеева и своего коллеги геолога В. Н. Вебера, посетившего эти места с ледоколом «Ермак» в 1901 году. Отмеченных ими «ледяных скал» в так называемой Машигиной Ледянке Русанов не увидел, и это показалось ему странным.

На следующий день шлюпка осторожно направилась на восток Машигиной губы, замыкавшейся характерной скальной зубчатой стеной, очертаниями гребней напомнившей Русанову Альпы. Посредине эту каменную громаду прорывал сравнительно узкий пролив, в который и устремились наши мореходы, с тревогой и интересом ожидая очередных новостей от, казалось бы, уже известного побережья. И они не замедлили объявиться — вместо стены льда в южном куту Машигиной Ледянки к востоку обозначился еще один совсем узкий пролив с полверсты шириной, справа с ледяным фронтальным обрывом неизвестного ледника и грудями моренного материала в виде конусов. Непрерывное нагромождение морен, сплошной вал камней и валунов в потоках грязи тянулись и слева по северному берегу. Разворачивавшаяся перед исследователем панорама, на которой ни разу не останавливался взгляд человека, становилась ему понятной — ледники, перекрывавшие пролив всего только восемь лет назад, теперь отступили, освободив узкую полоску воды, по которой теперь тут и там свободно дрейфовали бирюзовые айсберги. Последнее обстоятельство он отметил не случайно — в будущем проливом могли пользоваться более крупные суда, чем его шлюпка. Время от времени с фронтов ледников справа в воду отваливались небольшие айсберги. От одного вида такого обвала людей в шлюпке бросало в дрожь, но масса мелких ледяных обломков, колыхавшихся с тихим звоном по мере приближения гребня к шлюпке, гасила волну.

Этот новый пролив привел Русанова и его спутников к очередному расширению-ледянке в окружении горных вершин, среди которых к воде спускался еще один неизвестный прежде ледник. В отчете это открытие было описано следующим образом: «Обнаружен проход... ведущий в обширный залив, на картах совершенно не обозначенный и глубоко, на

20 верст врезающийся по направлению к востоку внутрь острова. С южной стороны найденного залива находятся два острова ледникового

происхождения, названные по имени одного из членов экспедиции островами Галахова... — Чтобы покончить с названиями, Русанов проектировал два ниспадающих в море больших ледника Машигиной губы (открытых им. — В. К.) назвать в честь двух крупнейших представителей французской науки: южный ледник — ледником Буля, известного палеонтолога, а северный — ледником Лакруа, одного из самых выдающихся профессоров минералогии» (1945, с. 116).

Выполненный маршрут уже принес важные результаты: во-первых, с карты Новой Земли исчезло очередное белое пятно, во-вторых, было подтверждено отступление ледников и, наконец, в-третьих, получены новые данные по геологии архипелага на не исследованной прежде территории и, таким образом, главная задача экспедиции была решена, причем самим Русановым с помощью двух ненцев, из которых Тыко Вылка своим кругозором и явным интересом к работе невольно обращал на себя внимание исследователя. Не случайно этому аборигену предстояло сыграть в будущем на архипелаге особую роль.

Для успешного завершения экспедиции оставалось лишь успешно завершить маршрут в Незнаемый залив, который он же сам и предложил. Для этого нужно было как можно скорее возвратиться в Крестовую губу к остальным сотрудникам. Ненцы проделали этот путь большей частью по морю, а Русанов, продолжая свои геологические изыскания — в основном пешком в одиночных маршрутах, ненадолго задерживаясь в наиболее интересных местах. В первые дни августа он собирал коллекцию девонских ископаемых на северном побережье губы Северной Сульменева, где также изучал вторжения диабазовых расплавов в толщу сланцев — там на контактах этих пород могли возникнуть условия для образования ценных металлов. Увлечшись этими исследованиями, в спешке он был переброшен ненцами на южный берег губы, оставив необследованной ее восточную куттовую часть, поскольку, по его мнению, «обступившие его горы и ледники позволяют думать, что губа не тянется далеко в глубь острова» (1945, с. 116), в чем жестоко заблуждался. Недаром геологи и представители других полевых профессий верят в удачу — на этот раз она была не на стороне Русанова! Если бы он все же побывал в куту Северной Сульменева и поднялся на моренный вал, перед его глазами предстала бы красивейшая сквозная долина, практически прорезающая Северный остров от моря до моря, заполненная на протяжении 25 километров озером, которое на современных картах называется Ледниковое. Русанов понял бы тогда, почему среди ненцев ходят слухи о существовании еще одного Маточкина Шара на Новой Земле, но на этот раз переменчивая Фортуна

Открытый отвернулась от него... Не стал бы он на будущий год искать этот таинственный пролив, но случилось, как случилось...

В ночь на 7 августа (солнце только заходило за горизонт, и сумерки не мешали маршрутам) Русанов пересек полуостров, разделявший обе губы Сульменева, но у мыса Плавучих льдов (как и на пути к полуострову Адмиралтейства) продолжал бесноваться прибой, долго мешавший ненцам забрать его с берега в шлюпку. Затем все трое пересекли Южную Сульменева и остановились на месте второй стоянки на их пути к северу. После отдыха участники маршрута разделились как обычно — ненцы продолжили путь морем к главному стану экспедиции, попутно посетив норвежцев, а Русанов со своим обычным маршрутным набором всего необходимого отправился через горы туда же, предварительно обследовав южное побережье губы. Утром 9 августа он был в Крестовой губе, где на следующий день соединился с остальными участниками экспедиции, перекочевавшими восточнее к устью реки Северной Крестовой.

Теперь можно было подвести некоторые итоги маршрута, продолжавшегося почти три недели. За это время Русанов только пешком прошагал 225 верст, что было немало при сравнении с протяженностью плавания к полуострову Адмиралтейства в 135 верст, тогда как возвращение морем составило уже 430 верст, потому что исследователь старался заглянуть во все мало-мальски привлекательные для него уголки, что, согласно отчету, позволило изучить побережье «в географическом, геологическом и колонизационном отношении настолько, насколько это позволили средства передвижения и краткость времени» (1945, с. 116).

Из научных достижений маршрута отметим следующие. В части геологии Русанов обнаружил на западном побережье Новой Земли широкое распространение черных и серых известняков с богатой ископаемой фауной, которая уверенно позволила определить время их образования каменноугольным периодом (300–350 миллионов лет назад). Сам факт присутствия этих пород свидетельствовал, что в то далекое время на месте Баренцева моря существовало совсем иное, гораздо более теплое море, в котором не могло быть ни одного айсберга. Сотни отобранных, занумерованных и снабженных этикетками образцов, хранящихся ныне в геологических фондах Сорбонны в Париже, подтверждают такое заключение. Тем самым была создана основа для последующих суждений, однако окончательные выводы зависели теперь от будущих находок в центральной части острова, которые он рассчитывал собрать в маршруте к заливу Незнаемому по новому пути. Год назад Русанову при изучении центральной части Новой Земли не удалось выполнить намеченной

программы из-за непрерывной гонки в маршруте, а главное, из-за того, что наиболее интересная для геолога часть маршрута пришлось на ледники Макарова и Жерве, надежной ледяной броней скрывшей от него коренное ложе — с выбором нового пути он надеялся исправить допущенный прошлогодний промах, который, в общем-то, и не зависел от него.

Результатом географических исследований стало пополнение карты Новой Земли теми новыми подробностями, которые удалось собрать в пути, причем исследователь использовал свою, оригинальную методику, более подходящую для Новой Земли, чем ту, которой его обучали в Сорбонне. Свое нововведение он описал в экспедиционном отчете так: «Не производя точной инструментальной съемки, Русанов не считал себя вправе вносить поправки в подробную карту Новой Земли, изданную Главным гидрографическим управлением в 1897 году, и нанес на карту, не исправляя ее, только те из числа совершенно не обозначенных на карте озер, рек, ледников и гор, очертания и географическое положение которых успел определить путем маршрутной съемки» (1945, с. 116). Не считая открытия новых верховий Машигиной губы, он нанес на свою карту 16 новых ледников. Тем не менее его карта на участок Северного острова в полосе между Крестовой губой и заливом Незнаемый спустя год вызвала серьезные претензии у Георгия Яковлевича Седова, проводившего гидрографические работы в связи с организацией Ольгинско-го становища — первого постоянного поселения на Северном острове. Видимо, тот не оценил русановской методики, полагая, что карта его предшественника «грешит против истины. В очертаниях берега нет никакого сходства с действительностью, островов вместо пяти показано четыре, и все они лежат далеко не на своих местах» (цит. по: Нагорный, 1939, с. 64). Седов, с одной стороны, прав, а с другой — он явно не учел, что как специалисты они преследовали разные цели при отсутствии общепризнанной топографической основы, что и привело к разнице в оценках обоих исследователей.

Тем не менее с позиций Русанова такой подход, несомненно, был оправданным и характеризует его как профессионала-новатора в конкретных условиях начала XX столетия. При этом свои высокие исследовательские качества уже на описанном этапе деятельности на Новой Земле он показал по нескольким направлениям. Во-первых, это проявилось в умении выполнять дальние маршруты в самых сложных условиях (которого явно не хватало остальным участникам экспедиции Ю. В. Крамера). Во-вторых, в окружающей природной ситуации он выбирал самые значимые с точки зрения последующих научных выводов объекты

для изучения, что дано далеко не каждому полевому исследователю. Сочетание этих качеств не только поставило его особняком среди других участников экспедиции 1909 года, но и выдвинуло на один уровень с таким предшественником, каким был, например, академик Бэр. С другим академиком Чернышевым ему предстояло в самом ближайшем будущем успешно дискутировать о самых актуальных проблемах геологии архипелага. Студент, спорящий с академиком, — довольно редкая ситуация, но об этом подробнее в другом месте. Указанные черты исследователя у Русанова в полной мере раскрылись именно в 1909 году, в то время как в двух предшествующих экспедициях он еще только осваивал первые азы трудной профессии полярного исследователя, научиться которой, по словам известного антарктического исследователя американца Ричарда Эвелина Берда, можно только за Полярным кругом и не иначе.

Пока Русанов делал свои открытия в трехнедельном морском маршруте к полуострову Адмиралтейства и обратно, Крамер с остальными участниками экспедиции также не терял времени даром. Экспедиционный отчет отражает их деятельность следующим образом: «Во время поездки Русанова к полуострову Адмиралтейства остальными членами экспедиции было совершено несколько экскурсий в окрестностях Крестовой губы, а также поездка в Мелкую губу» (1945, с. 118), что добавило кое-что к характеристике побережья, в меньшей степени рельефа прилегающих территорий, причем в достаточно общем виде.

23 июля Крамер исследовал побережье в устье долины, средней из трех, выходящих в кут Крестовой губы из центра острова. Именно по ней прошел в прошлом году Русанов в составе отряда Кандиотти. Крамер также отметил у побережья фрагменты лигнита, однако коренного месторождения обнаружить, разумеется, ему не удалось. На следующий день на моторной лодке промышленников, не спеша осваивавших Крестовую губу, Крамер с Быковым посетили губу Мелкую с сохранившимися строениями зимовки Цивольки 1838–1839 годов, а также развалины других поморских изб, восстановили упавший крест на братской могиле зимовщиков, погибших тогда от цинги. Однако главная цель поездки — фотограмметрическая съемка с окрестных гор — не удалась из-за тумана и скверной погоды. В других экскурсиях, продолжавшихся до 27 июля, были обнаружены скопления плавника и остатки поморских крестов. Несомненно, в прошлом здесь проходил интенсивный промысел, и, повидимому, архангельский купец Масленников не случайно выбрал здесь место для зимовки своих работников-заготовителей.

С возвращением в главный лагерь экспедиции у подножья горы

Становой 28 июля была предпринята попытка обследовать устье Южной Крестовой долины, сорвавшаяся, однако, из-за густого тумана, продолжавшегося вплоть до 2 августа, когда Русанов был занят исследованиями Машигиной губы. Кое-как удалось завершить фотограмметрическую съемку Крестовой губы (результаты которой не публиковались), и Крамер возобновил маршруты по Средней Крестовой долине вплоть до ледника Жерве, который Русанов одолел год назад. Эта рекогносцировка лишь подтвердила то, что уже было известно Русанову — пользоваться этим путем в залив Незнаемый не следовало, надо было искать более приемлемый вариант. Наиболее привлекательным выглядело устье долины, по которой протекала река Южная Крестовая. В этих рекогносцировках вдали от побережья Крамер обнаружил много старого истлевшего плавника и даже нашел под слоем глины древний череп моржа, что свидетельствовало о значительном отступании моря с тех пор. Эти экскурсии были дополнены походом Быкова и Лоренца по реке Северной Крестовой вплоть до озера Гольцового. Не случайно в экспедиционном отчете появилась фраза: «В Крестовой реке промышленники, посещающие Крестовую губу, с давних пор ловят гольца» (1945, с. 121). Несмотря на поверхностный, дилетантский характер этих наблюдений, все же они принесли некоторую пользу, но, разумеется, по своей значимости они были несопоставимы с исследованиями Русанова, прежде всего из-за недостаточной профессиональной подготовки участников.

С возвращением Русанова участники экспедиции начали готовиться к поиску прохода на Карскую сторону. «Для прохода выбрали путь по Южной долине, предполагая воспользоваться, в крайнем случае, если бы там не удалось пройти, средней долиной, то есть той дорогой, которой в прошлом году прошел Русанов с французами. Ближайшую к стану долину Крестовую (Северную. — В. К.) временно оставили, решив, судя по ее направлению, выяснившемуся во время рекогносцировки Быкова и Лоренца, что она кратчайшим путем на Карскую сторону быть не может, так как идет по направлению на северо-восток. Так можно было бы попасть в Медвежий залив, или выйти еще севернее, или, что еще хуже, упереться в непроходимые ледники» (1945, с. 122). Современная карта лишь подтверждает такой вывод на основе русановских представлений о рельефе центральной части Северного острова в полосе задач экспедиции.

Еще интересней, как исследователь сочетал в своей деятельности интересы практики и науки. С этой точки зрения сравнение экспедиций 1908 и 1909 годов весьма показательны, даже если на первый план выходит ликвидация очередного «белого пятна», устранение которого в любом

случае можно выполнить с различной затратой сил и времени помимо научных результатов.

Еще в начале главы отмечалось, что инициатива похода в Незнаемый исходила от Русанова, предложившего эту идею губернатору Сосновскому, против которой он не возражал. Сами участники экспедиции полностью доверяли Русанову после его труднейшего маршрута к полуострову Адмиралтейства, а также по опыту работ предшествующего года. Тем более что молодым здоровым людям уже надоели окрестности Крестовой губы, они жаждали новых впечатлений, что также учитывал Русанов. Ненцев Карская сторона привлекла своими богатыми охотничьими угодьями, слухи о которых ходили со времен походов Носилова и Борисова.

Хотя не только идея, но организация пересечения, несомненно, принадлежала Русанову, выполнение этого маршрута нельзя назвать удачным. Сказался избыток участников (весь состав экспедиции за исключением Галахова), их неподготовленность для такого предприятия, было взято с собой слишком много груза, от которого по ходу дела пришлось избавляться, и т. д. и т. п. В результате маршрут к Незнаемому заливу проходил крайне медленно с дневными переходами всего в 10 километров. Похоже, что Русанов при его подготовке позволил себе устраниться от организационных дел, видимо, чтобы выкроить время для обработки наблюдений.

Благодаря Быкову с его опубликованными экспедиционными воспоминаниями, можно выделить одну важную особенность Русанова — нежелание тратить время и силы на что-либо помимо главного — науки и научных маршрутов. Если в своих личных дневниках он и позволял определенную «лирику» (в частности, в описании природы и явлений, связанных с ней), то его экспедиционный отчет гораздо суше, и искать в нем, например, отношения людей — напрасный труд, хотя, несомненно, они присутствуют, причем порой не в лучшем виде, о чем можно лишь догадаться по последующим выступлениям в прессе или движению официальных документов, как это будет показано далее.

Опубликованные дневники Быкова содержат всю хронологию и события последнего большого маршрута экспедиции 1909 года, и этот документ использован в настоящей книге лишь с небольшими сокращениями:

«12 августа. Выехав из становища (базового лагеря у Становой горы. — В. К.) в 2 1/2 ч. дня мы к 6 часам вечера высадились близ края Южной долины, причем за поздним временем решили переночевать здесь близ вытащенной нами на берег оставленной до возвращения шлюпки.

Спустились тихие сумерки. В заливе полный штиль. Как в зеркале отразились чудные горы с их синеватыми ледниками. За двуглавой языковой горой с ее причудливым ледником, словно громадным белым языком, нависшим с седловины между двух вершин, зажглась мерцающим светом первая звездочка. Погода была настолько хороша, что мы не ставили палаток, а легли прямо на песчаном берегу, завернувшись в свои теплые малицы...

Тихо спит наше становище. Тихо спят горы.

13 августа. Упрямая солонина, не желавшая никак свариться, задержала порядком наш отъезд... Она была солонина и тверда, как русановские аммониты. С грустью пришлось пожертвовать для облегчения собак значительной долей консервов, сахаром, чайником и некоторыми другими вещами. И все-таки наш багаж был слишком тяжел для собак. С визгом, воем и лаем трогаются первые нарты, за ними вторые. Мы поехали, то есть поехал наш багаж, а мы двинулись *per pedem apostolorum* (подобно апостолам, то есть пешком. — В. К.).

Дорога около десяти верст шла долиной почти прямо, затем долина сделала крутое колено к востоку. Здесь по глинистой, изредко каменистой почве на протяжении почти двух верст непрерывно шла целая цепь ручьев и речек от окружающих нас ледников. Дорога для собак трудновата. Пришлось самим запрячься по двое к каждой нарте и перейти на собачье положение, добросовестно таща вместе с псами тяжелые нарты. За поворотом долина начала значительно суживаться. Вместо сети ручьев и речек здесь течет только одна широкая горная река. Сблизились горы и обступили нас со всех сторон. Мы входим в сердце гор. На берегу этой реки близ черного ледника, спускающегося в долину, мы сделали ночевку. Едва сделали палатку и чум, пошел дождь.

14 августа. Проснувшись утром, в часов восемь, я вижу, что все наши еще спят. Выглянул из намокшего чума и увидел, что все горы затянуты густым туманом. Свинцовые тучи ползут, цепляясь за горы, моросит мелкий, надоедливый, чисто осенний дождь. Снова забрался в наш насквозь просаленный дырявый чум, лег для некоторого разнообразия на другой бок и ввиду безнадежной погоды снова уснул... Вынужденная дневка из-за безнадежной погоды.

15 августа. «Сарю янгу» (Дождя нет) — объявил мне Илья при нашем пробуждении. Действительно, дождь прошел, но все вершины гор затянуты серыми низкими облаками. Дует порывистый холодный ветер. В раскрытое полотнище нашего чума открывается роскошный вид на долину, сжатую с боков горами, на быструю горную речку, крутым поворотом огибающую

наше становище. На первом плане привязанные к нартам группы спящих, сжавшихся в кучки, собак... Решили оставить часть излишних предметов, ограничиваясь только лишь самым необходимым; даже оставили часть солонины.

Позавтракав гольцами, тронулись в дальнейший путь к Незнаемому заливу. Мы с Русановым ушли вперед. Пройдя три версты мы вышли за поворот долины и увидели громадное горное озеро (7 верст). Красивое озеро (Долгое на современных картах. — В. К.) привольно раскинулось по долине. Подступали к нему горные угрюмые громады, с нашей стороны красиво перекинулись два синих альпийского типа ледника (Географического института и Эдельштейна. —

В. К.), упираясь своими невысокими лобовыми моренами в озеро. Пока мы шли берегом озера, почти на каждом шагу встречали свежие следы оленей. Близ конца озера Русанов поднялся в горы к замеченному нами перевалу, чтобы сделать маленькую рекогносцировку. Я прошел вперед еще несколько верст и уселся за огромным камнем ждать наших собак. Очень холодно. Чувствуешь ледяное дыхание карской стороны. Если здесь в сердце гор такой веток задувает, то каково там, на Карском море.

Очень медленно продвигаются вперед наши собаки; хотя мы и сбавили порядочную долю груза, но зато сегодня дорога значительно хуже вчерашней. Все камни да камни, а порой целые россыпи наваленных друг на друга громадных камней, на которых падают и кувыркаются вверх ногами наши нарты.

За озером потянулась несколькими рукавами горная речка с течением по направлению к пройденному нами озеру. Далее долина как будто разветвляется, а нужное нам направление закрыто большим ледником. Подошли усталые собаки. Крамер с картой в руках объясняет мне, что мы должны находиться около Незнаемого залива.

Спускается с горы Русанов, говорит, что виденная им на той стороне большая долина, судя по направлению, идет к Чекину заливу... Всего прошли опять 15 верст.

16 августа. Опять задерживает нас приготовление на нашем единственном примусе чаю к завтраку. Мы встали в половине восьмого, а тронуться нашему авангарду, состоящему из Крамера, Русанова и меня, удалось только лишь в половине одиннадцатого. Когда мы двинулись в дальнейший путь, то арьергард наш еще только запрягал собак и убирал палатки. Дорога пошла очень хорошая для собак — прекрасная мостовая из мелких камушков и отчасти дерна. Прекрасная сеть речек и ручьев... Впереди поднялся пологий холм — водораздел между двумя морями, а за

ним мы увидели зеркальную гладь второго большого озера, в котором, запрокинувшись, отразились окружающие нас горы. Дальше за озером открывался свободный путь по следующей долине к Карскому морю. Прошли половину озера и сделали привал в ожидании видневшихся вдали собак — нам нужен был аппарат, чтобы сделать фотограмметрическую съемку нашего пути. Погода стала как будто поправляться...

За вторым озером после поворота долины открылось еще озеро, третье, по величине гораздо меньшее, чем первые два. Оленьи следы встречаются все чаще и чаще... Перехожу вброд несколько горных потоков и поднимаюсь на пологий холм, увенчанный сверху причудливыми скалами, словно развалины старого замка. А вон и Русанов, нагнувшись над своим кодаком, фотографирует что-то. «Ура! Карское море!» — кричит он мне.

Поднимаюсь еще выше и вижу зеленоватую гладь одной из бухт Незнаемого залива. Те темнокоричневые горы (как на картине И. К. Вылки. — В. К.), которые издавна еще были нам видны, отвесной стеной спускаются в море. Налево уходят две долины; по ближайшей из них, между прочим, направился Русанов с Неве и Кандиотти. Направо виден маленький скалистый островок близ входа в бухту» (1945, с. 122–124).

В записках Быкова пропущены результаты геологических наблюдений Русанова в этом маршруте, которые тот изложил в следующем виде: «Во внутренних частях острова изоклинные абрадированные пласты кораллового известняка, много раз повторяющиеся. Эти пласты принадлежат нижнему и среднему девону» (1945, с. 254), то есть имеют возраст 370–400 миллионов лет, причем контакты этих пород девонского и каменноугольного возраста он наблюдал и раньше по западному побережью. Относительно геологических терминов отметим, что абрадированный означает испытывавший механическое воздействие моря (обычно прибоем), а изоклинные — повторяющийся параллелизм слоев горных пород в складчатых системах.

Выйдя в кут Незнаемого залива — бухту Гольцовую, отгороженную от основной акватории полуостровом — томболо, (то есть островом, причлененным к берегу песчано-галечни-ковой косой) участники экспедиции расположились там, где год назад находился лагерь французов. Залив был забит льдом, на котором распластались в разных местах туши лах-така (морского зайца) и нерпы. Основу нового стана составил чум, как со всей достоверностью отобразил на своей картине Вылка. По сравнению с западным побережьем здесь сильнее ощущалось приближение осени: поблекли и пожелтели подушки злаков и осоки, а листья карликовой ивы

приобрели характерный лимонный оттенок. На следующий день на окрестных горах выпал снег, однако не опускавшийся слишком низко.

Уже вечером 18 августа Крамер, Лоренц и Вылка с одной упряжкой собак тронулись в обратный путь и спустя 17 часов вернулись в Крестовую губу. Для Русанова же с его помощниками работа только начиналась — ведь еще в прошлом году он нашел здесь интереснейшее обнажение с фауной силура, которую следовало изучить досконально, ведь год назад для этой работы у него просто не оказалось времени. Работы ему хватило здесь на неделю.

Особо отметим, что для Русанова именно экспедиция 1909 года из всех остальных на Новой Земле характерна наибольшими достижениями в области геологии архипелага по крайней мере по двум причинам: во-первых, на него работали результаты двух предшествующих полевых сезонов, и, во-вторых, он уже установил систему основных природных связей в формировании слагающих пород архипелага и поэтому в своей последующей деятельности в части геологии занимался лишь пополнением данных, отдавая предпочтение другим направлениям в своей деятельности в Арктике.

Здесь в отличие от западного побережья он имел дело с гораздо более древними «немыми» толщами черных глинистых сланцев. К счастью, поблизости оказалось то самое обнажение с фауной верхнего силура, которое он обнаружил год назад. Было где разгуляться мысли геолога, тем более что не приходилось тратить силы на изнурительные переходы и дальние маршруты. А то, что вокруг расстилались шикарные пейзажи, вроде описанных выше Быковым, лишь стимулировало их деятельность — недаром один из патриархов российской геологии, кстати не намного старше Русанова, Владимир Афанасьевич Обручев, советовал выбирать лагерь таким образом, чтобы он не только ласкал взор путешественника, но и будил его мысль. Именно таким он и описан на страницах отчета с одной из окрестных вершин: «Далеко внизу протянулся извилистый Незнаемый залив с его горами, постепенно переходящими ближе к морю в пологие террасы. Внутрь острова уходят одна за другой унылые горы и высятся повсюду, куда хватает глаз, своими острыми вершинами с белыми боками глетчеров. Напротив, на южном берегу — громадный, величественный ледник (Краснова. — В. А"), спускающийся своими фронтальными моренами прямо в залив и заполнивший собой все свободное пространство между двух гор. Под этим ледником погребена, между прочим, небольшая бухта, показанная Пахтусовым на картах снятого им Незнаемого залива» (1945, с. 125). Так что Владимир Александрович не ограничивался лишь

уничтожением «белых пятен» и геологией Новой Земли, но и острым взглядом фиксировал все изменения природы на архипелаге — проблема, которая в наше время стала слишком актуальной для всех широт и всех материков в значительной мере благодаря неразумной деятельности человека.

В самый раз остановиться на главном достижении сезона — стройной геологической концепции, которая, как мозаика, наконец стала формироваться в его мозгу из отдельных разбросанных фактов и наблюдений, подкрепленных массой палеонтологического материала — одна собранная Русановым коллекция ископаемой фауны насчитывала 212 видов, значительно больше, чем у остальных исследователей вместе взятых.

Уже вернувшись в Париж и работая с литературными источниками, он обнаружил сходство в фауне силура Средней Европы, Новой Земли и Северной Америки. Тем самым подтверждалась мысль, зародившаяся в этих же местах год назад о единой океанской акватории, где обитали эти теплолюбивые организмы, — это означало, что в то время перечисленные территории были акваторией, а если точнее — дном единого обширного теплого океана, простиравшегося на тысячи километров через современный Северный полюс, о положении которого в то время самые смелые научные умы строили не менее смелые гипотезы. Факты находились в руках исследователя и обладали своей логикой, не поддающейся наскокам оппонентов.

Столь солидный вклад в мировую палеогеографию не снимал с Русанова проблем геологии самой Новой Земли, тем более что с поступлением новой научной информации их вырисовывалось, как сказал бы поэт, «тьмы, и тьмы, и тьмы». Очевидно, следовало найти некое руководящее звено. Основопологающим заключением стал для Русанова вывод о наличии «древней геосинклинали, ориентированной в палеозойское время (то есть между 250 и 600 миллионами лет назад. — В. К.) в направлении современного простириания Новой Земли» (1945, с. 255). Разумеется, со времени ее возникновения такая структура осложнялась многими вторичными нарушениями (природа, как известно, наших упрощенных схем не признает) в виде смятия отдельных слоев, а также многочисленными трещинами, разбивающими ее на отдельные блоки, вдобавок смещенные относительно друг друга — и в этой головоломке геологу надо разобраться с максимальной точностью! Неудивительно, насколько важно при этом выбрать правильное направление — Русанову это удалось. Теперь скопление разобщенных фактов стало постепенно

приобретать стройное теоретическое объяснение, где отдельные факты и положения уже не противоречили, а взаимно дополняли друг друга. А сколько подобных построений у других исследователей порой незаслуженно кануло в Лету, тогда как другие, поначалу фантастические, с годами обрели статус неколебимых истин — к ним относятся и достижения Русанова, которых не поколебала даже новейшая глобальная тектоника плит, начавшая свое победное шествие во второй половине XX века. Разумеется, он использовал и важнейшие теоретические достижения своего времени — учения о геосинклиналях Ога. Подчеркивая теоретическое родство учителя и ученика, иные последователи Русанова говорили, что он занимался не столько геологией (подразумевая прежде всего поиск полезных ископаемых), сколько «огологией» — склонность геологов к юмору общеизвестна.

Теперь, когда была подведена теоретическая база, пора было задуматься о палеогеографии архипелага — о том, как в прошлом вела себя эта гигантская складчатая зона на продолжении Урала, включавшая и Новую Землю. А вот как в карбоне эта складчатая протяженная зона испытала поднятие, причем с многочисленными нарушениями в виде трещин, по которым внедрялась магма? А поднявшиеся горы, как известно, подвергаются интенсивному воздействию разнообразных разрушительных природных процессов — текучими водами, ветром, ледниками и т. д., когда расплавленная магма в виде диабазов оказалась на поверхности. Видимо, подобное повторялось не однажды. От более молодых мезозойских морских осадков (отложившихся 70-230 миллионов лет назад) почти ничего не осталось, если не считать редких находок белемнитов и аммонитов. С тех пор вместо острых гордых альпийских пиков и гребней хребтов на Новой Земле чаще встречаются древние выровненные поверхности, так называемый пенеплен. Здесь Русанов (видимо, первым в России) использовал новейшие теоретические достижения американской геоморфологической школы Уильяма Морриса Дэвиса из Гарвардского университета (США) с его идеей цикличности в формировании рельефа земной поверхности. Еще раз подчеркнем, что Русанов, несомненно, был в курсе последних достижений мировой науки и умел пользоваться ими. А дальше в условиях Новой Земли, по его представлениям, действовала классическая схема, когда оледенение сменилось наступанием моря, отступление моря — очередным оледенением, причем многократно, и все это находило отражение в формировании пород и рельефа архипелага. Так сформировался (без деталей) современный лик Новой Земли, каким она встречается на своих берегах каждого вновь прибывшего.

Разумеется, не забывал Русанов и практических результатов своих исследований, полагая, что «одна из задач науки состоит в том, чтобы давать общие руководящие начала, и дело практики — уметь ими воспользоваться» (1945, с. 242). В первую очередь это относилось к полезным ископаемым, даже если в его время это было делом лишь отдаленного будущего.

В первую очередь будущие колонисты Новой Земли, преимущественно добытчики морского зверя и оленеводы, нуждались в топливе, которое, судя по аналогии с соседним

Шпицбергом, здесь также можно было ожидать в виде каменного угля, на что и надеялся исследователь, приступая к работам на Новой Земле. Однако его же собственные результаты, воплотившись в теорию, не оставили от этих надежд камня на камне: в палеозойском море углей на архипелаге возникнуть просто не могло. А более поздние мезозойские слои с маловероятными континентальными условиями просто уничтожались в процессе поднятия архипелага интенсивными природными процессами — водой, ветром, льдом и т. д. уже сравнительно недавно, разумеется по геологическим меркам. Оставался торф, которым он и предлагал воспользоваться, особенно на пастбищах во внутренних районах Новой Земли, где нельзя было надеяться на плавник. Правда, будущее показало, что возможности архипелага с точки зрения оленеводства весьма ограничены — запасы естественных кормов позволяли прокормиться здесь всего несколькими тысячам оленей. А торфа тоже оказалось немного, поскольку сейчас для его образования слишком холодно, и достался он нам из более теплого времени, так называемого голоцена (последние 10 000 лет), которым Русанов практически не занимался.

Не сулило особых надежд на Новой Земле и железо, зато близкие по химическому составу минеральные краски охра и мумия могли составить конкуренцию аналогичным товарам на северных рынках при подходящей конъюнктуре. Интереснее обстояло дело с рудами цветных металлов, признаки которых, особенно медных и свинцово-серебряных, выглядели обнадеживающими для последующих поисков. Достаточно было строительных материалов — мрамора, аспидного камня и диабазы. Наконец, асбест и связанные с диабазами проявления благородных металлов платины и иридия — но все это, разумеется, в отдаленной перспективе.

Определенно полевой сезон 1909 года, даже еще не заверченный, оказался весьма плодотворным со всех точек зрения, но особенно в области геологии, как по результатам самих полевых наблюдений, так и по

богатству идей на будущее. Осталось освоить результаты наблюдений трех экспедиций 1907, 1908 и особенно 1909 года, прежде чем заниматься уже другими проблемами, которые все больше занимали исследователя. Однако прежде надо было завершить блестяще проведенный сезон.

Русанов проводил свои исследования в Незнаемом заливе до 25 августа — видимо, эти девять суток были самыми значительными за все время изучения геологии архипелага. Возвращение в Крестовую губу заняло у него всего 16 часов, когда он получил порцию новостей самого разного характера.

Партия Крамера при возвращении 19 августа попала под удары очередного жестокого стока. «Буря разыгралась со страшной силой. Ветер прорывался из всех трех долин с востока на запад; но особенной силой обладал ветер, вылетающий из Северной Крестовой долины. Он образовывал смерчи, которые подымали воду темными столбами в несколько сажень высотой и несли их с ужасной силой к южному берегу на скалы... Шторм продолжался до 22 августа. Выйти из палатки, которую пришлось соорудить из разорванного паруса, не было никакой возможности. Страшный ветер поднимал морскую гальку и нес ее перед собою с такой силой, что палатка местами была в дырах. Песок, как сквозь сито, пробивался через парусину и засыпал глаза. В 4 часа утра 22 августа ветер успокоился» (1945, с. 125). Добравшись до места высадки, откуда начинался поход, пришлось ликвидировать последствия бедствия — освободить от воды протопленный карбас, собирать разбросанное ветром имущество и т. д. Из потерь самым обидным оказалась гибель орнитологической коллекции.

Интересно, что чего-либо подобного люди на Карском побережье не испытали. Все описанное является яркой иллюстрацией к теории этих ветров, разработанной Владимиром Юльевичем Визе пятнадцать лет спустя на основе собственных наблюдений на Новой Земле во время зимовки в составе седовской экспедиции в 1912/13 году немного севернее. Возникновение этих сумасшедших ветров он объяснял разницей в давлении на окружающих морских акваториях, разделенных горами Новой Земли. Он-то и предложил заменить народный поморский термин «веток» или «сток» на новоземельскую бору по аналогии с новороссийской. Любой новоземелец, испытавший на себе ее крутой нрав, скажет, что в приведенном выше описании нет ни капельки преувеличения.

Вернувшись, Крамер и его спутники успели также собрать у промышленников сведения о ходе гольца и вылове трески и мойвы, причем изменения в улове он связал с колебаниями температуры воды в

Гольфстриме у берегов Новой Земли, что делает ему честь с точки зрения научного предвидения. (Позднее это направление получило свое развитие в исследованиях целого ряда наших ученых, начиная с работ Николая Михайловича Книповича.) Промышленники также сообщили, что норвежцы похозяйничали в экспедиционном «стане» в бухте Сосновского, возможно, посчитав его брошенным. Отправившись туда тотчас после завершения стока, Крамер обнаружил там двух норвежцев, не имевших разрешения на охоту на русской территории и, более того, присвоивших часть коллекций и добычи экспедиции. В счет потерь Крамер конфисковал ружье у одного из нарушителей, клятвенно обещавшего представить разрешение из домика у мыса Прокофьева, но так и не появившегося...

27 августа из Незнаемого залива возвратился Русанов со своими помощниками и уже на следующий день приступил к завершающим экскурсиям в окрестностях лагеря, изучая так называемые ископаемые ледники, описанные им на архипелаге впервые, которые Быков сфотографировал. 29 августа погода резко испортилась — повалил снег, Новая Земля решила напомнить о приближении зимы. Оставалось только готовиться к отъезду. Промысловое судно «Мира» (капитан Демидов) 4 сентября отвезло участников экспедиции к памятной становищу в Маточкином Шаре, откуда Русанов два года назад начал свою деятельность на архипелаге, — и вовремя. Уже на следующий день «Королева Ольга Константиновна» бросила якорь на рейде становища, чтобы доставить участников экспедиции с другими пассажирами в Архангельск, куда пришла 12 сентября, с посещением, как обычно, Малых Кармакул и Белушьей губы. Возможно, уже тогда существовал лозунг полевиков: «Сезон закончился, — да здравствует сезон!». Во всяком случае, Владимир Александрович, работая на Новой Земле, следовал ему с завидным постоянством.

Однако прежде чем приступать к очередному сезону, планы которого, возможно, уже вынашивали некоторые из участников описанных выше событий, предстояло, как и в наше время, отчитаться о проделанной работе как в виде официального отчета губернским властям, так и выступлениями перед общественностью Архангельска, проявлявшей явный интерес как к самой экспедиции, так и судьбе Новой Земли. Тем более что со времени последних российских научных исследований на архипелаге (академической экспедиции по наблюдению за солнечным затмением Б. Б. Голицына в 1896 году или исследований Ф. Н. Чернышева в 1895 году) прошло уже более десяти лет. Интересовало архангелогородцев и повышенное внимание скандинавских соседей к архипелагу. Так или иначе,

возвращение экспедиции Крамера для архангелогородцев явилось подходящим поводом, чтобы обратиться к проблемам Новой Земли.

Сам Русанов выступил в Архангельском обществе изучения Русского Севера уже 23 сентября с лекцией «Ископаемые ледники и каменный уголь на Новой Земле в связи с геологическим строением острова», в которой поделился со слушателями последними достижениями в области исторической геологии и палеогеографии архипелага, причем гораздо глубже и детальнее, чем это делал в своих предшествующих работах, основываясь на новых результатах. При этом он не побоялся, что называется, наступить на горло собственной песне — указав на бесперспективность поисков каменного угля. В своих выводах он не перебежал никому дороги, оставаясь единственным специалистом в экспедиции.

Однако его бывший «шеф» Крамер, повидимому, усмотрел в русановской лекции нарушение собственных руководящих прерогатив и спустя две недели перед той же аудиторией выступил со своим видением основных достижений экспедиции, возможно, для утверждения собственного научного реноме. Если это так, то сделал он это крайне неудачно, вызвав противоречивые отзывы в прессе. Так, в статье А. Музыковского, печатавшейся в четырех октябрьских номерах газеты «Архангельск», отмечались многочисленные противоречия и нестыковки в суждениях и выводах докладчика, сдобренные солидной дозой иронии. «Какой должен быть план колонизации, — вопрошал он, — если море отступает, ледники наступают, и везде медведи?.. Не сообщил нам Крамер также и о том, что план экспедиции был разработан В. А. Русановым, что честь открытия удобного перехода из Незнаемого залива к Карскому морю (? — В. К.) принадлежит ему же, что В. А. Русанов сделал некоторые... но все же открытия в области геологии. Да, многое из деятельности экспедиции не было сообщено публике и об этом нельзя не пожалеть».

В противоположность приведенному отзыву официальный орган «Архангельские губернские ведомости (№ 218) особо отметил, что «блестящее сообщение Ю. В. Крамера походило скорее на лекцию профессора, чем на доклад экскурсанта. Многочисленная публика дружными аплодисментами выразила талантливому лектору-оратору свою признательность». Спустя почти столетие попробуй разберись, кто прав, кто виноват, однако волей-неволей приходишь к выводу, что суждения и докладчика, и представителей прессы стоили друг друга.

Разумеется, в такой ситуации Русанов не пожелал оставаться над схваткой, направив в газету «Архангельск» письмо, опубликованное 3

ноября 1909 года, из которого ниже мы приводим лишь отрывки, имеющие непосредственное отношение к заслугам экспедиции, участниками которой были Крамер и Русанов. Одна из самых непримиримых схваток произошла по проблеме ископаемых ледников, которые Крамер почему-то именовал «ископаемыми озерами». Строго говоря, полного решения этой проблемы нет и по настоящее время. С точки зрения современной науки, судя по внешним признакам, Русанов описал так называемые «ледяные клинья», характерные для области распространения вечномерзлых пород, чему, однако, противоречит их кристаллическая структура, изученная Русановым с помощью призм Николя. В свою очередь сам Русанов совершенно справедливо поставил перед Крамером вопрос: «Какие факты вы приводите в пользу вашей теории озерного происхождения ископаемого льда?». И сам же на него ответил — никаких... Однако такой напор оказался лишь вступлением.

Когда Крамер заявил, что «по всей Крестовой долине мы не нашли следов ледниковой деятельности», Русанов отреагировал гораздо решительней: «Это бесподобно, г. Крамер! Вы далеко превзошли того посетителя зоопарка, который не заметил слона; вы просто не желали видеть слона, хотя я вам не раз на него указывал» (1945, с. 392), имея на это самые веские основания.

Совершенно непонятно, почему вдруг Крамер принялся за такую непростую проблему, как распределение ледников на Новой Земле, что практически невозможно без точных карт, которых в ту пору просто не существовало. Несомненно одно — как профессионал-технолог в части природного процесса он уступал профессионалу-естественнику, каким уже в то время был Русанов. Поэтому даже там, где последний действовал лишь интуитивно, он выигрывал, как в случае указанной научной проблемы, получившей разрешение, причем в пользу Русанова, лишь во второй половине XX века. Хотя Русанов и в этом случае проявил завидное научное предвидение, стимулировал его на это все-таки Крамер. Вполне определенно Русанов мог делать правильные выводы на основе минимума информации — завидное качество для исследователя.

Самую острую реакцию вызвало неумное желание недавнего «шефа» спекулировать на находке черепа моржа в Средней Крестовой долине вдали от моря, не сделав попытки описать условия его залегания по отношению к вмещающей породе, чего, разумеется, не мог допустить человек, имеющий хотя бы самое отдаленное отношение к геологии. Надо сказать, что опасность возникновения «дискуссии» между сугубым профессионалом и лишь претендентом на профессионализм, как это произошло между

участниками экспедиции 1909 года, не исключена и в наше время, однако науке это ничего не дает. Это хорошо понимал Русанов, что и заставило его дать своему оппоненту жестокий отпор.

Еще раз подчеркнем, что для Русанова именно полевой сезон 1909 года оказался наиболее успешным по совокупности всех трех, проведенных на Новой Земле. Теперь ему оставалось действовать лишь по принципу «куй железо, пока горячо». Это проявилось как в качестве, так и в количестве его научных публикаций. Всего по результатам экспедиции 1909 года им было опубликовано шесть работ, носивших пионерный характер. Из них пять были посвящены геологии, а заголовок шестой «Опись берегов и внутренних частей Новой Земли» говорит сам за себя. Не случайно виднейший представитель геологов-новоземельцев 30-х годов XX века, когда резко расширился фронт геологических исследований на архипелаге, Михаил Михайлович Ермолаев так охарактеризовал деятельность своего славного предшественника: «Первыми работами по стратиграфии (последовательность геологических событий и сопутствующих пород. — В. К.) Новой Земли, касающимися всех палеозойских отложений, развитых на ней, были работы Русанова (1937, с. 102)». Другой представитель той же когорты полярных геологов Н. Н. Мутафи высказался еще определенней: «Заслуги В. А. Русанова в геологическом изучении Новой Земли бесспорны. Им впервые в различных районах Новой Земли был собран огромный фактический материал, намечена стройная концепция геологической истории, даны прогнозы по поискам рудных месторождений. Последние шли вразрез с предшествующими исследованиями, но полностью подтвердились современными геологическими работами» (1945, с. 225).

Поскольку работы Русанова публиковались как в официальных российских изданиях, так и в «Отчетах, издаваемых еженедельными собраниями Академии наук» во Франции, это делало их автора известным исследователем как у себя на родине, так и за рубежом. Так или иначе, в части геологии вершина успеха Русанова в его новоземельских экспедициях пришлась на полевой сезон 1909 года. В последующих экспедициях на этот полярный архипелаг он лишь уточнял и развивал достигнутое. Теперь его поиск обратился на иные проблемы, с которыми читатель познакомится в последующих главах.

Глава 8. Вокруг северного острова

На север, на север, на север — вперед!
Нас за сердце доблесть людская берет.

П. Антокольский

Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий,
Скрипучий поворот руля.
Земля плывет. Мужайтесь, мужи,
Как плугом, океан деля.

О. Мандельштам

Последствия полевого сезона 1909 года сказались очень скоро. В конце мая 1910 года Русанов получил в Париже письмо следующего содержания:

Милостивый государь Владимир Александрович!

Прошу Вас принять начальствование над снаряжаемой мною экспедицией Главного управления землеустройства и земледелия для обследования в течение июля и августа северной части Новой Земли — от Архангельской губы до полуострова Адмиралтейства. Ближайшие задачи экспедиции и условия труда ее членов известны Вам из личных наших переговоров и сообщений правителя моей канцелярии.

Подробная программа будет выработана по принятии Вами моего предложения и прибытии Вашем в Архангельск.

Прошу принять уверения в совершенном почтении и преданности.

Архангельский губернатор Сосновский

Это означало, что на Новой Земле он становится самостоятельным, полноправным исследователем. Перед отправлением в экспедицию он сдал последний экзамен и стал дипломированным специалистом. Правда, отсутствие диплома не помешало ему в прошлом полевым сезоне ставить

исследования по нескольким разным направлениям, но тем не менее наличие официального документа делало его положение более прочным. Как руководитель экспедиции, теперь он отвечал за все, и эту нагрузку, судя по апрельскому письму матери, он почувствовал скоро:

«Очень много у меня самой спешной работы. Много надо прочитать и сделать до экспедиции, чтобы все знать, все предусмотреть заранее. Экспедиция будет большая... Я думаю, вернусь в конце сентября, не раньше... Экспедиции отпущено 5000 рублей, так как судно будет не куплено, а нанято в аренду. Приеду в Архангельск еще не скоро; отъезд экспедиции назначен в самом начале июля... Писал губернатору, чтобы воспитал на казенный счет в гимназии Шурочку, если не ворочусь. Но что со мной сделается! На Новой Земле как дома. Теперь, пожалуй, нет в Европе никого, кто бы так хорошо знал Новую Землю, как я» (1945, с. 385–386). Последняя фраза весьма характерна — действительно, среди новоземельских геологов он обладал наибольшим полевым опытом, как и обширными сборами образцов пород и ископаемой фауны.

Весьма характерное письмо, в котором смешались опасения за родных, озабоченность порученным делом, прикрытое легким налетом бравады — нормальное состояние души, смесь возбуждающей тревоги (мол, где наша не пропадала!) и ожидание нового перед ответственным делом, так знакомое многим полярникам и участникам дальних экспедиций. И даже некоторое желание покрасоваться перед близкими — вот мы какие ребята!..

Что касается дел в Архангельске, то многое решил местный купец рыбопромышленник Д. Н. Масленников, который пошел навстречу губернатору совсем не из соображений благотворительности — он, видимо, уже в ближайшем будущем надеялся воспользоваться результатами русановских изысканий на Новой Земле, тем более что речь шла о малоосвоенном (точнее, забытом) северном побережье, перспективы которого в ту пору выглядели обнадеживающими. Несмотря на очевидный риск, купчина расщедрился на новенький куттер «Дмитрий Солунский», построенный всего два года назад в одном из поморских коренных мест — на острове Мудьюге, родине многих архангельских мореходов, что с моря прикрывает столицу Поморья и поныне.

Судно выглядело вполне приличным, тем более в сравнении с прошлогодней «посудиной»: длина 32 метра, ширина — до 8, глубина интрюма до 3-х, водоизмещение 180 тонн, со специальной ледовой обшивкой по корпусу из дуба. Неплохой мотор в 50 лошадиных сил, немного уступавший по мощности знаменитой «Веге», на которой Норденшельд одолел (правда, с зимовкой) весь Северный морской путь. Об

этом Русанов вспомнил не случайно — были у него на этот счет свои соображения, поначалу не нашедшие понимания у людей, на которых он понадеялся. В первую очередь это относилось к штурману из Главного гидрографического управления А. П. Смирнову. Представитель официальной организации, опытный моряк, офицер с заслугами, ранее неплохо проявивший себя в зимних рейсах на Мурман, казалось, вполне подходил на роль капитана судна официальной, а не частной экспедиции, — однако вдруг засомневался, заколебался и поспешил уйти в сторону, когда Русанов посвятил его в свои планы, выходящие за рамки официальных, признав «программу слишком рискованной и невыполнимой». Сосновский также нигде не завизировал часть программы, относившуюся к обходу Северного острова, хотя сам же выступал с идеей объявить Карское море внутренним морем России. Весьма характерная позиция: с одной стороны — не препятствую, а с другой — в случае неудачи вся ответственность, господин Русанов, не обессудьте-с, на Вас... Однако и чересчур осторожных губернатор не жаловал.

Совсем иначе повел себя коренной помор Григорий Иванович Поспелов, несмотря на то, что четыре года назад потерял во льдах собственное судно на зверобойном промысле. Когда Русанов «с картой в руках изложил капитану программу экспедиции, одной из главных задач которой был обход Северного острова, капитан всецело согласился с моей программой, обещая мне в этом отношении свое содействие» (1945, с. 159) — взаимопонимание было установлено и сохранялось до завершения экспедиции. Решение на обход Северного острова — не просто попытка решения задачи, которая нашим морякам после плавания Саввы Лошкина не давалась, но и очень важная с точки зрения самой постановки задачи — тем самым отпадал вариант с холостым плаванием, запомнившийся по прошлому полевому сезону. Таким образом, уроки трех предшествующих экспедиций не прошли для Русанова даром.

Идея обхода Северного острова возникла абсолютно не случайно и напрямую связана с результатами предшествующего полевого сезона, когда интересы Русанова-исследователя впервые вышли за рамки одной геологии с перспективой расширения уже в ближайшем будущем, причем по многим направлениям. В первую очередь это касалось природных процессов в морях у Новой Земли, которая, как известно, является отправным рубежом для Северного морского пути, традиционно связанного с интересами России. Это можно уверенно утверждать после появления статьи Русанова «Возможно ли срочное судоходство между Архангельском и Сибирью через Ледовитый океан», включенной в сборник по результатам

экспедиции 1909 года, в которой он изложил свои взгляды на проблему и собственные намерения в Арктике на ближайшее будущее. Отметим лишь то, что отразилось в его планах на 1910 год.

Так, он утверждал: «Я предлагаю огибать Новую Землю как можно севернее, а Карское море совсем оставлять в стороне. Правда, такой путь на 250 верст длиннее, но зато он гораздо надежнее» (1945, с. 64). Отметим, что по представлениям того времени к Карскому морю относилась акватория только между Новой Землей и Ямалом. Далее Русанов развивает свою мысль о необходимости изучения природных процессов в интересах мореплавания: «Судоходству может помочь только гидрографическое изучение Карского моря и устройство на восточных берегах Новой Земли метеорологических станций, которые функционировали хотя бы только в продолжение навигационного двух — или трехмесячного периода» (там же, с. 65).

После такой сугубо «пристрелочной» постановки задачи он переходит к ее теоретическому обоснованию, начиная, прямо скажем, с непривычного даже для специалистов заявления, явно опережающего свое время: «Многие думают, что если есть лед у южных берегов Новой Земли, то тем более он должен быть у ее северных берегов. Однако факты такого распространенного мнения не подтверждают» (там же, с. 65) — в чем, действительно, оказался абсолютно прав. Для полярного моряка-практика нашего времени это азбучная истина, но в начале XX века такой взгляд казался не столько революционным с позиций практики, сколько сомнительным и крайне опасным на деле и не мог встретить однозначной поддержки — Сосновский это великолепно понимал, с одной стороны, и видел перспективу, с другой. Когда дело было сделано и риск себя оправдал, В. А. Русанов в связи с идеей обхода Новой Земли с севера объяснил, что «губернатор Сосновский не нашел возможным внести этот рискованный пункт в обязательную программу, предоставив вопрос об обходе всецело на мое усмотрение» (1945, с. 395).

Однако обратимся к теоретическим взглядам Русанова, в которых Гольфстриму принадлежало особое место. «Благодаря Гольфстриму открытое море у западных берегов Новой Земли никогда, даже в самую страшную зимнюю стужу, не замерзает. Благодаря Гольфстриму плавучие льды никогда не должны надолго задерживаться у западных берегов Новой Земли — ни летом, ни осенью. Следовательно, благодаря Гольфстриму возможно вдоль западного побережья Новой Земли правильное пароходное сообщение между Европой и Сибирью с июля по сентябрь включительно» (1945, с. 66) при условии, что Гольфстрим присутствует и в Карском море

— добавим мы, что также великолепно понимал и автор идеи, о чем свидетельствуют заключительные строки его работы:

«Нужно иметь в виду, что направление течений в северной части Новой Земли до сих пор остается необследованным и мои соображения на этот счет являются гипотетическими. Вот почему выяснение этого капитального вопроса, по моему мнению, должно составить самую главную задачу Новоземельской экспедиции в 1910 году... Ей не только понадобится подняться до крайнего северного пункта Новой Земли, до мыса Желания, но и обогнуть его. Если работы экспедиции дадут положительные результаты, то уже в 1911 году можно будет сделать первый пробный рейс из Архангельска в Енисей по новому Ледовитоокеанскому пути» (там же, с. 67).

Теперь читателю становится понятным наличие нескольких планов на русановскую экспедицию 1910 года и то, как они возникли. Поиски Гольфстрима на севере Карского моря, чтобы получить руководство к действию на будущее — вот, по мнению Русанова, вся суть экспедиции 1910 года, остальное — попутно. Скорее всего Сосновский думал иначе, но как умный администратор он давал волю своему протезу, даже с учетом известного риска. Читателю предстоит далее убедиться в реальности (а еще более сложности) этой идеи. Что касается сроков, то исследователь явно торопил события — до претворения его предложений в жизнь оставалось всего тридцать лет, причем с привлечением такого нового поискового средства, как ледовая авиационная разведка.

Наконец, проблема риска, без которого любая работа в Арктике не обходится — и на этот раз, как покажут дальнейшие события, его было не больше и не меньше, чем обычно. Просто есть люди, способные брать риск на себя и обладающие способностью ориентироваться в экстремальных условиях, уже поэтому рискованных. Русанов был одним из них. Теперь вернемся непосредственно к событиям 1910 года.

Экипаж «Дмитрия Солунского» состоял из 11 человек. Экспедиция включала прикомандированного представителя Минералогического общества М. М. Кругловского, зоолога

С. С. Иванова (студента Сорбонны), препаратора С. С. Че-тыркина, только что вернувшегося из Центральной Азии (где он работал у знаменитого П. К. Козлова из плеяды питомцев Н. М. Пржевальского), а также штурмана В. Е. Реме-зова, который должен был вести астрономические и метеорологические наблюдения. Подбор специалистов позволял выполнить комплекс наблюдений. На Новой Земле Русанов надеялся нанять в качестве опытного проводника Илью Вылку, хорошо

зарекомендовавшего себя в прошлой экспедиции. Попутно экспедиция должна была доставить в Крестовую губу стройматериалы для будущего становища. Гидрографические работы там уже проводил штабс-капитан по

Адмиралтейству Георгий Яковлевич Седов, на рейсовом судне «Королева Ольга Константиновна» вместе с будущими колонистами доставленный к месту работ там же оказался в качестве туриста еще один будущий полярник — Николай Васильевич Пинегин.

Настроение Русанова в это время передают его письма в Орел: «... было по горло важной и неотложной работы. Только сегодня закончил всю организацию и все закупки и наем команды... Наша экспедиция организована великолепно. Прежде всего у меня великолепное судно, которое не боится льдов и обладает сильным мотором. Очень большое, стоит оно 35 тысяч рублей, и дал его нам Масленников... От принца Монакского я получил дорогие и прекрасные гидрологические инструменты с очень любезным письмом и пожеланиями успеха. От начальника Гидрографического управления Вилькицкого — астрономические приборы и в том числе три хороших хронометра, каждый из которых стот 400 рублей. У нас две гребные шлюпки, одна лодочка, один парусный бот, одна превосходная моторная лодка. В общем, все снаряжение нашей экспедиции стоит 40–50 тысяч рублей. Запасов у нас масса... Не только начальство, но решительно все приходят ко мне на помощь и оказывают всяческое содействие; при таких условиях, вы видите, можно будет сделать многое, что и не предполагает губернатор. Я уверен в успехе и вместе со старым капитаном надеюсь подняться до крайней северной оконечности острова и обогнуть его весь» (1945, с. 386).

Письмо отчиму сугубо мужское (с сомнениями покончено, информация чисто деловая, ни намек на эмоции). В письме матери он ни разу не упоминает о своих планах по поводу обхода Северного острова, чтобы не давать повода для лишней тревоги. Письмо характерно и тем, что вскрывает деловые связи Русанова в самом широком диапазоне — от «самоеда» Вылки и до коронованных особ (принц Альберт Монакский был профессиональным океанографом и поделился с Русановым аппаратурой, освободившейся после рейса к Шпицбергену), не говоря о начальнике Главного гидрографического управления Андрее Ипполитовиче Вилькицком ^[1], с которым он нашел общий язык на почве общих интересов в Арктике, хотя и с помощью губернатора. Очевидно, здесь следует подробнее остановиться на личности капитана «Дмитрия Солунского» Г. И. Пospelова, о котором среди его подчиненных еще со времен Мурманской научно-промышленной экспедиции остались самые лучшие воспоминания:

«Поразительно скромный, мягкий и очень симпатичный человек... Григорий Иванович никогда не кричал и очень редко повышал голос при обращении с матросами. Всегда ровный и спокойный, он также спокойно встречал и опасность» (Ягодский, 1914, с. 110). Судя по последним словам, это была самая подходящая кандидатура для предстоящего плавания.

25 июля дела на берегу завершены, якорь поднят, деловито застучал мотор и за кормой обозначился пока нерешительный плеск кильватерной струи — вперед, вниз по Маймаксе (одной из протоков двинской дельты) и дальше знакомым Березовским устьем мимо острова Мудьюга в просторы полярных морей... К черту сомнения!.. Как предупреждение уже в Горле Белого моря вблизи устья Поноя увидели выброшенный на берег большой барк с необрушенными парусами, плескавшими на свежем ветру. На подходах к Канину Носу встретили массу бревен, видимо, сброшенных с аварийного судна, на которых отдыхали чайки и глупыши, да дымящие вдали иностранные рыболовецкие тральщики. Позднее стали появляться киты, порой вблизи самого борта. Вскоре ярко-синяя вода Гольфстрима сменилась бирюзовой с зеленоватым оттенком из Карского моря — признак приближения к берегам Новой Земли. Только 20 июля в тумане по правому борту обозначились снежные пятна — признак гор севернее губы Безымянной, но сам вход в Маточкин Шар вахтенные опознали по характерной каменной пирамиде — навигационному знаку, установленному командой крейсера 2-го ранга «Наездник» еще в 1895 году: обычные события на переходе морем, предшествующие главному — началу экспедиционных работ.

В Поморском приняли на борт Илью Вылку и оставленный в прошлом году груз продовольствия (сухари, рис, гороховую муку, клюквенный экстракт и экзотическую тапиоку), который пригодился в предстоящем плавании, внося определенное разнообразие в питание участников. У ненцев закупили также олени шкуры вместо матрацев на постели, непромокаемые сапоги из тюленьего меха и сотню крупных яиц кайры для камбуза. В час ночи 21 июля тронулись в Крестовую губу. Впервые из-за облаков и тумана на небосводе показалось солнце. После полудня судно оказалось в устье Крестовой губы, где долго пришлось лавировать против встречного ветра — стока, который на исходе сил все же пытался не пропустить «Солунского» к новому становищу. Наконец бросили якорь у новостройки — становище называлось Ольгинским, в честь великой княжны Ольги Николаевны. Пока выгружали привезенный лес, сверили хронометры. Русанов посетил свеженькую «с иголочки» метеостанцию.

Однако отсутствие постоянного метеонаблюдателя вызвало у Русанова определенный скепсис в отношении ожидаемых результатов, в чем, забегаая наперед, он оказался прав. К сожалению, в Ольгинском отсутствовал Н. В. Пинегин — в противном случае мы бы узнали, как прошла встреча двух выдающихся русских полярников и их впечатление друг от друга, тем более что в своих воспоминаниях они не уделили этому ни строчки. Зато о встрече с Седовым позже вспоминал Вылка: «О Георгии Яковлевиче тоже знаю. Видел его с Русановым, пили чай и беседовали о своих поездках. Он предлагал мне ехать с ним в экспедицию. Владимир Русанов задел мою ногу ногой. Я разом понял он не желает с ним ехать».

Когда вышли с палатки Седова, Русанов сказал — тебе не следует с ним ехать, у него военная дисциплина, строгая. Мы всегда должны вместе работать»... (Арх. обл. архив. Фонд 5661. Оп. 2. Ед. хр. 79). Здесь же участники плавания узнали о гибели от цинги промышленников в заливе Мелкий (где в прошлом году побывали Крамер и Быков), нанятых на зимовку Масленниковым и не вынесших ее тягот. Арктика еще раз напомнила, что мелочей не прощает в большом и малом.

Под вечер 5 августа «Дмитрий Солунский» оставил Крестовую губу и сутки спустя оказался у полуострова Адмиралтейства — это был северный предел его прошлогоднего морского маршрута. По сравнению с прошлым годом полевые работы начались с опозданием на две недели — в свете предстоящего это не могло не вызывать тревоги и, видимо, сказалось на детальности выполнения официальной части программы. Отметим, что на западном побережье Новой Земли сам полуостров играет роль важной природной границы, в чем Русанов вскоре убедился весьма наглядно.

Первая же высадка для определения астропункта в открытом северным ветрам заливе оказалась неудачной. «По части определения астрономических пунктов, — сказано в отчете, — экспедиции очень не везло; лишь изредка, и то, когда она была в море, светило солнце, а большей частью ее преследовал туман попеременно с дождем и снегом. Почти постоянно небо было затянуто или облаками, или туманом» (1945, с. 158). Увы, Русанов отметил только реальную картину, с которой любому участнику экспедиции приходилось сталкиваться вплотную. К счастью, в наше время спутник в сочетании с системой GPS избавил полевого исследователя от продолжительного ожидания «дневного светила» и связанных с этим громадных потерь времени. Однако не только облака затрудняли проведение наблюдений — новые участники жаловались, что просто передвигаться на местности им трудно из-за сильного и холодного ветра.

Покинув негостеприимный берег, направились в глубь Глазовой губы к одноименному леднику, подходы к которому были забиты айсбергами разных размеров и просто обломками льда, причем ледник «телился» практически непрерывно с грохотом и плеском. Смотреть на это иногда было страшно, однако большое количество льда не давало разгуляться волне, хотя порой шлюпка испытывала неожиданные прыжки и броски среди плавающих льдин.

Жалобы Русанова на неудачи первых дней понятны любому опытному полевику. Как правило, любая экспедиция обычно начинается с привыкания к особенностям местности, когда человек на ходу, что называется, «втягивается» или обретает полевую форму — как правило, на это уходит несколько дней. Так было и на этот раз, а что касается ветра, тумана или льда — на Новой Земле по-другому не бывает, меняется только соотношение перечисленных компонентов ее природной среды. Сейчас мы знаем, что бурные проявления природных процессов в зоне так называемого Арктического фронта, где встречаются тепло Атлантики и холод Арктики, — нормальное явление, но во все времена люди от взаимодействия различных воздушных масс испытывали только дискомфорт, к которому не все могут приспособиться.

Побережье в этой части Новой Земли также значительно отличалось от того, с которым Русанов имел дело в прошлых экспедициях. Со столь протяженными фронтальными обрывами, как в Глазовой губе, причем активными, он столкнулся впервые — чего-либо подобного по своим размерам ему не приходилось наблюдать. В этой части Новой Земли ледники занимали на местности гораздо больше места, чем ему приходилось наблюдать ранее. Здесь крупные ледники уже не прятались в глубине горных долин или в кутах фиордов или ледянок (как, например, в Машигиной губе), а повсеместно выходили к самому побережью, образуя настоящие ледяные берега, протянувшиеся на многие километры. Поморы, а за ними и другие исследователи (например П. К. Пахтусов), называли их «ледяными скалами» или ледяными горами, из-за чего в литературе нередко возникает путаница с айсбергами.

Еще одно важное обстоятельство не покидало мысли исследователя — ледовая обстановка в море. На этот раз не было ничего похожего на ту западню, в которую здесь угодил девять лет назад самый мощный ледокол в мире «Ермак», чьи машины превосходили по суммарной мощности движок «Дмитрия Солунского» в двести раз. Два месяца ушло тогда у ледокола на попытки выбраться из льдов — было уже не до мыса Желания. Пока ситуация благоприятствовала «Дмитрию Солунскому», который бодро

продвигался на север в тех местах, где в тяжелых льдах увяз богатырь «Ермак»... Техника техникой, природа — природой, но как предвидеть изменения льдов, способных сегодня остановить самую мощную технику, а завтра расступиться перед деревянным парусником? Правда, Вылка высказывался не однажды в том смысле, что на северо-западе просматриваются отчетливые признаки «ледяного неба» — отражение льдов далеко в море на нижней кромке облаков, но поскольку непосредственно в пределах видимости льда не было, вскоре о словах ненца забыли — и зря...

До 12 августа продолжалось обследование местности, включая окрестные ледники самых разнообразных форм и размеров, в том числе и в соседнем заливе Норденшельда. Ледник здесь своими размерами превосходил тот, с которым путешественники имели дело в Глазовой губе, причем с массой срединных морен, молчаливыми змеями выползавших откуда-то изнутри Новой Земли. Он оканчивался в заливе отвесным фронтальным обрывом, за которым в его истоках высились две горные вершины, — настолько приметные, что их отметили еще голландцы из экспедиции Баренца, которым здешние места были в диковинку. «Удивительно красивую и оригинальную картину представляют собой траурные горы залива Норденшельда, — отметил Русанов. — Черные сверху донизу, они убраны полосами ослепительно белого снега и прорезаны каймой белых ледников» (1945, с. 205). Первоначально он хотел назвать здешний ледник именем Масленникова, и под таким названием даже нанес его на карту. Правильнее было руководствоваться иным принципом, когда залив и впадающий в него ледник именовались одинаково — это позволяло легче ориентироваться на карте и избавляло от последующих ошибок. Поэтому в более позднем отчете залив и ледник носят одно имя, а в честь Масленникова был назван только южный входной мыс в залив.

Помимо чисто зрительных впечатлений залив Норденшельда порадовал разнообразными находками, среди которых оказался очередной норвежский дом, — судя по обрывкам газет, хозяева оставили его накануне выхода экспедиции из Архангельска, причем оставленные запасы позволяли думать, что норвежцы собирались вернуться. Обилие морского зверя объясняло, почему они облюбовали эту часть Новой Земли. Научные наблюдения (включая картирование, описания местности и сбор ископаемой фауны) также оказались весьма успешными. Ископаемая фауна продуктусов и гониатитов наводила на мысль о пермокарбонном возрасте пород, сформировавшихся 230–350 лет назад, хотя этот вопрос следовало

отложить до возвращения на Большую Землю и обработки всех материалов в камеральных условиях. Желание разобраться в геологии здешнего района, который мог оказаться ключевым для всего архипелага, объясняет длительную задержку здесь вплоть до 14 августа, ознаменовавшегося первым ясным днем.

Чтобы не менять остальных планов, было решено перебросить к полуострову Панкратьеву Кругловского с Четыркиным, а оставшимся на судне заняться изучением Архангельской губы и ее окрестностей.

Сам Русанов в сопровождении Вылки и двух моряков из экипажа «Солунского», управлявших шлюпкой, отправлялся «вдогон» судну по направлению к Архангельской губе, чтобы детально изучить слагающие породы побережья, весьма схематично нанесенного на карту. Буквально за каждым поворотом берега возникало что-то новое, порой неожиданное, не отраженное на карте. Севернее залива Норденшельда с одноименным ледником оказался еще один грандиозный залив, перегородженный поперек отвесным голубым фронтом столь же огромного ледника, сливавшегося у побережья из двух обширных потоков, с истоками на обширном ледниковом щите в центре Северного острова. Сливаясь, оба потока образовали в отвесном чистом фронте вертикальную черную полосу морены, которую было видно с моря на большом расстоянии. Этот новый залив и ледник были названы в честь Вилькицкого-старшего, начальника Главного гидрографического управления. Внимание Русанова привлекла здесь необычная ледовая обстановка, поскольку поля морского льда совершенно отсутствовали; кругом в поле зрения плавали одни только зеленые, синие и белые айсберги самых разнообразных и фантастических очертаний, которые на третий день пребывания в новом заливе сильным ветром с ледника выгнало в открытое море, и теперь можно было продолжать свой путь без помех. Дополнительные впечатления были получены на шумном птичьем базаре, где от непрерывного мелькания пернатых кругом шла голова. К удивлению даже Вылки, здесь были обнаружены гнездовья глупышей — единственного представителя трубконосых в северном полушарии из благородного семейства аристократов Мирового океана, ближайших родичей альбатросов. Русанов, хотя это находилось в стороне от его непосредственных интересов, отметил «буйную» для этих мест растительность на участках, сдобренных птичьим пометом, и даже задумался о перспективах вывоза здешнего гуано на Большую Землю. Помимо впечатлений здесь путники настреляли кайр как для себя, так и для экипажа «Дмитрия Солунского». Хотя такая дичь не относится к гастрономическим деликатесам, в экспедиционных условиях

она вполне способна удовлетворить запросы проголодавшегося маршрутника, отшагавшего по горам и бездорожью не один десяток километров, или моряка, соскучившегося по «свежатине» после бесконечной соленой трески сурового поморского засола. Можно смело утверждать, что такое вмешательство в эволюцию природной среды полярного архипелага не привело к нарушению естественного баланса и тем более не сказалось на будущем новоземельской природы.

Каждый новый день приносил что-то свое, неповторимое. 13 августа на карту были положены новые заливы с одноименными ледниками Кривошеина и Жан, названные так в честь управляющего Главного управления земледелия и землеустройства Александра Васильевича Кривошеина и женщины, которую в письме к родным через полгода он назовет своей будущей женой. Речь идет о Жюльетте Жан Соссин, его сокурснице по учебе в Сорбонне. Не повезло последнему топониму — он продержался на картах много десятилетий, а потом какой-то большой начальник, хотя и не столь известный, как Русанов (и, отметим, с меньшими заслугами перед Россией), смотрел-смотрел на карту и распорядился: переименовать бухту Жан в бухту Беспокойную — быть посему! И переименовал, вероятно, не представляя, с кем тягается, покушаясь на право первооткрывателя. Хочется думать, что однажды справедливость будет восстановлена. Природная обстановка с тех пор изменилась здесь настолько, что в результате отступления ледника Кривошеина образовался самостоятельный остров ^[2], в который во времена Русанова этот ледник упирался. Сейчас у этого острова свое название, но за проливом имеет смысл сохранить имя избранницы Русанова — она вполне достойна этого.

В процессе плавания определился общий характер побережья — сплошные горные цепи, прорезанные поперечными долинами, по которым к морю спускались выводные языки ледникового покрова, распластавшегося за горами в центре острова.

На расстоянии ничего не говорило о присутствии человека, хотя безжизненными эти места назвать было нельзя. Со скальных обрывов доносился гомон птичьих базаров, нередко у самого борта возникали круглые лоснящиеся морды любопытствующих тюленей, реже моржей. Когда шлюпка входила в очередной залив, от его верховий тянуло ветерком, иногда сильным — это были первые признаки затаившегося до поры до времени знаменитого стока, непредсказуемого и свирепого, способного отправить ко дну самых отважных смельчаков в считанные минуты.

Хотя в целом плавание проходило вполне благополучно, за таким

развитием событий стояло длительное нервное напряжение, в первую очередь у самого Русанова, отвечавшего за исход задуманного предприятия. Предвидение в большом и малом — вот от чего зависел исход дела, тогда как за всем уследить практически невозможно. Слегка расслабились на траверсе ледника Кривошеина, доверившись обманчивой тишине и солнечному теплу, такому редкому в здешних широтах — и вот результат... «В то время как проходили мимо огромного ледника, от него отвалилась огромная ледяная скала и упала в море. Оттуда поднялось облако водяной пыли, далеко раскатился гром и понеслись большие концентрические волны» (1945, с. 143) — урок на будущее.

Погода на Новой Земле на редкость переменчивая. «Холодный, пронизывающий ветер дул все сильнее и сильнее. Все кутались, как могли, но все же было очень холодно, особенно ногам. Так плыли почти всю ночь. Иногда приходилось проходить между стаями причудливых льдин, оторвавшихся от соседних ледников. Раз засмотревшийся рулевой не заметил, как шлюпка под надутым свежим ветром парусом подлетела к одной такой льдине... Долго и тщетно искали удобной, спокойной бухточки, но повсюду у берегов пенилась большая океанская волна. Наконец дошли до южного входа в Архангельскую губу и высадились на берегу, покрытом крупной галькой и обставленном феерическими желтыми скалами» (там же). Предстояла скорая встреча с судном, игравшим в этой экспедиции роль плавучей базы, людьми, остававшимися на борту «Дмитрия Солунского», а затем и отрядом Кругловского, о работе которого Русанов ничего не знал просто из-за отсутствия связи.

В ожидании встречи экипаж шлюпки не терял времени даром, тем более что погода порой вносила непредусмотренные коррективы, не всегда одни только приятные. Солнце с утра 20 августа нагрело воздух до 19 градусов, и люди даже выкупались в море, несмотря на то, что температура морской воды была на 13 градусов ниже, и, освежившись, отправились в маршрут, который привел их к очередной норвежской хижине, на этот раз без запасов продовольствия или заготовленной промысловой добычи. На следующий день уже в полевом лагере у вытащенной на берег шлюпки их застал сток, живописно описанный на страницах отчета:

«Сильный юго-восточный ветер заставил Русанова проснуться и как раз вовремя. Масса разбросанных около палатки вещей при усиленном содействии ветра имела преступное намерение броситься в море. Ободранные накануне шкурки гагарок уже неслись по волнам, туда же устремилась и круглая шапка Вылки, но в самый последний момент ее перехватил проснувшийся матрос. Русанов едва смог удержать свои одеяла,

но зато упустил чулки. Палатку рвало во все стороны, так что пришлось убрать ее. Наконец все было поспешно упаковано, так что озлившемуся ветру оставалось только одно — бросать в лицо мелкие камешки...

...Разыгрался настоящий шторм. Это был первый шторм, который пришлось испытать в этом году членам экспедиции. На небе появились смерчи, облака стали закручиваться спиралью. Море кипело. Шлюпку, довольно далеко вытащенную на берег, начало уже заливать волной; пришлось ее поспешно разгружать и вытащить еще дальше на берег. Надо было зорко смотреть, чтобы на грузе лежали достаточно тяжелые камни и бревна, а то подхватит ветер и унесет в море. Когда справились с укладкой груза и с лодкой, то под защитой последней разложили огонь и стали варить вкусный суп из французской гороховой муки. Когда суп был совсем готов, внезапный жестокий порыв ветра поднял весла, на которых был подвешен котел с супом и моментально — и весла, и котел, и аппетитный гороховый суп — все это очутилось в море. С большим трудом удалось поставить палатки, крепив их со всех сторон камнями и бревнами и привязав их веревками за скалы. Шторм продолжался почти всю ночь» (1945, с. 144–145).

К утру ветер несколько утих, но идти под парусом было рискованно, пришлось пользоваться веслами. Вечером 22 августа увидели знакомый силуэт «Дмитрия Солунского» и, поднявшись на его палубу, узнали, что отряд Кругловского продолжает свои работы на островах по соседству. Обменялись новостями, среди которых одна была чрезвычайной. Оказалось, что прошлогодние меры против норвежского хищнического промысла на Новой Земле уже дали свои результаты — силуэт, замеченный Русановым еще 13 августа далеко в море, принадлежал норвежскому судну «Сириус» из Тромсё (капитан Улаф Ульсен), прибывшему на архипелаг со специальным предписанием подданным норвежской короны покинуть берега Новой Земли и на будущее прекратить там все виды промысла. Встреча имела дружественный характер, причем норвежский механик помог в ремонте движка на «Дмитрии Солунском», дав совет использовать для смазки мотора жир морского зверя, что оправдало себя на практике. Сверх того, норвежцы поделились сведениями о ледовой обстановке, которая оказалась менее благоприятной, чем думали участники русановской экспедиции: «Сириус» не смог пробиться на восток через Карские Ворота, у западного побережья Новой Земли лед всюду держался у параллели 75 градусов северной широты. Выходило, что Вылка, отметивший отдаленные признаки льда еще у полуострова Адмиралтейства, оказался прав — это добавило ему авторитета в экипаже

«Солунского» и определило на будущее в составе экспедиции его роль в качестве незаменимого ледового лоцмана — среди его достоинств это оказалось не единственным.

24 августа судно направилось на поиски отряда Кругловского, отсутствие которого уже начало беспокоить остальных участников экспедиции. Запоздавший отряд был обнаружен на следующее утро. Теперь можно было подвести итоги по выполнению официальной части программы, прежде чем приступить к обходу Северного острова, как с самого начала планировал Русанов с молчаливого согласия губернатора Сосновского.

Поскольку читателю уже известно о достижениях Русанова, остановимся на работах остальных участников экспедиции. Кругловский со своими помощниками успел обследовать с 15 августа острова Крестовые, где помимо палеонтологических сборов и описаний местности обнаружил руины разрушенной норвежской хижины, остатки креста с сохранившейся надписью «Корвет... 1869» и восемь могил — следы неизвестной трагедии. Отсюда он три дня спустя перебрался в своей шлюпке на ближайший к Новой Земле Панкратьевский остров, обнаружив вскоре, что тот является... полуостровом. Буссольная съемка полуострова заняла еще четыре дня. Погода в эти дни благоприятствовала исследователям — хотя температура не поднималась выше 7 градусов, давление оставалось высоким, не слишком задувало и, главное, обошлось без дождя. Кругловский закончил свой самостоятельный маршрут посещением острова Берха, крайне интересного с точки зрения геологии, где и произошла долгожданная встреча.

Экипаж «Дмитрия Солунского» в те дни также не оставался без дела. Почти две недели у Больших Горбовых островов (включая острова Большой Заячий и Берха) занял промер и исправление существующих карт, причем были обнаружены очередные норвежские хижины. Выходило, что иностранные хищники планомерно осваивали русскую территорию, используя благоприятную для себя экономическую и природную ситуацию, — они могли отправляться на промыслы из своих незамерзающих портов в то время, когда Белое море для поморов еще оставалось скованным льдом. Однако опасения за неблагоприятное развитие событий с приходом «Сириуса» благополучно разрешились — интересам России на далеком полярном архипелаге на будущее ничто не угрожало, и они получили официальное признание. Обстановку изменили к лучшему не рейсы сторожевика «Бакан» под андреевским флагом (не задержавшего ни одного нарушителя), а действия на месте самого Русанова и участников его

экспедиций, что позднее получило (как мы убедимся) официальное подтверждение. Не понадобилось ни стрельбы, ни лихих налетов — достаточно было продемонстрировать хищникам, что их деятельность находится под контролем. Своими действиями Русанов явно опережал неповоротливую петербургскую бюрократию, которая лишь 5 сентября наконец-то отдала распоряжение Сосновскому: «Разрешаю Вашему Превосходительству выселение с острова Новой Земли норвежских экспедиций... Озаботьтесь, чтобы посылаемый с этой целью отряд стражников был достаточно численным и хорошо вооруженным» (Попов, 2001, с. 224). Можно представить, каким европейским ненужным шумом обернулось бы подобное развитие событий, но Русанов обошелся без стражников.

С завершением официальной части экспедиции наступал решительный момент. Теперь Русанов принимал на себя всю ответственность за дальнейшее развитие событий, даже если в этом решении он располагал согласием и поддержкой капитана Поспелова и ледового лоцмана Вылки. Тем не менее окончательное решение зависело от совпадения решимости всех трех, когда стопроцентного успеха гарантировать не мог никто. Однако накопленный опыт позволял предполагать, что в случае, если фортуна повернется к участникам похода спиной, усилиями всех троих будет найден какой-то выход из самой безысходной ситуации. Это было их единственной общей гарантией, требовавшей от всех участников непоколебимого доверия и веры в успех общего дела. С этим настроением и начался самый ответственный и самый опасный заключительный этап экспедиции.

В ночь с 25 на 26 августа барометр рухнул на 10 миллиметров, и вскоре бурный юго-восточный ветер развел сильную волну, срывая гребни и поднимая облака водяной пыли. «Дмитрий Солунский», тяжело переваливаясь, карабкался с волны на волну под штормовыми парусами. «Судно очень сильно качает, большой крен, — указано в отчете экспедиции. — Все, что не крепко увязано и уложено, словно по волшебству переносится с места на место. По каюте летают ящики, ведра, угли из печки, ружья, а висячая лампа исполняет какой-то фантастический танец. Большая часть членов экспедиции смиренно лежит по своим койкам, страдая морской болезнью» (1945, с. 149). В этих условиях не было возможности обследовать район Русской Гавани или гавани Мака, на что рассчитывал Русанов совсем еще недавно — не повезло...

Почти сорок лет единственной более или менее достоверной картой берегов, вдоль которых был проложен путь «Дмитрия Солунского»,

оставалась карта немецкого географа Августа Петерманна, составленная на основе судовых журналов норвежских промысловиков. Однако любой специалист скажет, что при всех достоинствах карта, возникшая в тиши кабинета, будь ее составитель семи пядей во лбу, будет уступать по многим показателям той, что в муках рождается непосредственно на местности под суровым полярным небом, несмотря на все страдания ее создателя от холода, ветра, сырости и прочих полярных прелестей... «Мы могли только убедиться, — позднее отметил Русанов, — в чрезвычайной неверности существующих карт, но, к сожалению, нам не удалось сделать хотя бы глазомерной съемки этих берегов. Мы никак не могли найти тех мысов, что указаны на карте. Встречали острова не там, где им следовало быть. Например, имеющиеся на карте очертания мыса Литке и положение островов Баренца весьма мало напоминали те, что мы видели перед собою» — это было написано про те самые места, в которых за восемьдесят лет до Русанова путался Ф. П. Литке — положение с тех пор практически не изменилось. Поэтому понятно стремление Русанова как-то способствовать изучению и этой части Новой Земли, однако поставленная цель заставляла его идти вперед, на ходу отмечая проблемы и делая заявки на будущее.

У северных пределов архипелага он лишь отметил: «От лиц, бывших здесь в июле на “Бакане”, пришлось слышать, что Большой Ледяной мыс выдается не так далеко в море, как обозначено на картах. Однако в этом нельзя видеть нового географического открытия. Очертания мыса, состоящего из одного чистого льда, неизбежно должны из года в год изменяться. Если благодаря изобильным атмосферным осадкам, приток льда в леднике, образующем мыс, возрастает, то естественно, что и самый Ледяной мыс должен выдвигаться дальше в море. Если же количество осадков, взятое за несколько лет, в общей сложности уменьшается, то и Ледяной мыс начинает постепенно укорачиваться. При продолжительном уменьшении осадков и при повышении температуры возможно даже, что этот же самый Ледяной мыс превратится в Ледяной залив» (1945, с. 149). Далеко вперед заглядывал пылливый ум исследователя, не боясь ошибиться, но, как мы теперь точно знаем, оказался прав — неплохо учила его профессура Сорбонны, тем более что есть основания предполагать о знакомстве Русанова с ледниками Альп. Во всяком случае, он излагает свою точку зрения на эволюцию ледников в этой части Новой Земли строго в соответствии с современными представлениями, а в части природного прогноза (кстати, подтвердившегося) значительно опередил свое время.

Не мог знать Русанов, что спустя всего три года придет в эти места на самый северный предел Новой Земли лобастый гидрограф с серыми

умными глазами, с которым он недавно познакомился в Крестовой губе, и положит на карту здешнее побережье, потеряв в кошмарном пешем маршруте за два месяца 16 килограммом собственного веса. И, конечно, они не догадывались, что суждено им сложить свои головы в белых просторах Арктики почти одновременно в опасном для многих достойных мужчин возрасте — в 37 лет...

Однако не будущий мартиролог занимал тогда мысли Русанова, а все новые и новые ориентиры, открывавшиеся по курсу, — Оранские острова, долгожданный мыс Желания и многие другие, наряду с ледовой угрозой, которая с очередным градусом широты становилась все зримей, отчетливей, грозя спутать все его планы и намерения. И тем не менее само достижение мыса Желания, с которым нашим исследователям упорно не везло (вспомним неудачи Ф. П. Литке в 1821–1824 годах, П. К. Пахтусова в 1835 году, незапланированный дрейф «Ермака» в 1901 году), было выдающимся событием, на чем в своих воспоминаиях особо остановился Вылка: «На обоих мачтах “Солунского” подняли флаги. В. Русанов, восторгаясь успехом, сказал экипажу: “Сегодня мы находимся в самой крайней точке севера Новой Земли. Тут русской экспедиции до нас не было”» (Казаков, 1963, с. 159).

Прежде чем вторгаться в акваторию Карского моря, которая начиналась за мысом Желания, надо было провести серию гидрологических наблюдений, чтобы судить о режиме здешних вод, причем наблюдения, выполненные на единственной станции, естественно, могли оказаться достаточно случайными. Ведь речь шла о влиянии вод Гольфстрима на одну из самых сложных в ледовом отношении арктических акваторий с одной стороны, и важнейшем, по мнению Русанова, участке будущего Северного морского пути, с другой. Скажем прямо, ничего, что внушало бы ему надежду на ближайшие дни, обнаружено не было — но ведь плавали же в этих водах мореходы далеко на восток, и не все из них разделили злосчастную судьбу Баренца, погибшего здесь в 1597 году, вблизи мыса, открывавшего, по его мнению, долгожданный путь к заветным берегам Китая и Индии...

Когда провели третью гидрологическую станцию в 55 км на северо-восток от мыса Желания, причем на больших глубинах, где лот не достал дна на двухстах метрах (как это и должно быть по современной карте), на горизонте показалась светлая полоса льда — противник обозначил свое присутствие. Чтобы проследить положение кромки, пришлось вернуться к мысу Желания, где была проведена высадка на берег, производивший впечатление настоящей полярной пустыни, поверхность которой была

обработана древним ледником, словно ножом бульдозера. «Следы недавней ледниковой деятельности встречаются здесь на каждом шагу: растительность самая жалкая, цветковых растений почти нет, даже и мхи лишь изредка прячутся маленькими, редко разбросанными пучками между камнями. Берега озер и ручьев совершенно пустынные. Не видно никаких следов гусей и уток, столь многочисленных в других, более южных частях острова...» (1945, с. 151) — что и говорить, безотрадные места. Однако именно здесь, по мнению исследователя, в будущем должна была возникнуть (и спустя двадцать лет была построена) полярная станция, чтобы давать полярным мореходам необходимую информацию. Найденные неподалеку конгломераты позволяли думать, что породы здесь имеют девонский возраст, хотя позднее было установлено преобладание более древнего силура.

В последний день августа судно перешло в Ледяную Гавань, где когда-то голландцы с корабля Баренца провели первую из западноевропейцев (причем относительно благополучную) зимовку. Участники экспедиции поднялись на ближайшие холмы, где Русанову и его спутникам открылась безрадостная картина: «К юго-востоку все Карское море, от самого берега до горизонта, было покрыто сплошным льдом, причем несмотря на сильный ветер, дувший от берега, лед этот стоял неподвижно у берегов. Таким образом, путь к югу был отрезан. Казалось, невозможным идти дальше Карским морем. Но зато к востоку, докуда хватало глаз, море было совершенно свободно от льда. Оставалось одно из двух: или вернуться тем же путем, каким пришли сюда, то есть Баренцевым морем, чего совсем не хотелось Русанову, или попытаться обойти встречные льды, взяв курс к востоку» (1945, с. 151). Очередной торопливый отбор образцов принес Русанову добычу в виде пермокарбонной фауны, а Кругловскому — разброс по возрасту находок от силура до перми, хотя и в пределах палеозоя.

Слабое утешение, если снова приходится пятиться к мысу Желания, где в бухте, названной в честь капитана судна, и произошли решающие события. Здесь 2 сентября, стоя на якорях, судно выдержало шторм при сильном ветре с Атлантики. В воспоминаниях Вылки этот эпизод отражен следующим образом: «Подул неожиданный ветер с запада. Двое суток бросало нас из стороны в сторону, два якоря не держали. На нас надвигалась масса льдов. На четвертый день подул слабый ветерок с севера, и нам пришлось выйти на Карскую сторону. Другого выхода не было» (Казаков, с. 1983, с. 159–160). Дальнейшее развитие событий более развернуто дается в официальном отчете экспедиции в следующих

выражениях: «По предположению Вылки, такой сильный западный ветер должен был отнести от восточных берегов тот самый лед, который принудил “Дмитрия Солунского” вернуться, благодаря чему путь Карским морем, вероятно, освободился. Разделяя это мнение и желая во что бы то ни стало осуществить свою программу, Русанов уговорил капитана еще раз попытаться пройти Карским морем вокруг северного острова Новой Земли» (1945, с. 152).

Сказано — сделано, однако не тут то было — утром следующего дня с севера по всему горизонту стала надвигаться масса льда, угрожая прижать судно к берегу или оттеснить его на мелководе, где его гибель была бы неминуема. Как ни мрачно выглядела ледовая обстановка, но ее развитие предопределило последующие действия, предпринятые на основе минимума необходимой информации — той, что была в пределах обзора с палубы судна. В своем отчете Русанов справедливо отметил роль своих ближайших помощников в принятии рискованного, но единственно верного решения: «По мнению самоеда Вылки, разделяемого капитаном Пospelовым, следовательно, по мнению двух лиц, наиболее опытных и хорошо знакомых с полярными льдами, идти Карским морем, полным льдов, было крайне рискованно, но дальнейшие попытки пробраться Ледовитым океаном у западных берегов Новой Земли, когда на эти берега западным ветром нажало лед, было еще опаснее и угрожало гибелью» (1945, с. 153). Таким образом, предстояло выбирать между скверным и плохим вариантами, причем только в процессе плавания могло выясниться, который лучше... Очевидно, все дальнейшее зависело от конкретных действий экипажа и экспедиции и одновременно явилось бы мерой достоинств руководства, среди которого роль Вылки с его опытом становилась особо важной.

3 сентября «Дмитрий Солунский» осторожно направился к югу по узкому каналу чистой воды, причем кромка льда по левому борту, то приближаясь, то удаляясь, находилась все время в пределах видимости. Оставался даже некоторый простор для маневра, поскольку пространство открытой воды порой достигало нескольких километров. Таким образом, вынужденное решение оказалось все же верным. Правда, у выдающихся мысов, а их на пути до залива Течений встречалось немало, лед порой вплотную подходил к берегу и тогда приходилось не однажды испытать прочность корабельных бортов. Хуже было другое — за заливом Течений положение берега на картах было нанесено пунктиром, что уж тут говорить о глубинах...

Характер побережья здесь был совсем иной, чем на пути к мысу

Желания. Вместо гор лишь террасированные участки каменистого плато полого поднимались в глубь острова, словно нарубленные на куски выводными языками ледникового покрова, спускавшегося из центральной части острова. При отсутствии гор огромный ледниковый покров на обширном пространстве доступен был взгляду, представ белым загадочным сфинксом перед участниками плавания во всем своем величии, хотя человеческий глаз не мог охватить его целиком. Редкие выходы коренных пород и отдельные морены лишь подчеркивали общую монотонность сурового полярного ландшафта. Казалось, жизнь оставила эти забытые Богом и людьми места, от созерцания которых веяло холодом и смертельной угрозой. Для исследователя невольно вставал вопрос: как его описать, какие его характеристики можно получить сейчас, а что отложить на будущее, как он связан с уже знакомыми частями Новой Земли? Ответить на эти вопросы сейчас было невозможно. В отличие от западного побережья, проявлений жизни здесь было меньше, даже ветер задувал реже и сумрачная холодная погода не торопилась меняться. И органическая жизнь, и природный процесс проходили здесь в странном замедленном темпе, словно в летаргическом сне. Чтобы преодолеть это наваждение, люди выкладывались на износ, не жалея сил.

Документы подтверждают самоотверженность участников этого плавания. «Нельзя не отметить той стойкости, хладнокровия и неослабной бдительности, которую обнаружил капитан Г. И. Поспелов во время пребывания “Дмитрия Солунского” во льдах. Без сна, без отдыха по целым суткам стоял он в бочке, привязанной к вершине мачты... Капитану Г. И. Поспелову экспедиция обязана тем, что судно не только не было затерто льдами, но и возвратилось, не потерпев серьезной аварии» (1945, с. 132). Воспоминания Вылки подтверждают поведение руководства: «Владимир Русанов круглые сутки не спал, все стоял на носу судна, а капитан Поспелов находился на мачте, высматривая разводья среди льдов» (Казаков, 1983, с. 160). Не менее напряженно вкалывали механики в машинном отделении и палубная команда, реагируя на малейшие изменения ледовой обстановки.

Так продолжалось до 6 сентября, пока на подходах к острову Пахтусова судно буквально не уперлось в неподвижный припай с многочисленными айсбергами, сохранившийся еще с прошлой зимы. Тем самым наши моряки и участники экспедиции оказались в знакомых водах, где люди из экспедиции П. К. Пахтусова побывали еще в 1835 году. При всей сложности обстановки это был несомненный успех, с одной стороны, а с другой — участники трехдневной гонки могли позволить себе

отдохнуть и поразмыслить над своими научными достижениями, которых оказалось не так мало уже по той причине, что русское судно (первое научное!) оказалось в этих ледовитых водах впервые после легендарного помора Саввы Лошкина полтора века спустя.

Характер побережья к этому времени изменился, оно стало больше напоминать горными вершинами и глубоко вторгающимися в глубь суши заливами-фиордами знакомый запад Новой Земли. Даже льда на суше поубавилось — частично его заслонили горы, и концы выводных языков как-то осторожно прятались в кутах заливов, высылая навстречу маленькому судну своих разведчиков — глыбы сапфировых айсбергов, местами прикрытых свежим снежком.

Для читателя отметим, что ледовая обстановка по пути плавания «Дмитрия Солунского» оказалась удивительно близкой к средним показателям с современной точки зрения. Разумеется, участники плавания 1910 года воспринимали ее иначе, поскольку они были первыми, и каждый шаг вперед вел их к неизвестности, несмотря на уверения их предводителя, действия которого не всегда казались им оправданными. Все-таки полярники обыкновенные люди со своими слабостями, которые им чаще других приходится преодолевать — а это тяжело давалось во все времена... На этот раз ледовая обстановка не создавала серьезной угрозы зимовке, хотя опасения такого рода, видимо, все же присутствовали. Так, И. К. Вылка в своих более поздних воспоминаниях писал, что «команда “Солунского” очень боялась зазимовать, боялась, что нас унесет на Северный полюс» (Казаков, 1983, с. 160). Однако такого страшного опыта в то время еще не было — наоборот, несколько известных случаев дрейфа имели вполне благополучное завершение. Воспоминания Вылки были написаны значительно позже, когда стала известна трагическая судьба экипажа шхуны «Святая Анна», которая в 1912–1914 годах в процессе вынужденного дрейфа была унесена из Карского моря в Центральный Арктический бассейн. Сам Русанов лишь однажды упоминает о зимовке, причем с «голодом ввиду недостатка съестных припасов и с неизбежной при таких условиях страшной цингой» (1945, с. 152), но не в момент наибольшей опасности, а уже при ее завершении. Если же учесть, что охота даже при коротких высадках на берег оказалась достаточно богатой (за первую неделю сентября было, как выражаются поморы, «упромышлено» три оленя и медведь), опасность голода и цинги даже при самом неблагоприятном развитии событий выглядит минимальной.

Остановимся на достижениях экспедиции в Карском море. Убедительных результатов в пользу Гольфстрима получено не было, его

признаки были установлены уже советскими экспедициями десять — пятнадцать лет спустя, которые доказали, что тяжелая вода из Атлантики у северных пределов

Новой Земли погружается на глубину, а на поверхности остаются более легкие и менее соленые воды, распресненные поступлениями из Оби и Енисея. Что касается ледовой обстановки, в самом главном Русанов оказался прав, но механизм образования открытых акваторий на севере Карского моря, как было установлено со временем, оказался иным и определяется северными ветрами, отгоняющими лед к югу, который при этом буквально затыкает пробками проливы к югу от Новой Земли — Карские Ворота и Югорский Шар. Но, несомненно, Русанов внес свою большую долю в этот сложный научный поиск, ибо с его подачи уже другие, в первую очередь такие полярные корифеи, как В. Ю. Визе, Н. Н. Зубов, Г. Я. Вангенгейм или Б. Л. Дзержевский и другие основоположники создания теории ледового и погодного прогноза для полярных трасс, оказались на верном пути, не говоря о первой «Лоции Новой Земли и Карского моря» Н. Н. Евгенова, опубликованной в 1930 году, куда русановские материалы включались с соответствующими ссылками, порой даже без изменений. Вообще, для наблюдений Русанова, полученных в этой экспедиции, характерна долгая жизнь в науке — в большом объеме они использовались, например, в капитальном труде А. П. Шумского «Оледенение Советской Арктики», особенно в «новоземельском» разделе, увидевшем свет в 1949 году, то есть спустя почти сорок лет после гибели исследователя. Немногие из наших современников могут похвастаться подобным научным «долголетием» даже не идей (увы, они быстро стареют), а результатов наблюдений, что для Русанова показательно само по себе.

Несомненно, ценными оказались новые сведения о побережье. Заслуг А. Петерманна и его норвежских информаторов не стоит отрицать, хотя их съемки не отличались детальностью, поскольку берега пеленговались норвежскими штурманами с больших расстояний в условиях не только плохой видимости, но и нередко без точного определения собственного местоположения. В такой ситуации любая новая деталь в характере побережья становилась ценным приобретением. А успел Русанов в процессе плавания немало! Он нанес на карту все сколько-либо значительные объекты побережья, даже выступ полуострова Сомнений, хотя и без залива Благополучия. На карте показаны практически все крупные выводные языки ледникового покрова за исключением ледников Кропоткина и Полисадова. К его карте нам понадобится вернуться не

однажды.

Вместе с ней получила права гражданства работа одного из главных участников событий, опубликованная в отчете экспедиции под заглавием «Карта восточного побережья Новой Земли между 73 град. 30 мин. с. ш. и 75 град. с. ш. Составил новоземельский самоед И. К. Вылка в 1910 г.». Дата говорит только о том, что последние исправления карта проходила в описанном плавании, тогда как снята она была на несколько лет ранее. На деятельности своего верного помощника Русанов в отчете посчитал необходимым остановиться особо, после того как познакомился с результатами его работы с борта судна во время одной из стоянок у полуострова Пяти Пальцев: «Этот полуостров, как выяснилось, совершенно неточно обозначен на существующей карте и очень верно был снят Ильей Выл кой... В продолжение трех лет занимался этот замечательный самоед съемкой малоизвестных восточных берегов Новой Земли. Ежегодно продвигался он на собаках все дальше и дальше к северу, терпел лишения, голодал. Во время страшных зимних бурь целыми днями ему приходилось лежать под скалою, крепко привязавшись к камню, не смея встать, не смея повернуться, чтобы буря не оторвала его от земли и не унесла в море. В такие страшные дни гибли одна за другой его собаки... Бесконечное число раз рисковал Вылка своей жизнью для того только, чтобы узнать, какие заливы, горы и ледники скрыты в таинственной манящей дали Крайнего Севера. Привязав к саням компас, согревая за пазухой закованные руки, Вылка чертил карты во время самых сильных новоземельских морозов» (1945, с. 155). Карта Вылки, выражаясь сленгом топографов, «заиграла», когда Русанов нанес на нее топонимику того времени. Он в полном смысле сделал но-воземельского аборигена полноправным коллегой-сотрудником, случай едва ли не единственный в истории Арктики. На этом фоне отдельные замечания вроде «если соотношение частей и размеры площадей у Вылки требуют в некоторых случаях исправления, то общая конфигурация берега и очертания отдельных участков суши по большей части схвачены им довольно точно» (1945, с. 212) имеют лишь второстепенное значение. Как известно, похвалами Владимир Александрович не разбрасывался.

Задержка у острова Пахтусова не была продолжительной, однако 7 сентября у полуострова Пять Пальцев снова пришлось становиться на якорь для ремонта движка, засорившегося от плохого керосина. Во время береговых экскурсий, по словам Вылки, «мы с Русановым раскопали в одной очень старой разваленной избушке кожаный документ, промыли и высушили, на углу документа был изображен какой-то герб. Владимир

Русанов говорил: “Мы с тобой нашли находку, это пойдет в музей”» (Казаков, 1983, с. 160). Поблизости была обнаружена также ископаемая фауна девонского возраста — постепенно в пределах архипелага формировалась коллекция органических остатков, уверенно характеризующая возраст пород в пределах палеозоя. Все больше на карту наносилось результатов наблюдений, позволявших перейти к теоретическому обобщению, чтобы объяснить особенности природы Новой Земли, а в будущем и ближайшего морского дна.

Спустя сутки ремонт мотора был закончен, но к этому времени выяснилось, что оставшегося керосина хватит только на тридцать часов непрерывной работы. В сложившейся ситуации было решено возвращаться в становище Маточкин Шар (Поморское). На пути к нему тяжелый лед заставил зайти на непродолжительный отстой в залив Канкрин (Мелкая губа старых карт), откуда судно уже 9 сентября перешло в Тюлений залив и спустя двое суток бросило якорь на рейде у становища Поморское. Экспедиция завершилась возвращением «Дмитрия Солунского» в Александровск-на-Мурмане 22 сентября с задержкой из-за встречных неблагоприятных ветров при пересечении Баренцева моря.

В конце XIX века Александровск-на-Мурмане был основан как незамерзающий порт на Русском Севере — теперь это Полярный, в свое время главная база нашего Северного флота. Однако во времена Русанова он еще не получил своего развития из-за отсутствия транспортной связи с центром России, прежде всего железнодорожной. А когда построили железную дорогу, по многим показателям порт оказалось выгоднее построить на восточном берегу Кольского залива — так возник Мурманск (первоначально Романов-на-Мурмане). Во времена Русанова будущий российский форпост на Русском Севере из двух десятков построек было трудно назвать городом, судя по описанию очевидца тех лет: «Правильные линии одинаковых деревянных двухэтажных домиков. Больше ничего. Кругом скалы, видно лишь небо. Тут живут исключительно чиновники, все это казенные квартиры... Этот город устроен для основания незамерзающего порта, но, по слухам, гавань оказалась неудобной для стоянки судов...» (1955, с. 627). Автор этих строк М. Пришвин запечатлел ту картину, которую увидел на исходе сезона 1910 года Русанов — через два года ему предстояло уйти от этих берегов в свой последний вояж.

Что касается достижений экспедиции 1910 года, то в официальном отчете отмечено целых тринадцать пунктов (опись побережья, обнаружение норвежских промысловых домов, морской промер, гидрологические и метеорологические наблюдения, само собой —

изучение геологии Северного острова, сбор ботанической, орнитологической и энтомологической коллекций и т. д.), однако интереснее другое. Из пяти научных работ, написанных по результатам этой экспедиции (включая официальный отчет), лишь одна посвящена геологии Новой Земли, а три — или морской гидрологии, или проблеме арктического мореплавания: направленность научных интересов Русанова в это время, очевидно, решительно меняется. Когда исследователь и первопроходец такого уровня позволяет себе подобное, очевидно, у него для этого есть веские причины, интересные для его последователей прежде всего с позиций усвоения человеческого опыта.

В литературе нередко описывают научных корифеев без сомнений и колебаний, решающих одну проблему за другой, осчастлививая тем самым благодарное человечество, которому не остается ничего другого, как испытывать восторг и трепет перед человеческим гением. Такое представление возникло в значительной мере благодаря писателям-фантастам, которых сплошь и рядом интересовал не сам научный поиск, а его последствия даже не для отдельных людей, а человеческого общества в целом. Сами авторы такого рода не виноваты — они имеют полное право на подобный авторский прием. Внимательный читатель, однако, не должен принимать предлагаемую информацию за чистую монету, ибо в реальной жизни многое получается иначе. Нередко и сам открыватель блуждает в потемках, заставляя людей удивляться спустя столетия.

Самый известный пример — Колумб, до самой смерти уверенный, что побывал в Индии, и вместе с тем перевернувший наши представления о мире. Другой пример — тот же Август Петерман своей теорией открытого моря стимулировавший множество экспедиций к центру Арктики, которые в итоге получили ценнейшую информацию на основе нелепой (с современной точки зрения) исходной научной предпосылки. И одновременно мы имеем пример Нансена, который в процессе своей самой известной экспедиции на «Фраме» в 1893–1896 годах на основе своей гипотезы, базировавшейся на реальных фактах, предсказал по сути развитие событий по крайней мере на три года вперед. Это совершенно не значит, что он не ошибался в других случаях — например, считая, что на протяжении последней тысячи лет климат Арктики остается неизменным. С другой стороны, расплата за теоретические ошибки, особенно в Арктике, всегда была жестокой — достаточно напомнить участь первого воздухоплователя Соломона Андрэ и его отважных спутников на исходе XIX века. Как при этом не ошибаться, даже в наше просвещенное время человечество рецепта не придумало. Так же обстояло дело и во времена

Русанова, в чем читателю предстоит убедиться.

В описываемое время проблема Северного морского пути становится для него среди других главной, хотя, похоже, первые мысли в этом направлении возникли у него еще во времена вологодской ссылки. Разумеется, не случайно он делился из Парижа своими соображениями о возможности помощи осажденному Порт-Артуру путем переброски кораблей с Балтики Северным морским путем, даже если его предложения и доводы показались специалистам наивными. Так что его обращение к морской тематике не случайно и находится в русле прочих событий его жизни, с одной стороны, и с тем, что происходило в то время на самой будущей трассе, с другой. С 1910 года там начала работу Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана из Владивостока, первое время под руководством опытного полярника (и в теоретическом, и в практическом плане) А. В. Колчака. О деятельности гидрографов на западе Российской Арктики во главе с А. И. Вилькицким читатель уже знает, как и о продолжающихся ежегодно плаваниях на западном отрезке трассы. Напомним, что только в 1905 году 22 судна доставили на Енисей 12 тысяч тонн грузов — для того времени немало. Интерес к трассе значительно усилился после Цусимы — как известно, пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Таким образом, обращение к проблеме Северного морского пути для образованного человека с широким кругом интересов да еще с собственным полярным опытом, не страдающего комплексом неполноценности, в ту пору не было случайным.

Другое дело, насколько он был подготовлен для решения такой проблемы, каков был уровень его знаний о природных процессах в Северном Ледовитом океане. Ответу на этот вопрос мешает нелюбовь Русанова указывать источники своей информации по вопросам и проблемам, которыми он занимался. Неизвестно, успел ли он познакомиться, например, с трудом Александра Васильевича Колчака «Лед Карского и Сибирского морей», увидевшим свет в 1909 году, или «Океанографией Северного Полярного бассейна» Ф. Нансена, увидевшей свет семью годами раньше, прежде чем сформировать свою точку зрения на роль Гольфстрима для Карского моря. Его ссылки на известную монографию Н. М. Книповича «Основы гидрологии Европейского Ледовитого океана» (современное Баренцево море) мало что объясняют, поскольку речь идет о другой природной системе со своими характерными особенностями.

Такое длительное вступление необходимо, поскольку схема Русанова на основе представлений о Гольфстриме далека от реальной, но, что

удивительно, все намеченные им практические мероприятия по освоению трассы Северного Морского пути не просто правильны, а скорее единственно верные — среди прочих загадок этот выдающийся полярник оставил нам в наследие и эту. Чтобы больше не возвращаться к проблеме Гольфстрима, отмечу лишь главное — Русанов предполагал, что восполнение воды в Северном Ледовитом океане из Атлантики осуществляется этим течением вдоль берегов Сибири, не подозревая о существовании преграды в виде архипелага Северной Земли, о чем стало известно только в 1913 году. Он был уверен, что «великое течение Атлантического океана — Гольфстрим — все время отклоняется к востоку... замедленное, расширенное и охлажденное, но все еще сравнительно теплое, это течение должно огибать Новую Землю; еще раз отклоняясь к востоку это течение медленно передвигает полярные льды от северных сибирских берегов к Гренландии» (1945, с. 66). Такая схема, по его мнению, объясняла более благоприятные ледовые условия севернее Новой Земли и она же, как показало будущее, служила ключом к разгадке его последнего плавания (подробнее см. главу 12).

В действительности же во взаимосвязи вод Атлантики и Северного Ледовитого океана главную роль играет обмен вод между Гренландией и Шпицбергенем: в верхнем слое холодная вода из Центрального Арктического бассейна выносит льды к югу, а из Атлантики более теплые воды поступают к северу, но на глубине. Покончив с ошибками, вернемся к предложениям Русанова по обеспечению мореплавания в Карском море и далее по трассе Северного морского пути, до воплощения которых в жизнь он не дожился, но наметил на десятилетия вперед все на основе того же успешного плавания 1910 года, что видно из статей в опубликованном общем отчете экспедиции. Суть этих предложений заключалась в перечне следующих мероприятий.

Во-первых, организация службы льда и погоды с использованием радио. «Огромное значение будут иметь точные, подробные и быстро публикуемые метеорологические бюллетени для будущего рационально поставленного мореплавания в полярных водах», цель которых — «передавать сведения о последних ветрах и о последнем распределении льдов, полученные в пути по беспроволочному телеграфу» (1945, с. 85). Он даже наметил положение этих «радиотелеграфных станций» на Вайгаче, в Маточкином Шаре и на мысе Желания в связи со всеми тремя вариантами трассы Северного морского пути.

Во-вторых, исследователь предлагал построить специальные транспортные суда для плаваний во льдах (позднее эта мысль Русанова

воплотилась в целой серии отечественных проектов судов ледового класса, начиная с «Таймыра» и кончая «Норильском»).

В-третьих, важнейшим делом должно было стать гидрографическое обеспечение трассы: «Необходимо соорудить маяки, установив на них наблюдательные посты и метеорологические станции... Тщательным обследованием пути и постановкой маяков и знаков в соответствующих местах будет устранена... опасность со стороны банок, мелей, подводных камней и т. д.» (1945, с. 87).

В-четвертых, «применение ледоколов будет последним и самым решительным шагом, навсегда и прочно обеспечивающим пользование этим великим путем» (1945, с. 98).

В-пятых, он поставил вопрос о создании специальной мощной государственной организации для эксплуатации трассы: «Что касается правительственной поддержки, то она могла бы ближайшим образом выразиться не в бесполезном субсидировании существующих частных пароходных компаний, а в подготовке почвы будущего рационально организованного мореплавания... Особенности морского пути требуют специальной и сложной организации. И поручить это сложное дело одной из существующих морских пароходных компаний было бы почти то же самое, что предложить речной пароходной компании совершать морские рейсы» (1945, с. 91).

В других статьях он нередко возвращается к отдельным положениям изложенного плана, прорабатывая и детализируя свои предложения по отдельным направлениям. Например, в части актуальнейшей сегодня проблемы природного прогноза для Арктики и трассы Севморпути он полагал, что «представляется... полная возможность заранее и очень задолго предсказать приближение и затем наступление годов, неблагоприятных для полярного мореплавания» (1945, с. 95). Опять опережал свое время, но не намного — лет на пятнадцать...

Характерно, что в этом мысленном полете в будущее он не отрывался от земных забот, от практики, от экономики, нацеливая решение научных проблем на решение конкретных хозяйственных задач: «Когда явится возможность пользоваться услугами радиотелеграфных станций, извещающих о распределении льдов, тогда исчезнет необходимость в бесполезной потере времени на выжидательные стоянки у этих льдов» (1945, с. 95) — как в зеркало глядел Русанов, предвидя будущие заботы ледовых капитанов и полярных хозяйственников.

В целом он предвосхитил весь размах деятельности самых разных специалистов на нашей национальной морской трассе. Исключение —

ледовая авиационная разведка (самолет появился в Арктике четыре года спустя после похода «Дмитрия Солунского»), но и здесь он сказал свое слово на основе собственного опыта: «Чтобы ледокол мог вести свою работу не слепо, не на ощупь, весьма полезно было бы иметь на нем привязной воздушный шар» (1945, с. 107). Отдельные незначительные просчеты он допустил лишь в оценке характера составляющих грузопотока по Северному морскому пути: «Важнейшими предметами вывоза из Сибири Северным морским путем должен сделаться, во-первых, хлеб, во-вторых, лес и, в-третьих, полезные ископаемые... Северным морским путем можно будет в самом близком будущем вывозить из Сибири сотни миллионов пудов груза, если этот путь будет теперь же хорошо изучен и в совершенстве оборудован» (1945, с. 101–102).

Обычно в большинстве случаев из экспедиций привозят результаты наблюдений, которых у Русанова в его походе

1910 года вокруг Северного острова было более чем достаточно. Но гораздо важнее, когда экспедиция ставит на повестку дня такие идеи и проблемы, которые работают на десятилетия вперед, — но это зависит уже от способностей и возможностей руководителя. Именно в этом предприятии и раскрылся талант и возможности Русанова-исследователя в полной мере, когда Северный морской путь заработал во всю свою мощь, что наиболее отчетливо сформулировал один из полярных историков: «Памятником славному полярному исследователю служит то, что его основные предложения относительно организации Северного морского пути показали свою жизненность и осуществлены в советское время» (Пинхенсон, 1962, с. 390).

Достижения экспедиции 1910 года не ограничивались перечисленным выше. Невозможно не остановиться на карте, которая в оригинале имеет длинное название «Новая Земля. Северный остров. Составил начальник Новоземельской экспедиции 1910 г. В. Русанов по существующим картам и по данным исследований с 1907 по 1910 г.». Эта карта по существу открывала новую эпоху в изучении Новой Земли, поскольку на ней впервые появились внутренние, наиболее труднодоступные территории, включая ледниковый покров. Береговая полоса Карского моря с ее ледниками стала приобретать реальные очертания, а на побережье Баренцева были нанесены открытые Русановым заливы Вилькицкого, Кривошеина, Жан и другие географические объекты.

Наконец, очертания ледникового покрова оказались «привязанными» к побережью, причем настолько точно, что позволяли позднее судить об изменениях положения фронтов ледников. Выявились северные и южные

пределы ледникового покрова, а также большая часть выводных языков, включая и те, что прячутся в заливах, глубоко рассекающих сушу и не всегда заметных с моря. Так, в частности, произошло с современным ледником Кропоткина (он плохо виден с моря даже вблизи), который нанесен на карту Вылки. Еще раз отметим, что участок побережья на Карской стороне между мысом Дальним и заливом Хромченко является практически результатом совместной работы Русанова и Вылки. Карта была дополнена своеобразной лощей под заголовком «К топографии Новой Земли», включающей описания основных объектов побережья и внутренних районов архипелага, посещенных Русановым и Вылкой.

Сразу отметим, что сделанное Русановым сразу же и безоговорочно было оценено на государственном уровне и отмечено государственными наградами тогдашней России, что, видимо, озадачивало составителей русановского сборника 1945 года в связи с цензурными соображениями, поскольку обозначилась некая коллизия между государственными и идеологическими канонами того времени, в результате чего имидж Русанова-революционера в глазах советского читателя мог быть поставлен под сомнение. Однако содержание Докладной записки архангельского губернатора Сосновского Главноуправляющему Землеустройством и Земледелием А. В. Кривошеину (в будущем премьер-министра последнего белого правительства Юга России накануне разгрома Врангеля) интересно прежде всего именно официальной оценкой заслуг Русанова и характеристиками его сотрудников в связи с награждением. Из документа следует, что о результатах экспедиции было доложено 21 декабря 1910 года Николаю II, причем «Его Императорскому Величеству благоугодно было подробно расспрашивать меня (Сосновского. — В. К.) о деятельности названной правительственной экспедиции и выразить свое удовольствие по поводу достигнутых ею блестящих результатов». В личных наградных листках отмечались следующие заслуги награждаемых и полученные ими награды.

Среди заслуг Русанова (помимо научных) особо указано, что «правительственные Новоземельские экспедиции 1909 и 1910 годов, всецело обязаны своим успехом исключительно благодаря только его выдающимся личным качествам и самоотверженной деятельности... Что касается широкого плана экспедиции 1910 года, то он был целиком выработан Русановым... Благодаря Русанову русским властям удалось разоблачить вовремя хищническую деятельность норвежских промышленников... настоять перед норвежским правительством на выдворении их отсюда, основать в Крестовой губе русский промысловый поселок... и в результате предохранить эту исконную русскую, но, к

сожалению, заброшенную нами полярную окраину от угрожающей ей печальной участи открытого русскими людьми Груманта — Шпицбергена. Признавая за отмеченными заслугами начальника Новоземельской экспедиции геолога Русанова серьезное государственное значение, позволю себе ходатайствовать о представлении к награждению орденом св. Владимира 4-й степени» (Вокруг света, 1980, №. 3, с. 41). Тем самым деятельность Русанова получила признание на высшем государственном уровне и перед ним открывалось, казалось, обширное поле деятельности на службе России.

Препаратор экспедиции Четыркин, награжденный ранее в экспедиции Козлова знаком отличия военного ордена 4-й степени за оборону стоянки путешественников от набега кочевников, получил, соответственно, орден Святого Станислава 3-й степени. Большое место в представлении было посвящено капитану «Дмитрия Солунского» штурману 2-го разряда Поспелову, начавшему морскую службу с 11 лет и который, согласно документу, «принадлежит к числу наиболее отважных и достойнейших поморов Архангельской губернии». Особо отмечалась его готовность выполнить планы Русанова по обходу Новой Земли, тогда как, «согласившись первоначально командовать судном экспедиции, штурман Смирнов, много плававший в полярных водах, отказался в конце концов от участия в экспедиции, признав ее программу «слишком рискованной и неосуществимой». Губернатор предлагал удостоить Поспелова званием почетного гражданина.

Особое место в представлении было уделено Илье Выл-ке, участнику экспедиций 1909 и 1910 годов, «который в качестве проводника участвовал в обеих экспедициях... и оказал им неоценимые услуги своим знанием Новой Земли и Карского моря, охотничьим искусством и редким для самоеда трудолюбием. Кроме того, Илья Вылка, по природе своей человек весьма неглупый — любознательный и благородный, обладает недюжинным художественным талантом... Весьма интересными и ценными также оказываются карты различных неисследованных частей Новой Земли, вычерченные Вылкою» (там же). Правда, его заслуг в качестве ледового лоцмана отмечено не было, возможно, оттого, что это подразумевалось само собой... Интересно, как документ отражает поведение людей в экстремальных условиях — сам Русанов, помор Поспелов и ненец Вылка с одной стороны — и, судя по многим признакам, на их фоне достаточно заслуженный моряк Смирнов — с другой... Думаю, что отказавшись от русановского предложения, он потом не однажды пожалел, и совсем не из-за наград... Вылку губернатор предлагал

наградить нагрудной золотой медалью.

Остальные члены экипажа «Дмитрия Солунского» были представлены к серебряным нагрудным медалям за безупречное выполнение своих обязанностей в условиях лишений и опасностей ледового плавания: «Государь Император, по представлению и согласно заключения Комитета о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, Всемилостивейше изволил пожаловать...» согласно приведенному выше представлению.

Однако в список награжденных не попали горный инженер М. М. Кругловский, его рабочий, студент-зоолог Иванов и судовой кок. Почему это произошло — не вполне понятно, хотя отсутствие ссылок на Русанова в опубликованной статье Кругловского (как и отсутствие у самого Русанова причин отказа Кругловского предоставить материалы полевых наблюдений) в последнем случае наводит на мысль о несложившихся отношениях.

Достижения русановской экспедиции 1910 года оценивались весьма положительно. Так, начальник Главного гидрографического управления А. И. Вилькицкий прислал следующую телеграмму: «Осведомившись из газет о благополучном возвращении экспедиции Русанова из тяжелого и отважного путешествия с еще большими дарами науки, от души поздравляю Вас с успехом и очень прошу передать мое поздравление и привет участникам славной экспедиции». Другой известный российский полярник той поры Л. Л. Брейтфус назвал успех русановской экспедиции особенным, исключительным счастьем и т. д.

Однако на общем фоне благожелательных отзывов и дружеских поздравлений иной раз появлялись отклики, вызывавшие недоумение. Так, в «Иллюстрированном прибавлении» к «Московскому листку» (№ 17 за 1911 г.) появилась статья В. П. Врадья, посетившего Новую Землю на рейсовом судне и на этом основании посчитавшего себя знатоком новоземельских проблем. Возможно, В. А. Русанов не обратил бы внимания на суждения этого дилетанта, если бы не прямые выпады низкопробного писаки: «Что касается последней экспедиции г. Русанова, то его обход северной части Новоземельского острова (? — В. К.) был чисто случайным (в программе он не значился), и вся заслуга в этом деле принадлежит умению капитана масленниковского судна... По выражению архангельских жителей, сам г. Русанов был перевезен вокруг Новой Земли (? — В. К.) вполне пассивно и случайно, — “как мешок”, говорят архангельцы».

Чтобы у читателя не возникло сомнений в его объективности, свой ответ Русанов (1945, с. 394–395) начал с «открытий» новоявленного

«полярника», снабдив их собственным хлестким комментарием. По поводу сообщения Врадия о горьком вкусе полярной ивы Русанов отметил, что оно «особенно ново и ценно, так как, кажется, никто из ботаников не пытался изучать новоземельскую иву с гастрономической точки зрения». Что касается использования ослов в условиях Новой Земли, то, по мнению Русанова, «всякий, кто хоть раз видел ослов и Новую Землю поймет, насколько первые малопригодны для второй» и т. д. Окончательный вывод — «по мнению г. Врадия, можно также случайно совершать полярные экспедиции, как терять носовые платки» — не требует комментария. Просто, конкретно и с достоинством, строго в стиле русского интеллигента, не больше и не меньше... Однако выпады вроде описанного были все же исключением.

Вместе с Русановым на Большую Землю прибыл и Илья Вылка. Сосновский на казенный счет отправил его в Москву для обучения премудростям Большой Земли, которые могли бы пригодиться талантливому ненцу в жизни на краю света. Представляя Вылку будущим учителям, Русанов выдал своему помощнику следующую аттестацию: «Он читает книгу природы так же, как мы с вами читаем книги и газеты... В экспедициях он незаменим как помощник и проводник; человек он смелый, отважный, решительный».

В Москве Вылка легко одолел четыре правила арифметики, познакомился с географией, основными правилами русского языка, освоил топографическую съемку, набивку чучел — многое из того, что могло ему пригодиться на Новой Земле. Довольно быстро Переплетчиков убедился, что его ученик быстро подмечает свойства и характер окружающих, одновременно отличаясь деликатностью и характерным ассоциативным мышлением. Так, скопление народа в модном магазине он назвал «птичьим базаром», а свое пребывание в Москве — зимовкой. На домашнем представлении по Чехову ненец покинул помещение, считая, что своим смехом оскорбит присутствующих.

В занятиях живописью он проявил себя незаурядным и талантливым самородком — надо было только обучить его технике, умению разбираться в красках, а не пользоваться тем, что оказалось под рукой, и т. д. и т. п. Забегая вперед, лишь отмечу, что, возможно, благодаря Русанову и московским художникам В. В. Переплетчикову и А. Е. Архипову мы можем познакомиться с творчеством Вылки в музеях Питера и Архангельска, даже если оно вызывает неоднозначные оценки. Однако ничего подобного в нашем искусстве нет, и уже одно это позволяет ему занимать свою особую нишу в богатейшей российской палитре художников разных толков и

направлений. Разумеется, Вылка во время пребывания в Москве усвоил и многое другое, полезное для себя. Получилось так, что, вернувшись на Новую Землю в составе экспедиции Русанова в 1911 году, по семейным обстоятельствам Вылка уже не смог продолжить свое образование на материке.

Известия об исследованиях Русанова в Арктике заинтересовали научную общественность обеих столиц. Отчет В. А. Русанова о его последних исследованиях состоялся в штаб-квартире Географического общества в конце января 1911 года в Петербурге, причем сопровождался показом диапозитивов. К сожалению, в бумагах общества не обнаружено протоколов этого заседания. В Москве он выступал в Большой аудитории Политехнического музея неделей раньше, видимо, по приглашению виднейшего географа того времени академика Д. Н. Анучина. Его выступление (отчет о котором был опубликован журналом «Землеведение», 1910, кн. IV, с. 101) интересен планами на будущее, которыми Русанов поделился со слушателями: «В заключение докладчик познакомил с проектом санной экспедиции от Крестовой губы до мыса Желания через весь Северный остров, рассчитанный на три месяца, и указал на те препятствия, какие могут при этом встретиться». Этому замечательному проекту, увы, не дано было осуществиться, поскольку ближайшие интересы России на Новой Земле потребовали другого.

Глава 9. Вокруг южного острова

У всех навигаций единый закон
Грузиться и плыть напролом.

Н Тихонов

Не собьет меня с пути никто
Некий Nord моей душой правит
Он меня в скитаньях не оставит,
Он мне скажет, если что: не то

И Бунин

Тяжелое и непростое дело для полярника — пытаться совместить личную жизнь с профессией. В письме от 27 февраля 1911 года в Орел Русанов поделился с родными планами на будущее:

«Сообщаю вам очень важную для меня новость: у меня есть невеста и мы предполагаем устроить свадьбу после моего возвращения из предстоящей экспедиции на Новую Землю... Профессора Сорбонны хорошо знают мою невесту, так как она окончила по естественному факультету и теперь приготавливает тезу (диссертацию. — В. К.) по геологии на степень доктора естественных наук. Кроме того, она занимается еще и медициной, хочет быть врачом, хотя я ей не очень советую брать на себя так много дела. До сих пор еще ни одна женщина во Франции не делала доктората по геологии — моя жена будет первая. Таким образом, мне судьба дала очень умную, красивую и молодую жену-француженку, ее зовут Жюльетта Жан. Жюльетта может сделать честь самому изысканному салону. Она прекрасно воспитана, знает музыку, понимает живопись и знает иностранные языки, особенно английский. И при всем том она несколько не избалована и умеет работать. По религии она протестантка, а по происхождению — южанка, с черными, как смоль, волосами. Ростом она почти с меня. Иметь такую жену — счастье, которое далеко не всегда и не всякому может выпасть на долю. Наконец кончится моя печальная, одинокая жизнь!.. Франции я обязан всем: она дала мне знания, научила

работать, и, наконец, теперь она дала мне одну из лучших дочерей своих» (1945, с. 387).

Разумеется, родные в Орле быстро припомнили строки в послании из далекого 1907 года с сообщением о том, как

«мы четверо — двое студенток и двое студентов — составили группу, занимаясь геологией» (1945, с. 381), благо указание «я знаком с моей невестой четыре года» хорошо совпадало с последней датой. Так или иначе, в перспективе наметилась смена жизненных планов, включая переезд матери и отчима в Париж вместе с сыном Шурой. Разумеется, последовала дополнительная информация о достоинствах будущей половины: «Если бы я не знал, что у нее очень хороший характер, то я не предложил бы жить всем вместе. Француженки, воспитанные в хорошей семье, получают строгое воспитание вообще и привыкают повиноваться сначала родителям, а потом и мужу... Ее знания являются для меня в высокой степени полезными и необходимыми. Никогда я один не смог бы сделать то, что легко могу делать теперь, работая совместно. Научная ценность нашего союза неоценима, громадна... Профессора очень довольны моим выбором. Мне говорят, что с такой женой я буду счастлив. Со всех сторон я слышу о ней самые хорошие отзывы» (там же, с. 387). У полярного исследователя наметились очень важные перемены в личной жизни. Он писал в Орел, что «несмотря на такой успех, я ясно увидел, что в России мне нечего делать. Я буду работать для России и дальше, но жить там я не могу и не хочу. Решено, что я навсегда и окончательно поселюсь в Париже» (там же). Такой вот непростой выбор, на который он, несомненно, имел свое право...

В подтверждение своих намерений летом 1911 года он возвращается в Архангельск, поскольку Главное управление земледелия и землеустройства весной того же года вновь отпустило средства на очередную новоземельскую экспедицию, на этот раз для обследования южного побережья Новой Земли, в первую очередь Петуховского Шара с окрестностями для будущей колонизации. Как и прежде, Русанов выдвигал собственную программу — обследование Карского побережья Южного острова с последующим завершением маршрута в Маточкином Шаре. Это был смелый, но разумный шаг, позволявший избежать затрат времени на возвращение по уже пройденному пути к месту первоначальной высадки с рейсового судна в Белушьей губе. Подобного варианта Русанов старательно избегал после плавания к полуострову Адмиралтейства в 1909 году. Если, конечно, позволят льды Карского моря — но убедиться в этом можно было только в самом Карском море.

Ледовый режим этого таинственного моря, непредсказуемый для

мореплавателей того времени, оставался одной из проблем, интересовавших Русанова, и, конечно, он старался наращивать свой морской опыт. В случае тяжелых льдов вариант возвращения в Белушью губу оставался, но в качестве вынужденного решения, поскольку существовала опасность ледовой пробки в южных новоземельских проливах. Очевидно, следовало быть готовым к любому повороту событий в стремлении не упустить благоприятный шанс.

Отпущенные средства ограничивали возможности исследователя как в выборе транспорта, так и персонала. На этот раз Русанов решил воспользоваться моторной лодкой под названием «Полярная» десяти метров длиной с осадкой менее метра и грузоподъемностью примерно в пять тонн с двигателем «болиндер» мощностью в пять лошадиных сил: для обследования неизвестных фарватеров среди массы малоизвестных островов и скал это было самое подходящее судно. Другое дело — открытое восточное побережье Южного острова, однако опыт предшественников (прежде всего поход П. К. Пахтусова в 1833 году) позволял надеяться на успех и в этом районе архипелага. Необходимого груза оказалось так много, что он не умещался в «Полярной», пришлось взять с собой фансбот — промысловую лодку норвежской конструкции, чтобы тащить его за собой на буксире. Для работы на ограниченных, защищенных от волнения акваториях решили использовать разборную байдарку фирмы «Бертон», вполне оправдавшую себя. Численность экспедиционного состава (помимо самого Русанова всего два матроса, а также ссыльный из Онеги Э. П. Тизенгаузен в качестве топографа и метеоролога и мастер на все руки Вылка) соответствовала размерам судна.

6 июля «Королева Ольга Константиновна» оставила рейд Архангельска и спустя двое суток по спокойной погоде была уже у берегов Новой Земли, встретив на подходе к Белушьей губе полосу льда, которую преодолела без приключений. В процессе плавания Русанов обсуждал проблемы освоения Русского Севера с одним из пассажиров — вице-адмиралом Бирюлевым. Из Белушьей губы он отправил отчиму письмо следующего содержания:

«Дорогой мой Андрей Петрович!

Уже теперь нас окружают льды, которые могут не пустить нас далеко или заставят, может быть, даже провести эту зиму на Новой Земле. К такой зимовке я вполне подготовлен, так что за мою участь несколько вы с мамочкой не бойтесь. Только в случае моей зимовки я бы просил из оставшихся моих ста рублей уплатить раз в три месяца за мою квартиру (теперь до осени уплачено), переслав деньги с просьбой...

моей невесте, адрес которой Mademoiselle Jean, 17, Boulevard Port-Royal 17, Paris. Это недалеко от того дома, где мы жили с мамой и Шуруней...

...Еще раз убедительно прошу вас, дорогие мои Андрей Петрович и мамочка, ничуть не беспокойтесь на случай моей зимовки. Со мной будут хорошие и надежные товарищи, с которыми не страшно зимовать, где угодно — хоть на самом полюсе» (1945, с. 388).

Суть письма ясна — предупреждение на случай развития событий по наихудшему варианту. Несомненно, указание на «хороших и надежных товарищей, с которыми не страшно зимовать...» относилось к Вылке, который всю жизнь (за единственным исключением пребывания в Москве под покровительством В. В. Переплетчикова) зимовал на Новой Земле и чей опыт уже оказался бесценным, тем более что у остальных участников экспедиции зимовочного опыта не было. Оставалось еще одно обстоятельство для беспокойства — в намеченном районе исследований никто из перечисленных лиц не бывал, даже Вылка, а проводника в Белушьей губе найти не удалось.

10 июля, высадив на рейде становища Белушья губа экспедиции Русанова и А. А. Свицына (последний имел самостоятельное задание на изыскания в Пропащей губе, перспективной на медь), «Королева Ольга Константиновна» ушла на север. В отчете экспедиции отмечено, что следующие дни были заняты оснасткой судна, перегрузкой, распределением багажа и закупкой у самоедов необходимых для экспедиции вещей — теплой одежды, главным образом малиц и оленьих шкур. Все время дул такой свежий ветер, что при слабом грунте якоря не держали, и «Полярную» сносило на берег. В результате был потерян якорь и пришлось, в поисках укрытия от ветра и волн, дважды сменить стоянку.

Еще хуже пришлось отряду Свицына, у которого лодку залило водой, причем погибли некоторые съестные припасы и многое другое. Коллегам, попавшим в скверную переделку, выделили немного сахара, чаю и еще кое-чего из самых необходимых продуктов. Непогода задержала выход в маршрут вплоть до 14 июля, когда в первой половине дня под мотором и парусами «Полярная» направилась на юг, оставляя по правому борту остров Подрезов, характерный ориентир на подходах к Белушьей губе с материка, постепенно на ходу «вписываясь» в восточное побережье большого плоского острова Междушарский, преподнесшего для начала сюрприз, отмеченный в отчете: «Здесь мы убедились в полном несоответствии карт действительности: по картам береговая линия северо-восточной стороны острова Междушарского пряма и проста, а в

действительности мы имели случай убедиться, что здесь остров изрезан многочисленными заливами, глубоко вдающимися внутрь острова» (1945, с. 164). Если бы Русанов занялся исправлением неверных карт, это отняло бы у него время, тогда как подобная работа в будущем могла быть легко выполнена из Белушьей губы — поэтому от соблазнов легких «открытий» отказались без особых сожалений во имя достижения более масштабных целей, ограничившись отдельными высадками в процессе плавания и кратковременными прибрежными рекогносцировками, тем более что обстановка на юге пролива Костин Шар внушала опасения как из-за периодических встреч с отдельными льдинами, так и характерным «ледяным небом», запомнившимся по прошлым экспедициям.

«Нелегко было плыть у неизвестных и опасных берегов, у льдов и среди густого тумана. К тому же ветер несколько не ослабел, несмотря на туман, и когда мы вышли в открытое море, то нас начало сильно покачивать; волна была небольшая, но мелкая и очень неприятная, особенно для фанбота, буксируемого за кормой «Полярной» (1945, с. 164). Обстановка, особенно на будущее, складывалась непредсказуемая, поскольку ветер в сочетании с туманом и льдом мог продолжаться неизвестно сколько, и этот сугубо полярный коктейль вместе с неточными грубыми картами не давал возможности определить свое точное местоположение. А без надежной «привязки» любые полученные результаты попросту обесцениваются, а порой даже вводят в заблуждение последующих исследователей, как случилось не однажды. Первый длительный переход завершился в заливе восточнее полуострова Савина Коврига. Однако уверенности в своем местоположении из-за условий видимости и плохих карт не было. Предпринятая на следующий день экскурсия для изучения геологии этой части Новой Земли запомнилась Русанову неожиданными и вместе с тем мрачными находками руин вымершего старинного поморского становища, впечатления от которого он изложил на страницах своего дневника:

«Я был привлечен тремя высокими темными наклонными столбами: оказалось, это были кресты.

Страшные новоземельские бури уже давно сорвали их поперечные брусья, обломали верхушки и, как голодные звери, со всех сторон изгрызли дерево. А жаль — на этом дереве были надписи, вырезанные большими глубокими славянскими буквами. Но теперь уже не разобрать ни имен, ни чисел, ни лет. Бури и годы навсегда унесли с собою мрачную тайну этих надгробных крестов.

В разных местах под крестами я насчитал тринадцать могил, скелетов

и черепов. Черепа лежали на земле. Я поднял один из них. Череп, повидимому, принадлежал человеку нашей расы и молодому, с прекрасными целыми зубами... Сгнили и развалились избы, в которых жили и умирали эти безвестные северные герои. Ушел ли отсюда живым хоть один человек? Почему разбросаны черепа? Что это: песцы и могилы разрыли? Или умерли все, а последние трупы остались непогребенными? Кто угадает?! Старые повалившиеся кресты не хотят рассказать свою тайну» (1945, с. 165–166).

Видимо, Русанов не был знаком с трудами Де Фера и Крестинина, потому что, сопоставив приводимую ими информацию с увиденным, он бы догадался, что перед ним одно из самых старых поморских становищ в губе Строганова, той самой, где три века назад русские спрашивали у голландцев из экспедиции В. Баренца, отзимовавших в Ледяной Гавани — «Корабль пропал?», на что порядком отощавшие и обессилевшие после долгого плавания в шлюпках уроженцы Нидерландов и Брабанта отвечали — «Корабль пропал» и т. д. и т. п., как это описано ранее в главе 5. Крестинин считал, что становище, руины которого видел Русанов, было основано выходцами из Великого Новгорода Строгановыми, скрывавшимися на Новой Земле от преследований Ивана Грозного, по имени которых залив и получил свое название.

Здесь непогода задержала путешественников на неделю. Первая попытка продолжить маршрут оказалась неудачной — риск потерять фансбот со всем грузом оказался слишком большим. Волей-неволей пришлось заняться исследованиями там, где не собирались. Тизенгаузен положил на карту значительную часть губы Строганова и собрал гербарий, а Вылка помимо помощи топографу еще «упромыслил» трех оленей и сделал несколько этюдов для своих будущих картин. Сам Русанов пополнил свои палеонтологические сборы находками ископаемой каменноугольной фауны и собрал небольшую энтомологическую коллекцию с великолепным экземпляром стрекозы, возможно, самой северной в России, а то и в мире.

И все-таки все это было не то — оно не могло заменить активной деятельности на пути к цели. В такой ситуации кто-то начинает томиться от вынужденного безделья, в отношениях появляется некая скрытая напряженность и общее недовольство обычно фокусируется на начальнике, который, по мнению подчиненных, не смог предвидеть, не знал и т. д. и т. п., как будто он распоряжается погодой и морем. Медленно тянется время для здоровых, полных сил и энергии мужчин, когда обстоятельства сильнее их возможностей и им некуда использовать застоявшиеся силы и желания.

Многokратно повторявшаяся в большинстве экспедиций ситуация, требующая от участников событий терпения и веры в конечный успех, хорошо знакомая, наверное, каждому, кто однажды испытал себя в высоких широтах.

Непогода закончилась 23 июля, спустя почти две недели после прибытия Русанова и его спутников на Новую Землю. Первый же день возвращения к активной деятельности преподнес неожиданные встречи, иллюстрирующие изученность архипелага в то время. Эти события в своем дневнике Русанов описал так:

«Монотонно стучит машина и вместе с надутыми парусами понемногу толкает вперед нашу моторную лодку. “Полярная” то взлетает на водяные гребни, то ныряет между волнами. Ночь озарена неугасающим солнечным светом. Но не видно ночного солнца из-за тумана и туч. Под утро туман поредел. И на самом краю океана, из-за темных густых облаков показалось полярное низкое солнце. И все изменилось. Ожили, засверкали волны под холодными косыми лучами. Вышли из тумана отвесные, черные берега. Развернулось, расширилось море. И вдруг далеко на горизонте, против солнца показались тонкие и темные контуры неожиданного корабля.

Судно направо! — крикнул кто-то из нас...» (1945, с. 168).

Появилась хорошая возможность уточнить собственное местоположение и с этой целью подошли к борту большого трехмачтового деревянного парусно-парового судна «Нимрод» (капитан Вебстер) под английским флагом, направлявшегося, как оказалось, на Енисей. Однако россиян ожидало разочарование, поскольку, определившись последний раз по берегам Колгуева, англичане по результатам прокладки считали, что находятся в южной части Костина Шара, которую «Полярная» миновала в ночь с 14 на 15 июля, в чем не было никаких сомнений. Обе стороны доказывали свое, не приблизившись к истине. Свою точку зрения в этой ситуации Русанов изложил следующим образом:

«Мы увидели, что англичане жестоко ошибаются. Мы прекрасно знали, что давно оставили за собой остров Междушарский и теперь находимся где-нибудь между Петухов-ским Шаром и Черной губой... Говоря короче, капитан Вебстер думал, что при встрече с нами стоял под 53 градусом восточной долготы от Гринвича, в действительности же он стоял почти под 55 градусом... Мы ошиблись в одну сторону, а капитан Вебстер в другую. Мы ошиблись миль на двадцать, тридцать, самое большое, но никак ни на 100 или 200 миль, как неосновательно думал капитан. Наша очень небольшая ошибка вполне простительна для нас, занятых исключительно береговым обследованием и лишенных точных карт и

некоторых инструментов.

Думаю, что и ошибка капитана Вебстера простительна для него, особенно как бывшего кавалерийского офицера» (1945, с. 169–170). Последняя убийственная характеристика Русанова вполне в его духе, тем более что в английском языке понятие морской кавалерист является выражением очевидной чепухи — едкостью и тонким умением уязвить оппонента, как мы помним, Владимир Александрович отличался и по итогам двух предшествующих экспедиций.

Забегая вперед, отметим, что «Нимрод» тем не менее благополучно достиг Енисея и благополучно возвратился, не встретив серьезных препятствий в Карском море, которое на будущий год не пропустило к сибирским рекам ни одного судна, причем такая смена ледовой обстановки (подробнее в главе 12) оказалась роковой и для самого Русанова, и не только для него. Что касается дневника исследователя, местонахождение которого до настоящего времени неизвестно, то приведенные отрывки лишней раз свидетельствуют о высоких литературных способностях Русанова.

В тот же день «Полярная» вошла в Черную губу, обнаружив, как за «небольшим скалистым островком открылась превосходная и просторная бухта». Для читателя-знатока Новой Земли это важнейший ориентир, особенно если он сам плутал в новоземельских туманах среди россыпи прибрежных островов у южного побережья Новой Земли, поскольку речь идет об острове Розе современных карт, который невозможно спутать по своему положению у входа в этот залив с каким-либо другим поблизости. Обнаружив избу мурманского промышленника Олонкина (один из представителей этой поморской династии позднее стал участником экспедиции Руала Амундсена на шхуне «Мод» в 1918–1929 годах, а в 1926 году пересек с великим норвежцем Северный Ледовитый океан на дирижабле «Норвегия»), «Полярная» бросила якорь поблизости — теперь можно было приступать к работе по программе: пешие рекогносцировки, топосъемки, отбор геологических образцов, не отказываясь также и от попутной охоты. Приятным событием стала здесь встреча с пароходом «Николай» под управлением опытного северного капитана И. П. Ануфриева. «Встреча с капитаном “Николая” дала возможность с точностью определить местонахождение, выверить часы и провести вечер в приятной беседе, с граммофоном и ужином» (1945, с. 172), что нашло отражение в экспедиционном отчете. Капитан Ануфриев, выйдя из Белушьей губы вслед за Русановым, впервые провел современный по тем временам пароход с осадкой в 14 футов проливом Костин Шар, что было

важным событием для Новой Земли. По его описанию, «проходя в глубь губы Черной мы увидали на горе, на высоком мысе выдававшегося полуострова двух человек, и пока я раздумывал, откуда они могли появиться, увидел под берегом у перешейка, соединявшего полуостров с материком, небольшой одномачтовый ботик с развевающимся русским флагом; конечно, мы сразу догадались, что это была экспедиция В. А. Русанова, а потому поспешили отдать около них якорь. Вскоре приехал к нам сам В. А. Русанов со своими сотрудниками... все мы были рады встретить здесь среди пустыни наших отважных исследователей» (1925, с. 76–77). Теперь Русанов точно знал, что встреча с «Нимродом» под управлением представителя морской нации, где даже кавалеристы обладают качествами капитанов, произошла в губе Широчиха. Помимо встречи, посещение губы Черной принесло важные новости в части геологии, поскольку в своих маршрутах Русанов обнаружил характерную девонскую фауну Атрипа ретикулярис, что имело важное значение для будущей геологической карты архипелага.

Особо необходимо остановиться на охотничьей добыче, которая исключала возникновение цинги, этого настоящего бича арктических зимовок и экспедиций. Не случайно в экспедиционном отчете особо отмечалось, что после посещения Черной губы «и до самого прихода в Маточкин Шар экспедиция ни разу не терпела недостатка в свежем мясе; наоборот его было так много, что масса гусей, лебедей и уток осталась несъеденной и много жирных оленьих туш было выброшено, хотя брали только лучшие части убитых оленей — задки, а передние части всегда оставались на месте» (1945, с. 165). Когда экспедиция вышла в Карское море, экспедиционное меню стало еще более разнообразным благодаря обильным уловам гольца. Это служило страховкой на случай непредвиденного неблагоприятного развития событий — Русанов всегда помнил об участии экспедиции Джорджа Де-Лонга, погибшей в дельте Лены голодной смертью, и не только его...

28 июля «Полярная» покинула Черную губу и тут же за входными мысами встретила серьезные карские льды, которые ветры и течения гнали из Карских Ворот вдоль побережья Новой Земли. «Двигаться среди такого льда было очень неудобно; нужно вести судно с большим вниманием, а то легко было не заметить длинный подводный ледяной выступ и посадить на него судно. Размер отдельных льдин был очень изменчив, но в общем невелик». (194, с. 172). Со своего суденышка участники русановской экспедиции разглядели то, чего спустя год не поняли вахтенные «Титаника» — подводного тарана у небольшого сравнительно айсберга, вскрывшего

словно консервным ножом борт объявленного непотопляемым гиганта — последствия известны... Все то же самое могло произойти и с «Полярной», хотя и с меньшими жертвами. Лед был старый, зимний, сильно обтаявший, с нагромождениями торосов. Вся акватория губы Саханихи была забита таким неприступным для «Полярной» льдом, пришлось обходить этот массив южнее островов Саханиных, так что берега Новой Земли на какое-то время исчезли из вида. Все же кое-как удалось приблизиться к западному устью Петуховского Шара, причем в уплотнившемся льду «Полярная» уже не могла маневрировать. Временами приходилось останавливать двигатель из-за опасности поломать винт, а кое-где и пятиться задним ходом. Все же ближе к полуночи удалось проникнуть в Петуховский Шар и бросить якорь в неизвестной бухте. Впоследствии она была названа в честь исследователя, как и соседний полуостров, а также построенное здесь в 1926 году становище.

Вторая встреча экипажей «Полярной» и «Николая», состоявшаяся здесь, была непродолжительной, так как Ануфриев вскоре увел свое судно на промысел. Сам Русанов в своем отчете об этом не упоминает — о ней стало известно из публикации Ануфриева уже после гибели исследователя. Отметим, что описание наблюдавшихся тогда ледовых условий профессионалом-моряком и полярным исследователем совпадает практически полностью.

Следует подробнее остановиться на особенностях побережья этой части Новой Земли, чтобы объективней оценить вклад Русанова и других исследователей Новой Земли, включая поморов, издавна осваивавших негостеприимные берега архипелага. Здесь целая серия узких извилистых проливов с массой небольших островов и просто отдельных скал отделяет от Южного острова довольно значительные острова, которые даже на современной карте часто остаются безымянными. Строго говоря, с точки зрения поморской навигационной терминологии названия этих проливов могут поставить новичка, впервые знакомящегося с картой Новой Земли, в тупик. Дело в том, что поморский термин Шар, как это видно на примерах Маточкина Шара и Югорского Шара, относится к проливам, соединяющим различные моря. Повидимому, в отдаленном прошлом вся система отмеченных выше проливов вдоль Южного острова Новой Земли в представлении поморов была единым Шаром, соединявшим разные моря — Мурманское (современное Баренцево) и Карское. Только со временем по мере освоения этот единый Мурманско-Карский Шар на пространстве от Белушней губы и до Карских Ворот стал распадаться на отдельные обособленные участки со своими собственными названиями: Костин Шар,

Петуховский Шар и Никольский Шар. Первый из них известен под указанным названием с XVI века, названия других появились на картах века два-три спустя. Эти пути для малоразмерных поморских карбасов из-за защищенности от штормового волнения оказались достаточно удобными, но надо было в этом убедить официальные власти на основе современных исследований, чем и занимался Русанов и его спутники. Эта работа заняла трое суток.

Первый трудовой день 29 июля выдался очень теплым и безветренным — такие дни особенно приятны новоземельцам из-за их редкости. Вылка рисовал и снимал северный берег Петуховского Шара, Тизенгаузен занимался тем же на Большом Оленьем острове, а Русанов провел разведку того узкого и длинного полуострова, который на современных картах носит его имя. «Его путь был прорезан бесчисленными заливами и тихими озерами, лежавшими в зеленых долинах между темными округлыми холмами. По скалам кое-где бродят красивые олени, вприпрыжку перебегают жалкие полинявшие песцы, в траве много молодых гусей. В каждом уединенном озере плавают семья лебедей... Не так-то легко оказалось выбраться из лабиринта бесчисленных озер и бесконечных заливов; лишь под утро удалось ему, сильно усталому, дойти до “Полярной”. Тизенгаузен закончил съемку в западной части Петуховского Шара и вернулся обремененный добычей; с трудом донес настрелянных им гусей» (1945, с. 173).

На следующий день под угрозой льда пришлось перейти по Петуховскому Шару на восток, постепенно втягиваясь в узкий пролив, на который не было надежных карт. Пахтусов показал его на своей карте слишком схематично, наметив на северном берегу устья нескольких заливов, один из которых он назвал в честь известного гидрографа Рейнеке, под началом которого он служил на съемках Белого моря. Однако даже размеры этих заливов оставались неизвестными, не говоря о глубинах, условиях для стоянки судов, промысловых возможностей и т. д. Поле деятельности перед участниками экспедиции открывалось самое обширное, тем более что даже результаты первых же исследований оказались неожиданными, поскольку Вылка высказал мысль, вскоре подтвердившуюся, о том, что острова Большой Олений и Тихомирова представляют одно целое, соединяясь перешейком.

В последний день июля в процессе плавания проливом Русанов пошел на рационализацию работ, объединив промер с одновременными засечками берегов, до которых было буквально рукой подать. Глубины в проливе оказались небольшими, так что сплошь и рядом каменистое дно можно

было разглядеть в прозрачной морской воде с борта «Полярной», что также облегчало работу. Однако, несмотря на это, в средней части пролива суденышко едва не потерпело крушение на каменистой банке с глубинами всего три фута. Чтобы сняться с камней, пришлось разгружать судно, испытывавшего прочность собственного корпуса о подводные скалы. Одновременно со спасательными работами настреляли гусей. С окончанием работ в восточном устье Петуховского Шара перед постановкой на ночевку почти весь экипаж поднялся на ближайшие каменистые сопки, чтобы зрительно оценить очередной район исследований — залив Рейнеке. Хотя из-за сложных очертаний побережья обозреть целиком его акваторию оказалось невозможно, ее размеры произвели должное впечатление — по словам Вылки, залив оказался велик, как море.

Второе открытие залива Рейнеке — вот главное достижение пятой русановской экспедиции на Новую Землю, особенно значительное при сравнении съемок Русанова и Пахтусова. Однако документы последнего, эвакуированные с архивами Главного гидрографического управления во время Первой мировой войны в Ярославль, погибли в огне пожара летом 1918 года во время подавления Савинкове кого мятежа красными войсками. Так все завязано в тугий узел российской истории — Русанов, Пахтусов, Мировая и Гражданская войны и многое другое...

1 августа начались работы в заливе Рейнеке по методике, отработанной в Петуховском Шаре, которые с началом сумерек прервала успешная охота на оленей. На следующий день Русанов, поручив продолжение съемок Тизенгаузену, отправился в береговой маршрут, обнаружив один из самых значительных торфяников Новой Земли толщиной до шести метров. Значение этой находки определялось не столько перспективами использования ее на топливо, сколько возможными характеристиками климата Новой Земли в прошлом. На этой основе во времена Русанова можно было лишь утверждать, что за последнее тысячелетие здесь было значительно теплее, тогда как по современной методике изучения торфов возможно оценить величину потепления с точностью до градуса, а по времени — в пределах первых десятков лет.

Съемки в последующие дни продолжались столь же успешно, несмотря на испортившуюся погоду, когда чередовались дождь, туман и сильный ветер. Несмотря на большие физические нагрузки у людей оставалось достаточно времени на отдых, и, что важно, они получали обильное питание от попутной охоты, причем достаточно разнообразное, когда оленина, приготовленная на костре, сменялась пернатой дичью или

гольцом из семейства лососевых, по мнению гурманов, достойным конкурентом семги. Особенности экспедиционной гастрономии нашли отражение как в официальном отчете экспедиции, так и в личном дневнике самого Русанова. Например, «...и лебедь, и чайка представляют собой превосходное жаркое. Лебедь ничем не отличается от гуся, а белая чайка приближается по вкусу к курице... По временам, когда не было ничего иного, чайки составляли у меня единственное блюдо и, надо отдать справедливость, весьма недурное» (1945, с. 178) и т. д.

Умело наращивая усилия всех участников, Русанов добился высокой производительности, причем люди, несмотря на физические нагрузки и окружающую мрачную действительность, оставались в хорошей рабочей форме без признаков истощения, как физического, так и морального. С этой точки зрения весьма показательна обширная запись в личном дневнике исследователя за 5 августа: «Продолжал стоять на руле до тех пор, пока съемка залива Рейнеке не была закончена и сомкнута исходным западным створом, после чего передал руль Вылке и отправился в каюту, чтобы по общему желанию, сварить какао. Варить какао и жарить дичину — это моя постоянная обязанность, от исполнения которой я уклоняюсь лишь в исключительных случаях.

Меня очень радует, что, наконец-то, мы покончили с огромным заливом Рейнеке. Это оказался один из самых обширных заливов Новой Земли. До нас никто не знал его истинной величины и очертаний. Только вход этого залива был нанесен на карту, да и то неточно. Нанесение этого залива на карту значительно изменит конфигурацию южной оконечности острова и еще резче подчеркнет изре-занность береговой линии и простираение ее в северо-западном направлении. Оказывается, залив Рейнеке верст на тридцать вдается внутрь Новой Земли по направлению к северо-западу и прихотливо делится на множество бухт и самостоятельных заливов, представляющих весьма удобные и защищенные якорные стоянки. В залив Рейнеке было бы удобно запрятать флот целого мира. Некоторыми из своих разветвлений залив Рейнеке подходит очень близко к Петуховскому Шару и к Саханихе, образуя, таким образом, своей южной стороной огромный полуостров (современный полуостров Русанова на наших картах. — В. К.). Характер и очертания берегов очень разнообразны: местами крутые скалы висят над водой, местами плоская зеленая тундра легким уклоном подходит к берегу — в таком случае обычно отмелому. На южной стороне преобладают округлые серые холмы, разделенные зелеными лужайками и бесчисленными озерами. Это удивительно красивые места, напоминающие идиллический ландшафт, в то же время это

рай для охотников, где изумительное обилие и разнообразие всякой дичи — от куликов и до лебедей и от песцов до белых медведей.

Пока я писал эти строки и мирно готовил какао, “Полярная” шла у восточного створа залива Рейнеке, в лабиринте островов, разделенных мелкими проливами. Мне, идя к западному створу, счастливо удалось провести “Полярную”, но при возвращении мы были не так счастливы. В тот момент, когда я собирался снимать с примуса аппетитно кипевшее какао, я почувствовал у себя под ногами сначала подозрительное шуршанье, потом треск под килем, затем сильный удар о камни, и вдруг “Полярная” с полного хода сразу остановилась. Сомнений быть не могло — мы с полного хода налетели на камни и, видимо, очень прочно засели на них. По крайней мере все попытки сдвинуть “Полярную” не привели ни к чему. Разгрузили ее и облегчили, насколько возможно, но опять-таки результата не получилось никакого. Завезли якорь за корму и стали тянуть — якорная цепь оборвалась, а якорь с длинным обрывком цепи остался в воде. Пришлось заняться поисками утерянного якоря. Потом завезли другой якорь на более крепкой цепи и стали тянуть, но опять ни с места.

Тогда вооружились терпением и стали ждать прилива. И это было самое благоразумное: когда начался прилив, “Полярную” приподняло и схватившись все за цепь, мы, наконец, сдвинули ее с опасных камней. Но несчастье никогда не приходит одно. Едва мы сошли с мели, как загрязненный мотор перестал работать, и нас понесло узким проливом на еще более опасные прибрежные камни. Я приказал смерить глубину — оказалось слишком глубоко для наших якорных цепей. Пришлось подойти совсем близко к берегу и бросить якорь в каком-нибудь десятке саженей от отвесных прибрежных скал.

А ветер все крепчал и превращался в настоящий шторм. Дело плохо. Я велел бросить сначала второй, а потом и третий якорь. Так продолжалось несколько дней. На трех якорях стояли мы под скалами, каждую минуту ожидая, что цепи не выдержат и “Полярная” разобьется о скалы маленького островка, на котором я с трудом отыскал лужу грязной и тинистой воды. И это неизбежно случилось бы, если бы перед самым отъездом из Белушьей губы я не захватил с собой толстой якорной цепи, случайно попавшейся мне на глаза и, вероятно, оставшейся на берегу от старого разбитого судна. Эта старая, но все еще крепкая якорная цепь и потом не раз спасала “Полярную” от крушения.

Мотор был весь разобран и наш доморощенный механик Александр занялся его исправлением. Он начал с того, что загнал поршень в цилиндр так основательно, что выбить его оттуда не было никакой возможности.

Сначала для извлечения злосчастного поршня принимались “кроткие” меры в виде стамесок, ключей, молотков и тому подобных “мелких” инструментов. Потом, когда Александр уже успел при помощи всех этих инструментов сбить себе руки в кровь, ни на йоту не выдвинув поршня, волей-неволей пришлось перейти к инструментам более крупного “калибра”, вроде моих больших геологических молотков. Но, увы, дело пошло не лучше, если только не считать успехом то, что расколся один из лучших моих молотков.

Между тем выбить поршень было необходимо во что бы то ни стало. Тогда Александр прибег к самым героическим средствам: он вооружился массивной полупудовой геологической балдой (кувалдой. — В. К.) и начал изо всей силы колотить ею по машине. Наконец мы уснули и всю ночь в полусне слышали удары железной балды по машине. Я до сих пор не понимаю, как от этих ударов не развалилась бедная машина и не проломилась “Полярная”. И думаю, что после всего испытанного нашей машиной я вправе сказать, что мотор системы Болиндера отличается своей простотой и удивительной прочностью. В конце концов, сломав одну балду и сбив другую, Александр добился своего и выбил поршень. Настойчивость этого человека так же изумительно велика, как и его упрямство» (1945, сс. 175–176).

Экспедиционные отчеты и личные дневники многих русских исследователей и путешественников того времени отличались высокими литературными достоинствами. Судя по приведенному отрывку, русановский дневник не уступал им. Его качество таково, что возникает вопрос — а не готовил ли автор его к самостоятельному литературному изданию? Остается лишь пожалеть, что местонахождение этого документа неизвестно, хотя скорее всего он затерялся в фондах Сорбонны или бумагах профессуры, имевшей дело с Русановым во время его пребывания в Париже. Отметим важное обстоятельство — практически во всех случаях, когда удавалось сравнить описание событий по отчету или личному дневнику, с литературной точки зрения выигрывал именно последний. Обычно в предшествующих отчетах Русанов использовал свой личный дневник урывками, изменив этому правилу лишь в экспедиции 1911 года, видимо из-за ограниченности во времени для написания отчета, вставляя в него куски из дневника целыми страницами.

После аварии двигателя волей-неволей всем участникам экспедиции в голову лезли самые мрачные мысли в связи с ближайшими перспективами, что нашло отражение на страницах русановского дневника: «Положим, официальная и обязательная часть программы выполнена; не только снят и

обследован Петуховский Шар, но и залив Рейнеке. Однако меня это мало утешает. Я хочу во что бы то ни стало выполнить свою собственную программу: обойти с юга Новую Землю, обследовать восточное побережье, куда не ступала нога ни одного натуралиста, и Карским морем пройти в Маточкин Шар.

Я решил, если мотор не будет действовать, идти на парусах, даже плыть на одном фансботе, в крайнем случае бросив “Полярную”, если окажется это необходимым. Поэтому, когда заговорили о возвращении старым путем, я сухо заметил, что о возвращении назад не может быть и речи; если лед помешает нам двигаться вперед, то придется подумать о зимовке, но никак не о возвращении» (1945, с. 177).

К сожалению, Русанов нигде не упоминает о реакции своих подчиненных на такое единоличное решение, особенно матросов, к которым в целом ряде случаев он высказывал серьезные претензии на бытовом уровне, поскольку эти люди, повидимому, не в полной мере оценили специфику отношений в ограниченном коллективе, работающем в экстремальных условиях. Тем не менее в условиях обеспеченности личного состава продовольствием за счет охоты (обычно, это главная проблема всех вынужденных зимовок) и близости становищ по западному побережью (в основном в пределах до ста километров, которые в условиях Арктики, как известно, не расстояние), да еще при наличии такого опытного полярного эксперта, как Вылка, решение на зимовку (точнее — на возможность таковой) не выглядит чем-то фатальным, по крайней мере по состоянию дел на первую декаду августа, когда впереди оставалось еще много времени для дальнейшего движения к намеченной цели — к Маточкину Шару с его становищем в Поморской губе. Скорее это еще один способ воздействия на своих подчиненных, точнее, на наиболее слабых, — призыв напрячься и выполнить намеченное. Со всех точек зрения в создавшейся ситуации Русанов вел себя как опытный морской офицер, с одной стороны, не допуская сомнений и колебания в экипаже, а с другой — увлекая всех личным примером, подчеркивая общность судьбы в победе или поражении. Такой способ воздействия на людей, очевидно, оправдал себя и стимулировал их активность на фоне двух неизвестных в формуле успеха: поведения двигателя и возможной ледовой обстановки в Карском море.

Работа мотора, от которой зависело так много, продолжала внушать самые серьезные опасения, причем неоднократно. Запись в дневнике Русанова за 9 августа: «Поспешили сняться с якорей и пошли под мотором, который, наконец, начал работать, хотя и плохо. Я распорядился поставить

кливер, питая мало надежды на мотор. Стало покачивать. Едва двигаемся. Мотор стал. Нас быстро понесло назад. Судно идет по ветру и не слушается руля. Поставили большой зарифленный парус и пошли обратно. Бросили якорь очень близко от того места, где только что перед этим стояли...». Самый подходящий момент, чтобы начать проклинать злую судьбину и жаловаться на ее превратности, — однако как бы не так... «Тизенгаузенем был снят залив, лежавший рядом с заливом Рейнеке, к востоку от него; этот залив также не был нанесен на карты, как и залив Рейнеке. Вообще часть Новой Земли к северо-востоку от Петуховского Шара пришлось не исправлять, а широко пополнять новыми топографическими данными. И если бы у нас не было моторной шлюпки, то едва ли мы успели за короткое полярное лето снять что-либо, кроме одного залива Рейнеке» (1945, с. 197). Отметим, что новый неизвестный залив восточнее залива Рейнеке был известен поморам как губа Охальная (Евгенов, 1930), позднее он был назван Самойловичем (1929) в честь президента Академии наук Карпинского.

Читатель, знакомясь с русановскими документами, невольно ждет — когда же прояснится ситуация с мотором, а вместо этого следует перечень очередных достижений экспедиции в виде находок очередных торфяников, реликтовых озер, описаний охоты и т. д. и т. п. Правда, на следующий день движок удостоился упоминания, но опять-таки на фоне очередных достижений экспедиции: «10 августа. Тизенгаузен и Вылка вчера во время съемки обнаружили существование пролива к востоку (западное устье Никольского Шара. — В. К.), поэтому решено было идти этим проливом. Мотор, хотя и со стуком, но начал работать» (1945, с. 178). Пусть читатель сам догадается, что по мысли автора дневника важнее — очередные результаты экспедиции или барахлящий двигатель.

В тот день «Полярная» одолела весь Никольский Шар, общей протяженностью до 20 километров, оставляя справа Кусову Землю, довольно большой остров с береговыми сланцевыми обрывами и холмистой тундровой поверхностью бурых оттенков в преддверии осени. Сейчас все внимание экипажа было устремлено вперед в ожидании встречи со льдами, создавшими Карскому морю мрачную славу ледяного погреба. Миновали Железные ворота у входа в Логинову губу, откуда открывался обзор на Карские Ворота — никаких признаков льда прямо по курсу в пределах видимости. Вот и губа Каменка, где когда-то зимовал Пахтусов. «Впереди к востоку расстилалось сверкающее ласковое, слегка волнующееся и совершенно свободное от льдов Карское море. Льды остались позади, к западу у Саханихи. В Карских Воротах, где встреча с

ними казалась особенно опасной, их не было, на поверхности моря не плавало ни одной льдинки» (1945, с. 179). Припомнив всех, кто потерпел здесь неудачу, Русанов пытался оценить открывшуюся картину — удачная случайность или определенная закономерность, и если последнее, то — почему? На раздумья ушли сутки, которые он использовал для маршрутов в окрестностях Каменки с посещением развалин зимовья Пахтусова в 1832/33 году и могил участников его экспедиции, отмеченных высокими крестами. Пока устраивались на очередной стоянке и готовили плотный ужин, Русанов собрал обильную ископаемую фауну, по предварительной оценке относившуюся к девону. Выход на следующий день сорвался из-за поднявшегося ветра, угрожавшего аварией фансботу, который по-прежнему вели за собой на буксире. Пришлось возвращаться на прежнюю стоянку, где Русанов с Тизенгаузенем продолжили сборы ископаемой фауны. Новое обнажение, богатое девонскими гастроподами, головоногими и пластинчатожаберными, оказалось на северо-восточном берегу небольшого острова прямо против руин зимовья Пахтусова. «На развалинах избышки Пахтусова на груде печных кирпичей выросла травка, которую при нашем приближении мирно пощипывали гуси» (1945, с. 180). Однако не воспоминания о прошлом владели сейчас участниками плавания — их взгляд невольно устремлялся к востоку в поисках подозрительной белизны у горизонта, но ничто не нарушало морского пейзажа.

Русановский вояж по Карскому морю — все та же глубокая разведка, продолжение начатой годом раньше на «Дмитрии Солунском», хотя и менее обеспеченная научными наблюдениями — без проведения гидрологических станций, поскольку исследователь не располагал необходимой аппаратурой. Дрейф предшествующих экспедиций (А. А. Борисова в 1900-м и герцога Орлеанского в 1907 году) как-будто свидетельствовал о направлении течений вдоль карского побережья Новой Земли к югу, однако в этом следовало убедиться лично. Разумеется, геологические наблюдения на этом же побережье обещали ценный материал. Наконец, следовало оценить возможности будущей колонизации на этих берегах, тем более что его предшественники Борисов и Носилов уверяли о тамошних богатых охотничьих угодьях. Такими соображениями руководствовался, очевидно, Русанов, приступая к плаванию по Карскому морю.

12 августа началась самая сложная часть экспедиции 1911 года, причем в наилучшей ситуации: «Мотор стучит, как телега с железом по ухабистой мостовой, и чем дальше, тем сильнее. Работает он неравномерно — то заспешит, то затихнет. Наконец, мотор отчаянно застучал, захрипел и... остановился. Поставили паруса, но это мало помогало горю. Они

беспомощно повисли на реях, колотясь о мачту от мертвой зыби» (1945, с. 180). Опасались льдов, а теперь главная угроза исходила от собственного движка... Это произошло вблизи обрывистого мыса Меншикова, за которым в глубине Новой Земли простирались низкие увалистые пространства буровато-зеленой тундры. Кое-как в полном смысле ковыляя, где под парусами, где на рывках то и дело глохнувшего мотора, обошли этот мыс, за которым последовала смена курса на северо-северо-западный. Арктика настужь распахнула перед смельчаками свои Карские Ворота, освободив их от ледового затора, — не воспользоваться этим было просто невозможно. Пока продолжалась возня с мотором, ветер зашел с кормы, с каждым часом набирая силу, — оставалось только поднять паруса, не рискуя в сгущавшихся сумерках приближаться к ровному, лишенному каких-либо заметных ориентиров удивительно однообразному берегу, окаймленному в темноте белой полосой прибоя.

Все же утром 13 августа сделали попытку войти в устье реки Бутаковки, вовремя обнаружив, что после недавних штормов оно перегорожено галечниковой косой. Следующий возможный заход — устье реки Савиной (куда из Малых Кармакул весной 1883 года выходил Л. Ф. Гриневецкий) также оказалось чересчур опасным — форсировать на практически неуправляемой «посудине» бар в условиях сильного наката было слишком рискованно. Между тем состояние парусного вооружения на «Полярной» начало внушать тревогу — крепление реи к мачте стало сдавать, а сшитые вручную паруса едва выдерживали напор ветра. Мотор также не удавалось запустить, несмотря на яростные упражнения с кувалдой. К этим прелестям морского вояжа вскоре добавилась жестокая жажда — каким-то образом на последней стоянке матросы забыли набрать пресной воды. Подобное упущение в русановских экспедициях произошло впервые.

Очередным пунктом захода наметили залив Абросимова, известный по описанию академика Ф. Н. Чернышева, где он закончил свое пересечение Новой Земли в 1895 году. На подходах к нему монотонную картину побережья несколько оживили участки холмистого рельефа, причем очертания холмов в глубине суши словно растворялись в синеватой дымке, сменявшейся сумерками. В залив Абросимова вошли уже в полной темноте, полагаясь только на острое зрение Тыко Вылки и его морской опыт. Едва завернув за южный входной мыс, уставшие от бесконечной качки люди, измученные жестокой жаждой, сразу ощутили непривычное спокойствие закрытой от волнения акватории и тут же после высадки бросились на поиски пресной воды.

По многим причинам стоянка здесь затянулась на неделю и ознаменовалась целым рядом примечательных событий. Главным среди них было то, что она находилась на равном расстоянии от ближайших пунктов захода «Королевы Ольги Константиновны» — становищ в Белушьей губе и в Маточкином Шаре; таким образом, любое обсуждение старой проблемы идти вперед или возвращаться теряло смысл. Первый день в заливе Абросимова был посвящен заслуженному отдыху после перипетий последних суток. Посетили старую поморскую избушку на северном берегу залива, возможно, единственную на всем Карском побережье Южного острова, поскольку ненцы в своих кочевках предпочитали легкие разборные чумы. Между тем Тизенгаузен, оставшийся на стоянке, едва не стал жертвой белого медведя, неосторожно оставив ружье на берегу, — первое серьезное предупреждение такого рода, тем более что этот полярный хищник на востоке Новой Земли встречался гораздо чаще, чем по побережью Баренцева моря. Обычно зверь держался вблизи кромки дрейфующих льдов, где ему было легче прокормиться, но в голодном состоянии он становился непредсказуемым — это помимо обычного любопытства, которое люди нередко принимали за агрессию. «В этот же день были расставлены сети и вынута первая добыча: дюжина крупных и чрезвычайно вкусных гольцов. Эта рыба из семейства лососевых, род семги (*Salvelinus alpinus*). С этого дня и почти до конца пребывания в Карском море экспедиция постоянно лакомилась превосходной ухой, которую иногда сменял голец, зажаренный в масле. Крупного гольца солили, и его набралась семипудовая бочка» (1945, с. 182). Пусть читатель не принимает эту констатацию действительных событий за некую полярную норму. На этот раз участникам экспедиции с точки зрения самообеспечения за счет местных ресурсов везло, как никогда прежде. Увы, в истории арктических исследований гораздо чаще встречаются противоположные примеры, перечень которых слишком велик: гибель экипажей двух кораблей экспедиции Франклина в Канадской Арктике на рубеже 40-50-х годов XIX века; вымершая на две трети экспедиция Адольфуса Грили по программе I Международного полярного года 1882–1883 годов; отряд Де Лонга, который в 1881 году постигла аналогичная участь на пороге спасения в дельте Лены и т. д. и т. п., причем по общей и единственной причине — голод, поскольку пищевые ресурсы Арктики весьма ограничены, и все пришлое население существует за счет привозного продовольствия, а охота и рыбная ловля в современных условиях при возросшем населении носит обычно лицензионный характер.

Да и сам пример Новой Земли лишь подтверждает такой вывод, что стало ясно в 30-е годы прошлого столетия, когда количество населения здесь достигло нескольких сотен человек. Другое дело, что в 1911 году для пяти человек на протяжении нескольких месяцев этих ресурсов хватило с избытком.

Так или иначе, но вывод о больших запасах гольца по карскому побережью Южного острова и его перспективности на будущее попал в экспедиционный отчет наряду с другими наблюдениями. Самого Русанова больше интересовала проблема ледового режима Карского моря, потому что наблюдавшаяся картина открытой воды, свободной от льдов, находилась в очевидном противоречии со всем тем, что он видел в своих предшествующих экспедициях, и поддаваться радужным надеждам у него не было оснований. Даже первые сведения о потеплении Гольфстрима в 1909 году, с которыми Русанов имел дело, он не воспринимал как некую обнадеживающую данность, ибо изменчивость и коварство ледовой стихии достаточно познал на собственном опыте. Другое дело, разобраться в причинах такой изменчивости, понять ее истоки — но до этого было еще далеко. Одна из составляющих ледового режима — направление течений, о чем было известно по дрейфам экспедиционных судов. В этих водах оно проходило с севера на юг, что частично объясняло периодическую блокаду южных новоземельских проливов льдами откуда-то с севера Карского моря. Во всяком случае, в своих первых маршрутах Русанов убедился, что дрейфующее дерево — плавник накапливается преимущественно на северных берегах выдающихся мысов и, наоборот, на южных у заливов, которые играют роль ловушек.

Очередные геологические образцы подтвердили преимущественно каменноугольный и пермский возраст слагающих пород, что в основном совпадало с наблюдениями Ф. Н. Чернышева, побывавшего здесь шестнадцать лет назад. В береговых маршрутах нередко попадались признаки ненецких кочевков, оставшиеся на месте установки чумов, включая остатки женской одежды — для ненек пересечение Новой Земли было рядовым событием кочевой жизни. Очевидно, на Русанова это произвело впечатление, и он особо отметил, что «переход через Новую Землю, чуть ли не считавшийся подвигом, с легкостью совершают каждый год многие самоедские женщины. Они любят далекие, трудные охотничьи поездки, не боятся лишений, умеют при случае поохотиться» (1945, с. 184) — очевидно, перед дамами с материка — любительницами путешествий — у них были свои преимущества.

17 августа Русанов выполнил маршрут в глубь Новой Земли для

изучения ее рельефа и формирующих его природных процессов, описав результаты на страницах дневника:

«У вершины Абросимова залива, на южной стороне, попал в какое-то феерическое ущелье, с высокими нависшими склонами и горами обломанных скал. Посредине сверкает и шумит небольшой, но удивительно красивый водопад, обрамленный фестонами яркозеленого мха. Эта изумрудная зелень особенно заметна в рамках мрачных голых скал, которые со всех сторон теснятся к водопаду, сжимают его, словно хотят сдвинуть его и задавить.

Книзу от водопада долина имеет в поперечном сечении довольно отчетливо выраженную форму латинской буквы V. Кверху от водопада долина получает расширенную форму с плоским дном, усеянную валунами донной морены. Здесь поперечное сечение долины напоминает латинское U. Следовательно, вся долина носит смешанный ледниково-поточный характер: выше водопада она обязана ледниковому выпахиванию, а ниже его — поточному размыву» (1945, с. 184), то есть работе водных потоков. Такое классическое описание истории формирования рельефа полярных и горных стран было достойно войти в любой учебник по географии и геологии — просто, ясно и убедительно, не говоря о том, что подобные наблюдения легли в основу современных научных представлений.

Как и ранее, в процессе маршрутов по понятным причинам уделялось время и охоте, описания которой, глядя с позиций нашего времени, у Русанова приобретают порой несколько натуралистический характер, особенно если судить по количеству убитых животных, мясо которых было просто невозможно унести полностью к стоянке «Полярной». Иные времена, иные нравы... Так же вели себя на просторах Арктики и другие современники — известно, например, фото гуманиста Нансена, расстреливающего из ружья сидящих на гнезде птиц. Подчеркну еще раз — речь идет о совсем другом времени, от которого мы ушли, приобретя уже совсем иной взгляд на отношения с живой природой, далекий от чисто потребительского. И не нужно судить наших предшественников с позиций нашего времени. Порой русановские строки могут войти в учебник выживания в экстремальных ситуациях Арктики для человека, лишенного в силу особых причин простых технических средств цивилизации — например ножа. Так что — как посмотреть, не говоря о людях, над которыми непрерывно висит угроза голодной смерти...

Начиная с 19 августа погода испортилась настолько, что продолжать плавание стало невозможным. А тут еще нежданный дождь так наполнил ближайшие речки, что порой их было невозможно перейти. Сильный ветер

мотал «Полярную» на, казалось бы, укрытой стоянке, где был потерян один из якорей. Стоянка затягивалась, но 22 августа все же рискнули выйти в море, несмотря на то, что бешеный натиск волн порой укутывал в пену ближайшие береговые обрывы высотой свыше 20 метров. Однако буксировать на такой волне фансбот оказалось невозможным, и пришлось срочно укрыться в расположенной всего в нескольких километрах севернее бухте Голицына. На материке по такому поводу говорят — стоило ли огород городить... «Хотя мотор стучал, как старый тарантас, — отметил Русанов, — но судно на нем все-таки двигалось непрерывно, а теперь не было никакой уверенности в машине и в том, что она не остановится в самом опасном месте» (1945, с. 187). Неисправный движок становился одним из элементов угрозы всему предприятию, которое, несмотря ни на что, приближалось к своему завершению. Очередная попытка выйти в море на следующий день завершилась бесславным возвращением на прежнюю стоянку, тем более что бухта Голицына оказалась настолько надежной, что волна в ней оставалась, по выражению Вылки, «как в стакане воды». Зато с открытого берега доносился непрерывный натруженный гул разбушевавшегося моря. 24 августа погода оставалась прежней, и поэтому Русанов отправился в пеший маршрут, из которого вернулся с новыми сборами верхнепалеозойского возраста.

На следующий день ветер отошел к юго-западу, превратившись в попутный, который нельзя было упускать. Правда, на малых глубинах, где «Полярная» легко могла проломить себе дно, продолжали бесноваться буруны. Однако одолели эту стихию — дальше пошло легче. Ко всеобщему удивлению, мотор, словно устыдившись своего недавнего поведения, заработал нормально — он не только честно тянул судно по курсу, но даже не стучал и не требовал пристального внимания механика, что поначалу казалось подозрительным. За мысом Гессена начал меняться береговой пейзаж — холмы, обозначившиеся на побережье у залива Абросимова, постепенно превращались сначала в просто каменистые сопки, а затем в настоящие заснеженные горы. С каждой милей на север береговой ландшафт становился все более горным, и такая перемена отозвалась в настроении людей, ибо свидетельствовала о близком завершении затянувшегося похода. Высота гор, казалось, гарантировала укрытие в глубине заливов от ярости волн, но далеко не всегда — свирепый сток в глубоких долинах обретал особую ярость, и Вылка испытал ее на себе не однажды, но сейчас в его душе теснились иные воспоминания, поскольку в этих местах он родился и вырос. С наступлением густых сумерек, также свидетельствовавших о скором завершении лета, открылся вход в

очередную тихую гавань.

Дальнейшее развитие событий отражено в отчете следующим образом: «Лишь ночью достигла “Полярная” залива Литке. Когда она зашла в него, наступила полная темнота и пошел густой снег, из-за которого ничего нельзя было разобрать. Русанов думал лечь в дрейф и в море дожидаться утра, но Вылка был иного мнения. Зорко всматриваясь в темноту и прислушиваясь к прибою, уверенно повел он судно в глубь залива. Это его родные берега, здесь прошло его детство и он хорошо знает каждую бухточку. На этих пустынных берегах и могила его матери. Скоро был брошен якорь в каком-то тихом и очень глубоком заливе. Это был южный берег залива Литке» (1945, с. 188).

Таким образом, очередной переход ознаменовался целым рядом важнейших обстоятельств. Во-первых, зима вполне конкретно заявила о своем приближении, настраивая участников похода на завершение плавания. Второе, начиналась горная местность, столь привычная для главных участников событий — Русанова и Вылки. В третьих, оказавшись в родных местах, Вылка из опытного полярного эксперта еще превращался в надежного лоцмана, качества которого продемонстрировал в заливе Абросимова, который посетил впервые в жизни. Впечатления от маршрута по суше, предпринятого на следующий день, в дневнике Русанова нашли следующее отражение:

«Первые настоящие горы с крутыми уступами, с осыпями, с глубокими ущельями. Кое-где узкие ущелья заняты снегом и льдом, потоки вырыли на дне ущелий во льду красивые тоннели, гроты. Залив Литке с запада переходит в дельту Красной реки, разделенной на множество потоков. Плоскодонная корытообразная долина реки носит довольно ясно выраженный ледниковый характер; кое-где имеются полуокругленные движением исчезнувших теперь ледников скалы, так называемые “бараньи лбы”. Удалось собрать нескольких вялых мух и много очень маленьких и очень живых черненьких насекомых, прыгавших как блохи. Это был мой последний энтомологический сбор. На обратном пути пошел густой снег, и пейзаж сразу приобрел зимний характер. Пахнуло бодрящим зимним холодом. Идти стало легко — земля замерзла, и нога уже не тонула в вязкой болотистой почве.

По дороге меня захватила ночь, но не та, осенняя, темная ночь, когда не знаешь, куда поставить ногу и нащупываешь каждый шаг, а светлая зимняя ночь. Близ “Полярной” на берегу загорелся яркий костер. Судя по большому огню, там были заняты приготовлением весьма серьезного ужина Этот огонь служил мне путеводительным маяком, до него казалось

близко, рукой подать... Мне пришлось обойти кругом длинный залив и обогнуть несколько озер, прежде чем я мог отдохнуть у пылающего костра. Я не мог ошибиться насчет ужина: он был давно готов и удался на славу. Я отдал должную честь и гороховому супу, и чайкам, и гусю, после чего был сервирован чай» (1945, с. 188).

В этих русановских строках заложен богатый подтекст, вызывающий у бывалого полевика-экспедиционника из подсознания массу эмоций, связанных с ощущением завершения затянувшегося полевого сезона, когда и приближение зимы, и собственная тяжелая усталость от длительного напряженного лета в унисон с окружающей местностью формируют одновременно печальный и все-таки долгожданный настрой души накануне завершения экспедиции с преобладанием все-таки мажорных оттенков. Зимний ночной светлый пейзаж не гнетет, не вызывает страха, а делает это ощущение светлей и пронзительней. Даже легкий морозец, схвативший топкий грунт, лишь облегчает путь к друзьям. Душа уже согрета одним видом дальнего костра, который не позволяет сбиться с пути в предвкушении долгожданного отдыха в кругу товарищей и единомышленников. И поскольку эти строки обращены к душе человека — это уже ближе к литературе, чем к науке, другое дело, что у людей русановского склада то и другое порой неразделимо.

27 августа маршруты уже проходили по установившемуся снеговому покрову, хотя и не сплошному, преобразившему окружающий горный ландшафт. В таких условиях барометрическое нивелирование морских террас пришлось проводить по оригинальной системе, поскольку выпавший снег сделал бровки этих террас заметными лишь с расстояния: наблюдатель с барометром в руках карабкался вверх по склону и одновременно следил за «Полярной», где, как только он выходил на очередную террасу, на мачте поднимали флаг, после чего оставалось снять показатели давления и сделать запись в журнале наблюдений. Такие работы Русанов ранее проводил в Крестовой губе, в Маточкином Шаре и в других посещенных им местах, так что у него накопился обширный научный материал, позволявший оценить происходящее поднятие архипелага практически в целом, что удалось впервые только ему.

Несомненно, приближение конца экспедиции создавало определенный настрой прощания с архипелагом, когда даже в самых задубелых и замороженных душах проявляются вдруг лирические нотки при мыслях о предстоящем возвращении к тем, кто любит и ждет. Но тут-то Арктика и находит повод напомнить, что экспедиция не закончена и расслабляться не время, о чем и поведал в своем дневнике герой этой книги:

«Я переходил через ложбинку, до краев засыпанную твердым снегом, не подозревая об опасности. Вдруг, совсем для меня неожиданно, снег подо мной провалился, и я вместе со снежной глыбой, на которой стоял, полетел куда-то вниз, в темноту. Снег, вместе с которым я падал, предохранил меня от повреждений, не считая легкого ушиба ладони правой руки, полученного не помню как, при падении. Вместо дневного света и простора снежной равнины я очутился в полумраке. Вместо дующего мне в лицо сильного ветра меня окружала полная тишина, едва нарушаемая слабым журчанием текущего подо мной ручья. Чтобы не намокнуть, я быстро поднялся на ноги и осмотрелся кругом. Оказывается, я был в пре, естном ледяном гроте, извилистые и тонкие своды которого вверху просвечивали и озаряли лед мягким голубоватым светом.

Довольно высоко, вверху, прямо над моей головой, виднелось круглое отверстие, которое я проломил при своем падении. Через него вливался дневной свет в пещеру. Но, не имея крыльев, было и нечего думать добраться до этого отверстия по ледяным, нависшим и скользким сводам. Я сразу пришел к тому неизбежному заключению, что возвращение старым путем, через проломленный мной потолок пещеры, совершенно невысказано. Иное дело, если бы кто-нибудь мог спустить мне веревку. Но кто же догадается, что я попал в это подземелье? Ветру недолго замести мои следы, а вместе с тем и самое отверстие. Нужно было искать другого, более удобного выхода.

Вверх по ручью пещера заметно суживалась, уходила куда-то в непроглядную черную темень; вниз было светлей и шире. Я пошел вниз. Я едва успел сделать несколько шагов, как увидел раздвинутые ледяные своды и крутящуюся снежную пыль над головой.

Но вылезать было не так-то легко. Барахтаясь по горло в сугробах снега, перелезая по скользким ледяным обломкам упавших сводов, я добрался до не очень отвесной невысокой ледяной стены, в которой начал торопливо вырубать ступеньки. С помощью неразлучного геологического молотка моя работа шла скоро. По ступенькам я добрался до верхнего края льда, на руках поднялся до нависшего сугроба, залез в снег с головой и, наконец, выбрался на свободу» (1945, с. 189–190).

Ледяная ловушка, в которую попал исследователь, представляла тоннель, разработанный в теле ложбинного ледника потоком летних талых вод — остатки его в виде слабого ручейка и отметил Русанов. Несомненно, высота этого тоннеля не была слишком большой, иначе Владимира Александровича постигла бы судьба некоторых людей, при подобных обстоятельствах исчезнувших в Арктике бесследно. Из всех описанных

Русановым чрезвычайных маршрутных происшествий, которых в повседневной жизни маршрутника практически избежать невозможно, именно это было, несомненно, наиболее опасным. Повезло...

В сентябре погода окончательно испортилась — день за днем проходили в нескончаемых снегопадах. Охота становилась все менее успешной, дичи в округе почти не осталось. Настал день, когда удалось настрелять лишь дюжину чаек. Однако за предшествующие дни и недели удалось настолько сэкономить экспедиционный провиант, что на ужин подали добычу с жареным картофелем и луком — полярники также не чужды маленьких житейских удовольствий. С улучшением погоды 4 сентября «Полярная» перешла в залив Шуберта, типичный фиорд с высокими отвесными берегами-стенами, который показался путешественникам мрачным и негостеприимным. Здесь, как и в соседнем заливе Брандта, Русанов продолжил барометрическое нивелирование, пока очередной снегопад не прерывал любые полевые работы. На общем фоне торжества зимы выпадали редкие минуты затишья, когда вечерами у костра можно было насладиться кружкой горячего какао с консервированным молоком — видимо, Русанов первым ввел этот напиток в рацион питания российских полярников. В заливе Брандта избавились от фансбота, его «бренные останки», которым так досталось при буксировке, были оставлены здесь за непригодностью для дальнейшего использования.

Экспедиция неумолимо приближалась к своему завершению. 8 сентября «Полярная», полностью оправдав все возложенные на нее надежды, гордо вошла в восточное устье Маточкина Шара, чтобы бросить якорь на очередной стоянке у мыса Дровяной, напомиравшем о погибших от цинги участниках экспедиции Розмыслова.

Хотя до конечной цели — становища Поморского — оставалось чуть больше полсотни километров, еще три дня Русанов потратил на работы в проливе, выполнив здесь южнее устья реки Шалонник промер, а также детальное барометрическое нивелирование береговых террас. По долине, начинающейся у Переузья, он поднялся к ее верховьям вплоть до ледника, получившего от геологов в 50-е годы прошлого века имя академика Ферсмана. Он явно замыслил какую-то обширную работу еще по результатам предшествующих экспедиций и теперь стремился пополнить ее свежим фактическим материалом — возможно, это та самая, которая стала его последней посмертной публикацией в «Ежегодном географическом обозрении» 1921 года на французском языке. Даже в день прибытия в Поморское он задержался у мыса Моржовый для обследования загадочных палеозойских конгломератов, разгадка происхождения которых

должна была добавить очередную страницу в геологическую историю архипелага.

У Крестов встретили первый ненецкий чум, а в нем застали брата Вылки. Спустя еще два часа немногочисленные обитатели Поморского в устье реки Маточки высыпали на берег встречать старого друга Русанова — впервые за пять последних лет он не посетил это место с первым рейсовым пароходом, задержавшись до конца лета. Само собой, на долю Вылки, отсутствовавшего здесь больше года, досталось немало внимания земляков. Однако Русанов задержался здесь не надолго. Его последние осенние маршруты уже по выпавшему снегу прошли по Паньковой Земле на побережье Баренцева моря в изучении девонских отложений, которые, судя по полученным им данным, протянулись полосой вдоль всей Новой Земли от Карских Ворот на юге вплоть до мыса Желания на крайнем севере архипелага. Прорезанные во многих местах вторжениями расплавов диабазы, они могли оказаться потенциальными носителями асбеста, меди и свинца, значение которых в будущем должно было определяться конъюнктурой рынка и общими запросами экономики страны. Еще один результат закончившегося полевого сезона — проблема наличия каменного угля на Новой Земле была окончательно похоронена, как в теории, так и на практике. Уступая в этом давнем споре своему оппоненту академику Чернышеву, Русанов вполне мог гордиться своим самостоятельным вкладом в геологию архипелага, обретая права научного лидера на Новой Земле на десятилетия вперед.

Успешный сезон, ничего не скажешь... 21 сентября, когда снег уже завалил окрестные горы и равнину вплоть до моря, ставшего из голубого мрачно-серым и сумрачным, обитатели Поморского услышали долгожданный гудок «Королевы Ольги Константиновны». А в это время Русанов подводил итоги своих пятилетних поисков на архипелаге, которые он сформулировал так:

«Для того чтобы ориентироваться и продуктивно работать в совершенно необследованной стране, необходимо с ней познакомиться хотя бы в самых общих чертах, необходимо ее пересечь или обойти в главных направлениях. И лишь после такой предварительной, чисто рекогносцировочной работы, можно приступать к подробным исследованиям отдельных пунктов, наиболее интересных и важных в научном или практическом отношении. Иначе все исследование носило бы случайный характер. Без общего предварительного обзора нельзя сказать заранее, какие пункты заслуживают подробного изучения, а какие нет.

Одним словом, не желая вести работу наугад и слепо, я вынужден был

начать общим рекогносцировочным обзором всей Новой Земли, каковой мной и был выполнен» (1945, с. 219). Строг к себе был Владимир Александрович Русанов, очень строг, и нам завещал...

Не подозревая того, что это была его последняя экспедиция на Новую Землю, он выступил в декабре 1911 года на совещании у управляющего Архангельской губернией Н. Ю. Шильдер-Шульднера (заменившего Сосновского в связи с переводом последнего в Одессу) с предложениями по детальному обследованию губы Саханихи на основе имеющихся данных и собственных теоретических соображений. Мог ли он думать, что его время на Новой Земле уже истекло... События вскоре развернулись таким образом, что пришлось даже отодвинуть личные дела, которые звали его в Париж, ибо новые горизонты открывались перед ним на его полярной службе России. Он сам выбрал свою судьбу в сухой казенной бумаге.

«Директору департамента общих дел МВД Е. Г Шинкевичу.

В ответ на предложение Вашего превосходительства от 9 февраля 1912 года за № 217 принять руководство организуемой Вашим ведомством экспедицией на Шпицберген, я спешу уведомить, что для личных переговоров по этому вопросу приеду в С. — Петербург в конце февраля с. г.» (1945, с. 289)

Начиналась последняя глава его биографии.

Глава 10. Грумант-батюшка

Грумант-батюшка, страшен,
Весь горами овышен...

Из поморского фольклора

О край земли, угрюмый и печальный!
Какие люди побывали тут..

Н Заболоцкий

Три нации претендуют на открытие Шпицбергена, который в старых русских письменных источниках называют Грумантом. Норвежцы с 20-х годов прошлого века официально именуют этот архипелаг Свальбардом. Однако единства среди историков по поводу первооткрытия архипелага нет. Англичанин Гвин Джонс высказался по указанной проблеме следующим образом: «Можно считать достоверным фактом ту точку зрения, по которой исландцы предпринимали экспедиции к различным участкам восточного берега Гренландии и Свальбард располагался вблизи Скоресбисунда». Эту точку зрения позднее подтвердил наш российский историк и археолог В. Ф. Старков, обнаруживший в зарубежных архивах старинные карты, на которых таинственный Свальбард располагался именно на восточном побережье Гренландии, как это утверждал еще Гумбольдт. Причины, по которым норвежцы, осуществляющие ныне суверенитет над Шпицбергом, именуют его Свальбардом, американец Раймонд Рамзай объяснил следующим образом: «В 1194 году во время одного из путешествий где-то к северу от Исландии была открыта земля, которую назвали Свальбард. Весьма вероятно, что это была какая-либо часть восточного берега Гренландии или же грозный скалистый остров, ныне называемый Ян-Майен. Но начиная с 1890-х годов, семь столетий спустя после ее открытия, правительство Норвегии официально настаивает на том, что Свальбард — это Шпицберген, и приводило этот довод в качестве основательной причины для предъявления прав на владение этим островом, ссылаясь на то, что первыми его открыли скандинавы. Такое

отождествление, мягко говоря, весьма сомнительно» (Рамсей, 1977, с. 173).

Действительно, в исландских хрониках за 1194 год предельно кратко отмечено: «Открыли Свальбард» — и все... Более информативен отрывок из «*Monumenta Historica Norvegiae*», в котором особо подчеркивается, что от этой открытой суши «Гренландия отделена покрытыми льдом шхерами». Но в те времена за Гренландию принимали лишь западное побережье крупнейшего острова планеты, и тогда в контексте приведенного отрывка все становится на свое место: очевидно, древние скандинавы видели восточное побережье Гренландии, отделенное от известной им Гренландии ледниковым щитом с многочисленными скалами-нунатаками, которые в их представлении ассоциировались с хорошо известными шхерами. Окончательно в проблеме Свальбарда ставит точку указание древних хроник на продолжительность плавания от берегов Исландии к интересующему нас архипелагу: «От Ланганеса четыре дня морского хода до Свальбарда». Определенно, к Шпицбергену это не относится...

Следующий по времени документ в связи с возможным открытием Шпицбергена также является скандинавским, но в нем уже присутствуют наши земляки. В те времена, когда Норвегия находилась под властью Дании, ее король Фредерик II в 1576 году приказал своему представителю в Варде некоему Людвигу Мунку срочно связаться с русским кормщиком Павлом Нишецем (видимо, искаженное Никитичем) из Колы, который ежегодно плавает в Гренландию (!), о чем он сам сообщил некоторым жителям Трондхейма, предлагая им свои услуги. Крайне интересный документ, объясняющий очень многое в нашей северной истории. Если информация Фредерика II верна (а особых сомнений в этом не возникает), то выходит, что наши поморы, узнав, видимо, от скандинавских моряков о существовании богатой морским зверем Гренландии, однажды решили познакомиться с ней поближе, но на пути к ней буквально уперлись в неизвестный архипелаг, который и приняли за Гренландию, переделав впоследствии этот топоним на свой лад — Грумант. О том, что русские побывали здесь уже в XVI веке, свидетельствуют археологические находки, частично датированные. Так, автором в конце полевого сезона 1967 года при разведке развалин русской избы в бухте Ван-Мюйден было обнаружено деревянное корытце с вырезанным текстом (рис.), включая дату, расшифрованную специалистами как 1593 год, то есть на четыре года раньше появления голландцев у берегов Шпицбергена, которые по сути открыли архипелаг для Европы.

Как уже отмечено выше, появление голландцев в арктических водах связано с поисками путей в Китай и Индию в обход испанских и

португальских баз на традиционных южных путях вокруг Африки и через Индийский океан. Именно голландцы и дали архипелагу современное название, означающее в переводе на русский «острые горы». Произошло это так. Во время своего третьего плавания летом 1596 года, в котором Виллем Баренц участвовал в качестве штурмана на корабле Якоба Гемскерка (вторым судном командовал Ян Корнелиус Рийп), была предпринята попытка пройти к цели от берегов Скандинавии напрямую, хотя уже 5 июня на 73 градусе был встречен первый дрейфующий лед. 9 июня моряки увидели относительно невысокий, но заснеженный остров и, поскольку здесь был убит белый медведь, назвали его Медвежьим. (Русские, оказавшиеся в курсе этих событий, называли его просто Медведь.)

Оба судна затем продолжили плавание на север, пока не уперлись в полосу льда, которая обычно в это время года блокирует юг Шпицбергена. Обогнув лед с запада, 19 июня голландцы увидели гористую землю в широте 79 градусов 50 минут и продолжили свое дальнейшее плавание, видимо, вплоть до современного залива Лифде-фьорд.

«Земля эта была большей частью разорванная, очень высокая и состояла сплошь из гор и остроконечных вершин, почему мы и назвали ее Шпицбергеном», — констатировал Геррит де Фер, оставивший описание этого плавания. Он же отметил основные отличия открытого архипелага от другого известного голландцам полярного архипелага: «Достоин замечания также и то, что, хотя эта страна, которую мы считаем Гренландией, расположена под 80 градусом широты и еще севернее, она изобилует зеленью и травой и вскармливает травоядных животных, каковы олени и другие там живущие. Между тем на Новой Земле, которая лежит на 76 градусе, нельзя найти ни зелени, ни травы, равно как и травоядных животных... хотя Новая Земля на 4 градуса дальше от полюса, чем Гренландия» (1936, с. 130). Не подозревая о существовании Гольфстрима, де Фер вполне оценил разницу в его влиянии на природу обоих архипелагов. Вскоре стало ясно, что корабли слишком отделились от поставленной цели, и в дальнейшем они разделились, причем судно Баренца, как описано выше, направилось к Новой Земле, где голландские моряки и зазимовали, о чем читателю уже известно. Что касается Шпицбергена, то уже в ближайшем будущем омывающие его моря стали ареной интенсивного китобойного промысла, в котором приняли участие моряки многих европейских стран.

Начало промыслового освоения архипелага было положено англичанами, причем начиная с 1603 года по 1608 год они промышленяли у

острова Медвежий и лишь на следующий год судно Московской компании появилось у западных берегов Шпицбергена. В 1610 году «Френдшип» под командой Джонаса Пула бросил якорь в водах Хорнсунна, позднее добравшись почти до 80 градуса, причем Пул не только охотился на берегу на оленей, но и обнаружил на берегах Бельсунна каменный уголь, издавна столь привычный для англичан. Начиная с 1611 года китовый промысел начал интенсивно развиваться в водах архипелага, причем в качестве инструкторов англичане пользовались услугами басков, овладевших ранее этим искусством у себя на родине в Бискайском заливе. В тот год одно судно Московской компании «Мэри-Маргарет» (капитан Бэннет) погибло, выжатое льдом на берег Форландсуннета, а его экипаж в пяти шлюпках отправился на юг, где был подобран другим промысловым судном «Хоупвелл» (капитан Мармедьюк) из Халла, причем спасенные расплатились своей добычей, оставшейся на берегах Форландсуннета.

Несмотря на эту неудачу, на будущий год Московская компания посылала все больше промысловых судов в воды Шпицбергена, поскольку лишь в указанный год прибыль компании составила 90 % общих затрат, когда было добыто 17 китов, давших 180 тонн ворвани, причем компания обратила внимание на появление конкурентов и в 1613 году получила от короля Якова особые права на ведение промысла, включая использование силы для удаления конкурентов, в связи с чем в водах Шпицбергена появилась военная флотилия под флагом адмирала Джозефа, которому тут же нашлась работа: четыре британских судна, не имевших разрешения от Московской компании, были отправлены в отечественные воды, одно голландское судно было отконвоировано в Лондон, остальные изгнаны со своей базы в Хорнсунне, а судам из Страны Басков было разрешено продолжить промысел за плату в восемь китов. Занявшись удалением конкурентов, Московская компания в тот год понесла значительные убытки. Возможно, чтобы как-то компенсировать эти потери, летом 1614 года один из капитанов компании Роберт Фотерби на берегах Магдалены-фьорда поднял королевский флаг и, установив эмблемы своей компании, объявил окружающую местность владением короля Якова. В тот год китобойным промыслом здесь занимались 13 английских и 11 голландских кораблей.

В 1615 году у берегов Шпицбергена появились еще 11 датских промысловых судов в сопровождении трех военных — конкуренты англичан сделали свои выводы, и гордые бритты возвращались в свои порты наполовину пустые. Зато на будущий год Московская компания, отправив к Шпицбергену восемь кораблей, добыла 1300 тонн ворвани,

бросив избыточную добычу на берегах архипелага. Соответственно, оказались в проигрыше голландцы.

В 1617 году англичане с 14 промысловыми судами и несколькими военными продемонстрировали право сильного по полной программе. Капитан Уильям Хили на корабле «Драгон» забрал в Хорнсунне в качестве трофея с голландского судна 200 тонн ворвани и три туши китов, (одну наполовину разделанную), выгнал несчастных голландцев в открытое море, милостиво разрешив им взять балласт в виде камней. Примерно так же он поступил и с датскими кораблями. Зато англичане добыли 150 китов, вытопив из них 1800 тонн ворвани.

На будущий год ситуация, однако, поменялась решительным образом. Три голландских военных корабля с 40 орудиями подстерегли Хили, ставшего за свои деяния уже вице-адмиралом, в Форландсуннете. Несмотря на очевидный перевес в силах, Хили поначалу держал себя как хозяин, подняв сигнал прислать парламентаров для переговоров на свой корабль. Голландцы ответили, что у них есть другие дела, и высадили десант у английских салотопен на берегу, явно намереваясь забрать котлы для выварки жира. Хили стал на защиту компанейского добра с кортиком в руках, причем от кровопролития его удержал лишь один из собственных капитанов. Тем временем к голландцам прибыло подкрепление и, пользуясь перевесом, они стали мешать англичанам в охоте на китов, которая проходила достаточно успешно. Однако присутствие голландцев раздражало Хили, и он потребовал у них разрешения на ведение промысла за подписью принца Оранского, в чем ему было отказано. Спустя некоторое время после состоявшегося военного совета голландцы потребовали в свою очередь капитуляции англичан, дав им на размышление всего полчаса — однако разбушевавшаяся непогода отсрочила кровопролитие на двое суток, но не более. Овладев после abordаж кораблем Хили, победители, как отмечено в английских источниках, «грабили все попадавшееся под руки, выпили все наше пиво и унесли продовольствие, стреляли в наших людей на берегу и делали все, что хотели». Хили не оставалось ничего другого, как посоветовать голландскому адмиралу поить своих матросов собственным пивом. Победители, отметив успех грандиозной попойкой в кают-компании захваченного корабля, затем удалились с добычей, милостиво разрешив побежденным продолжить охоту на китов. Аналогичным образом развивались события в Бельсунне, где, однако, дело до рукопашной не дошло. В тот сезон убытки Московской компании достигли 66 тысяч фунтов стерлингов. Все описанное лишь иллюстрирует размах деятельности китобоев на Шпицбергене в те времена, а также нравы

эпохи. Тем не менее одновременно с этими событиями расширилось познание архипелага, хотя, как полагает видный полярный историк XIX столетия Фридрих Гельвальд, «вся история открытия группы Шпицбергена, которая всецело почерпнута из скудных отчетов с пропусками различных китобоев, вообще очень темна и составляет, может быть, самую необработанную часть всех путешествий к Северному полюсу» (1884, с. 364). Разумеется, немало забот мореходам всех наций в водах Шпицбергена доставляли не только конкуренты, но и особенности местной природы. Порой, казалось бы, так удобно пришвартоваться к невысокому фронтальному обрыву ледника, чтобы, например, пополнить запасы пресной воды, но здесь-то и начиналась полярная специфика, отраженная в судовом журнале такими строками: «Всплеск волны, причиненный падением ледниковой глыбы в море, поломал 23 июня 1619 года мачты на корабле, снес с борта пушку, убил трех и поранил несколько человек» (Норденшельд, 1881, с. 174). Бывалый шкипер при этом мог бы заметить: Дешево отделались...

Тем не менее благодаря прагматикам-китобоям представление об особенностях архипелага, в первую очередь о его прибрежной полосе и многочисленных островах, быстро прогрессировало. Английский моряк Эдж в 1616–1617 годах прошел на восток архипелага, обнаружив там современные острова Эджа и Баренца и водное пространство Стур-фьорда, помимо какой-то суши к востоку от архипелага — возможно, это были современная Земля Короля Карла или острова Рик-Ис. Кроме того, стал известен и пролив Хинлопен, отделяющий от главного острова архипелага Северо-Восточную Землю. По результатам этих плаваний Парчес составил одну из первых карт, на которой архипелаг был показан впервые целиком, хотя и с рядом пропусков. «На этой карте, — по отзыву Клементя Маркхама, президента Лондонского географического общества в конце XIX века, — обозначены и названы все подробности как западного, так и восточного побережья Шпицбергена со всеми его фиордами и островами, равно как и части пролива, проходящего между главным островом и Северо-Восточную Землю» (Гельвальд, 1884, с. 366).

К этому же времени относятся и первые зимовки западноевропейских моряков на архипелаге. Так, восемь английских моряков в 1630–1631 годах на берегах Грен-фьорда перезимовали настолько благополучно, что без потерь дождались спасительного судна. Столь же удачной оказалась и первая зимовка голландцев в Нур-фьорде в 1634–1635 годах, тогда как весь состав присланной им замены на следующий год вымер от цинги. Что больше всего сбивало с толку пришельцев — люди оставались в живых

или, наоборот, целиком вымирали, казалось бы, в одних и тех же условиях... Поморы, также не подозревая о существовании таинственных витаминов, открытых уже в XX столетии, забирали на зимовки моченую морошку и при первой же возможности уже на месте пользовались ложечной травой.

В XVI веке европейский китобойный промысел продолжал расширяться за счет северо-германских городов Гамбурга и Бремена. Одновременно голландцы стали постепенно занимать места традиционных промыслов англичан, покидавших воды Шпицбергена. В 1707 году голландский моряк Гиллес увидел таинственную землю на северо-востоке архипелага, безрезультатные поиски которой продолжались позднее на протяжении более чем двух веков. С китобойным промыслом было связано существование голландской береговой промысловой базы в Смеренбург-фьорде, действовавшей только в летнее время. Ее основание относится к 1622 году, когда она и получила весьма характерное название — Смеренбург или Ворванный город, красочное описание которого оставил Фритъоф Нансен, посетив его жалкие развалины в 1912 году: «...сотни кораблей стояли здесь на якоре в фьорде, всюду кипела жизнь и наживались состояния... На этом месте более 250 лет назад стоял целый город с лавками и улицами. Не менее 10 000 человек толкались тут среди шума торговых складов, на салотопнях, в игорных притонах, в кузницах и мастерских, в трактирах, где пели и плясали. У этого плоского берега кишели лодки с возвращавшимися со своего рискованного промысла моряками-китоловами, а также пестро разряженными женщинами, приехавшими ловить мужчин» (1938, с. 370).

Другие литературные источники указывают, что летом это место посещало до 300 кораблей с численностью экипажей примерно в 15–18 тысяч личного состава, что, видимо, все же является преувеличением, как это следует из современных археологических изысканий. Тем не менее грандиозное кладбище примерно из тысячи могильных холмиков, сохранившееся до настоящего времени за проливом на восточном берегу, дает представление о населенности этой части Шпицбергена три столетия назад. На соседнем острове располагалась база датских моряков, по национальности которых остров и получил свое название. С активной деятельностью китобоев самых разных стран связана топонимика северо-запада Шпицбергена. Помимо Датского острова, поблизости располагаются и ныне Гамбургер-бухта, Английская бухта, остров Амстердам, мыс Бискаер-хукен и прочие топонимы-памятники эпохи китобойного промысла. Впрочем, и русские имена также представлены на современной

карте Шпицбергена самым достойным образом, напоминая о незабытых деяниях наших предков.

Практически на протяжении всего XVII века в литературе не отмечено прямых контактов русских и западноевропейских промысловиков, видимо, прежде всего из-за различий в своей деятельности. Истребителей китов не интересовали охотники на песца или оленя, хотя их интересы могли совпадать при добыче тюленя или моржа, однако они расходились по срокам промысла — русские добывали моржа и тюленя на льдах в те месяцы, когда голландские или английские корабли только готовились оставить родные берега. Кроме того, зимовья русских располагались, как правило, на самых недоступных с моря участках побережья, например на Берегу Норденшельда или на северном побережье в устье Хорнсунна, где частокол прибрежных скал отбивал желание приблизиться к берегу даже у самого отважного морехода. Тем не менее какие-то контакты между ними все же были, причем порой сопровождавшиеся кровопролитием. Так, участники польской экспедиции в Хорнсунне рассказывали автору этих строк о русских скелетах вблизи русских развалин со следами пулевых ранений на костях — учитывая нравы того времени и контингент участников, удивляться подобному не приходится. Что касается степени освоенности побережья нашими предками, то на Земле Норденшельда русские развалины разного возраста встречаются на расстоянии друг от друга всего в несколько километров, резко отличаясь от западноевропейских построек как строительным материалом (обычное круглое бревно, как и на материке), так и наличием кирпича для кладки печей, причем общая численность таких уже известных исторических памятников былого русского освоения архипелага близка к сотне.

Описание жизни наших предков на далеком полярном архипелаге сохранил поморский фольклор, повествующий о событиях такой промысловой зимовки, начиная с плавания к далеким берегам архипелага:

Как дошли до Норд-Капа,
Побежали в голомя.
«Медведь» из моря встает,
Ему помор поклон ведет.
Тороса видать больши,
На торосах лежат моржи.
Заеца на льдину лезут,
Нерьпы на лодью глядят.
День да ночь бежали шибко,

Долго Груманта не видно.
Опечалились немного.
Говорит нам корщик строго:
Вы, ребята, не робей,
Полезай на марса-рей!
Да смотрите хорошенько!
Мне-то помнится маленько,
Этга будет становье,
Старопрежне зимовье.
Правду кормщик говорит,
Марсовой опять кричит:
Магдалина против нас,
На губу зайдем сейчас!

Расшифруем для читателя специфические термины и понятия того далекого времени. Голомя у поморов — открытое море, «Медведь» — остров Медвежий, мимо которого проходят пути судов, направляющихся к Шпицбергену и в наше время, «заеца» — морские зайцы или лахтаки, разновидность крупного тюленя, «Магдалина» — Магдалена-фьорд современных карт и т. д. Зимовка начинается с того, что

Мы покинули заботу,
Ухватились за работу —
Станову избу поправить,
Полки, печки приналадить,
И сторонние избушки,
Мастерили как игрушки.

«Станова изба» — это зимовочная база промысловой артели, а «сторонние избушки» — охотничьи домики, используемые временно одиночными охотниками при обходе своих промысловых угодий с многочисленными «кулемами» — ловушками на песца, «ошкуй» — белый медведь.

Там кулемки становили,
Песцей горных наловили,
А оленей диких славно

Настреляли мы исправно.
Белый ошкуй-господин
Часто в гости приходил...

Но кончается полярная ночь, а с ней наступают новые промысловые заботы:

Тут весна. Нептун трубит,
Собираться нам велит:
Открывайте паруса,
Направляйтесь на моржа!..
Промышляли мы дородно
И отчалили привольно.
Нагрузили мы лодью
И пошли на Матеру!

Материальные заботы, включая заработок, в этом описании главенствуют, но не только, что подтверждается, например, описанием полярной ночи на Груманте:

Не морозы там страшат.
Страшит темна ночка.
Там с Михайлы, с ноября
Долга ночь настанет,
И до Сретения дня
Зоря не проглянет.
Там о полдень и о полночь
Светит сила звездна.
Спит в молчанье гробовом
Океанска бездна.

На что можно употребить это самое сложное время, не подходящее для промысла? А вот на что:

И еще в пустыне той
Была мне отрада,

Что с собой припасены
Чернила и бумага...
Я в пустой избе один,
А скуки не знаю.
Я, хотя простолюдин,
Книгу составляю...
Краше будет спланировать
Здесь мест фигуру,
Достоверно описать
Груманта натуру.

Так что, как и в наше время, в условиях зимовки находилось применение и интеллекту, который, как известно, не зависит от социального происхождения. Кстати, фольклор — несомненный показатель духовного поиска. Высокая грамотность среди поморов подтверждается современными археологическими раскопками.

На этом, казалось бы, благоприятном фоне выделяются особые случаи, без которых не обходится история освоения высоких широт. Так, испытания, выпадавшие порой на долю наших предков на Шпицбергене послужили основой книги академика Петра Людовика Ле Руа, увидевшей свет в 1772 году под характерным заголовком «Приключения четырех российских матрозов к острову Ост-Шпицбергену бурей принесенных, где они шесть лет и четыре месяца прожили», представляющей описание робинзонады мезенских поморов в самых экстремальных полярных условиях, испытание которыми они выдержали с минимальными потерями. Канва событий такова.

Судно с экипажем из четырнадцати человек было унесено весной 1743 года поднявшимся штормом, оставив на острове Эдж (это современное название острова, который на картах XVIII века показан как Ост-Шпицберген, в то время как поморы называли его Малый Брун в отличие от Большого Бруна — главного острова архипелага, известного ныне как Западный Шпицберген), выражаясь современным языком, рекогносцировочную партию из четырех человек во главе со штурманом Алексеем Химковым (по некоторым сведениям — Инковым), причем все их снаряжение составляло только ружье, «рожок с порохом на двенадцать зарядов и на столько же пуль, топор, маленький котел, двадцать фунтов муки в мешке, огнянку и несколько труту, ножик, пузырь с курительным табаком и каждый по деревянной трубке. С сим малым оружием прибыли

они на остров» (Ле Руа, 1955, с. 9), где вскоре нашли промысловую избу, приютившую их на годы вынужденного пребывания на необитаемом острове, поскольку вернувшись к берегу, они не обнаружили судна, исчезнувшего бесследно, — люди в полном смысле оказались предоставлены сами себе, но выдержали, хотя и ценой жестоких испытаний, причем жертвой цинги стал лишь один из зимовщиков — Федор Веригин, по-видимому, наименее приспособленный или просто слабый. Имевшихся у них зарядов хватило на двенадцать оленей, «которые, по счастью, находились в великом числе на сем острове». На топливо пошел выброшенный морем плавник, недостатка в котором они не испытывали. Израсходовав заряды, они сделали луки и рогатины для охоты, ибо, как особо отметил Ле Руа, «нужда побуждает обыкновенно к трудолюбию», которого у них было достаточно. «С оными рогатинами, — продолжает академик, — приняли они намерение учинить нападение на одного белого медведя, которого и убили, но с великою опасностью. Низложив сего лютейшего зверя, употребили мясо его в пищу», и не только — жилы пошли на тетиву для луков. Всего же за время своего вынужденного пребывания в этой части Шпицбергена помимо десятка медведей они «упромыслили» «сими стрелами 250 оленей, не считая великого множества черных и белых лисиц» (1955, с. 14), то есть голубых и обычных песцов.

Ле Руа также описал методы борьбы с цингой, использованные Химковым и его людьми: «1) есть сырое и мерзлое мясо, разрезавши его на мелкие кусочки; 2) пить совсем теплую оленью кровь, как скоро его убьешь; 3) делать сколько можно движения телу; 4) есть сырой ложечной травы (*Cochlearia*) по столько, сколько можно будет». Последний способ, как помнит внимательный читатель, новоземельские поморы демонстрировали еще спутникам Баренца при их возвращении после зимовки в Ледяной Гавани. Благодаря этим мерам трое зимовщиков находились в отменной физической форме, «понеже они действительно гонялись часто за сайгачами (так Ле Руа называет оленей. — В. К.) и лисицами (песцами. — В. К.), то привыкли к скорому беганию, особливо Иван Химков, младший из них, приобрел такую легкость, что он выпереживал самую быструю лошадь» по возвращении на Большую Землю. Судьба четвертого — Федора Веригина оказалась иной, поскольку он отказывался пить оленью кровь, предпочитал оставаться в избе, избегая физической деятельности. «В последние годы своей жизни лежал он беспрестанно в постели, у него не доставало больше сил, чтобы встать прямо, и ниже он мог привести рук ко рту. Сие принудило спутников

кормить его до самой смерти, подобно как новорожденного младенца».

Несмотря на явления полярного дня и полярной ночи, за все время пребывания в отрыве от цивилизации они допустили ошибку в определении времени за шесть лет лишь в двое суток, что вызвало искреннее удивление академика, на что Химков реагировал с профессиональной гордостью: «Какой же был бы я штурман, если бы не умел снять высоты солнца, ежели оно светило видно? и ежели бы не знал поступать по течению звезд, когда солнца не видно будет, и сим способом не мог бы определить суток» (1955, с. 26). Книга показывает, что академик явно недооценивал штурманскую подготовку поморских мореходов. Очевидно, определение широты также не было проблемой для Химкова-старшего, хотя координаты вынужденной зимовки в книге Ле Руа не приводятся, отметим вместе с тем, что Химков указал положение зимовки на карте. Нам остается лишь восстановить место по характерным местным признакам, из которых три имеют важное значение. Во-первых, остров был большим, чтобы на нем можно было добыть за шесть лет 250 оленей, причем примитивным оружием — скорее всего, это современный остров Эдж. Во-вторых, необычно большое расстояние от берега — четверть немецкой мили (почти два километра), что странно само по себе — скорее всего, это было связано с очень низким побережьем и вероятным подтоплением избы, что и потребовало ее постройки в глубине суши в условиях, например, формирования побережья перемытыми ледниковыми отложениями (флювиогляциал), — картина, которая наблюдается на Шпицбергене нередко. В-третьих, описанный выше просчет в определении времени мог возникнуть в условиях закрытия горизонта окрестными горами и возвышенностями, на что обратил внимание автор примечаний к изданию 1955 года член-корреспондент Академии наук и выдающийся полярный исследователь В. Ю. Визе, утверждавший, что в районе зимовки «южный горизонт был более открыт, чем северный» (1955, с. 37). Указанным природным особенностям удовлетворяет кут Тьюв-фьорда на юге острова Эдж, особенно его северо-восточный участок.

Испытания отважных поморов завершились 15 августа 1749 года, когда к ним подошло судно олончанина Амоса Кондратьевича Корнилова, который и доставил уцелевших на родину. По утверждению известного российского морского историка первой половины XIX века Василия Берха описанные выше события имели самое прямое отношение к дальнейшим российским исследованиям в районе Шпицбергена. «Нечаянно попалась великой государыне сей (Екатерине II. — В. К.) книжечка под заглавием “Похождения четырех матрозов на острове Шпицбергене”. Бедственное их

пребывание на земле сей тронуло чувствительное сердце монархини. Желая доставить новые способы и удобства для тех отважных промышленников Архангелогородской губернии, кои по недостатку других средств для пропитания должны снискивать оные между льдинами и снежными горами Шпицбергена, начертала она собственною рукою план новой экспедиции» (1821, с. 150–151). В этом контексте речь идет о двух плаваниях капитана 1-го ранга Василия Яковлевича Чичагова (впоследствии прославившегося в сражениях со шведами) в 1765–1766 годах. В подготовке экспедиции важнейшую роль сыграл Ломоносов, который в свою очередь широко использовал сведения о природе Шпицбергена, полученные от поморов-груманланов, в частности от Корнилова.

О себе этот помор в Морской российских флотов комиссии в начале 1764 года рассказал, что «имеет он ныне на Грунланде, у Шпицбергена и в Новой Земле морские, моржовые и прочие звериные промыслы. А перед сим за 23 года ходил он от города Архангельского и из Мезени кормщиком, за шкипера на прежних старинных и новоманерных судах...» (Перевалов, 1949, с. 243). На Шпицбергене он зимовал трижды, сделав туда до 10 морских рейсов. Таким образом, его опыт и знание арктической природы были не меньше, чем у поморов-новоземельцев, опрошенных позднее Крестининым. Ломоносов также называл его в числе своих друзей-поморов. Корнилов посещал острова Медвежий (где отметил, что там «рыбы-трески весьма много, а паче же на Русском конце») и Надежды, «который положение имеет весьма каменистое, доказывает на себе пять гор, гаваней никаких не имеется; и воды около его весьма быстрые; а промыслов на нем, кроме моржовых, никаких нет». Вполне определенно он связывал развитие ледовой обстановки с режимом ветров: «Когда долговременно дуют ветры норд, норд-ост и ост, то нагонят льду такое множество, что застигает море все и острова Пятигор, Медведь и Шпицберген». Последний остров он описывает как «частые высокие каменные, а между ними ледяные горы; и как на оных, так и где между ними небольшие ровные места — каменные и глинистые — есть; никакого лесу не растет; и трава простая, без цветков, вырастает не более вершка; которую олени питаются... Ловлены им были олени, песцы черные и белые, медведи белые ж, а черных медведей нет. Имеются и птицы-дикие гуси, чайки наподобие уток, гагарки...» и т. д. Особое внимание Корнилова к ледовым условиям понятно, тем более что он рисует ситуацию, в общем совпадающую с современными представлениями: «От 1720 года в разные лета случалось в пяти годах, что все промышленные суда во льдах у

Шпицбергена раздавило. И в каждом году судов от семи до осьми погибло, от которых и людей менее десятой части осталось. И из оных некоторые спасли свой живот выездом на малых ботах в Норвегию, а четыре человека жили 6 лет на Шпицбергене без хлеба и без одежды, довольствуясь одним оленьим мясом; а платье носили из оленьих кож. А в те 6 лет никто для промыслов на Шпицберген для опасности от льдов не ходил; и оные четыре человека вывезены к городу Архангельскому на судне его, Корнилова, в 1749 году; которое тогда было послано для разведывания промысла» (Перевалов, 1949, с. 247–249). Этот помор приводит и другую крайне ценную информацию об отношениях поморов и иностранных китобоев: «Двоекратно судно его, Корнилова, грабили и как промысел, так и промышленные инструменты, снасти и ружья отняли... Во первом грабеже, в 1734 году иностранные суда оказались галанской нации» (там же, с. 244). Вся приведенная информация показывает, что мы имеем дело с весьма компетентным полярным мореходом, обладающим несомненным знанием тех условий, в которых проходила его деятельность. Именно это и оценил Ломоносов, который, обгоняя свое время, занимался не описанием полярных местностей, а создавал характеристику природного процесса Арктики, в первую очередь для мореплавания, в частности для экспедиции Чичагова.

Целый ряд оценок природного процесса, по сведениям Ломоносова, полностью соответствует современному уровню знаний. Так, он указал на разницу в ледовых условиях у берегов Шпицбергена, причем со ссылкой на источник: «По оного же Корнилова скаскам западное море от реченного острова по большей части безледно бывает, восточное льдами наполнено» (Перевалов, 1949, с. 146), что для моряков имеет важнейшее значение. Также справедливо его мнение о том, что «полуденный ветер тянет, относит льды от северных берегов Шпицбергенских» (там же, с. 146), хотя здесь скорее проявляется влияние теплых морских течений и т. д. Разумеется, приведенными примерами изыскания корифея российской науки не ограничивались — достаточно напомнить его работу Ломоносова «Мысли о происхождении ледяных гор в северных морях», частично описанную выше (подробнее гл. 5), однако здесь мы ограничимся лишь тем, что напрямую связано с плаванием к Шпицбергену. Показательно, что Ломоносов настолько был в курсе особенностей арктической природы, что совершенно отчетливо видел разницу между Шпицбергеном и Новой Землей: «Тамошний климат оказывается теплее, оттепели зимой бывают чаще, нежели на Новой Земле, а западное Груманское море теплее, гавани от льдов освобождаются много ранее, западный берег почти всегда чист...

и ежели когда льды наносит, то не от запада, куда сперва путь предпринять должно, но больше от полудня, иногда ж от севера заворачивает, и оный лед по всем обстоятельствам видно, что от Сибирских берег» (Перевалов, 1949, с. 254). С позиций нашего времени это означает, что наш великий предшественник мыслил системно, связывая воедино ледовую обстановку, морские и воздушные течения на огромных пространствах Арктики, включая генеральный дрейф льдов, открытый Нансеном полтора века спустя.

По праву сама экспедиция Чичагова может считаться первым научным предприятием на архипелаге. Для обеспечения намеченного плавания было решено создать зимовочную базу на западном побережье архипелага, для чего летом 1764 года туда отправилась целая армада из шести кораблей под начальством лейтенанта Михаила Немтинова.

Русанов на вершине горы Вильчека с курсантом Непве.

Отряд доктора Кандотти по возвращении из Незнаемого залива.

Архангельский губернатор И. В. Сосновский.

Тыко (Илья Константинович) Вылка.

Русанов в поисках ископаемой фауны.

Пейзаж на востоке Маточкипл Шара. Картина Гыко Выпей.

Братья Вилки.

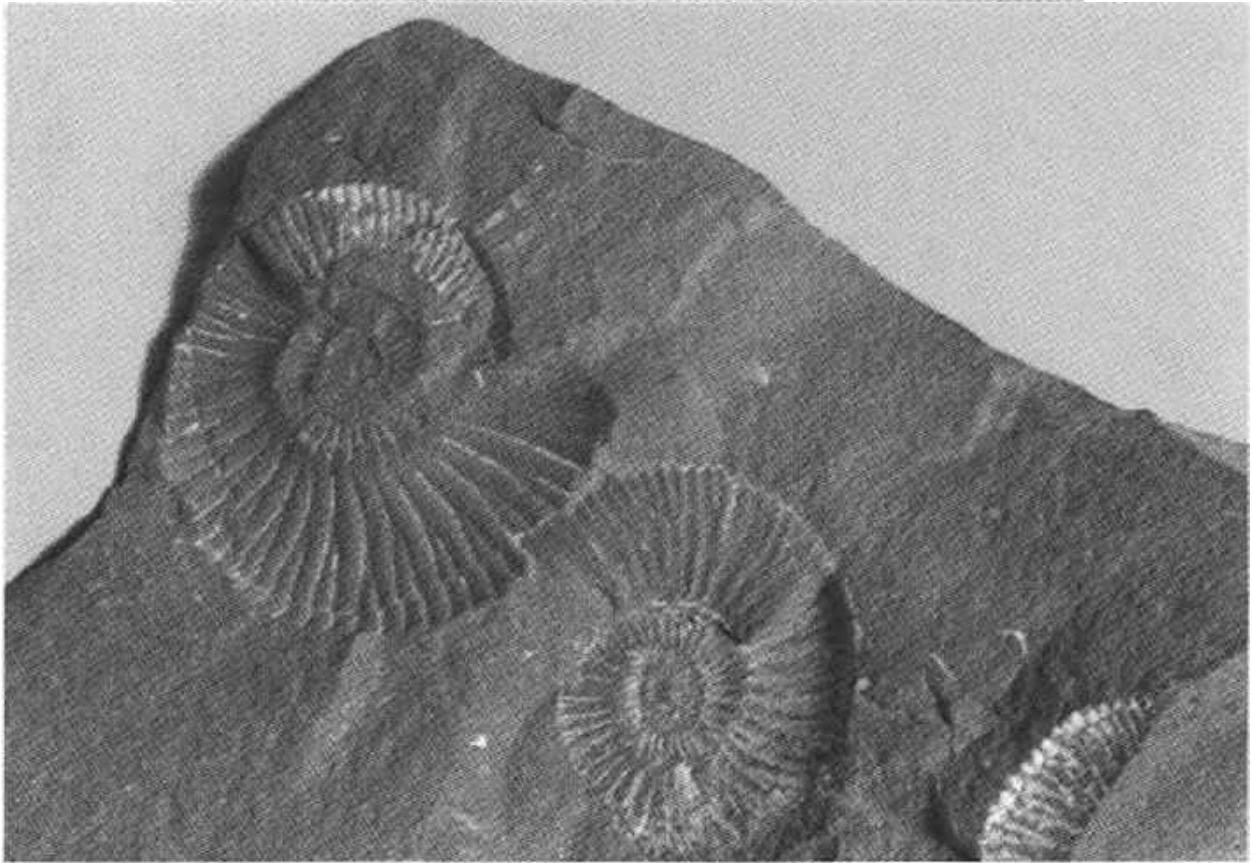
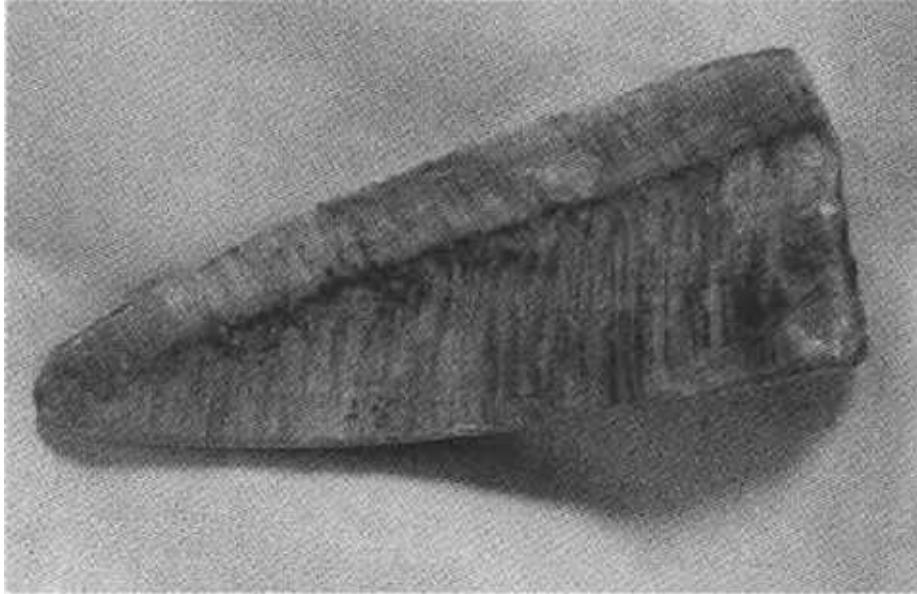

Русанов на ближнем маршруте.

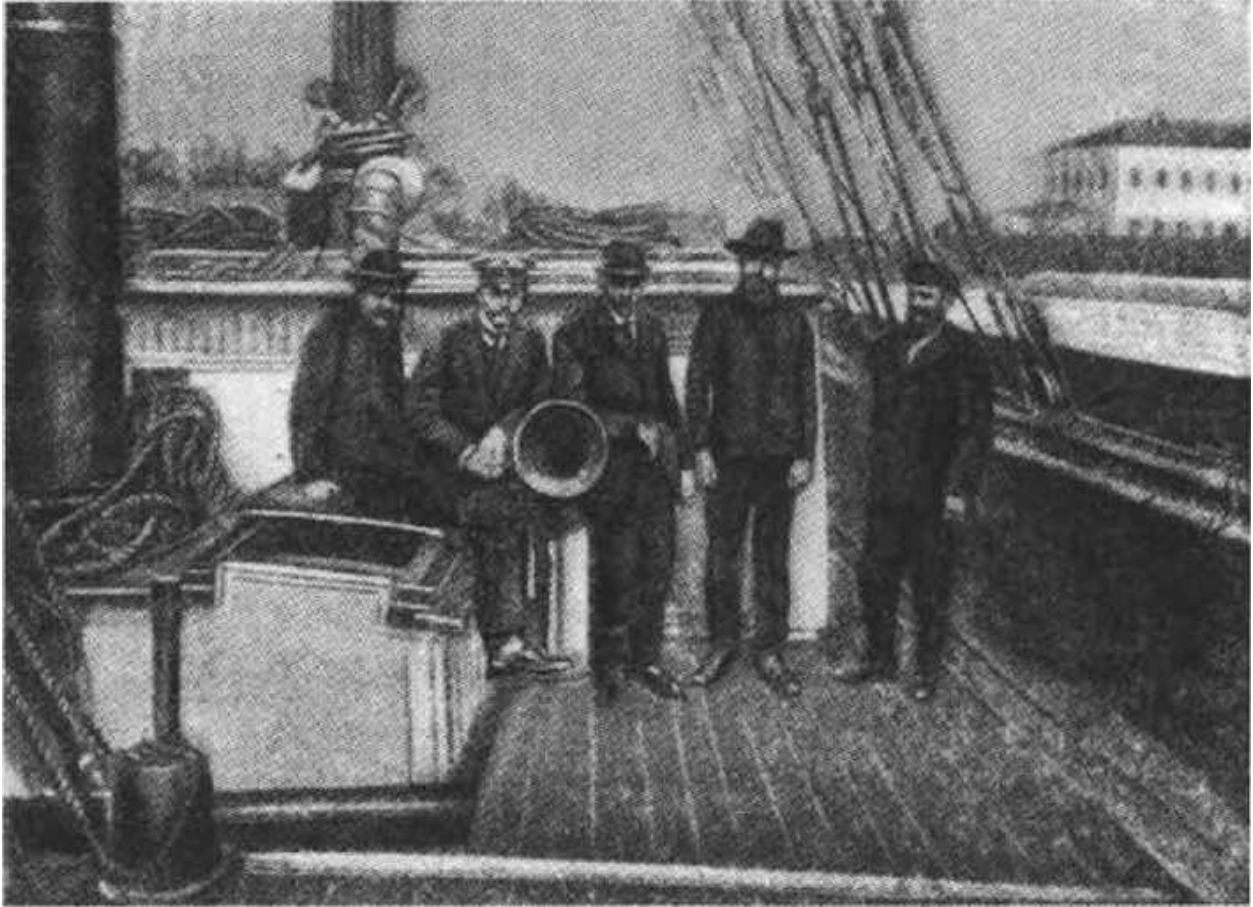

Русанов за разбором геологических коллекций.

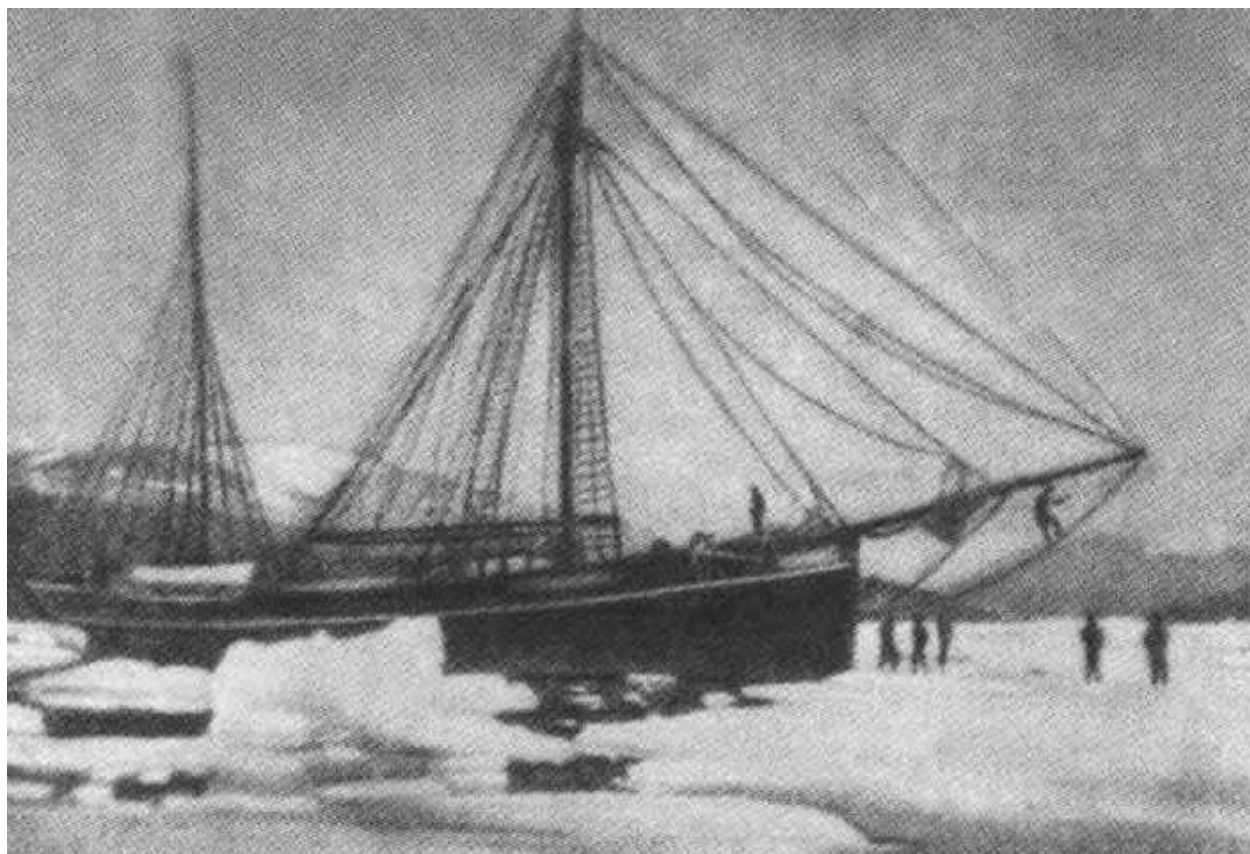

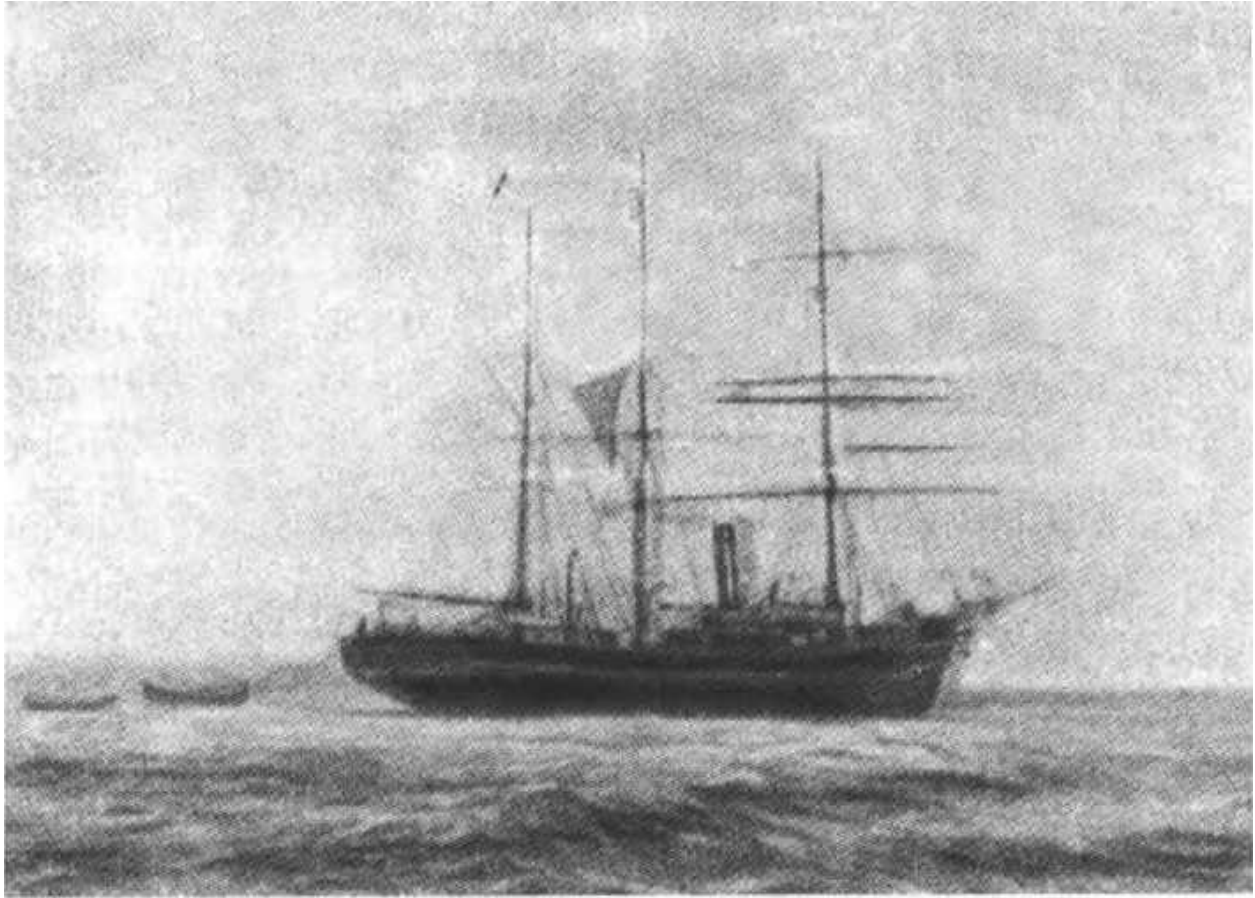
Ископаемая фауна Новой Земли. Из коллекции автора.

Научный состав и руководство экспедиции 1910 года (слева направо): С. С. Иванов, Г. И. Пospelов, В. Д. Русанов, С. С. Четыркин и М. М. Крутловский.

«Дмитрий Солунский» во льдах Карского моря

Встреча с — Нимродом». На буксире за кормой фансбот.

Брета Жан (Беспокойная). На заднем плане ледник Кривошейка.

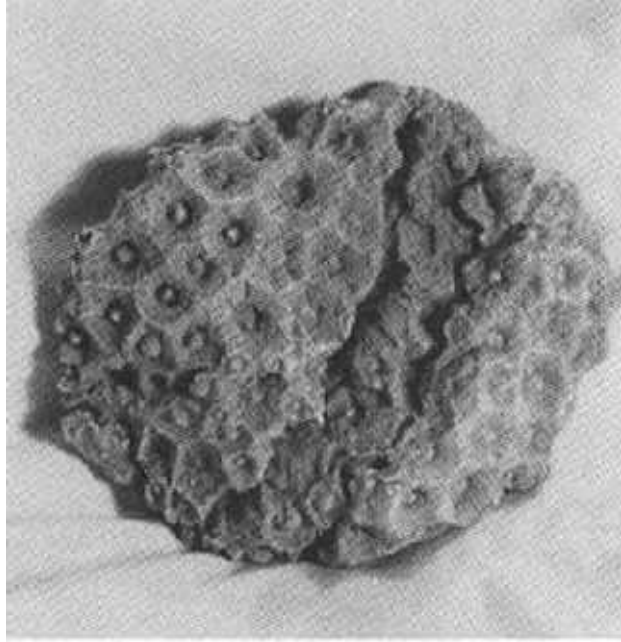

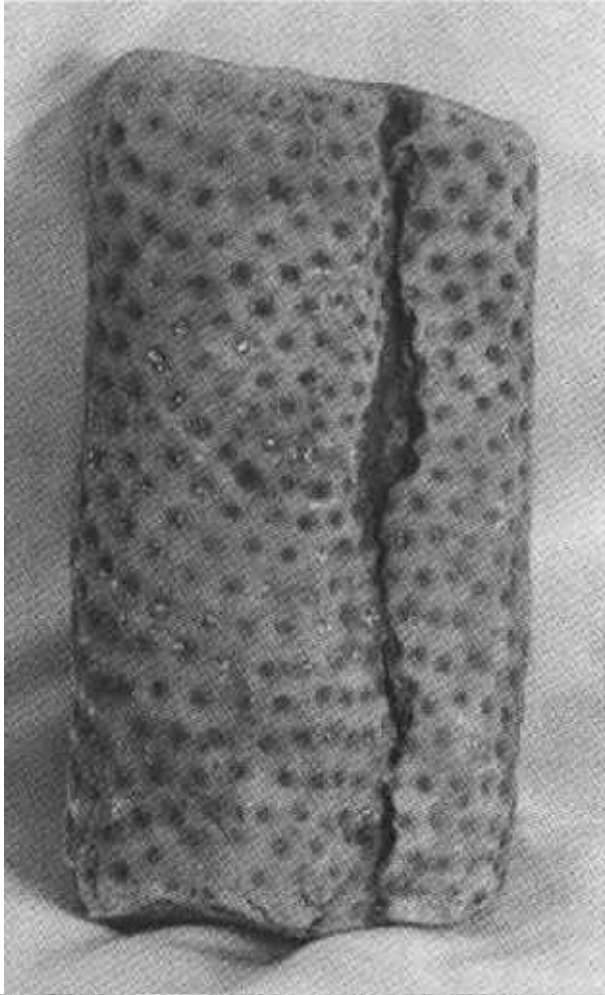
Заявочные знаки иностранных компании на перспективных участках разработки угля. Шпицберген. Из коллекции автора.

Охотничья добыча.

Ископаемая флора и фауна с острова Шпицберген. Из коллекции автора.

Поморские кресты в бухте Ван-Мюйден (Шпицберген),
Рисунок начала XX века.

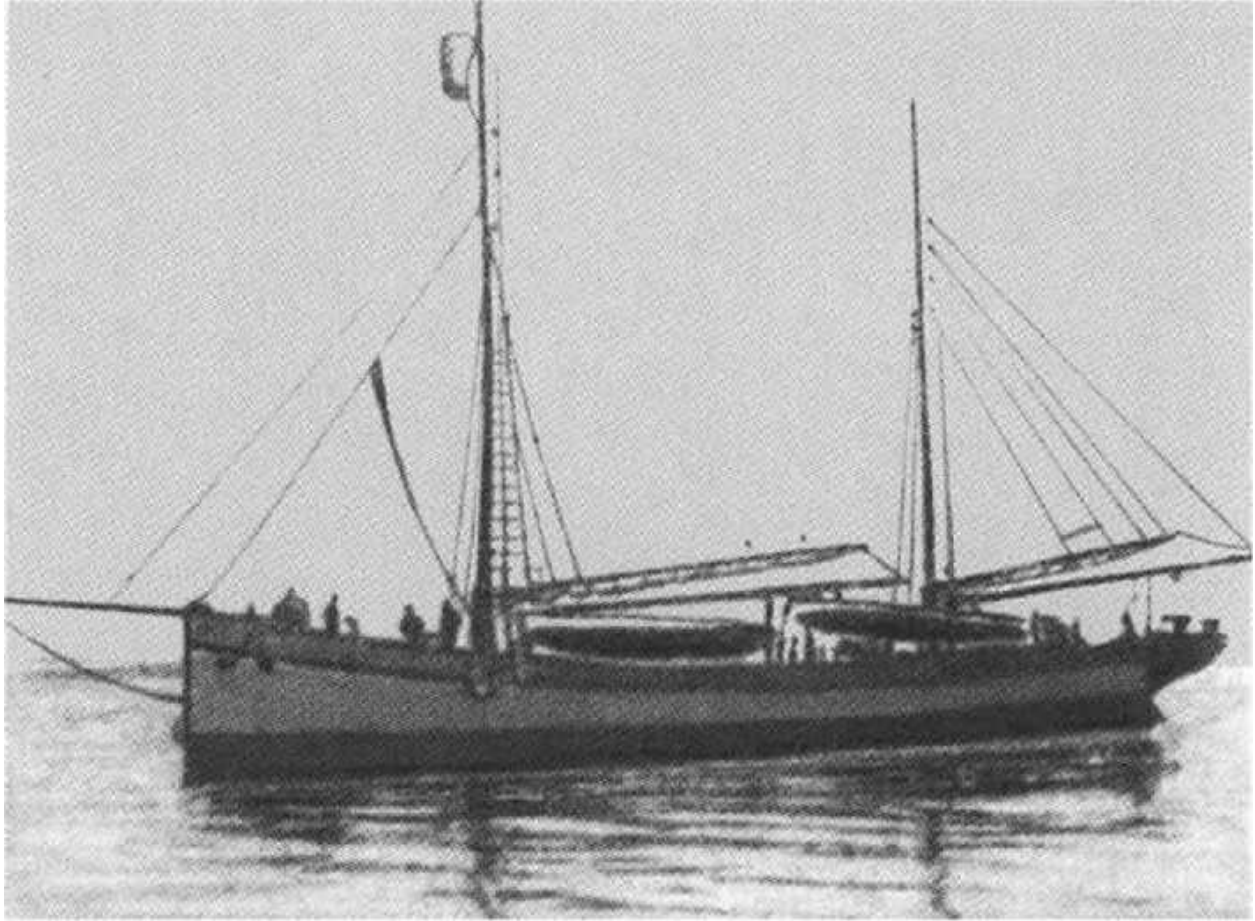
Фрагменты поморского изделия с латой «1593 год». Найдены автором у бухты Ван-Мюиден в 1966 году.

Капитан «Геркулеса» Александр Степанович Кучин.

Русанов и Жюльетта Жан на палубе "Геркулеса"

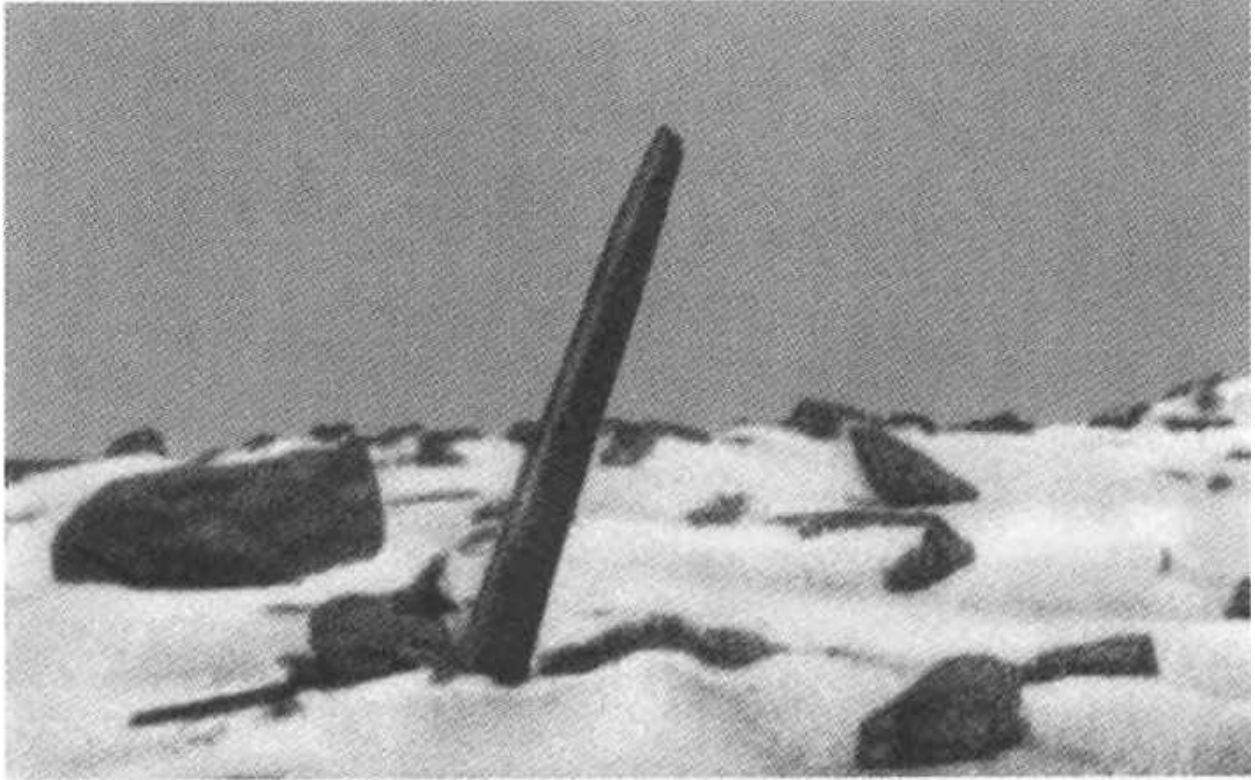
Судно экспедиции 1912 года "Геркулес".

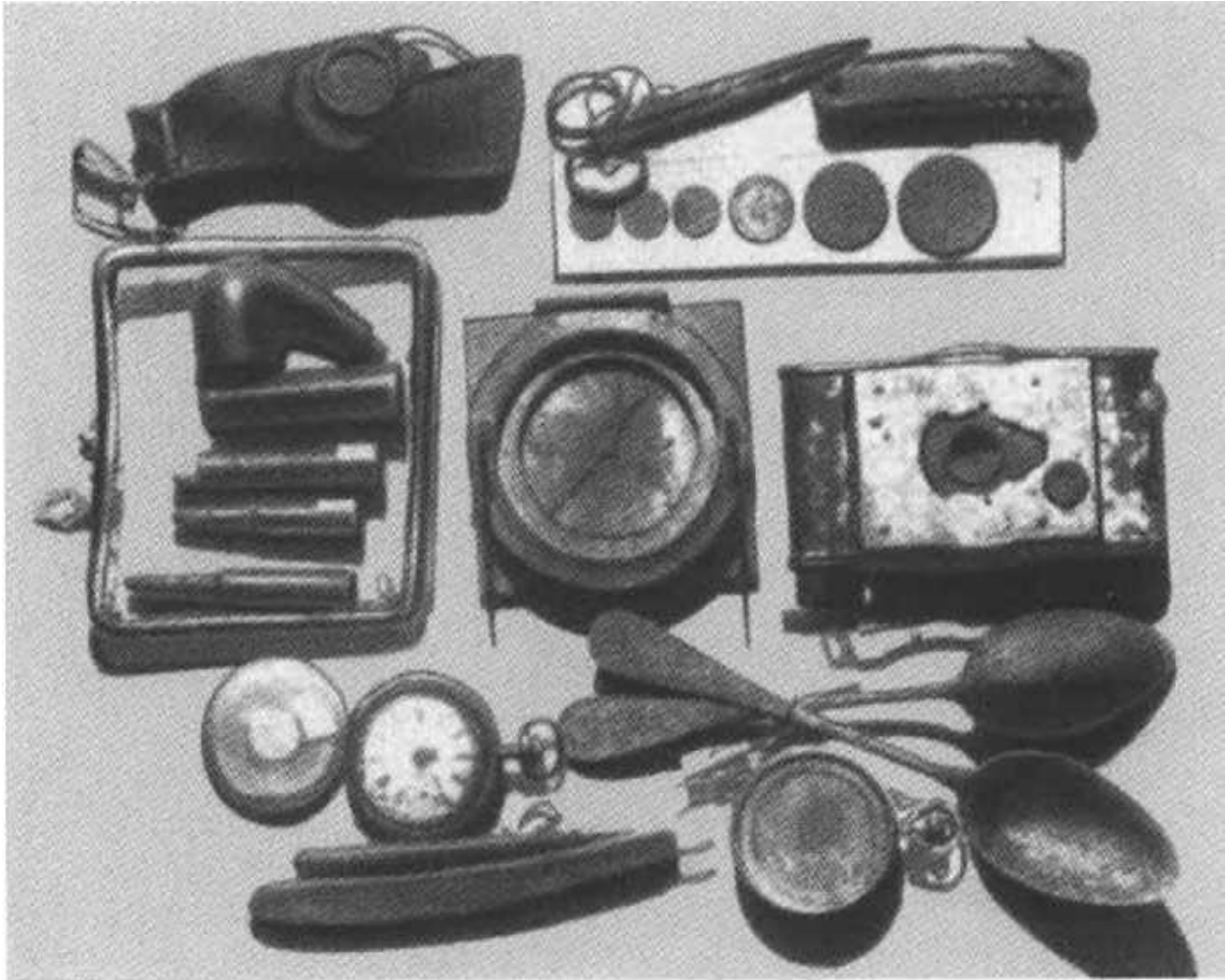
Дом, построенный Русановым на Шпицбергене.

Бухта Колсбэй (Шпицберген), где Русанов обнаружил богатое месторождение угля.

Последнее свидетельство — столб с надписью «Геркулес»...

...остатки снаряжения экспедиции.

Александр Васильевич Колчак.

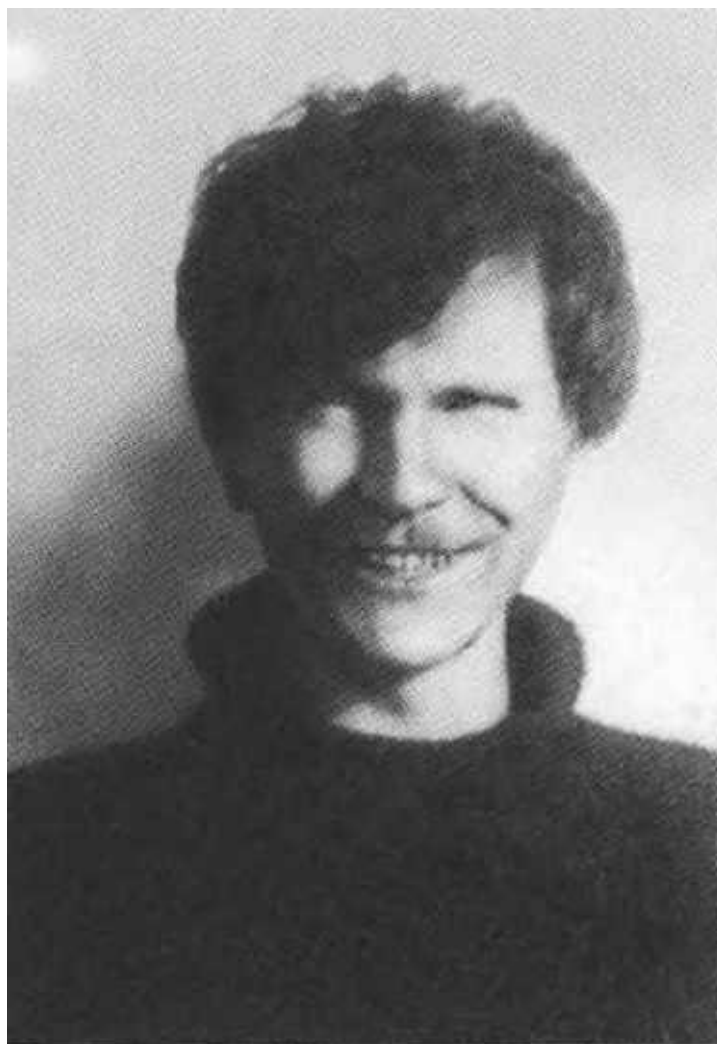
Борис Андреевич Вилкицкий.

Ян Иосифович Нагурский.

Рудольф Лазаревич Самойлович.

Михаил Михайлович Ермолаев.

Отто Юльевич Шмидт и Иван Дмитриевич Папанин среди полярников.

Ледокольный пароход "Владимир Русанов"

Подходящее место для сооружения базы было найдено с помощью поморов-гуманланов в заливе Решерш, где все строительные работы были закончены в середине августа, когда корабли покинули берега Шпицбергена, оставив на зимовку 11 человек во главе с унтер-лейтенантом Моисеем Рындиным.

Чичагов вышел из Колы в мае 1765 года во главе отряда из трех кораблей. Спустя неделю корабли прошли остров Медвежий, где были задержаны противными ветрами, и в начале июня были остановлены вблизи Бельсунна льдами. Только в середине июня корабли подошли к зимовью Рындина, где взяли на борт запас продовольствия и всего необходимого для дальнейшего плавания. Однако льды не позволили пройти далее севернее 80 градусов 26 минут, после чего в последних числах июля было решено возвращаться. На обратном пути Чичагов миновал зимовочную базу в Ре-шерше, где оставалось мало продовольствия, о чем Рындин направил рапорт на имя царицы Екатерины с промысловым судном двинянина Василия Меньшикова. Эта просьба запоздала в связи с наступлением осеннего времени и поэтому зимовка 1765/66 года для людей Рындина оказалась настолько тяжелой, что он потерял часть своей команды. В целом начальство в Петербурге осталось недовольно результатами похода Чичагова и потребовало его повторения на будущий год.

Второй поход не принес ничего нового — льды остановили корабли практически на той же широте, где было решено ложиться на обратный курс «за непреодолимым к намеренному пути от льдов препятствием». 30 июля корабли пришли к базе Рындина, где оставались в течение недели. Здесь выяснилось, что судьба зимовщиков оказалась бы еще страшнее, если бы не помощь поморской артели, зимовавшей в 30 верстах восточнее базы Рындина. Во время стоянки окрестности базы были положены на карту. 10 сентября 1766 года отряд Чичагова вместе с участниками двухгодичной зимовки вернулся в Архангельск, получив определенные сведения о режиме льдов и погодных условиях в водах Шпицбергена.

В последующие полтора века Россия не предпринимала каких-либо официальных шагов в отношении Шпицбергена, тогда как поморская деятельность протекала здесь достаточно активно, что подтверждается статистическими данными, обнаруженными Русановым в архангельских архивах: «Общее число промышленников, отправившихся за трехлетие на

Шпицберген, составляет 360 человек, а вместе с кормщиками должно достигать 378 человек. На промысел было взято ржаной и ячменной муки 11 120 пудов... Количество судов, выходящих на Шпицберген не из Архангельска, остается неизвестным» (1945, с. 282–283); тогда как только указанный порт отправил 18 кораблей, с другими пунктами Поморья их было, разумеется, существенно больше. Важно, что Русанов сохранил для нас имена как кормщиков (Рахманин, Савин, Старостин и др.), так и владельцев судов (Пушков, Окольников, Стукачев и др.) — все известные в Поморье династии, помимо названий кораблей.

Вот какими увидели поморов наши соседи-норвежцы в Тромсе в середине XVIII века: «Это были высокие крепкие парни, с длинными, густыми, ни разу не бритыми бородами, курчавыми желто-рыжими, рыжими или темными волосами, загорелыми обветренными лицами, с длинными кустистыми бровями над жесткими твердо смотрящими глазами, короткими мясистыми носами и большими ртами, украшенными здоровыми и белыми зубами. Их мускулистые и полные необычайной силы тела были облачены в длинные, широкие, плохо сидящие на них и собранные в складки вокруг талии верхние одежды... из серо-белого или бледно-синего полотна, причем грязных, запачканных кровью и порванных в некоторых местах. На ногах некоторых были некрашенные финские сапоги. Они также носили брюки до колен, но под верхней одеждой большинство русских носило синие или красные рубахи или блузы, которые по талии охватывались поясами, на которых висели длинные ножи... На голове эти парни носили самоедские шапки из меха с длинными свисающими пестро окрашенными завязками из меха и ткани, которые они перебрасывали на спину, или шляпы и шапочки».

Едва ли эти люди имели героический облик или, как теперь говорят, имидж, как это представляется порой в наши дни. Видимо, достаточно обыденной внешностью — невысокий румяный бородатый крепыш, судя по описанию англичанина Мартина Конвея со слов ветеранов архипелага, норвежских охотников, — отличался и российский рекордсмен среди зимовщиков-поморов Иван Старостин. Он зимовал на архипелаге 32 раза, не покидал его полтора десятка лет подряд. После смерти в 1826 году уже в весьма преклонном возрасте он так и не расстался с любезным ему Шпицбергенем, где и был похоронен. Участники экспедиции 1868 года под начальством Адольфа Эрика Норденшельда (о ней речь впереди) вспомнили замечательного помора: «Его развалившаяся изба все еще стоит к западу от Грин-Харбор на том мысу, который носит его имя, и среди множества могил есть и его могила, но какая из них — память об этом

умалчивает».

Действующая промысловая поморская база на Шпицбергене в 1780 году была описана английским судовым врачом Бакстромом, нашедшим общий язык со своим коллегой Идеригом Пахенталем, в качестве лекаря обслуживавшим русскую зимовку. Это описание тем и ценно, что все последующие свидетельства иностранцев относятся ко времени упадка русских промыслов на Шпицбергене. Поэтому свидетельство Бакстрома разительно отличается от последующих описаний иностранцев прежде всего отражением благополучия и даже определенного комфорта, разумеется, по меркам того времени. «Когда мы прибыли к поселению, мы представились командиру и фельдшеру, которые нас встретили весьма любезно и пригласили посетить их дом, где мы сели отдохнуть. наших людей угостили мясом...

Жилище русских было разбито на две большие половины, каждая площадью в 30 квадратных футов, но с таким низким потолком, что я в своей меховой шапке задевал за него. Посредине дома стояла круглая печка, которая одновременно согревала помещение и служила камбузом и хлебопекарней, она отапливалась плавником, который массами выбрасывает здесь на берег. Большая труба служила одновременно и для вывода дыма, и для копчения мяса. По трем стенам переднего помещения стояли лавки шириною в три фута, накрытые медвежьими шкурами, на которых спала команда. Постели капитана и фельдшера постланы были шкурами белых песцов, а койки штурмана, кока, плотника и некоторых других — овчинами. Стены помещения были гладки и замечательно чисты. Гладкий и чистый потолок был сбит из ровных толстых досок. Свет попадал в помещение через достаточное количество стеклянных окошек в 2 квадратных фута, пол же был глиняный. Все помещение имело с наружной стороны в длину 60 футов и ширину 34 фута; оно было построено из толстых бревен 12 дюймов в диаметре, сложенных в замок и законопаченных сухим мхом; пазы и шел и кроме того густо залиты глиною и песком, так что холодному воздуху доступа в помещение не было. Крыша состояла из сосновых досок...

Из Архангельска ежегодно отправляют сюда одно судно приблизительно в сто регистровых тонн, с экипажем, состоящим из капитана, шкипера, фельдшера, штурмана, кока и человек 15-ти команды. Люди снабжаются мушкетами, винтовками, порохом, большими ножами и другим оружием, необходимым для добычи китов, моржей, оленей, белых медведей и песцов. С хорошими запасами муки, водки, платья, лыж, лесными материалами, строительными инструментами и прочими

необходимыми вещами это судно ежегодно в мае месяце выходит из Архангельска и прибывает в июне или июле...

Отправляется в Архангельск с грузом, состоящим из шкур белых медведей и песцов, гагачьего пуха и других перьев, моржовых клыков, копченых оленьих языков и прочего.

Зимовщики не получают никакого жалования, только полное продовольствие и известную часть выручки за добычу. Капитан получает 5 %, шкипер и фельдшер 3 %, плотник, штурман и кок 2 %, а каждый матрос 1 %. Фельдшер рассказывал, что капитану обыкновенно достается более 1000 рублей, ему самому более 600 рублей, а матросам от 50 до 60 рублей» (Ставницер, 1948, с. 32–33).

В это время поморские стоянки и сопутствующие им кресты проникли в самые отдаленные и недоступные уголки архипелага — участники шведской экспедиции 1899–1902 годов встретили в Мурчисон-фьорде крест с датой 1798 год, причем один из участников указанной экспедиции отмечал, что русские из Онеги, Колы и Мезени промышляли здесь к тому времени более 30 лет, добираясь сюда на судах водоизмещением от 60 до 16 тонн. В. Карлхейм-Гюлленшельд в своей книге «На 80-м градусе северной широты» продолжает: «Наиболее часто посещаемыми районами были западное и северное побережье Шпицбергена, с большим количеством удобных гаваней, изобилующие фиордами, а также южные и юго-западные части Восточного Шпицбергена (остров Эдж. — А К.). Напротив, пролив Хинлопен, большая часть Северо-Восточной Земли и западное побережье Стур-фиорда, негостеприимные берега которого заняты ледниками, вообще не имеют признаков былых плаваний русских... Вряд ли есть какой-либо фиорд, где бы русские охотники не возводили свои постройки и не ставили свои кресты на высоком побережье фиордов. Сейчас почти все они исчезли, избы разрушены, кресты попадали и следы пребывания русских становятся все менее заметными».

Шведы предприняли раскопки русских развалин и так описали результаты своих археологических изысканий: «...изба была преднамеренно разрушена, поскольку на ее опорных столбах остались следы топора.

Наши труды в течение нескольких часов были вознаграждены с лихвой, и те предметы, которые мы обнаружили в земле, дали нам полную и четкую картину той жизни, которая существовала в этих охотничьих угодьях», с перечислением целого ряда находок, включая осколки темно-зеленого стекла, судовые детали (в частности, блоки), веники, топор, лопата, наконечники копий, гарпуны, колышки для натяжения шкур,

деревянная бочарная клепка, обручи и другие остатки бочек, ткацкие принадлежности (веретена, вязальные спицы для вязки сетей), женский гребень, палочки с зарубками — календари, остатки одежды и обуви, многочисленные кухонные принадлежности (глиняные горшки со следами сажи, деревянные тарелки), жировые лампы-ночники, многочисленные кости оленя, птицы и рыбы и т. д. «Все указывало на то, что русские устраивались здесь с максимальными удобствами и точно так же, как у себя дома... Наличие женщин и детей (о чем, в частности, свидетельствовали детские сапожные колодки) показывает, что им здесь жилось весьма неплохо».

Вместе с тем Карлхейм-Гюлленшельд приводит примеры гибели в целом ряде случаев поморских судов и поселений, причем не только от цинги или голода. Так, например, «около главного русского поселения в Хорнсунне в 1820 году была обнаружена севшая на мель ладья с полностью погибшим экипажем. Многие обстоятельства указывают на то, что эта неудачная экспедиция была уже готова к отправлению домой, но подверглась нападению и разграблению морскими разбойниками». Таким образом, случаи пиратства, о которых сообщал еще Корнилов почти столетие назад, очевидно, продолжались и жертвами их нередко становились и русские промышленники. Отмечены и случаи совершенно противоположного характера. Например, в 1743 году в Петербург из Голландии были доставлены 12 поморов, снятых с аварийного судна голландскими моряками (Иванов, 1935, с. 15).

Если свидетельства Карлхейма-Гюлленшельда были сделаны уже спустя примерно полвека после прекращения деятельности русских промышленников на Шпицбергене, то норвежский геолог (первый норвежский ученый на Шпицбергене) Б. М. Кейльхау наблюдал закат русской деятельности непосредственно на архипелаге, особенно при посещении одного из заброшенных становищ в районе Хабен-нихт-бухты на западе острова Эдж летом 1827 года, которое, видимо, оказалось весьма суровым, о чем свидетельствует целый ряд признаков, отмеченных этим ученым.

Так, кромка льда в конце августа располагалась на полпути между Медвежьим и Шпицбергенем, а на западе архипелага почти в 20 милях от Земли Принца Карла (что в наше время выглядит необычно). Поверхность ледников в Хорнсунне оставалась заваленной снегом даже в конце лета и голого льда не было видно и т. д. Русанов первым отметил различия в рельефе на западе и востоке Шпицбергена: «Подошли к берегу, имевшему здесь совсем иную форму, чем на западном побережье, — вместо тесно

сбитых между собой фьельдов с острыми краями и зубцами, в этой южной окраине Шпицбергена находятся две широкие возвышенности, образованные, как это видно издали, слабо наклонными горными пластами».

При посещении Хабен-нихт-бухты на острове Эдж взгляду открылось брошенное русское поселение, поразив его своими размерами и полным безлюдьем. «Становище, одно из крупнейших на Шпицбергене, рассчитанное на 40–50 человек, ныне опустевшее... На юге из плоскогорья торчал рог, образовавший самую высокую гору этой местности, она все же не превышала 1000 футов над уровнем моря. Прочее нагорье, чьи крутые склоны ограничивали долину, казалось, в высоту составляли 400–600 футов над морем. Все горные пласты были горизонтальными, так что их выходы образовывали ступени лестницы по склонам...

Широкая бухта, прорезавшая середину плоского побережья, образовала небольшой полуостров, где было устроено небольшое поселение перед чередой низких скал. Оно состояло из двух отдельных жилых домов... каждый со множеством пристроек. За исключением некоторых из последних, все было сооружено из добротного строевого леса...

Размеры большого дома 12 локтей в длину, 8 в ширину и 3–4 в высоту. Плоская крыша засыпана землей с камнями. Нары с проходом на высоте локтя. Возле нар множество окон. Русская печь. Надпись мелом на шкапе — 23 июня 1825 года. На стене вырезана надпись “на семь месяцев”. Сени, токарный станок, баня.

Еще изба с надписью “Сия изба староверская”. Много мелкой утвари: ложки, тарелки из дерева, горшки, светильники, вязальные спицы, сапожные колодки (включая детские). Староверская баня из камня. В 20 локтях от бани пресное озерко с мостками, которое покрывал лед со старым снегом. Пять крестов высотой 5–6 локтей с искусной резьбой и датами, например “Этот крест был поставлен православными христианами во славу Божию 20 августа 1823 года” или “Этот крест был поставлен православными христианами во славу Божию корщиком Иваном Рогачевым в год 1809”. Самая поздняя дата — 1826».

Когда спустя полтора века российские археологи при участии автора посетили этот интереснейший объект исследований, в его поисках важнейшую роль, помимо описания, сыграла гравюра, опубликованная Кейльхау в своем труде, причем с характерной вершиной на заднем плане — важнейшим ориентиром в наших поисках, увенчавшихся в конце концов успехом. Дальше лишь оставалось убедиться в полноте описания

норвежского геолога — вплоть до совпадения в положении мостков в крохотном озерке на переднем плане, которые спустя полтора века оказались там, где положено.

Неудивительно, что увиденная картина произвела на Кейльхау мрачное впечатление одновременно с далекоидущими выводами: «Русские малопомалу прекратили свои поездки на Шпицберген и склонны, повидимому, уступить его норвежцам». Правда, наши предки еще с четверть века оставались на архипелаге, однако в оценке ближайших перспектив Кейльхау, к сожалению, оказался прав...

Другой участник той же экспедиции немец Барто фон Левениг своими записками рисует несколько иную, причем во многом противоречивую, картину, вместе с тем отмечая главное: роль государства в деятельности своих подданных на Шпицбергене, причем весьма убедительно. Во времена датского владычества (то есть до завершения Наполеоновских войн) рыбный промысел в норвежских водах принадлежал казне, а местные жители прибыли от него не имели — вот с чем связано их стремление на Шпицберген, в чем им способствовали сами русские в самом конце XVIII века! «Первой попыткой попасть из Хаммерфеста на Шпицберген следует, быть может, считать полунорвежскую экспедицию, которую один тамошний купец снарядил в 1795 году совместно с русскими». Поначалу норвежцы действовали на архипелаге только в летнее время, поскольку первая норвежская хижина, пригодная для зимовки, была построена лишь в 1822 году в Конгс-фьорде.

По мнению фон Левенига, экономическое преимущество русских в XIX веке заключалось в том, что они соглашались работать на худших условиях по сравнению с норвежцами, что, разумеется, имело и обратную сторону. «Что же касается конкуренции с Россией, то норвежская предприимчивость заметно прогрессирует, — отмечал немецкий исследователь, — тогда как деятельность русских постепенно стихает... Русские предприниматели жалуются на то, что их люди доставляют им множество неприятностей, в большинстве случаев приходится довольствоваться парнями из отбросов общества, быть может, даже преступниками». Один русский деятель, также претендовавший на свою долю в эксплуатации богатств Шпицбергена (некто Фролов), выразился еще более определенно: «Хозяева стали нанимать молодых или пьяных негодяев, которые губят ладьи или продают груз на сторону» (Иванов, 1935, с. 18). К сожалению, как показали ближайшие события, последнее суждение оказалось, увы, верным, о чем повествуют события на русской шхуне «Григорий Богослов».

Шхуна с кормщиком Иваном Гвоздаревым (ранее сотрудничавшим с Пахтусовым на Новой Земле) отправилась в мае 1851 года из Кеми на Карельском берегу Белого моря на Шпицберген с экипажем из десяти человек, но возвратилась в сентябре лишь с тремя моряками на борту — братьями Исаковыми и неким Дружининым, которые объяснили, что кормщик вместе с четырьмя моряками пропал в шторм на карбасе во время охоты на белух, еще один член экипажа умер, «долго промаявшись животом», а другой скончался с перепоя в норвежском городе Берлевоге, представив соответствующее медицинское свидетельство. Даже если какие-либо подозрения и возникали, наличие злого умысла или преступления доказать было невозможно, и тем не менее...

Год спустя шкипер норвежского судна обнаружил в одной из русских хижин на берегу бухты Колсбэй два трупа поморов, а также ружья с вырезанным на прикладе русским текстом, который норвежец не мог прочитать. По возвращении он передал свои находки официальным путем русским властям. Содержание легко читаемого текста на деревянных частях охотничьего оружия не оставляло сомнений: «Простите нас, грешных. Оставили злодеи, Бог им заплати. Донести нашим семействам» и «Мы двоима оплакали свою горькую участь, ушли в Рымбовку. Это было в Кломбае 1851 года 8 августа поехали за оленями со шхуны и оставили товар Здесь хозяин с 2 человеками ходили по берегу 3 дня, затем приехали. Гвоздарева стрелили 11 августа Колуп. Убежал Иван Тихонов. Убежал Андрей Каликин. Пострел ил Ивана Гвоздарева Колуп-собака». Преступникам оставалось только сознаться и в деталях рассказать о захвате судна и сопутствующих обстоятельствах, развивавшихся по классической пиратской схеме.

8 августа 1951 года со шхуны «Григорий Богослов» охотничья артель во главе с кормщиком высадилась на северный берег Бельсунна (поморы называли его Кломбай) для охоты на оленей. Спустя некоторое время шесть человек (один вахтенный все время оставался на судне) вернулись на судно; и братья Исаковы, пользуясь отсутствием кормщика Гвоздарева и охотников Каликина и Тихонова, предложили захватить судно и бежать на нем в Норвегию, на что остальные довольно быстро согласились. Поскольку трое оставшихся на берегу могли оказаться нежеланными свидетелями, было решено их уничтожить, для чего часть заговорщиков во главе с Исаковыми снова высадилась на берег и устроила за тремя ничего не подозревавшими охотниками настоящую погоню. Оценив нежданно-негаданно возникшую опасность, двое охотников помоложе успели убежать, а пожилого кормщика настиг стрелок Антипов. Поняв, что ему не

уйти, Гвоздарев обратился к своему убийце: «Григорий Андреевич, стреляй прямо в сердце», что тот и исполнил. Что испытали Тихонов и Каликин, наблюдая с ближайших склонов, как на водной глади растворяются в дымке очертания шхуны, можно только догадываться. Ближайшее жилье находилось от них на берегах Грен-фьорда (Рынбовка у поморов) в расстоянии около 50 километров, где они, судя по надписям на ружье, и побывали. Видимо, не найдя подходящих условий для зимовки, несчастные продолжили свой путь на восток уже по южному берегу Ис-фьорда, но в конечном итоге лишь пополнили список жертв злодеяний братьев Исаковых (один из них — Яков и носил кличку Колуп) и Дружинина, погибнув от голода и цинги уже в Колсбэе.

Захватчикам судна успех не пошел впрок. По пути в Норвегию за борт были выброшены три члена экипажа, в надежности которых заговорщики сомневались, еще одного задушили полотенцем во время жестокой пьянки по случаю возвращения на материк. Остальное читателю известно...

Закат русских промыслов на Шпицбергене ускорился еще и тяжелой ледовой обстановкой, пик которой пришелся на 50-е годы XIX века. В 1852 году, по Карлхейм-Гюлленшель-ду, Шпицберген оставили последние русские промысловики из Рауд-фьорда. На Шпицбергене наступали новые времена, обещавшие превратить его в научный полигон европейских держав — более полувека на нем отсутствовала Россия.

Такому развитию событий способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, относительная доступность архипелага при значительном количестве посещавших его промысловых судов. Во-вторых, развитие популярной теории древнего оледенения среди европейских ученых требовало подкрепления все новыми и новыми данными, которые можно было получить на ледниках архипелага. В-третьих, мало того что слагающие породы на острове были лишены рыхлого покрова, что облегчало их изучение, они еще отличались необыкновенным разнообразием как по возрасту, так и по происхождению — то, что в других местах удавалось проследить на протяжении сотен и десятков километров, здесь можно было отнаблюдать порой в однодневном маршруте, например на западе Земли Норденшельда, начиная с

Грен-фьорда. Неудивительно, что представители многих европейских университетов устремились на архипелаг, причем первое время среди них преобладали шведы, порой с именами мировой известности, для которых Шпицберген стал традиционным районом исследований.

В 1858 году в водах архипелага на судне «Фритьоф» появился шведский геолог Отто Мартин Торрель (1828–1900), прежде изучавший

древнее оледенение Скандинавии. Его сопровождал молодой минеролог Адольф Эрик Норденшельд (1832–1901). Эта экспедиция обследовала западное побережье главного острова архипелага на пространстве от Хорнсунна до Рауд-фьорда. В 1861 году они продолжили свои исследования у северного побережья главного острова архипелага и Северо-Восточной Земли вплоть до мыса Платтен, получив убедительные доказательства существенной разницы в оледенении посещенных районов, в связи с чем позднее в литературе об этой экспедиции было особо отмечено: «Мы много обязаны ей теми сведениями, которые имеем теперь о топографии Шпицбергена» (Гельвальд, 1884, с. 741). Третью шведскую экспедицию на Шпицберген в 1864 году возглавил сам Норденшельд. Предполагалось, что она выполнит триангуляцию на побережье Стур-фьорда, создав тем самым основу для будущего картографирования архипелага, но это намерение удалось лишь частично. Экспедиция обнаружила узкий пролив, отделяющий остров Баренца от Западного Шпицбергена, о котором, впрочем, было известно во времена интенсивного китобойного промысла. В 1868 году очередная экспедиция Норденшельда нанесла на карту побережье Ис-фьорда, пролив Форланнсуннет и Лифде-фьорд с окрестными ледниками. В самом сердце Шпицбергена — в окрестностях долины Рейндален — шведы обнаружили лишь горное оледенение и, кроме того, отчетливые признаки существования в прошлом более теплых климатических условий. Было над чем задуматься самым продвинутым специалистам... Именно со времен этих экспедиций стало известно, что Шпицберген буквально набит углем — Блом-стренд обнаружил его на берегах Конгс-фьорда, а сам Норденшельд вместе с Торрелем и Дюнером на берегах Ис-фьорда, что во многом определило будущее освоение архипелага, когда эксплуатация его биоресурсов постепенно сменилась добычей полезных ископаемых.

В своей пятой экспедиции на архипелаг Норденшельд замахнулся на достижение Северного полюса, (который он надеялся покорить на оленьих упряжках). Однако завезенные олени во время зимовки разбежались — главная цель, таким образом, оказалась недостижимой, зато пересечение ледникового покрова Северо-Восточной Земли принесло результаты, которые на протяжении шестидесяти лет оставались непревзойденными. Вслед за Норденшельдом на архипелаг направились многие шведские геологи, деятельность которых оказалась на протяжении последующих десятилетий весьма плодотворной (Натхорст, Де Геер и др.), а также представители других наций (австрийцы Ханс Вильчек и Ханс Хефер) и т. д. Продолжалось успешное картографирование недоступных прежде

участков восточного побережья (немецкие экспедиции Теодора Циля и Карла Хейглина в 1870 году), сопровождавшееся открытием многих неизвестных ранее ледников. Когда норвежский китобой Элинг Карлсен в 1863 году обогнул на своем судне Северо-Восточную Землю, размеры архипелага и его положение на карте были окончательно установлены, хотя большая часть внутренних областей оставалась в полном смысле «белым пятном», особенно ледниковые районы с их сложным рельефом. Лишь в 1890 году Густав Норденшельд пересек ледниковую систему, расположенную между заливами Бельсунн на севере и Хорнсунн на юге.

Особые заслуги в исследовании внутренних районов главного острова архипелага принадлежат английскому альпинисту Мартину Конвэю, который в 1896 и 1897 годах глубже всех проник в глубь этой суши, несколько раз пересекая ее в различных направлениях, обнаружив странную закономерность в распределении ледников, большая часть которых располагалась на периферии острова, тогда как в центре преобладали относительно небольшие горные ледники, причем это выглядело очевидным нарушением широтной зональности в этой части Арктики.

Таким образом, на протяжении второй половины XIX века на Шпицбергене проходил своеобразный международный научный аврал, в котором, однако, не участвовала страна — первооткрыватель архипелага. Такое положение, разумеется, не могло продолжаться до бесконечности. Перелом в этом отношении наступил в самые последние годы XIX века, когда Академии наук Швеции и России решили провести в жизнь совместными усилиями старую идею об измерении дуги меридиана, для чего уже в 1898 году была выполнена предварительная рекогносцировка района работ с участием русского топографа Шульца. В дальнейшем обе экспедиции работали со своих баз, расположенных на крайнем севере (шведская на полуострове Нью-Фрислан) и юге (русская в Хорнсунне) архипелага независимо друг от друга, руководствуясь общей программой, с тем чтобы сомкнуть цепи треугольников триангуляции в наименее доступной части Шпицбергена на горе Ньютон высотой 1717 метров. Шведскими работами руководил геодезист профессор Едерин, русскими — отмеченный выше (см. гл. 5) геолог Чернышев, назначенный на эту должность с учетом его опыта на Новой Земле и Тимане. Зимовочным составом нашей экспедиционной базы командовал военный топограф штабс-капитан Д. Д. Сергиевский.

Работы русских проходили с юга главного острова архипелага в основном в полосе, примыкающей к Стур-фьорду, то есть в районах самого

интенсивного оледенения со всеми вытекающими отсюда последствиями. По первоначальному плану русские должны были довести свои наблюдения до горы Чернышева на широте 78 градусов 58 минут. Однако поскольку шведские исследователи испытывали сильные затруднения в проведении своих наблюдений, русские взяли на себя самые ответственные работы по увязке сетей, включая наблюдения на горе Ньютона, в выполнении которых отличился астроном А. С. Васильев из Пулковской обсерватории. Работа велась в крайне сложных условиях ледников на «белых пятнах» на такой местности, где большей частью нога человека ступала впервые и о которой прежде не было ничего известно. Много забот доставило преодоление неизвестных перевалов на ледниках с их многочисленными зонами трещин, не говоря уже о бесконечных туманах и метелях. Помимо геодезических и астрономических работ, участниками экспедиций были выполнены топографические съемки, а на экспедиционных зимовочных базах еще и продолжительные метеорологические наблюдения, не считая попутных геологических, гляциологических и биологических исследований. Несомненным достижением было и то, что не было потеряно ни одной человеческой жизни, что в практике полярных исследований того времени было редким явлением.

Эти работы явились примером успешного международного сотрудничества в самых экстремальных природных условиях, что было особо отмечено участником шведской экспедиции Карлхеймом-Гюлленшельдом: «Пришли новые времена... Когда теперь различные нации встречаются в высоких широтах, то это связано не с их корыстолюбием, а с поисками истины, которая привела их сюда, с желанием изучить каждую точку нашей парящей в космосе планеты, на которой мы живем. Это современное соревнование разыгрывается на других полях битвы, на полях сражений за знания, где интересы не противоречат друг другу и где цель сражения состоит не в нанесении ущерба друг другу, а во взаимной помощи и поддержке независимо от языковых и расовых различий».

Как и на других материках и архипелагах, наука, экономика и политика на Шпицбергене дружно шагали в ногу, хотя и со своими сугубо полярными особенностями, больше заставляя считаться в жестоком арктическом мире с интересами конкурентов и коллег, где часто природа оставляла людям всего один выбор — или вместе выжить, или вместе умереть.

Посчитав, что с уходом русских с архипелага фортуна обернулась к

ней лицом, Швеция (находившаяся тогда в унии с Норвегией, однако осуществлявшая от имени обоих государств общую внешнюю политику) в 1871 году сделала России официальный запрос на тему государственной принадлежности архипелага в новой сложившейся обстановке. В России на время задумались и ответили в том смысле, что ничего менять не надо, а будущее покажет, что к чему... Такая оттяжка решения заставила продемонстрировать заинтересованность обеих сторон на примере совместной экспедиции по измерению дуги меридиана, описанной выше. Характерно другое — при единой программе единой экспедиции все же не получилось — на практике оба национальных подразделения работали порознь, накапливая опыт международного научного общения в высоких широтах на будущее, который наиболее успешно уже после Второй мировой войны был реализован в Антарктике. А тогда по свежим следам обмена нотами в обеих странах по поводу Шпицбергена разгорелась дискуссия, временами достаточно жаркая. «Груммант, — заявлял неугомонный Сидоров, — это достояние всего поморского народа, который приурочил его к своему хозяйству тяжелым вековым трудом и тем обратил его в государственное достояние», которое, однако, государство принять не торопилось, занятое проблемами освоения новых среднеазиатских и дальневосточных владений, с первого взгляда несравненно более перспективных. Шведы, ссылаясь на заслуги Норденшельда и его сподвижников, отвечали в духе — и мы пахали... Разница в позициях обоих претендентов, однако, была существенной: подданные общего шведско-норвежского короля Оскара II все чаще оседали на архипелаге, во всю эксплуатируя его богатства, а поток русских переселенцев направлялся на земли Сибири и далее, и выходило, что Россия заинтересована в Шпицбергене скорее на будущее. А тем временем на архипелаге все чаще стали появляться подданные иных держав, имевшие весьма сильных покровителей.

На самом Скандинавском полуострове также происходили значительные перемены, завершившиеся появлением среди европейских держав пока робкого, но с солидными полярными заявками новичка — королевства Норвегии, освободившегося наконец от надоевшей опеки соседа — Швеции. Новичок, как описано выше, уже доставил своему полярному соседу немало хлопот на Новой Земле и был готов продемонстрировать то же самое на Шпицбергене, для начала в 1907 году (всего-то два года спустя после обретения независимости!) предложив заинтересованным сторонам, формально не меня сложившегося правового статуса, договориться о единых правилах использования ресурсов

архипелага. В июле 1910 года такое международное совещание состоялось в Христиании (столице королевства, которой, чтобы избавиться от ненужных воспоминаний прошлого, позднее вернули старинное исконное название Осло), где было решено для управления Шпицбергом создать международную комиссию из представителей Норвегии, Швеции и России. Спустя год российский МИД, где лучше понимали складывающуюся ситуацию, ходатайствовал перед премьером Коквцевым принять меры «к безотлагательному насаждению на Шпицбергене какого-либо русского, по внешней форме неказенного предприятия, которое, служа проявлением нашей деятельности на Шпицбергене, облегчило бы Российскому правительству защиту его старых прав на эту территорию» (Пинхенсон, 1962, с. 502). Было от чего всполошиться российским дипломатам, ибо им приходилось теперь не упреждать события, а действовать им вдогон — позиция, от которой было трудно ожидать чего-либо путного.

Освоение ресурсов Шпицбергена тем временем без нашего участия шло полным ходом, прежде всего в угольной промышленности. Еще в 1899 году немец Лернер огородил участки острова Медвежий с надписями типа «Эта известная германскому канцлеру промышленная заявка; все права на землю и воды, в особенности на гавани, состоят под охраной германского государства». Правда, до добычи дело так и не дошло. Но в 1904 году американцы Лонгьир и Айер, оценив благоприятные геологические условия для добычи угля, что требовало сравнительно небольших затрат, создали Арктическую угольную компанию и спустя два года приступили к добыче угля в окрестностях бухты Адвент на южном побережье Ис-фьорда, где возник поселок горняков Лонгьир-сити. В начале XX века уголь в полном смысле был хлебом промышленности и такая благоприятная конъюнктура продолжалась довольно долго, тем более что перевозка угля морем обходилась дешево. Начиная с 1905 года на Шпицбергене развилась активную деятельность Нозерн эксплорей-шен компани во главе с Эрнстом Ричардом Мэнсфилдом, обрыскавшим прежде в поисках золота мир от Новой Зеландии до Британской Колумбии. В 1908–1909 годах он зимовал в домике на северном берегу Бельсунна, получившем с его легкой руки шикарное название Кэмп Белл. С той поры множество других подобных построек под названиями Кэмп Мортон, Кэмп Эрна, Кэмп Миллар и т. д. выросли на берегах Шпицбергена, долгое время предоставляя кров разным экспедициям и прочему бродячему люду, став в наше время уже памятниками совсем иной эпохи. Неоднократное пребывание в них позволило мне усомниться в их удобствах для зимовки, по крайней мере по сравнению с добротной русской бревенчатой избой, но о вкусах не спорят.

В 1909 году Скотиш Спитсберген Синдикат построил целый поселок из четырех таких же дощатых домиков неподалеку от фронта ледника Норденшельда на берегах Билле-фьорда — можно вести этот перечень и дальше, но уже приведенные сведения свидетельствуют о размахе поисков полезных ископаемых на Шпицбергене, даже если эти поиски в большинстве случаев и не увенчались чем-то конкретным в виде шахт и рудников. Надо сказать, что только разведкой и добычей полезных ископаемых дело не ограничилось.

Проходили регулярные туристические рейсы, что также было одной из форм эксплуатации архипелага, причем пользовавшиеся успехом у образованной европейской публики. В частности, с одним из таких пароходов здесь побывал профессор Киевского университета А. А. Коротнев, оставивший о своей поездке интересные записки. В 1910 году берега архипелага посетила экскурсия XI Международного геологического конгресса под руководством знатока Шпицбергена профессора Де Геера. Память об этом событии сохранена в названиях долины и озера неподалеку от современного Баренцбурга.

Разумеется, продолжалось истребление животного мира как на суше, так и на море, причем особенно успешно после изобретения гарпунной пушки. Количество китов стало сокращаться особенно быстро, что тем не менее не помешало в 1905 году построить на низком мысу Финнесет береговую базу по переработке китов. В 1911 году норвежские власти построили поблизости радиостанцию — одну из первых в Арктике. Это была самая серьезная заявка, на которую надо было реагировать.

Но первая же попытка такой реакции окончилась полным конфузом — наспех снаряженная, слишком поздно отправленная экспедиция Држевецкого не добралась даже до острова Медвежьего и, попав в полосу штормов, оказалась в Норвегии. И тогда в русских официальных кругах встал вопрос — кому подобная задача по плечу? Ответ из Архангельска был однозначным — Русанову...

Несомненно, знакомясь с историей Шпицбергена, Русанов ощутил ее противоречивость и сложное переплетение не только государственных интересов многих стран, но и человеческих судеб, когда жажда наживы соседствовала нередко с самым глубоким научным поиском. И конечно, он не мог не испытывать ощущения боли от потерь, понесенных страной на этом первоначально освоенном нашими предками архипелаге. Все это требовало от него, с одной стороны, самых решительных действий, а с другой — предельно осторожных, прежде всего по дипломатическим соображениям, чтобы не привлечь внимания конкурирующих держав.

Теперь ему предстояло продемонстрировать качества не только успешного полевого исследователя, но и тонкого дипломата, способного разобраться в международных интригах и не запутаться в сетях собственной отечественной бюрократии.

Глава 11. Последняя экспедиция

Груманлански берега,
Русский путь изведан,
И повадились ходить
По отцам и дедам

Из поморского фольклора

Его предварительные приготовления могли сбить с толку
наблюдателя, даже из знатоков

Виктор Гюго

Эта последняя экспедиция по замыслу и осуществлению в самые сжатые сроки, повидимому, является вершиной деятельности Русанова в Арктике. Вместе с тем судить о ней по причине ограниченности документов сложно, не говоря уже о совершенно неожиданном продолжении в виде плавания в Карское море. В настоящей главе сосредоточимся лишь на исследованиях на Шпицбергене, включая как подготовительную часть, так и некоторые личные моменты, чтобы легче проследить роль Русанова в качестве организатора полярных исследований, за пять лет прошедшего путь от самостоятельной поездки за собственный счет до руководителя государственной экспедиции за пределы России с несомненным международным значением. Фритъоф Нансен появился тем же летом на Шпицбергене на собственной яхте «Веслеме», разумеется, далеко не случайно и не с целью морской прогулки. Можно утверждать, что в обстановке, сложившейся к тому времени на Шпицбергене, по отношению друг к другу они выступали негласными оппонентами, хотя ограниченность документов (три письма и две телеграммы), не считая статьи Самойловича и отрывочных суждений некоторых участников и свидетелей событий, оставляет простор домыслам. И это вся источниковая база для характеристики экспедиции Русанова на Шпицбергене летом 1912 года...

Лучше обстоит дело с документами, предшествующими ей, опубликованными в издании 1945 года. В первую очередь это относится к

«Проекту Шпицбергенской экспедиции 1912 года», русановское авторство которого никем не оспаривалось. Согласно этому документу экспедиция преследовала ряд целей.

Во-первых, исследование природных богатств архипелага (полезные ископаемые, рыбные запасы и промыслы морского зверя) с их формальным закреплением за участниками экспедиции. Во-вторых, ознакомление с деятельностью конкурирующих (реальных и потенциальных) уже действующих иностранных предприятий. В-третьих, попутное проведение научных работ в области географии, ботаники, метеорологии и гидрологии, включая изучение льдов и течений в омывающих морях. В указанных документах уже были намечены определенные районы с конкретными сроками самих исследований:

«Наибольший интерес представляют южная и юго-восточная части Шпицбергенского архипелага, так как там наиболее развиты олигоценные и миоценовые отложения. — Уже по этим первым строкам не только по стилю, но и по вниманию именно к проблемам геологии нетрудно почувствовать русановское авторство, которое прослеживается и в дальнейшем. — Южные части архипелага более богаты рыбными речками, вместо которых в море опускаются ледники. На юго-западной стороне на севере Шпицбергена сосредоточена вся иностранная горная промышленность. На южном конце Шпицбергена стоят постройки русской экспедиции 1899 года.

Нужно думать, что большинство участков юго-западного побережья уже заняты иностранцами. Поэтому следует обратить особое внимание на свободные и еще очень недостаточно обследованные восточное побережье Шпицбергена, на обширный залив Стур-фиорд с островами, лежащими от него к северо-востоку» (1945, с. 277).

Особая проблема Арктики — доступность намеченного района исследований в зависимости от ледовой обстановки. Сам Русанов считал, что наиболее благоприятные условия из-за влияния Гольфстрима существуют на западном побережье архипелага, в чем был прав. Среди доступных районов он наметил заливы Хорнсунн, Белльсунн с его ответвлениями и южное побережье Ис-фьорда. Ближе к полюсу он не видел достойных объектов для исследований, поскольку с точки зрения геологии «в северной половине Шпицбергенского архипелага выступают гораздо более древние слои, насколько известно, лишенные угля, имеющего промышленное значение. Правда, на восточном берегу острова Принца Карла выступают сбросы третичных отложений, которые, может быть, небезынтересно было бы осмотреть...» (1945, с. 277).

Весьма интересные мысли высказал Русанов по срокам работ: «Желательно выйти возможно раньше и возвратиться возможно позже. Выйдя, например, в середине мая, можно было бы возвратиться в начале или середине октября. За четыре или пять месяцев можно успеть сделать довольно много» (1945, с. 277). В том же документе оговаривается время полевой деятельности неоднократно, например в следующем виде: «Экспедиция, рассчитанная на четырех — или даже пятимесячное плавание...» (1945, с. 278), хотя в смете расходов денег намечено для приобретения продовольствия аж на полтора года, что для условий Арктики нормально — другое дело, как их расходовать, если полевые работы будут выполнены в более сжатые сроки, — но, как мы увидим, подобными загадочными нестыковками отличается вся последняя русановская экспедиция. По первоначальным планам экспедиция должна была отплыть из Петербурга, тогда как Архангельск по каким-то соображениям исключался с самого начала.

Уже на этом этапе Русанов предъявлял особые требования к подбору участников, прежде всего руководящего состава. В первую очередь это относилось к заместителю начальника экспедиции (помощнику) и капитану экспедиционного судна. «В качестве помощника, — писал Русанов в Департамент общих дел российского МВД, — я могу предложить только одно, в данном случае, по моему мнению, самое подходящее лицо — Александра Степановича Кучина, единственного русского, приглашенного Амундсенем в его последнюю славную экспедицию к Южному полюсу... Я уже заручился согласием этого молодого и энергичного ученого... Я пригласил хорошо мне известного и очень опытного капитана Ивана Петровича Ануфриева, но ввиду того, что он связан договором с Д. Н. Масленниковым, на ледокольном пароходе которого он ходит, г. Ануфриев рекомендует вместо себя... капитана первого разряда Николая Лукича Копыто-ва... От приглашения его воздержался, тем более что уже приглашенный мной Кучин окончил по первому разряду Архангельское торгово-мореходное училище, и я думаю, что в случае необходимости ему можно было бы поручить командование судном» (1945, с. 278). Общая численность персонала экспедиции вместе с экипажем судна с самого начала определялась в 12 человек.

Особо в указанном документе оговорены требования к судну: «Наиболее подходящим для полярного исследования мне представляется промысловый моторно-парусный бот, снабженный ледовой обшивкой, около 50 тонн водоизмещением» (1945, с. 179) — то есть судно типа «Йоа», на котором Руал Амундсен за три навигации 1903–1906 годов одолел

Северо-Западный проход в условиях прибрежного плавания мелководными проливами. При этом с самого начала Русанов был настроен не на аренду, а на приобретение судна в собственность экспедиции, чтобы иметь развязанные руки на случай его использования по своему усмотрению. Все предъявляемые им требования к судну, включая мотор и запас горючего, указывают на Норвегию, где подобные суда широко использовались для зверобойного промысла. Поэтому нет ничего удивительного, что в документе сказано: «Я нахожу необходимым отправиться в Христианию и, если понадобится, в Северную Норвегию для выбора судна, при покупке, я думаю, было бы очень полезно присутствие г. Кучина как человека, знакомого с норвежским языком, с Норвегией и морским делом» (1945, с. 279).

В контексте последующих событий этот документ требует следующего комментария. Первое — в самые короткие сроки Русанов еще на материке ознакомился с ситуацией на Шпицбергене, включая степень изученности архипелага, а главное, освоенности его иностранными горно-добывающими компаниями. Второе — первоначально он не собирался идти севернее Ис-фьорда, то есть параллели 78 градусов, тогда как в процессе состоявшейся экспедиции добрался даже до Кросс-фьорда, значительно превзойдя, таким образом, первоначальные планы, что было в духе его прошлых экспедиций. Третье — поспешность в усвоении предоставленных в его распоряжение материалов привела к тому, что первоначально он «нацелился» на южные районы архипелага, тогда как основная добыча угля происходила в его центральной части. Четвертое — он на редкость прозорливо предвидел возможность неблагоприятной ледовой обстановки на Шпицбергене и изменения планов из-за этого, в связи с чем разработал запасной маршрутный вариант. Пятое — первоначально намеченное продолжительное, до пяти месяцев, пребывание на Шпицбергене на деле свелось к напряженному полуторамесячному. Намерение начать работы в мае и закончить их в октябре для первой же экспедиции без предварительного знания конкретных природных условий архипелага было естественным, так как позволяло работать без спешки с определенным запасом времени на непредвиденные обстоятельства и т. д. Однако, сократив ценой напряженных усилий полевые работы до полутора месяцев, он избежал влияния допущенных просчетов на конечный результат, что обеспечило успех экспедиции. Таким образом, в части предварительного планирования и последующего выполнения на местности он показал себя мастером экспедиционной деятельности, реализовав свой новоземельский опыт в новых условиях Шпицбергена. Особенно отчетливо это проявилось

в его маршруте к восточному побережью главного острова на берега Стурфьорда, о чем пойдет речь ниже.

Другой документ, «План Шпицбергенской экспедиции», изначально построен по другому принципу. Это совсем не план экспедиционной деятельности, а история проблемы с выводами и обоснованием будущей деятельности на архипелаге, включая исторические права. Таким образом, он является программным документом, значение которого выходит далеко за рамки планируемой экспедиции, что подтверждается перечнем вопросов, поднятых исследователем с обозначением собственной позиции в их реализации, что относится прежде всего к двум первым пунктам «Плана», озаглавленным «Кто открыл Шпицберген» и «Русские на Груманте», в которых утверждалось:

«Еще до Баренца, и во всяком случае независимо от него, Шпицберген под названием Грумант был открыт, обследован и заселен русскими промышленниками... Русские первые фактически заняли архипелаг» (1945, с. 281) — вот отправной тезис в обоснование русского присутствия на архипелаге, который наши соперники не в состоянии игнорировать. Такова же и личная позиция Русанова в этой исторической проблеме. На размерах русского промысла на архипелаге мы уже останавливались в предшествующей главе. Прекращение российской деятельности на Шпицбергене он объясняет следующими причинами: «Основная причина, по моему мнению, заключается в том, что экономическая жизнь поморов пошла по другому руслу. Жизнь пошла по линии наименьшего сопротивления, и наши смелые мореходы по ледовитым морям превратились в простых моряков каботажного плавания» (1945, с. 283) Однако с изменением экономических условий, по его мнению, «придет пора, во-первых, объявить Карское море, усиленно теперь эксплуатируемое норвежцами, закрытым для иностранных промышленников; во-вторых, взять всю Новую Землю в наши руки; в-третьих, включить Землю Франца-Иосифа в район наших промыслов; в-четвертых, вновь воскресить наши промыслы на Шпицбергене» (там же). Тем самым Русанов создавал обоснование под будущую российскую политику в Арктике, получившую официальное оформление в известной ноте союзным и дружественным державам 1916 года о границах российских владений в высоких широтах вплоть до полюса, подтвержденных десять лет спустя советским правительством.

Стержень, сердцевина русановской программы — раздел «Что нам делать на Шпицбергене», написанный с учетом всей сложности создавшегося положения в результате упущений собственной дипломатии и

иностранный экономический прессинг. В приведенных ниже строках проявляется не только русановский интеллект, но и качества дипломата: «Было бы ошибочно думать, что на Шпицбергене все изучено и что там больше нечего делать. Совсем напротив. Возрастающее число иностранных экспедиций сопровождается новыми интересными открытиями и доказывает, что на этом обширном архипелаге осталось еще очень много работы. Собственно говоря, только общее очертание крайне изломанной и раздробленной береговой линии Шпицбергена более или менее известно, да и то не вполне: северо-восточные берега до сих пор остаются неснятыми на значительном протяжении. Всестороннему же обследованию подверглись лишь некоторые пункты западного побережья. Восточные берега Шпицбергена и его внутренние части еще ждут исследователей. Работы на Шпицбергене, весьма важной в теоретическом и практическом отношении, осталось сколько угодно, были бы только желание и возможность ее вести. Выполнить хотя бы небольшую часть этой работы для нас необходимо, если только мы не желаем навсегда и окончательно отказаться от наших прав на Шпицбергене, но нужно спешить, пока еще не совсем поздно. Предпринятое наравне с другими нациями обследование расчистит почву для нас и даст реальное основание для занятия некоторых, пока еще фактически свободных территорий архипелага.

Наибольшую практическую важность должно иметь геологическое обследование Шпицбергена, изыскание полезных ископаемых и в особенности каменного угля» (1945, с. 284). Интересно, как Русанов намеревался использовать на Шпицбергене свой новоземельский опыт: «Русская экспедиция прежде всего должна будет уяснить на месте общее положение дел. Было бы преждевременным сосредоточить все работы в каком-либо одном пункте. Вначале желательно общее рекогносцировочное ознакомление с различными частями острова» (1945, с. 285) — повторение идеи, которую он вынес с Новой Земли, когда утверждал, что «без общего предварительного обзора нельзя сказать заранее, какие пункты заслуживают подробного изучения, а какие нет» (1945, с. 219), что свидетельствовало о почерке опытного исследователя, умудренного Арктикой в самом высоком смысле слова.

В соответствии с такой постановкой вопроса Русанов следующий раздел посвящает проблеме наиболее перспективных на уголь районов, повторяя доводы, уже изложенные в «Проекте Шпицбергенской экспедиции». Новым здесь, однако, стало указание на потенциальных потребителей добычи на материке: «Ввиду развивающегося мореплавания в наших северных водах, ввиду все более выясняющейся бедности углем

Новой Земли и его отсутствия на Мурмане, было бы весьма предусмотрительно со стороны России занять на Шпицбергене несколько свободных угленосных участков» (1945, с. 285). Так он связал воедино и результаты своих работ на Новой Земле, и предстоящие исследования на Шпицбергене с перспективой на полвека вперед — пока наш транспортный флот, базирующийся на Архангельск и позднее Мурманск, прежде чем перейти на жидкое топливо, использовал каменный уголь со Шпицбергена, чтобы не везти его из Донбасса.

Сравнение «Проекта...» и «Плана...» Шпицбергенской экспедиции 1912 года демонстрирует их принципиальные различия. Если первый из представленных документов в Департамент общих дел МВД намечает лишь тактику экспедиционных исследований, то второй предлагает стратегию нашей деятельности на этом полярном архипелаге — отсюда и глубокий обоснованный анализ истории, включая поиск причин наших неудач на Шпицбергене. Учитывая, что оба документа пошли в правительственные инстанции, результаты русановского анализа, в котором в качестве причин неудач политики в отношении архипелага указано самоустранение от решения его проблем, являются фактически критикой правительственных действий, как они того и заслуживали, — едва ли на подобное решился кто-нибудь из чиновников, но ведь Русанов-то стать им никогда и не стремился — лучшая разновидность гражданского мужества, тем более что он хорошо знал об участии М. К. Сидорова и других ревнителей Русского Севера.

Особое внимание, причем совершенно обоснованно по опыту своих предшествующих экспедиций, Русанов уделяет будущему экспедиционному судну, не боясь предельно заострить эту проблему: «Если бы мне для полярных исследований предложили на выбор ледокол типа “Ермак” в 6 тысяч тонн водоизмещения и яхту типа “Йоа” в 60 тонн водоизмещения, я бы взял не ледокол, а яхту» (там же), что стало понятным в контексте последующих событий. Для подтверждения своей точки зрения он ссылается на опыт Руала Амундсена при плавании в малоизученных водах.

Однако наиболее интересным, на наш взгляд, является сопоставление двух разных частей «Проекта...». Первая относится к продолжительности работ на Шпицбергене, которая с учетом плавания в оба конца, как это следует из текста («Если бы экспедиция отправилась в начале июня, а возвратилась в октябре, то для работы у нее осталось бы много времени и не приходилось бы слишком спешить» (1945, с. 286), могла бы занять четыре — четыре с половиной месяца. После интенсивного таяния в июне

подходящее время для сухопутных маршрутов при наличии подвижной базы в виде экспедиционного судна наступает в июле и заканчивается, строго говоря, с установлением снежного покрова в середине сентября. Таким образом, реальные полевые работы в маршрутах по главному острову архипелага могут продолжаться лишь на протяжении двух летних месяцев и первой половины сентября. Однако для нас важно, что Русанов в октябре уже намеревался вернуться в Россию. В очевидном противоречии с этими намерениями находится последний, 10-й пункт «Плана Шпицбергенской экспедиции», неоднократно цитировавшийся многими авторами в отрыве от основного контекста: «В заключение нахожу необходимым открыто заявить, что, имея в руках судно выше-намеченного типа, я бы смотрел на обследование Шпицбергена как на небольшую первую пробу.

С таким судном можно будет широко осветить, быстро двинуть вперед вопрос о Великом Северном морском пути в Сибирь и пройти Сибирским морем из Атлантического в Тихий океан» (1945, с. 287).

Если сопоставить две приведенные выше части плана, ясно, что плавание в Тихий океан по этим данным могло начаться только в октябре, тогда как все предшественники Русанова на этом пути отправлялись к своей цели значительно раньше: Норденшельд на «Веге» в 1878 году — в начале июля, Нансен в 1893 году — в конце июля, Толль на «Заре» в 1900 году — также в конце июля, причем все они зимовали далеко от Берингова пролива. Рассчитывать на успех, отправившись в путь в октябре, — очевидный нонсенс, который едва ли стоит приписывать Русанову с его опытом. Поэтому абсолютно прав Василий Михайлович Пасецкий, отметивший, что указанный пункт плана никак не связан именно с 1912 годом, а намечен на будущее.

Рассказав о предварительных планах исследователя, перейдем к их осуществлению. 7 марта 1912 года (по новому стилю) русским консулом в Христиании (тогдашнее название столицы Норвегии) была получена следующая телеграмма: «Желаю купить моторную или парусную шхуну 50 тонн для льдов, телеграфируйте стоимость, Невский, 75. Русанов».

В апреле Русанов и Кучин выезжают в Норвегию в Берген, где осматривают шхуну «Lilba» — все хорошо, кроме одного: фирма — изготовителя мотора уже не существует и, соответственно, гарантий на будущее в части запасных частей к нему нет никаких. Это означает продолжение поисков подходящего судна уже непосредственно в преддверии мая, предварительно намеченного для выхода в море. В середине мая в Тронхейме оказалась подходящая шхуна «Геркулес»

стоимостью в 32 тысячи крон. «Одновременно нужно будет купить фансботы, моторную шлюпку и дополнительный такелаж и сделать ряд других заказов; за некоторые надо будет сейчас же платить... — было бы хорошо, если бы вы перевели на Central Banken 40 тысяч крон, чтобы не задержать покупку судна и выполнение заказов» (1945, с. 291), — пишет 11 мая Русанов из Христиании в Петербург в Министерство внутренних дел.

Спустя неделю в письме директору Департамента общих дел Алексею Дмитриевичу Арбузову он следующим образом описывает достоинства «Геркулеса»: «...крепкое зверобойное судно, уже испытанное в Гренландских льдах. Построен “Геркулес” в 1908 году, то есть совсем новый, имеет 63,43 регистровых тонны нетто, следовательно, помещения для экспедиции настолько просторны, что не требуют переделок. Длина 73,6 фута, ширина 19,6 фута, глубина 8,6 фута. По вооружению это куттер (тендер) — как “Дмитрий Солунский”, только меньше последнего, гораздо крепче и быстроходнее. Мотор “Альфа” “имеет” 24 номинальных лошадиных силы» (1945, с. 292).

Еще через несколько дней Русанов делится впечатлениями от купленного судна на испытаниях в море: «Ну, я вам скажу, такое славное суденышко, что лучше и не найти! Мотор работает совершенно исправно, ровно и дает не меньше 7 верст в час, а под парусами можно идти вдвое и втрое скорее. Парусность огромная, ход великолепный!

Насколько хорош ход у судна, можно судить по тому, что, лавируя при противном ветре, мы держались всего на 3 румба к ветру» (1945, с. 294).

О том, что норвежцы, ревнивое отношение которых к Шпицбергену понятно, не в курсе официального правительственного характера экспедиции, Русанов сообщил в Петербург в конце мая: «Норвежские газеты известили, что эта, устраиваемая на частные средства экспедиция — чисто русская, то есть в ней примут участие только русские и что снаряжена она будет в Александровске, куда и направляются заказы. Таким образом, купив в Норвегии судно, я еще не дал повода говорить норвежским газетам, что я и снаряжаюсь в Норвегии. Тем более что я свел количество заказов в самой Норвегии к возможному минимуму» (1945, с. 295).

Разумеется, нужно до поры до времени не привлекать к правительственному характеру экспедиции особого внимания, что также заботило Русанова, делившегося своими соображениями в письме от 19 мая к одному из чиновников МВД: «Что касается огласки, то скрыть такое громоздкое предприятие, как выход большой экспедиции, оказалось совершенно невозможным. Купить судно, обставить его совершенно иначе,

чем это делается для промысла, было достаточно, чтобы открыть глаза проницательным норвежцам, и я очень рад, что хоть удалось пустить их по ложному следу. В норвежских газетах пишут о нас очень усердно, говорят, что главная цель — гидрология и Новая Земля, о Ш... упоминают вскользь. Надеюсь, что и в русские газеты попадут небольшие сведения» (1945, с. 293). Чем только не приходится заниматься полярнику на «государевой службе» — но поступил он по лучшим канонам спецслужб — не делая секрета из второстепенного, сохранил в тайне главное. А время не ждет — в том же письме приводятся сведения, полученные по радио со Шпицбергена: температура уже +8 или +9, лед выносит из фьордов, судаугольщики готовы принять первый груз. Одним словом — «пора, мой друг, пора», хотя даже вопрос о порте отправления на этой стадии подготовки оставался открытым.

Так, МВД почему-то настаивает на выходе из одного из балтийских портов (возможно, даже не подозревая о том, сколько это отнимет времени и так уже на фоне очевидного опоздания в связи с ранней весной), тогда как Русанов предлагает выходить из Александровска-на-Мурмане, на что было получено согласие лишь в конце мая. Заканчивается вторая половина мая, а экспедиция не укомплектована личным составом, появляются новые кандидаты. Так, академик Н. В. Насонов, директор Зоологического музея, ходатайствует об участии в экспедиции Зенона Францевича Сватоша, чеха по национальности, натурализовавшегося в России, но сохранившего подданство Австро-Венгрии — последнее обстоятельство для такой экспедиции, мягко говоря, совершенно излишнее.

И на этом фоне, когда все идет уже по принципу голова — ноги (не редкость при снаряжении любой крупной экспедиции), Русанов вдруг собрался в Париж (читателю понятно — почему), где, как он считает, «придется пробыть очень недолго: сколько потребуют заказанные инструменты, никак не более» (1945, с. 294). Это вполне правдоподобное объяснение удовлетворило бы самого проницательного человека со стороны, если бы не очередное послание в адрес Арбузова 9 июня, всего за сутки до отъезда из Парижа. В это время Кучин, покончив с делами в Норвегии, вел судно в Александровск-на-Мурмане. В письме между тем возникло имя нового участника экспедиции — точнее участницы, даже если начало послания было вполне деловым:

«Имею честь сообщить Вашему превосходительству, что перевод на 5500 франков был мной своевременно получен и все необходимые закупки и заказы закончены...

...До сих пор оставался нерешенным вопрос о натуралисте. Сватош,

участие которого в экспедиции, я уверен, будет очень ценным, может быть назван только коллектором, так как он, к сожалению, не обладает не только высшим, но даже и средним законченным образованием.

По принятой совещанием программе, Шпицбергенской экспедиции было предложено пригласить естественника, обладающего медицинскими познаниями. Кучин, занимающийся распределением лекарств на “Фраме”, не обладает, однако, даже элементарным знакомством с медициной, в отсутствие лица, систематически и научно знакомого с ботаникой и зоологией, неизбежно должен суживать научные результаты сборов экспедиции, лишая их теоретической основы и взаимной связи.

Ввиду всего вышеизложенного я, со своей стороны, находил бы весьма полезным и желательным участие в экспедиции в качестве натуралиста и медика экспедиции французской гражданки Жюльетты Жан, окончившей естественный факультет Парижского университета и в настоящее время состоящей студенткой медицинского факультета.

Кроме того, указанное лицо работает в Сорбонне над диссертацией на степень доктора геологии у проф. Науга. Как рекомендации от этого профессора, так и документы об окончании университета могут быть переданы мной на рассмотрение Вашему превосходительству по приезду в Петербург.

В заключение замечу, что то обстоятельство, что мадемуазель Жан — француженка, едва ли может служить препятствием в экспедиции, так как она моя невеста, и только отсутствие времени, обусловленное подготовкой к экспедиции, помешало состояться нашей свадьбе теперь.

Примите и проч.

Русанов» (1945, с. 296).

Можно только представить выражение лица действительного статского советника, директора Департамента общих дел министерства, Его превосходительства Алексея Дмитриевича Арбузова при прочтении этого письма. Не будем также пытаться воспроизвести разговор наедине Алексея Дмитриевича и Владимира Александровича, состоявшийся после представления мадемуазель Жан своему шефу по приезду в Петербург, тем более что история его не сохранила.

В суете экспедиционных дел, вплотную переплетающихся с личными, Русанов не выпускал из поля зрения другие события, связанные с Арктикой, судя по статье в газете «Речь» в связи с экспедицией Седова к Северному полюсу. Вот небольшой отрывок:

«Воспользуется ли экспедиция Седова каким-либо новым, еще неиспытанным приемом или средством передвижения? Будет ли она

снаряжена с особенной, исключительной тщательностью? Войдут ли в ее состав лица, закаленные опытом продолжительных арктических путешествий? Кажется, на все эти вопросы придется ответить отрицательно... В чем же можно видеть залог успеха?.. Много ли при этом будет шансов достигнуть Северного полюса? Мне думается — очень и очень немного» (цит. по: Шпаро, Шумилов, 1987, с. 147). Мы помним хлесткую отповедь Русанова своим чересчур назойливым и некомпетентным оппонентам — но здесь другое, прежде всего острая тревога за коллегу-полярника, оказавшегося в сложной ситуации. Как ученый-исследователь, Русанов не видел смысла в походе на полюс — главной цели Седова, которая оказалась для него фатальной. В своих опасениях Русанов оказался прав, хотя и не мог предвидеть научной значимости седовской экспедиции (двухгодичные зимовочные метеонаблюдения, первое пересечение ледникового покрова Новой Земли, съемки ледникового побережья и многое другое), включая появление кадров полярников (Визе, Пинегин, Кушаков), потрудившихся позднее над воплощением планов Русанова в жизнь.

О пребывании Русанова и Жан в Архангельске (куда они приехали по железной дороге, чтобы далее отправиться на рейсовом пароходе «Ломоносов» в Александровск, на встречу с Кучиным на борту «Геркулеса») известно со слов тогда еще совсем юного гида, роль которого исполнила шестнадцатилетняя выпускница Мариинской гимназии этого города

Ксения Минейко (в замужестве Ксения Петровна Гемп), скончавшаяся, перешагнув столетний жизненный рубеж, всего несколько лет назад, будучи доктором биологических наук и обладателем всех мыслимых почетных званий — гражданина Архангельска, члена Географического общества, профессора Поморского государственного университета и т. д. и т. п., живая память Архангельска, сохранившая до конца здравый ум и присущий ей интерес к окружающей жизни. Эта обаятельная женщина из далекого для нас Серебряного века охотно делилась воспоминаниями своей молодости, ознаменовавшейся встречами со многими достойными людьми, среди которых оказались и Русанов с Жюльеттой Жан. Наша беседа состоялась осенью 1983 года, в мое очередное возвращение из Арктики через Архангельск.

— Русанов встречался с моим отцом, который, будучи портостроителем, по своей работе имел отношение и к Северному морскому пути, и к Новой Земле, так что у них было много тем для обсуждений, включая общую деятельность в Обществе изучения Русского

Севера. Владимир Александрович имел очень европейскую внешность и производил впечатление весьма культурного и интеллигентного человека, что и подтверждалось всем его поведением в обществе и манерой держаться с людьми, вести разговор. На словах не резок, а в поступках — мог... В одежде была определенная нарочитая небрежность... Мой отец не считал его плавание в Карское море авантюрой, но думал, что Русанов не говорит всего, что-то скрывает, а в таких делах не скрытничают... Нет, он не пустился бы, как Седов, жертвовать жизнью, но он не говорил всего, хотя отец считал его весьма дальновидным. Похоже, какой-то замысел использовать «Геркулес» по-своему у него существовал заранее.

Помню, что его лекции о Северном морском пути вызвали массу вопросов и много возражений. Почему-то никто из биографов не обратил внимания на его просветительскую деятельность, а он ведь выступал много, и в Обществе по изучению Русского Севера, по гимназиям, и где-то еще... Помню и другое — я видела его новоземельские геологические коллекции не однажды. Почему-то одно время они оказались в Доме колхозника. Похоже, что одно время их использовали в качестве учебного пособия.

Русанов при выступлениях подхватывал любую рекламу, отвечал остроумно, едко... (В отличие от Седова — тот деловито, досконально.) Но вся архангельская общественность осуждала Русанова за его статью в «Речи» по поводу экспедиции Седова, тем более что обоих в городе знали достаточно хорошо. Я бы сказала, что эта статья произвела шокирующее впечатление, причем со стороны Русанова это был весьма неожиданный поступок.

По словам Вылки, Русанов в экспедиции был очень нетребователен, смел, неприхотлив. Вылка вспоминал, как он, например, в маршрутах при недостатке еды мог питаться одной морской капустой. Каких-либо политических взглядов или симпатий не проявлял, но отличался поведением от ссыльных — те были достаточно открытые, веселые, общительные, но в этом скорее сказывался уже его возраст — он был значительно старше их...

Петь любил. Репертуар? Помню, «Не шей ты, мне. матушка, красный сарафан», «Среди долины ровные...». Еще Вылка говорил — про дубочек-то я слышал... Сядет, обнимет колени и поет... Вытку он дважды приглашал в поход на «Геркулесе»...

Почему-то многие представляют Жюльетту Жан хрупкой, изящной парижанкой — совсем не так. Она была крупная, высокая, примерно одного роста с Русановым и ходила, держась прямо, как солдат. На всех

фото она больше всего похожа на себя там, где снята с Русановым в зюйдвестке, видимо, на палубе «Геркулеса». Она говорила мне, что на медицинский пошла по настоянию Русанова и готовилась к какой-то экспедиции, но просила меня не посвящать в наш разговор самого Русанова. Ее определенная сдержанность и молчаливость с нами были, видимо, от непривычной обстановки, но Владимира Александровича она, конечно, обожала, и ее появление в той последней экспедиции, конечно, не было случайностью. Он был к ней внимателен, порой подчеркнуто, но не горел... Видимо, в полной мере его чувства остались с той, с первой, с Марией Петровной — сердцу не прикажешь... Он был все-таки однолюб, до конца, по-русски.

— Но ведь они познакомились уже года два спустя после смерти Марии Петровны... Прошло еще четыре года, прежде чем он написал о ней как о невесте в Орел... — решил уточнить я.

— Бывают ситуации, — ответила Ксения Петровна, — когда время не властно, — похоже, это тот самый случай.

— Означает ли это, что инициатива исходила от нее?

— Вы мыслите слишком прямолинейно, по-мужски, а жизнь сложнее... Но элемент чего-то похожего, видимо, был. Ведь ему было очень плохо в своем веселом Париже, и она по-своему понимала это, помогла пережить ему это очень сложное время. Нет, она не была легкомысленной изящной парижаночкой — скорее, это была женщина, которая устала ждать подарков от судьбы, и, видимо, это сыграло свою роль в их сближении. По крайней мере такой я ее запомнила, когда водила по Архангельску. Для нее это был необычный город, весь из дерева, включая тротуары. Особое впечатление на нее произвел Смольный буян, там где теперь проходит железная дорога от моста через Двину к вокзалу по железнодорожной насыпи. А тогда там было необозримое пространство бочек с песком, варом, дегтем, со всем тем, что нужно для деревянных парусных судов. Воздух буквально густел от запаха смолы...

Кто вас еще интересует? Масленников — купчина, кулак, отнюдь не благотворитель... Слава о нем шла нехорошая. Но выступал в Обществе по изучению Русского Севера, был заинтересован в развитии Севера, считал, что ему надо уделять больше внимания, поддержки, но с четкими понятиями доходности и прибыли. Сосновский — делал в Архангельске карьеру, знающий, сильный, инициативный администратор. Русанов ему был нужен, но в части социальных или политических взглядов это были, конечно, совсем разные люди, в ту пору заинтересованные друг в друге.

Есть о чем задуматься после таких характеристик. Если в части

человеческих отношений определенный домысел правомочен, то события, определившие общую судьбу Жюльетты Жан и Владимира Русанова, из нашего времени выглядят следующим образом. Он был слишком погружен в свои дела, связанные с Арктикой, чтобы тут же по возвращении с Новой Земли осенью 1911 года броситься в Париж к любящей женщине, с которой у него была уже назначена свадьба, — для него дело было на первом месте. А ведь в Орле у него еще оставались сын и немолодая мать, с которыми он все же успел повидаться в феврале 1912 года. Остальное развитие событий вплоть до мая того же года читателю известно. Но отправиться в очередной полярный вояж, не встретившись, не объяснившись и не простившись, он, разумеется, тоже не мог, что и стало главной причиной его появления в Париже в мае. Все, как в обычной жизни, — ничего нового для мужчины-пассионария, старая-старая проблема: любовь и долг, который он сам взвалил на себя. Уверен, даже когда Русанов приехал в Париж, — он не собирался брать свою Жюльетту на борт «Геркулеса», иначе бы прозондировал возможность такого варианта у своих высоких покровителей из МВД, которых он приездом Жан просто поставил перед свершившимся фактом. А в министерстве его характер уже знали, чиновникам тоже было некуда отступать... Думаю, все было решено там, в веселом городе Париже. И это было ее решение, на которое она имела свое право любящей женщины, готовой на все, чтобы разделить судьбу со своим возлюбленным — и разделила... А ему лишь оставалось принять все как есть — так выглядит эта драма сквозь десятилетия, предельно простая и трагическая одновременно.

Поскольку наши сведения о судьбе двух любящих сердец исчерпаны, вернемся к экспедиционной прозе, последним дням в Архангельске, где одновременно завершалась подготовка седовской экспедиции, — надо полагать, оба лидера после статьи Русанова в «Речи» встречи не искали. Зато Русанов встречался с некоторыми участниками будущей седовской экспедиции, например с Николаем Васильевичем Пи-негиным, оставившим об этой встрече свои воспоминания:

«При первом взгляде на Русанова можно было принять его за молодого адвоката или чиновника, — настолько типичны были его городская фигура в широком пальто и мягкой шляпе, его интеллигентская борода, галстук бабочкой и тросточка... И тут же Русанов предложил мне принять участие в этой экспедиции, она отправлялась через неделю.

— Мы, вероятно, зазимуем. Кроме поисков угля на Шпицбергене, если повезет сразу найти уголь и останется время, мы сходим кое-куда в интересные места, там будем зимовать.

— Куда?

— Приходите вечером, обдумав предложение. Если вы согласны, тогда расскажу о своих планах. А для посторонних пока секрет» (1952, с. 77–78).

Чтобы не держать читателя в напряжении назревающей интриги, отмечу, что повторная встреча не состоялась, ничего из интересующего нас Пинегин так и не узнал, но не отметить многие совпадения в его рассказе и рассказе Темп в характеристике Русанова невозможно. Несомненно, в изложении Пинегина отрицательное отношение Русанова, видимо, не к самому Седову, но к целям и задачам седовской экспедиции, главной целью которой, как известно, было достижение Северного полюса. Судя по этому источнику, Русанов считал, что «предприятие Седова вообще было осуждено на гибель» (1952, с. 78). Причины такой позиции нам непонятны, тем более что седовская экспедиция ни в какой мере не могла составить конкуренцию Русанову.

Из Архангельска Русанов, Жан и еще ряд участников экспедиции (включая горного инженера Рудольфа Лазаревича Самойловича) на рейсовом пароходе «Ломоносов» благополучно добрались до Александровска-на-Мурмане, где и встретили «Геркулес» с капитаном Кучиным. 26 июня в Петербург ушла очередная телеграмма: «Задержаны штормом, сегодня выхожу. Русанов».

В письме, отправленном тогда же, он детальнее сообщает о причинах задержки: «Все время один шторм следует за другим и не дает возможности выйти из Александровска... В настоящую минуту все готово к отъезду, но шторм делает этот отъезд совершенно невозможным не только для нашего маленького судна, но даже для огромного ледокола Масленникова “Николая”, который стоит рядом с нами и выжидает лучшей погоды. Снаряжение судна всем необходимым: одеждой, съестными припасами, оружием и проч., оказалось не только достаточным, но даже избыточным. И, насколько это зависит от меня, сделано все, чтобы обеспечить успех экспедиции...

Состав команды очень удовлетворительный и большой: шесть матросов, все опытные люди, бывавшие во льдах.

Несмотря на неблагоприятное в смысле льдов лето, я уверен в успехе...» (1945, с. 297).

С точки зрения ледовой обстановки лето 1912 года оказалось крайне неблагоприятным, но это выяснилось в полной мере в конце навигации, «когда считать мы стали раны, товарищей считать», — Русанова с его экспедицией в этом счете не оказалось. Отставание в сроках выхода против первоначальных достигло уже почти полтора месяца — дальнейшее

ожидание было невозможно. И только радиограмма со Шпицбергена, отправленная 28 июля, возвестила о его первых успехах на архипелаге: «3 июля (старого стиля. — В. К.) прибыли Бель-зунд, перешел непрерывными глетчерами Стур-Фиорд, заполненный льдом. Нашли уголь, сделали заявки. Русанов» (1945, с. 298).

Как-то незаметно за чередой событий и противоречивых известий, в стороне от потребителей текущей прессы, обозначилось отчетливое негласное соревнование двух полярников, в полной мере ставшее известным лишь годы спустя. Этим вторым оказался Нансен, принимавший в то время самое активное участие в шпицбергенских делах. Совсем не случайно год назад он вопреки мнению такого мирового авторитета, как Александр Гумбольдт, поддержал трактовку топонима Свальбард, выдвинутую мало кому известным норвежским филологом Стормом, утверждавшим об открытии Шпицбергена древними скандинавами — викингами аж в 1194 году — с поддержкой Нансена эта сомнительная гипотеза превращалась в солидную заявку. За истекшее время она так и не получила фактического подтверждения, но в тот момент она была, что называется, весьма к месту. Едва ли в этом плавании великий норвежец рассчитывал обнаружить следы пребывания предков на архипелаге, но свою позицию он сформулировал накануне событий совершенно недвусмысленно: «Люди, никогда не бывавшие на Шпицбергене, воображают, будто достаточно, когда им взбрдет в голову стать владельцами крупных земельных участков на севере, — взять с собою лодку, нагруженную досками с надписями и вдобавок с фальшивыми датами, да приколотить эти доски к столбам, установленным на берегу, чтобы получить права и преимущества перед другими людьми, которые здесь жили и трудились уже тогда, когда этих захватчиков еще на свете не было. Известны даже примеры, когда люди посылали в министерство иностранных дел в Лондоне карты Шпицбергена, на которых отмечали как свою собственность большие участки страны, где их нога никогда не бывала» (1938, с. 248). Разумеется, в будущем Нансен видел архипелаг под норвежским суверенитетом, однако он не мог отрицать прав других людей, «которые здесь жили и трудились», а такими были русские, включая Русанова, которого Нансен «раскусил» довольно быстро, когда написал, что «тот прибыл на Шпицберген с целью сделать заявки для русского правительства» (там же, с. 374). Тем не менее Нансен не позволил себе поставить русского соперника в один ряд с дельцами угольного бума на архипелаге в описываемое время, хотя оба высказали свои абсолютно несовпадавшие взгляды на открытие архипелага.

Пока своим выходом в море из Хаммерфеста он опередил Русанова на сутки, но зато двое суток спустя оказался у острова Медвежий, который русские увидели лишь 1 июля. От этого острова русские и норвежцы шли каждый к своей цели практически с одинаковой скоростью в обход полосы старого зимнего льда у южной оконечности Шпицбергена, которая помешала Русанову зайти в Хорнсунн для обследования русской базы экспедиции по измерению дуги меридиана 1899–1901 годов в этом заливе, расположившейся неподалеку от великолепного ориентира — вершины Хорн-суннтинд, изъеденной со всех сторон цирками, заполненными льдом. При этом Русанов не упоминает, использовал ли он результаты топографических съемок указанной русской экспедиции — это очень важно с точки зрения его дальнейших действий уже на ближайшие дни по прибытии на архипелаг. Похоже, что использовал...

В самом деле, курс «Геркулеса» был проложен по кратчайшему пути не просто в Белльсунн, а в его восточный кут — Ван-Мейен-фьорд с бухтой Риндерс современных карт (Михаэлис старых) через пролив Аксель, где сильные приливно-отливные течения явились серьезным испытанием для мастерства капитана Кучина. По пути в устье реки Берцелиус был высажен отряд Самойловича для самостоятельной работы, которая будет описана ниже. «Геркулес» завершил свой переход, по словам Русанова, «найдя удобную пристань у одного из глетчеров» (1945, с. 298). Тем самым Русанов обозначил на местности важнейший ориентир, не имеющий здесь аналогов, его просто не с чем спутать, поскольку ледник здесь, да еще спускающийся в море, единственный — это Паула современных карт. Более того, он дал еще важнейшее дополнительное указание: «Для перехода я выбрал наиболее узкое место между восточным концом Бель зунда и Китовым заливом... Мы пошли... сначала по жидким моренам, а потом по самому леднику, спускающемуся в море...» (1945, с. 299), и далее вплоть до побережья Стур-фьор-да по ледникам Паула и Стронг.

В целом же события 16–17 июля в акватории Белльсун-на — Ван-Мейен-фьорда напоминают хорошо исполненную десантную операцию, в которой «Геркулес» играл роль подвижной плавучей базы, обеспечивающей работы отдельных отрядов, — как и летом 1910 года, у Архангельской губы и полуострова Панкратьева на Новой Земле «Дмитрий Солунский». Вот она, связь времен и одновременно использование удачного опыта. Без такого обеспечения решение самой сложной и рискованной задачи едва ли было бы возможно. Действительно, если Стур-фьорд оказался заполненным льдом (а его присутствие на юге архипелага говорило в пользу такого варианта), то обследование берегов этого залива можно было

выполнить лишь с пересечением главного острова архипелага от ледника Паулы. Причем путь по этому леднику с выходом на ледник Стронг и с последующим посещением Китового залива был уже проделан весной 1900 года отрядом топографа штабс-капитана Сергиевского из экспедиции по измерению дуги меридиана — Русанов только повторил его, и это дает нам основание думать, что какие-то материалы он получил при посещении Петербурга и Пулкова, куда прибыл весной из Парижа. Эти материалы сыграли для него важную роль, поскольку его маршрут выполнялся в самое неблагоприятное на ледниках время — в разгар летнего таяния, когда ледяная поверхность, покрытая зимним снегом, превращается в сплошное снежное болото, — неудивительно, что маршрут, спланированный на четыре дня, затянулся почти на неделю.

Позднее трудности маршрута и свои ближайшие намерения он описал в одном из писем, причем человеку, далекому от экспедиционных и арктических дел, что сказалося на стиле изложения, а главное, на отборе деталей событий, характерных и живописных одновременно: «С собой я взял двух матросов, легонькие палатки, оружие и запас провизии на четыре дня. Вместо того мы проходили шесть дней и последние дни питались далеко не полным рационом и травой. Горы Шпицбергена непроходимы, но по долинам, заполненным глетчерами, была надежда пробраться, особенно если глетчеры восточного и западного побережья сливаются друг с другом, как я и предполагал по аналогии с Новой Землей. На этом слиянии у меня и был построен весь план перехода.

Мы пошли втроем сначала по жидким моренам, потом по самому леднику, спускающемуся в море. Мы вышли 5 июля (18 июля нового стиля. — В. К.) в четверг. Через три дня мы достигли берегов Стур-фиорда. Переход туда был нелегок. Все время пришлось идти непрерывными ледниками, отдыхать на снегу, спать на льду; за отсутствием дров мы не могли думать о горячем чае или супе всю дорогу до самого моря, где нашли дрова и даже одну пустую норвежскую хижину, в ней и переночевали. Приходилось долго на перевалах брести по глубокому снегу, полному водой, а в конце ледника переходить через глубокие опасные трещины и перебрывать потоки ледяной воды выше колен. Отдыхали на мокром снегу, а спали на льду или на камнях. Стур-фиорд к северу от Китового залива оказался покрытым сплошным, неразбитым льдом — “паком” — и совершенно недоступным в этом году для судов в своей северной части. Согласно программе и указанию совещания, я не пойду в Стур-фиорд (на судне. — В. А".), сэкономив, таким образом, время на обследование как западного побережья, так и лежащей к востоку от Шпицбергена обширной

и в значительной мере неизвестной области Ледовитого океана (подчеркнуто мной. — В. К.).

Затем я стал подвигаться вдоль западного берега Стур-фиорда к северу. Путь вдоль этих гористых берегов чрезвычайно интересен, но необыкновенно труден. Горы высотой до 400–500 метров висят стеной над морем, и вдоль этой стены приходится ползти, хватаясь за каждый выступ и каждую минуту рискуя упасть в море или на плавучий лед. Подвижные осыпи катятся под ногами, камни с треском летят вниз с большой высоты; один раз камень попал мне в грудь, другой, более крупный камень едва не ушиб матроса. И вот эти-то отвесные скалы на большом протяжении оказались очень богатыми слоями тяжелого каменного угля прекрасного качества. Я сделал заявки в трех местах западного берега Стур-фиорда.

Если путь вдоль берегов был труден, то возвращение новым, более северным и чрезвычайно растресканным ледником оказалось в высокой степени опасным. При первой предварительной рекогносцировке, предпринятой, так сказать, для нащупывания обратного пути, я провалился в ледниковую трещину. Только чудом остался я жив, задержавшись от падения на глубине около 100 метров фестоном затвердевшего снега, повисшего на стене трещины; дело ограничилось тем, что я глубоко изрезал себе об острый лед пальцы и потерял шапку, которая полетела куда-то в черную зияющую глубину.

Еще никогда я не видел так близко около себя смерть, как в этот раз! На другой день мы все трое крепко связались друг с другом и, ощупывая каждый шаг палками, обходя и перепрыгивая сотни трещин, благополучно миновали этот опасный глетчер.

Гигиеническое состояние, в общем, очень хорошее у всех, только мне приходится носить на пальцах бинты как воспоминание о шпицбергенских ледниках, но благодаря заботливому уходу (очевидно, Жюльетты Жан. — В. К.) опухоль руки уже прошла и раны заживут быстро.

В смысле питания у нас очень недурно для моря: для всех одинаковая здоровая и по возможности разнообразная пища. Расположились на судне с возможными удобствами. Никаких ссор и сколько-нибудь серьезных недоразумений не бывало и, надеюсь, не будет.

В общем, все идет хорошо, и уже теперь достигнуты экспедицией некоторые, смею думать, существенные результаты, и, как видите, совершенно рассеяна ваша тревога о том, что неблагоприятный в смысле распределения изобилия льдов год помешает исследованию. Всего наилучшего. Преданный Вам Русанов.

P. S. Ничего не буду пока писать вам о моих дальнейших

предположениях, кроме того, что сейчас мы пойдем в Адвент-бай для осмотра эксплуатируемых угольных шахт и оттуда в Королевский залив (Конгс-фьорд современных карт. — В. К.) и на остров принца Чарльза (Карла современных карт. — В. К.), поскольку погода не помешает пристать к последнему (у этого острова, кажется, недостает хороших, защищенных гаваней). А затем я постараюсь возможно полнее использовать остающееся у меня время и обширные запасы, и если бы пришлось зазимовать посредине океана, то для этого мы вполне подготовлены. И, несмотря на всю нежелательность такой зимовки, которой я постараюсь всячески избежать, экспедицию на Шпицберген можно считать вполне удавшейся уже по достигнутым ею теперь, в данное время результатам» (1945, с. 299).

Это обширное послание слишком информативно и вместе с тем неполно и уже по указанным причинам требует детального комментария с точки зрения предвидения возможных препятствий в выполнении задуманного.

Во-первых, опасения тяжелых ледовых условий в Стур-фьорде, сделанные на основе единственной встречи со льдом у южной оконечности Шпицбергена, который, по мнению Русанова, выносило именно из этого фьорда, полностью подтвердились. Таким образом, решение на пересечение главного острова архипелага для обследования западных берегов Стур-фьорда было в создавшейся ситуации единственно правильным.

Во-вторых, подтвердилась и его надежда на присутствие здесь, на Шпицбергене тех же форм ледников, что и на Новой Земле, — с указанием на их слияние в верховьях. На этот раз такой сугубо теоретический изыск был использован в сугубо практических целях для выбора маршрута, что характерно для Русанова.

В-третьих, это был наиболее сложный из всех пройденных им ранее маршрутов, причем в крайне неблагоприятных условиях. Из 150 пройденных за шесть дней километров 120 пришлось на ледники с их кошмарными снежными болотами.

В-четвертых, основная цель была практически достигнута — уголь найден, заявки выставлены, причем в кратчайшие сроки.

В-пятых, в связи с выигрышем во времени у Русанова появляется какая-то идея исследований арктической области к востоку от Шпицбергена, которая, возможно, потребует зимовки, о чем он упоминает предельно неконкретно и смутно — «скрывает», по Гемп и Пинегину, проявляя отмеченные ими качества.

В-шестых, «возвращение новым, более северным и чрезвычайно растресканным ледником оказалось в высокой степени опасным». Это явно относится к соседнему леднику Томсона, который в состоянии подвижки (о чем Русанов не знал) представлял непреодолимую преграду. Пришлось возвращаться прежним путем, вызвавшим задержку в выполнении маршрута.

Добавим также, что пребывание отряда Русанова на берегах Стурфьорда было подтверждено в 1925 году Сергеем Владимировичем Обручевым из состава экспедиции на «Персее» (флагмане тогдашнего нашего научного флота), обнаружившим между ледниками Стронг и Томсона один из трех заявочных столбов Русанова.

Что же за это время сделал отряд Самойловича, работавший в не столь тяжелых условиях? С момента высадки 17 июля в устье речки Берцелиуса Самойлович с матросом, у которых в распоряжении была гребная шлюпка, предприняли самостоятельный маршрут по южному побережью Земли Норденшельда. После неудачной попытки войти в устье указанной речки (мешало сильное течение) было решено перейти на несколько километров восточнее к подножию горы Кольфьелетт высотой 715 метров на современных картах. Здесь на склоне были обнаружены, как полагал сам Самойлович, контакт юрских (возраст в пределах 140–200 миллионов лет назад) и третичных пород (по современным данным — нижнемеловых и третичных, более молодых) и пласт хорошего угля толщиной до метра. В эти дни в одном из маршрутов Самойлович встретил норвежского топографа Коллера и убедился, что норвежцы приступили к съемкам центральной части Шпицбергена, перспективной на уголь.

Следующий объект исследований Самойловича — гора Сундевальтоппен высотой 1025 метров, расположенная восточнее, которая была «сложена из темных третичных сланцев (возраст последних 60 миллионов лет. — В. К.) и песчаников, причем последние на высоте 642 метра принадлежали к той же свите третичных песчаников с отпечатками растений, которая тянется с западного берега к восточному Шпицбергену» (Самойлович, 1913, с. 10–11). Со склонов горы в самом куту фьорда можно было разглядеть маленький силуэт «Геркулеса», до которого в случае каких-то неблагоприятных обстоятельств можно было добраться вдоль берега за один-два перехода, в чем, однако, не возникло необходимости. В целом же маленький отряд Самойловича работал в значительно более благоприятных условиях по сравнению с тяжелейшим маршрутом самого Русанова. Временами даже возникало желание любоваться окрестными пейзажами, тем более что они заслуживали того, что и нашло отражение в

отчете Самойловича: «Необыкновенно красивое зрелище представляли остроконечные горы Шпицбергена и ледники при ярком сиянии солнца. Глубокое, неведомое чувство испытываешь при виде этого непередаваемого величия красоты» (1913, с. 12).

Вскоре после возвращения Русанова оба отряда встретились и подвели некоторые итоги: обнаружен целый ряд месторождений угля, выставлено десять заявок, начали знакомство с иностранными работами — для начала вполне неплохо.

Оставалось отправить первые известия о начале работ, для чего потребовалось зайти на норвежскую радиостанцию в заливе Грин-Харбор на северном побережье Земли Норденшельда, где уже побывал на своей яхте Фритьоф Нансен, которому необходимо уделить свою долю внимания на этих страницах.

Только 13 июля (новый стиль) Нансен в условиях скверной видимости отметил в своем дневнике, что наконец «различил очертания берега, тянувшегося к северу» (1938, с. 92). Почти сутки у норвежцев ушли на то, чтобы уяснить свое местоположение, — и немудрено: вместо Грин-Харбора они оказались в Английской бухте на 100 километров севернее. Лишь 16 июля яхта «Веслеме» бросила якорь у норвежской радиостанции на мысе Финнесет и на берег сошел сам Нансен и другие участники плавания. Таким образом, Русанов и Нансен достигли цели плавания практически одновременно. Нансен оставался здесь двое суток, знакомясь с окрестностями и состоянием дел на американской шахте, а затем приступил к гидрологическим наблюдениям в Ис-фьорде. Затем не спеша, с многочисленными высадками, на своем судне он постепенно продвигался на север архипелага, где выполнил ценные гидрологические наблюдения, которые позволили ему детально разобраться в режиме здешних вод, собрав попутно много других сведений об истории и природе архипелага, которые он позднее изложил в своей книге, переведенной на русский язык и вышедшей в издательстве Главсевморпути в 1938 году. 16 августа, выполнив намеченную программу, удалившись к северу от берегов полуострова Нью-Фрислан примерно на полградуса вплоть до кромки разреженного льда, он повернул обратно. Однако вернемся к нашим землякам во главе с Русановым.

28 июля «Геркулес», обогнув Землю Норденшельда с запада, вошел в воды Грин-Харбор (теперь Грен-фьорд) или Зеленой гавани, как этот залив нередко именовался в старой русской литературе и письмах самого Русанова, и бросил якорь у норвежской радиостанции, откуда в Санкт-Петербург ушли цитированные выше телеграмма и письмо с изложением

общего хода экспедиции, а также намерениями на будущее, включая весьма туманные планы после завершения работ на Шпицбергене. Здесь наши исследователи познакомились также с работой норвежской радиостанции, где сверили по сигналам времени европейских обсерваторий свои хронометры и, как не без удивления отметил Самойлович, «говорили по радиотелеграфу с капитаном парохода, шедшего из Исландии в Англию» (1913, с. 15). Определенно, Арктика все больше приобщалась к достижениям остального мира, и этот процесс в ближайшем будущем должен был охватить и нашу Российскую Арктику. Потребовалось время и для знакомства с действовавшей поблизости американской шахтой, не считая маршрутов в окрестностях. «Берега Зеленой гавани, — отметил позднее Самойлович, — сплошь уставлены заявочными знаками отдельных предпринимателей и акционерных обществ, стремящихся здесь захватить участки с целью производства добычи угля, который здесь залегают мощными пластами, однако лишь американцы добывают уголь. Предприятие пока в зачаточном состоянии, и только этим летом была проведена штольня 200 м длиною» (там же, с. 16). Участники экспедиции побывали также на западном берегу залива, где обнаружили развалины русского зимовья площадью около сорока квадратных аршин и кладбище с пятнадцатью могилами.

Последующие три недели на архипелаге оказались насыщены событиями, причем береговые исследования, как и раньше, велись двумя отрядами (Русанова и Самойловича) на удалении друг от друга с очевидной целью охватить побольше территории. 1 августа в бухте Колсбэй (30 километров восточнее Грен-фьорда) высадился отряд Русанова, а несколько часов спустя в Адвент-фьорде — отряд Самойловича. Окрестности последнего залива уже становились центром угольной добычи на архипелаге. Здесь возник рабочий поселок горняков (сейчас административный центр архипелага Лонгьир), который, как отметил Самойлович, «состоит из 2–3 десятков строений, в которых помещаются рабочие, администрация, машины, склады и животные» (там же, с. 27).

Спустя двое суток отряд Русанова также прибыл в Адвент-фьорд. Завершив здесь знакомство с шахтами, экспедиция на «Геркулесе» перешла в Сканскую бухту на Земле Диксона, на что потребовалось всего несколько часов. За 5 и 6 августа отряд Русанова обследовал окрестности бухты, выставив три заявочных столба на перспективных участках. Отряд же Самойловича безрезультатно с точки зрения поисков угля проследовал по побережью вплоть до мыса Тордсен. 7 августа экспедиция вернулась в Колсбэй, очевидно, с целью продолжения разведки. И не напрасно — на

будущий год именно здесь русские горняки под руководством Самойловича добыли первые пуды русского угля и отправили его морем в Россию.

9 августа судно перешло в бухту Трюгхамна (Спокойная у Самойловича), где восточнее горного массива Алькхорн работы продолжались до 12 августа. «Берега Спокойной гавани, — писал позднее в своем отчете Самойлович, — уставлены заявочными знаками преимущественно норвежских компаний» (там же, с. 31), добавив несколько слов по поводу каменноугольной фауны в породах, слагающих мыс Сельма, а также о находках русских развалин в бухте Йемер со следами пожара. В короткие сроки с 29 июля по 11 августа на берегах Исфьорда было выставлено десять заявочных знаков на перспективных участках побережья в трех районах: между Колсбэй и Ддвент-фьордом, в Сканской бухте и окрестностях бухт Трюгхамна и Йемер. Один из таких заявочных столбов в виде обрезка бревна из плавника длиной 110 сантиметров с вырезанной надписью «Rusanov, 1912» был обнаружен в 80-х годах прошлого века ленинградским геологом А. И. Пановым и передан в Музей Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге.

С 12 по 15 августа работы проходили на Земле Принца Карла и начались, повидимому, с бухты Сельвоген — единственной более или менее удобной стоянки для небольших судов на всем восточном побережье этого острова. Как и прежде, отряды Русанова и Самойловича работали отдельно, однако детально восстановить их маршруты по имеющимся материалам невозможно, поскольку даже в отчете Самойловича они охарактеризованы весьма скупо: «Русанов в сопровождении матроса Раввинова отправился по водоразделу (видимо, через водораздел. — В. К.) на западную сторону острова. Я же с матросом Черемхиным пошел к северо-западу, имея намерение ледником пройти к тому же западному побережью» (там же, с. 33).

К западному побережью от бухты Сельвоген ведет удобная сквозная долина Скоттия-Гаук, и, видимо, Русанов воспользовался ею, по крайней мере в одном направлении. По Самойловичу, однако, он возвращался каким-то иным путем, который он не детализирует. Что касается маршрута самого Самойловича, то, видимо, он перевалил к западному побережью через хребет, составляющий основу острова, по сквозной долине с ледниками Магда и Доде, где-то южнее пика Джесси, а затем, «пройдя на север вдоль западного берега острова, мы другой дорогой вернулись к гавани» (там же, с. 33). Даже если отряд Самойловича возвращался по сквозной долине с ледниками Миллер и Фолл, то и в этом случае протяженность маршрута порядка 50 километров для опытных, уверенных

в себе полевики лежит в пределах реального, тем более что ледники этого острова, по личному опыту автора, достаточно проходимы. Интересно другое. Все описанное Самойловичем показывает, что оба исследователя по каким-то неясным нам причинам стремились именно к западному побережью, тогда как именно «на восточном берегу острова Принца Карла выступают сбросы третичных отложений» (1945, с. 277), в какой-то мере связанные с проявлениями углей. К сожалению, ни Русанов, ни Самойлович не раскрывают результатов этих поисков, более продолжительных, чем в Колсбэе или Сканской бухте. Однако известно, что каких-либо заявок на этом острове, сложенном преимущественно древними магматическими породами (так называемая серия Гекла-Хук), сделано не было.

15 августа началось обследование полуострова Брегодовер, как и раньше, двумя отрядами; причем, учитывая сроки и расстояния, «Геркулес» мог пройти в Английскую бухту только проливом Форланнсуннет. Само по себе это свидетельствует о высоком мастерстве капитана А. С. Кучина, поскольку глубины в проливе у стрелки Сарса достигают в отлив всего 3 метра, тогда как осадка его судна составляла 2,5 метра, и это все в условиях сильных приливно-отливных течений, сопровождаемых так называемым «сулоем» — особым неприятным и опасным волнением, возникающим на границе течений.

Судя по данным Самойловича, отряд Русанова был высажен в Английской бухте, вблизи выставленного здесь заявочного столба (см. карту). Отсюда пересечь полуостров Брегодовер можно по сквозным долинам, которыми Русанов уже неоднократно пользовался в подобных случаях. Более заметен с юга при подходах с моря путь по ледникам Эдит и Ловен Восточный, который просто бросается в глаза. Однако в семи километрах западнее между горами Бьервиг (высотой 615 метров) и Стеен (730 метров) располагается более низкий и удобный перевал, которым обычно пользуются в настоящее время обитатели ближайшего поселка Нью-Олесунн и многочисленные туристы. Преодолеть оба этих перевала не сложно, тем более для такого опытного и испытанного маршрутника, каким был Русанов.

Проблема преодоления гор на полуострове Брегодовер занимала и самого Самойловича. Когда «Геркулес» обогнул полуостров Брегодовер с запада в обход мыса Квадехукен и вошел в современный залив Конгс-фьорд (у Русанова Королевский залив), Самойлович в своей статье-отчете отметил: «Мы бросили якорь в южной гавани (то есть в окрестностях современного поселка Нью-Олесунн. — В. К.), Отсюда я отправился на

юг... Идя вдоль возвышенности, мы довольно быстро достигли Английской гавани... обойдя, таким образом, полуостров Брегодовер по побережью» (Самойлович, 1913, с. 34). На этом маршруте были отмечены признаки угля, следы пребывания поморов, а также четкие проявления карста в известняках. Самойлович описал также еще одну особенность здешних пород карбона, буквально бросающуюся в глаза: «Часть известняков (по сведениям современных геологов — песчаники-алевролиты. — В. К.) благодаря содержанию окиси железа окрашена в кирпично-красный цвет, и река, размывающая эту породу, несет в море совершенно красную воду» (там же, с. 34). Об обратном возвращении к судну Самойлович ничего не сообщает, но поскольку он выходил к хорошо заметному перевалу у горы Бьервиг, скорее всего он им и воспользовался для сокращения маршрута, чтобы пересечь полуостров напрямую. Видимо, сходным образом поступил и Русанов, отправившись от своего заявочного знака в Английской бухте на север по ледникам Эдит и Ловен Восточный.

Заключительный этап экспедиции проходил в крайне сжатые сроки. Рекогносцировка побережья с посещением горных предприятий в Конгс-фьорде и установкой четырех заявочных знаков в Кросс-фьорде была выполнена в четыре дня. Интересно, что заявки на берегах Кросс-фьорда были выставлены на породах Гекла-Хук, что заведомо исключает здесь наличие углей. Возможно, Русанов и его люди нашли здесь нечто, чего не оказалось на Земле Принца Карла.

Уже 20 августа «Геркулес» вышел для выполнения гидрологического разреза длиной в 150 километров к западу от входа в Конгс-фьорд. (Сходные наблюдения с борта «Веслеме» здесь выполнил Нансен на три недели раньше.) Во время этих работ, как изящно написал Самойлович, «разрешился вопрос об отъезде в Россию зоолога Сватоша и меня, как окончивших свои работы на Шпицбергене, а также боцмана Попова, заболевшего во время плавания» (там же, с. 36). 23 августа экспедиция на «Геркулесе» подошла к низкому мысу Финнесет и бросила якорь у норвежской радиостанции. На борт стоявшего поблизости огромного по сравнению с «Геркулесом» туристского парохода поднялись три порядком обросших человека в потрепанной экспедиционной одежде. Когда спустя некоторое время «Геркулес» направился в открытое море, они долго махали ему вслед, еще не подозревая о том, что видят крохотные фигуры своих товарищей на его палубе в последний раз.

На норвежской радиостанции осталась телеграмма: «Исследования на Шпицбергене закончены, вся программа выполнена, поставлено 28 заявок. Собраны палеонтологическая, зоологическая и ботаническая коллекции.

Обследована вся горная промышленность Шпицбергена. Много льдов. Иду на восток. Русанов» (Русанов, 1945, с. 301).

На следующий день у низкой косы бросила якорь яхта Нансена, также завершившего работу в полярных водах. Встреча полярников так и не состоялась, хотя год спустя их маршруты едва не пересеклись в ледовых просторах Карского моря.

Глава 12. Пойти и не вернуться

...Пойти, открыть и пропасть.

Р. Киплинг

Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа.

Н. Тихонов

...Иду на восток — вот лейтмотив всех действий Русанова в попытке разгадать тайну его исчезновения. Слишком мало, чтобы создать более или менее удовлетворительную версию, объясняющую исчезновение метеора, прочертившего сумрачный арктический небосвод от горизонта до горизонта и оставившего во мраке полярной ночи свой след, который сохраняется до сих пор как пример верности избранному долгу, научного успеха и нестандартных решений, поражающих воображение его последователей уже почти на протяжении века. И еще — готовностью оплатить свой выбор самой высокой ценой...

В развитии описанных ниже событий нет ничего сколько-либо неожиданного. При внимательном изучении оставшихся немногочисленных документов обнаруживается полное сходство с экспедициями 1909–1911 годов, когда Русанов выдвигал в противовес официальным свои собственные программы, более обширные и, несомненно, более сложные, — стиль максималиста, привыкшего работать на пределе возможного. Только на этот раз предупреждение для высокого начальства прозвучало еще более отчетливо, если не вызывающе, о чем читателю известно по предшествующей главе. Таким образом, Русанов из своих намерений не делал секрета, как и не брал обязательств. На это обратил внимание, возможно, самый дотошный из биографов Русанова В. М. Пасецкий, отметив, что указанное намерение тот «не конкретизирует, не приурочивает к 1912 году, а как бы намечает на будущее» (1961, с. 135), с чем невозможно не согласиться. Не случаен, разумеется, зимовочный запас продовольствия, как и неоднократные предупреждения самого Русанова о возможности зимовки. Нет ничего неожиданного и в реакции руководства

— в 1910 году губернатора Сосновского, а в 1912-м — высоких чиновников из министерств иностранных и внутренних дел, которые, имея лишь общее представление об арктических делах, препоручают окончательное решение своему бывалому протезе, целиком полагаясь на его опыт и знания. Поэтому те, кто говорят о каком-то неожиданном развитии событий после завершения работ на Шпицбергене, или искренне заблуждаются, или заведомо игнорируют известные факты, которых действительно немного.

Ограниченность информации о последнем походе Русанова требует предельной осторожности в воссоздании финала его последнего предприятия, начиная с того момента, когда 24 августа горы Шпицбергена растаяли в тумане за кормой «Геркулеса». Пока определенно можно утверждать о двух событиях.

Первое — достижение «Геркулесом» Новой Земли в последний день августа подтверждается телеграммой, оставленной Русановым в Маточкином Шаре и переданной с попутным рейсовым судном на Большую Землю:

«Юг Шпицбергена, остров Надежды окружены льдами. Занимались гидрографией. Штормом отнесены южнее Маточкина Шара. Иду к северо-западной оконечности Новой Земли, оттуда на восток. Если погибнет судно, направляюсь к ближайшим по пути островам: Уединения, Новосибирским, Врангеля. Запасов на год. Все здоровы. Русанов» (Визе, 1948, с. 108). Эта телеграмма была доставлена «Ольгой Константиновной» в Архангельск и 4 сентября (23 августа старого стиля) 1912 года поступила к управляющему делами архангельского губернатора Г. А. Садовскому достаточно быстро — всего за четверо суток. Еще трое суток ушло на ее изучение, прежде чем она проследовала дальше по адресу, отнюдь не официальному, — А. И. Стюнkelю, родственнику одного из чиновников Департамента общих дел МВД. О реакции директора этого департамента А. Д. Арбузова, который курировал всю подготовку последней русановской экспедиции, или М. М. Пуришкевича ничего не известно. Спустя месяц, 27 сентября текст телеграммы появился в газете «Новое время». К этому времени наверняка уже были опрошены вернувшиеся в Россию Р. Л. Самойлович и З. Ф. Сватош, которые ничем не могли помочь чиновникам МВД, поскольку Русанов с ними своими намерениями не поделился.

На переход со Шпицбергена до Маточкина Шара «Геркулес» затратил практически восемь суток, видимо, напрямую, поскольку по совокупности сведений кромка льда в Баренцевом море в то время располагалась на 76 градусе северной широты. Почти сорок лет спустя пребывание Русанова в Маточкином Шаре, по рассказам принимавших его ненцев, описал в своих

воспоминаниях Вылка — он не мог оставаться равнодушным к судьбе человека, сделавшего для него так много.

«Судно “Геркулес” по прибытии в бухту Поморскую встало на якорь примерно в 500 метрах от берега. Русанов и другие члены экипажа добирались до берега шлюпкой. В становище Маточкин Шар Русанов больше всего находился у местного населения. В момент ухода последней шлюпки к борту своего судна в теплой и дружеской обстановке прощался с местными жителями, собравшимися проводить в дальний путь своего самого близкого друга — друга ненцев... Собрались все: мужчины (9 человек), женщины (8 человек) и дети (5 человек) бухты Поморской на берегу. В момент от-швартования шлюпки от берега все взрослое население из боевого оружия дало троекратный салют в честь отбытия своего незабываемого друга и неутомимого исследователя Арктики Владимира Александровича Русанова. Когда судно “Геркулес” уходило в море все дальше и дальше, жители бросились в гору, чтобы еще раз приветствовать и пожелать Русанову и его спутникам счастливого плавания.

Необходимо указать, что погода в тот момент не благоприятствовала путешествию Русанова, так как еще до проводов его на борт судна поднялся сильный восточный ветер, от которого даже стоявшее на рейде судно “Геркулес” дало большой крен на борт, и все жители становища Маточкин Шар вместе с Русановым удивлялись такому случаю. Хотя день был ясный, но над горами острова Новой Земли было много “сердитых” облаков, предвещавших нехорошую погоду. Пролив был чист и льдин не было. Здесь хочу пояснить в отношении еще наших старых примет: если подул восточный ветер и над горами появились белые облака, это значит, что из Карского моря приближается к берегам острова ледяной покров (разбитые льдины).

Отец мне рассказывал, что Пеанов, уходя в далекое плавание на шлюпке до своего судна “Геркулес”, все время махал своей шляпой провожающим его жителям и находился в необычайно хорошем настроении» (Пасецкий, 1971, с. 204–206).

Отметим пока лишь своеобразный стиль старого ненца (в момент написания письма ему было около семидесяти лет, причем после описанных в нем событий прошло более сорока), некоторую «заштампованность» и, видимо, определенную редакционную правку при публикации. Тем не менее описанные обстоятельства (в частности, начало боры при отходе судна со всеми сопутствующими ей признаками) даны совершенно отчетливо и не случайно — погодные условия играют в жизни

новоземельцев значительно большую роль, чем для горожанина средней полосы России. Скорее всего, бора ускорила выход «Геркулеса» в свой последний рейс. Указание, что «судно уходило в море все дальше и дальше» с учетом конкретного мышления ненцев свидетельствует, что оно направилось именно в Баренцево море по западному берегу Новой Земли, а не в пролив Маточкин Шар к востоку, навстречу стоку, требовавшему сложной лавировки.

Второе, также очевидное событие, теперь не оставляющее сомнений, — достижение «Геркулесом» берегов Таймыра — было доказано находками гидрографов Главсевморпути в самом конце полевого сезона 1934 года, причем далеко в стороне от линии маршрута, обозначенного в последней телеграмме с Новой Земли.

Свидетельство пребывания участников экспедиции Русанова у таймырского побережья было получено при следующих обстоятельствах. В навигацию 1934 года гидрографическая партия А. В. Лютостанского из Сибирского гидрографического управления на боте «Сталинец» работала в шхерах Минина на востоке Пясинского залива. Район оказался сложным, часть островов и побережья была нанесена на карты схематично, а часть вообще отсутствовала. Когда между островами Кравкова и Рингнеса был обнаружен новый, неизвестный небольшой по размерам остров, на него была высажена группа топографа А. И. Гусева, который в процессе съемок обнаружил в его центральной возвышенной части столб высотой 2–2,5 метра, обложенный у основания грудой камней высотой около метра. Столб оказался в средней части затесанным, а на месте затеса была аккуратно вырезана надпись «Геркулес 1913». Он был установлен примерно на высоте 30–40 метров над уровнем моря. Вблизи были найдены также поломанные старые нарты и цинковая крышка от патронного ящика. Гусев разобрал каменную грудку в надежде обнаружить какой-то письменный документ, однако его ожидания не оправдались. Засечками он определил положение находки: 75 градусов 42 минуты северной широты, 88 градусов 18 минут восточной долготы.

Вскоре на другом небольшом безымянном островке примерно в 80 километрах южнее в районе зимовья охотников Колосовых другой топограф со «Сталинца» Михаил Иванович Цыганюк 10–11 сентября наткнулся на остатки смерзшейся одежды, поломанный фотоаппарат «Кодак», горный компас с разбитым стеклом, дробовые патроны 16 калибра, остатки ружья и якобы два документа — мореходную книжку на имя Александра Спиридоновича Чукчина, окончившего Патрикеевское мореходное училище, а также справку о прохождении судовой службы,

выданную Василию Григорьевичу Попову, датированную тем же годом, помимо нескольких визитных карточек. Эти сведения были опубликованы Н. Литке в «Известиях Государственного географического общества» (вып. 67, № 2 за 1935 год) со следующим заключением: «Совпадение дат столба “Геркулес” с датами документов позволяет сделать предположение, что удалось обнаружить район пребывания и, видимо, гибели экспедиции Русанова (столб, документы, одежда, шалаш). Все вышеуказанные вещи находятся пока у топографа Цыганюка, сотрудника Сиб ГУ, но телеграфно их предписано переслать в Ленинград...

Все вышеизложенное составлено на основании личного расспроса гг. Розанова и Руденко, лично выдавших все вещи и лично говоривших с топографами Цыганюком и Гусевым» (Литке, 1935, с. 257). Добавим, что С. Д. Руденко — капитан гидрографического судна «Циркуль», а М. П. Розанов — начальник зверобойной Карской экспедиции, люди с положением и кругозором, очевидно, способные оценить значение подобных находок.

Казалось, разгадка русановской тайны близка — если уж стали доступными такие личные документы, как мореходная книжка Чукчина, то обнаружить все остальное, в первую очередь дневниковые записи участников отчаянного предприятия, — вопрос ближайшего будущего. Однако, к общему разочарованию, чего-либо подобного в акте приемки обнаруженных документов на постоянное хранение во Всесоюзный арктический институт не значится, причем особо отмечено, что найденные бумаги «настолько неясны и неполны, что не дают представления о содержании их текстов за исключением: 1) одной карточки (фотографии. — В. К.) “Георгий Николаевич Александров”, наклеенной на почтовую карточку, на которой осталось изображение дома с садом на берегу реки или моря; 2) части текста одного документа, содержащего слова: “Василью Григорьеву Попову в том, что он плавал на вверенном мне пароходе ‘Николай’ Д. И. Масленникова в должности матроса навигации 1911 года с 1 марта по 20 декабря 1911 г.”; 3) ясного оттиска почтового штемпеля “Архангельск 13. 4. 08”; 4) сохранившегося адреса на почтовой карточке “становище Териберка, Александру Петровичу Чукчину”; 5) текста истлевшей визитной карточки “Зенон Францевич Сватош”». И это все!

Однако сведения о находке мореходной книжки одного из членов экипажа «Геркулеса», увы, попали во многие серьезные публикации и стали чуть ли не главным доказательством в пользу версии гибели экипажа, поскольку, мол, подобные документы их владельцы берегут до последней крайности. Все правильно, кроме самого главного — столь убедительного

документа на месте находок не оказалось, а то, что было обнаружено, носит настолько случайный характер, что наводит на мысль о сортировке с целью отбора необходимого для дальнейшего пути. Важный урок на будущее — информация, полученная из вторых рук, к сожалению, не может претендовать на достоверность — это не более чем некая ориентировка для дальнейшего поиска. Такой вывод следует из публикации Н. Литке.

Виднейший специалист в области полярных льдов и одновременно по истории изучения Российской Арктики член-корреспондент Академии наук В. Ю. Визе следующим образом интерпретировал результаты находок: «Сделанные “Сталинцем” и “Торосом” находки доказывают, что “Геркулесу”, несмотря на исключительно тяжелое состояние льдов в Карском море в 1912 году, все же удалось проникнуть далеко на северо-восток этого моря. Около берега Харитона Лаптева судно, повидимому, было вынуждено зазимовать, а может быть, его раздавили льды. Выждав окончание полярной ночи, Русанов и его спутники, очевидно, направились пешком на Енисей, причем, весьма вероятно, двигались отдельными группами. Обнаруженный на острове Попова — Чукчина лагерь, был, повидимому, одной из последних стоянок уже сильно ослабевших путников» (1948, с. 109).

На таком скудном информационном фоне любые детали приобретают важнейшее значение, и немало их содержится в письме второго помощника капитана «Сталинца» А. В. Ма-рышева в Архангельский краеведческий музей, отправленном также почти двадцать лет спустя после описанных событий:

«После рассказа Цыганюка о своей находке Гусев рассказал о своей. В кают-компании “Сталинца” возникли горячие дебаты, в результате которых стало ясно, что судно открыло следы экспедиции Русанова. Старший помощник капитана Ржевский-Бондырев и я неоднократно просили начальника отряда Лютостанского разрешить кому-нибудь из нас высадиться на остров Попова — Чукчина и произвести на нем детальные поиски и сбор предметов. Лютостан-ский, будучи очень ограниченным человеком, не придавал должного значения находкам Гусева и Цыганюка (“Мало ли в Арктике людей гибло!”) и в нашей просьбе нам отказал. Таким же ограниченным человеком оказался и капитан “Сталинца” Дубровин, не поддержавший нашей просьбы и не высадивший одного из нас на поиски своей властью. Этим поиски были остановлены на два года.

По окончании плавания я вернул Цыганюку его находки, которые в конце концов попали в Музей Арктики в Ленинграде...

В 1936 году слухи о нахождении “Сталинцем” следов экспедиции

Русанова дошли до Арктического научно-исследовательского института. Его директор, профессор Р. Самойлович, пригласил меня для информации. Кроме устного доклада, я дал Самойловичу письменный (который нигде не фигурирует в качестве документа. — В. К.), в котором подробно было изложено о находках Гусева и Цыганюка, а также были изложены соображения о судьбах экспедиции Русанова. Самойлович повздыхал о трагической судьбе экспедиции Русанова, но вопреки моим ожиданиям ничего конкретного об организации поисковой экспедиции не сказал. Больше я с Самойловичем не встречался.

В результате чьих усилий я не знаю, но осенью 1936 года гидрографическому судну “Торос”, находившемуся в ведении Гидрографического управления Главсевморпути, уходившему из Архангельска на автономную зимовку в архипелаге Норденшельда в Карском море, было поручено произвести поиски на острове Попова — Чукчина. Капитаном “Тороса” был В. А. Радзиевский, начальником экспедиции Н. Н. Алексеев.

“Торос” подошел к острову Попова — Чукчина в конце навигации и не располагал временем на детальные поиски, к тому же мне кажется, ни Радзиевским, ни Алексеевым, торопившимся к месту намеченной зимовки, не придавалось значения поискам в историческом смысле.

Остров был прочесан цепью людей. Все находки, в том числе донесения Русанова, которые были найдены в смерзшемся состоянии, были упакованы в ящик и с л/п “Георгий Седов” отправлены в Ленинград. Какие реликвии, кроме донесения Русанова, были тогда найдены, мне неизвестно (подчеркнуто мной. — В. К.). Все документы превратились в труху и в Арктический музей в Ленинграде попал лишь автограф от донесения. На этом единственном разе официальные поиски экспедиции закончились» (Пасецкий, 1971, с. 9–10). Видимо, в процессе этого посещения гидролог П. П. Рахманов нашел блокнот с автографом работы В. А. Русанова «К вопросу о Северном пути через Сибирское море». Можно лишь предполагать, что исследователь намеревал обобщить опыт плавания 1912 года.

В 1938 году уже в качестве капитана гидрографического судна «Профессор Визе» А. В. Марышев снова посетил остров Попова — Чукчина в поисках следов экспедиции Русанова, однако каких-либо ее признаков не обнаружил и пришел к выводу, что «повидимому, торосовцы в своих поисках разворошили весь плавник и этим уничтожили место лагеря русановцев» (там же, с. 11), что не исключено. Этот моряк оставил описание острова, которое приводится ниже:

«Остров Попова — Чукчина состоит из двух возвышенностей, покрытых тундрой и соединенных между собой галечным перешейком, покрытым массой плавника, среди которого и был лагерь Чукчина и Попова. На перешейке острова имеется озеро, у которого и был расположен лагерь.

При посещении этого острова в 1938 году я обратил внимание, что обрывки одежды вели к озерку. Но озерко тогда было покрыто льдом. Я полагал, что в озерке найду останки Чукчина и Попова, поэтому я посетил в 1941 году этот остров. Озерко оказалось сухим, и на его дне я нашел головку норвежского сапога с горбатым носком, голенище которого, повидимому, съедено песцами, и выцветшие обрывки синего свитера. Эти предметы я передал сотруднице Вашего музея в конце 1941 года после возвращения «Якутии» в Архангельск» (там же, с. 11–12).

Свою информацию Марышев также дополняет услышанными им сведениями о находке изъеденного ржавчиной винчестера на острове Колосовых (соседнего с островом Попова — Чукчина), а также находками в 1941 году костей, которые он принял за человеческие.

Однако вся эта, казалось бы, весьма ценная информация целиком опровергается специальным письмом М. И. Цыганюка, которое хранится ныне в фондах Музея Арктики и Антарктики, утверждавшего, что «никаких донесений Русанова, упоминаемых Марышевым в своей записке, в действительности найдено не было... Донесения Русанова, якобы найденные «Торосом», не что иное, как выдумка Марыше-ва». Очевидно, эти взаимоисключающие свидетельства возвращают нас в 1934 год, когда выяснился сам факт пребывания последней русановской экспедиции у таймырского побережья, ровным счетом ничего не проясняя в судьбе участников экспедиции, причем целый ряд, казалось бы, убедительных обстоятельств со временем не только не получил подтверждения, а был опровергнут. Например, экипажем «Тороса» в Музей Арктики были переданы кости, которые под инвентарным номером 657 хранились в качестве человеческих останков вплоть до 1972 года. Однако специальная экспертиза в составе кандидата биологических наук Е. И. Кузьминой, кандидата географических наук В. А. Троицкого и главного хранителя фондов В. В. Кондратьевой актом от 22 июля того же года на основании заключения специалистов Зоологического музея Академии наук СССР признала их принадлежащими... кольчатой нерпе...

По нашему мнению, описанные находки подтверждают первоначальные планы Русанова плыть именно к Енисею, куда, видимо, его не допустили льды. Тем самым он почти выполнил свое намерение. Что

касается пунктов, перечисленных в тексте последней телеграммы, оставленной на Новой Земле, то для понимания их появления в указанном документе остается переадресовать читателя к работам Русанова «О Северном морском пути в Сибирь» (особо фраза «Гольфстрим поднимается от острова Вилькицкого вдоль северо-западных берегов Азии по направлению к мысу Челюскина» (1945, с. 82) или «Возможно ли срочное судоходство между Архангельском и Сибирью...», где ключевая фраза «это течение медленно передвигает полярные льды от северных сибирских берегов к Гренландии» (там же, с. 66). Таким образом, отмеченное течение, по мнению Русанова, омывает острова, перечисленные в его телеграмме из Маточкина Шара, к которым он и намеревался направиться, «если погибнет судно», чего не понимали многие полярные историки, приписывая ему якобы пропуск частицы «не» в последней телеграмме от М. С. Боднарского до Д. И. Шпаро с А. В. Шумиловым.

Выделение этих двух главных опорных событий позволяет лучше понять неудачи проводившихся поисков. Все, что лежит между отплытием с Новой Земли и первыми находками у таймырского побережья, — это, видимо, десятки независимых друг от друга сюжетов, из которых складываются, как из рассыпанной мозаики, наши попытки обретения истины применительно к судьбе одного из самых значительных русских полярников. Состояние проблемы заставляет нас использовать все, что может пригодиться в будущем, тем более что сейчас невозможно определить, какое звено окажется решающим. В отличие от других полярных исследователей, трагический финал которых нам понятен (Циволька, Пахтусов, Седов и т. д.), судьба Русанова и после гибели не дает успокоиться нашей памяти, будоражит наши души, будит наш интеллект в стремлении разгадать загадку его исчезновения.

Не станем упрекать наших предшественников в потере времени. В сходных условиях поиски Франклина начались значительно позже после получения последних известий, чем поиски Русанова. А что касается всего последующего — Арктика умеет хранить свои тайны, и примеров тому множество. Так, мы, например, не знаем до сих пор всего, что сопровождало гибели двух экипажей (почти 150 человек!) экспедиции Франклина полтора века назад. Вероятно, никогда не узнаем финала дрейфа «Святой Анны», не знаем, где и когда прервался последний полет Амундсена, как и многого другого. И тем не менее суждения многих специалистов в связи с исчезновением Русанова, включая также многочисленные гипотезы и домыслы, игнорировать нет оснований.

Из полярных корифеев о возможной судьбе Русанова первым

высказался сам Нансен, к мнению которого все заинтересованные лица не могли не прислушиваться. Полярные пути-дороги Нансена и Русанова в первый раз почти пересеклись вблизи норвежской радиометеостанции на мысе Финнесет у южной окраины современного Баренцбурга на Шпицбергене. Значение этой едва не состоявшейся встречи Нансен понял, когда до него дошли слухи об исчезновении Русанова, и пожалел, что не смог переубедить упрямого русского. Думаю, что последнее сомнительно по двум причинам — Русанов едва ли поделился с ним своими намерениями да и едва ли поддался уговорам. Не тот случай и не та личность...

По мнению Нансена, «Русанов возымел несчастную идею, что благодаря впадающему в море Гольфстриму на востоке севернее Новой Земли должны находиться открытые водные пространства, которые и представляют самый верный и легкий путь к сибирским берегам. Он, очевидно, упустил из виду, что опыт прошлых лет указывает как раз обратное... С тех пор никто больше не слышал об экспедиции. Быть может, судно было затерто льдами и стало дрейфовать на север, где и погибло, подобно “Святой Анне” — судну другой русской экспедиции под руководством Брусилова, в том же году застрявшего во льдах Карского моря...

Этот год был отмечен целым рядом несчастных экспедиций. Погибла германская экспедиция Шредер-Шранца, затем две русские экспедиции — Русанова и Брусилова, а еще одна русская экспедиция терпела бедствие на Земле Фран-ца-Иосифа, но эту экспедицию в конце концов удалось спасти.

Многовато для одного года! Причина этих неудач, повидимому, в господстве уэлмановского газетного духа времени (как я назвал бы это), преуменьшавшего действительные трудности полярных экспедиций» (1938, с. 374–376).

Расшифруем отдельные положения, высказанные Нансеном, поскольку то, что было очевидно для его современников, спустя век уже требует пояснений. Начнем по порядку.

Во-первых, откровенно говоря, суждения Нансена по поводу открытой воды севернее Новой Земли на пути в Сибирь и противоположного опыта прошлых лет просто непонятны — не мог же он не знать о многочисленных плаваниях своих земляков, норвежских зверобоев, от которых и стало известно впервые о необычной ледовой обстановке на севере Карского моря. Во-вторых, оба исследователя — и Русанов, и Нансен, высказываясь по поводу одной и той же проблемы, не обладали всей полнотой необходимой информации, и уже поэтому ожидать

совпадения в их суждениях невозможно. В-третьих, дрейф «Святой Анны» имел самое непосредственное отношение к поискам Русанова, а также к взглядам Русанова на ледовый режим Карского моря.

Летом 1912 года, то есть практически одновременно с Русановым, капитан «Святой Анны» Г. Л. Брусилов в своем стремлении пройти по Северному морскому пути вошел в Карское море через Карские Ворота к югу от Новой Земли (наиболее сложный вариант по Русанову), и у берегов Ямала попал в смертельную ловушку. Дрейфом льдов беспомощное судно буквально поволокло в Центральный Арктический бассейн, откуда в конце концов из всего экипажа уже на Земле Франца-Иосифа к людям вышло всего два человека, которые и рассказали о том, что произошло.

Такое развитие событий оказалось полной неожиданностью для современников, и трагический финал обрел мистический оттенок. В самом деле — из четырех предшествующих известных случаев дрейфа («Димфна» и «Варна» — в 1882–1883 годах, «Мечта» — в 1900-м и «Бельгика» — в 1907-м) он проходил или на юг вдоль побережья Новой Земли, или по часовой стрелке с выносом в Карские Ворота. Тогда не знали, что система дрейфа на юге Карского моря не остается постоянной. В 1912 году она оказалась разомкнутой, одновременно с усилением северной составляющей, что и решило судьбу «Святой Анны».

В недавнем прошлом проверка теории практикой в условиях Арктики нередко оплачивалась человеческими жизнями, как это произошло в конце концов и с самим Русановым, даже если он подтвердил правоту своих научных взглядов выходом к Таймыру... Однако развитие событий на Таймыре было за пределами его теоретических разработок и остается тайной, не поддающейся пока разгадке. Он превзошел по степени проникновения в природный процесс самого Нансена. Отметим, что последние русановские находки были сделаны всего в 350 километрах восточнее Диксона, совсем немного по арктическим понятиям. Однако любой опытный полярник со стажем или полярный историк напомним, как один из спутников Амундсена погиб всего в четырех километрах от жилья на острове Диксон, когда у него за спиной осталось восемьсот, — Арктика способна нарушить самые логические построения и доводы, это несомненно.

Фраза «этот год был отмечен целым рядом несчастных экспедиций» не случайна, ибо нансеновский перечень был неполным. Трагические события одно за другим преследовали первопроходцев и на другом конце планеты в Антарктиде, где в полном составе погиб при возвращении с Южного полюса отряд Скотта, а немного позже та же участь постигла большую

часть отряда Дугласа Маусона. Такой трагический период занял несколько лет и объяснялся тем, что со старыми подходами и техническим оборудованием (собачьи упряжки и моторно-парусные суда) полярники пытались решать новые задачи, для которых многократно испытанные заслуженные средства уже не годились. В сложившейся ситуации люди буквально надрывались, когда малейшая оплошность становилась непоправимой и вела к фатальному исходу. На общем мрачном фоне особую роль приобретал человеческий фактор, значение которого в каждом отдельном случае проявлялось по-своему и с трудом поддается оценке, как это, видимо, было и у Русанова.

А на этом сложнейшем, порой трагическом фоне иные деятели в стремлении к известности и дешевой популярности порой устраивали настоящие клоунады, в связи с чем Нансен особо выделил «уэлмановский газетный дух» («что ни строка — навет, что ни абзац — отврат», по Цветаевой). Американец Уолтер Уэлман начал свою деятельность в Арктике благодаря своему спонсору миллионеру Циглеру (его имя носит остров на Земле Франца-Иосифа). Спонсора будущий покоритель полюса «покорил» квадратной челюстью, которая, по мнению спонсирующей стороны, свидетельствовала о неукротимости духа в стремлении к цели. До полюса обладатель квадратной челюсти так и не добрался, но зато в одном из проектов предложил лететь к полюсу на воздушном шаре, снабженном гайдропом в виде... гигантской колбасы, начиненной самыми питательными и калорийными яствами. По мнению «изобретателя», задевая за торосы и оставляя на льду колбасные обрывки, подобное «новшество» обеспечило бы экипажу воздушного судна благополучное возвращение в цивилизацию в случае непредвиденной посадки на лед. Газеты с восторгом мусолили некоторое время столь оригинальный сюжет, пока не нашлось что-то не менее потрясающее воображение читателей. Испытать на практике это чудо-изобретение, кажется, не удалось, но отношение Нансена к подобным проектам было однозначным, что отражает процитированное выше замечание в стиле «O tempora, o mores!».

Некоторая замедленность в восприятии событий в Арктике в общественном сознании была связана с отсутствием в то время радиосвязи на малых судах, которая не спасла, как известно, суперлайнер «Титаник» в том же несчастном 1912-м, когда зловещая роль человеческого фактора (гонка за пресловутой Голубой лентой в сочетании с незначительными недочетами в организации судовой службы) на фоне природного процесса (усилившейся разгрузки ледников Гренландии в связи с началом потепления Арктики) проявилась в полной мере и обошлась почти в

полторы тысячи жизней.

Самойлович в своих лекциях после возвращения со Шпицбергена также не считал ситуацию для экипажа и экспедиции на «Геркулесе» угрожающей, о чем свидетельствует текст его выступления:

«Теперь, когда мы находимся в этой уютной, ярко освещенной зале, 11 отважных людей и среди них одна женщина ютятся в небольшой, ими самими выстроенной избе, занесенной сугробами снега, среди бесконечной ледяной пустыни.

Беспроглядная шестимесячная полярная ночь окутала их, но вскоре уже на восточной стороне горизонта зардеется алая полоска далекого солнца. Солнечные лучи с каждым днем будут все ярче разгораться, будя воспоминания о далекой Родине и надежду на скорое возвращение. Пусть эти лучи скажут нашим соотечественникам, что их не забыли на Родине и ждут возвращения экспедиции с новыми ценнейшими сведениями о неисследованных полярных областях» (1913, с. 38).

В навигацию 1913 года в России уже обеспокоились отсутствием вестей сразу от трех экспедиций — Русанова, Брусилова и Седова, в связи с чем сторожевик «Бакан» получил задание на обследование севера Новой Земли — оно было выполнено, но ничего подозрительного обнаружено не было и, как мы теперь знаем, не могло быть: на то время все перечисленные экспедиции оказались совсем в других местах, причем в разных. Утверждение о том, что экспедиции

Русанова, Брусилова и Седова просто были забыты, не соответствует реальным фактам. Как только летом 1913 года печать сообщила об обнаружении останков на Гуляевских Кошках в Печорской губе неизвестного судна, в официальных кругах прошла целая серия запросов в попытке установить их принадлежность к одной из пропавших экспедиций. Тут же запросили даже Норвегию, поскольку «Геркулес» снаряжался, как известно, там... Обнадеживающих известий получено не было.

Показательно, что в догадках относительно судьбы Русанова и его спутников терялись самые информированные и прозорливые. Тот же Нансен в 1913 году во время своего плавания на Енисей при посещении острова Диксон позднее отметил в своей книге: «Приятно было бы также узнать, побывал ли здесь Русанов. Он должен был еще в прошлом году обойти с севера Новую Землю на моторной шхуне “Геркулес”, руководствуясь гибельным, на мой взгляд, расчетом, что этот путь к устью Енисея гораздо легче, чем южный, так как тут-де проходит Гольфстрим, который очистит ему путь от льдов...

...За Русанова труднее ручаться, чтобы он непременно стремился

попасть в Диксонову гавань; но и у восточного побережья Карского моря он вряд ли побывал, так как там нигде ничего о нем не слыхали.

Скорее он направился к берегу Новой Земли, но только не к западному, так как экспедиция Седова не нашла там его следов. Значит, он перезимовал где-нибудь на восточном берегу, хотя странно, что мы до сих пор ничего не слыхали о нем или его спутниках.

Поэтому мне жутко становится за судьбу русановской экспедиции. Нет ничего невероятного, что судно затерло льдом и унесло к северу. Что случилось в таком случае с экипажем, трудно сказать» (1915, с. 72). Даже у крупнейшего знатока Арктики начала XX века по поводу участи Русанова сплошные гадания, причем не имеющие ничего общего, как оказалось, с реальной ситуацией, в частности выходом к таймырскому побережью, о чем Нансен просто не мог знать и, главное, не предполагал...

В создавшейся ситуации 18 ноября 1913 года (то есть год спустя после исчезновения отмеченных выше экспедиций) сорок видных членов Русского географического общества, среди которых были такие известные полярники, как Ф. Н. Чернышев, К. А. Воллосович, И. П. Толмачев, М. Я. Кожевников и ряд других, обратились в Совет РГО с письмом, начало которого говорит само за себя:

«Нижеподписавшиеся члены Императорского Русского географического общества обращаются к Обществу с просьбой взять на себя инициативу в деле организации помощи экспедиции Г. Я. Седова и к розыску экспедиций Г. Л. Брусилова и В. А. Русанова и оказанию им помощи. Нижеподписавшиеся обращают внимание общества на то, что вспомогательные экспедиции необходимо организовать уже в предстоящем 1914 году, так как всякое промедление в этом деле может иметь самые печальные последствия» (Архив РГО в Санкт-Петербурге).

Два месяца спустя П. П. Семенов-Тянь-Шанский обратился к министру внутренних дел Н. А. Маклакову, повторив аргументацию авторов указанного выше письма, особо подчеркивая необходимость именно государственной помощи: «Помощь правительства, надлежащим образом, быстро и во время организованная, может их спасти и тем самым возвратить Отечеству энергичных честных работников для дальнейшей деятельности» (Архив РГО в Санкт-Петербурге).

Однако у администраторов самого высокого положения по последнему пункту были свои соображения, и в особом журнале Совета министров руководители всех трех экспедиций аттестовались как «легкомысленно, на свой страх и риск, пустившиеся в плавание» (Пинхенсон, 1962, с. 523–524). Очевидно, министры в своих суждениях об опасностях Арктики

руководствовались иными соображениями, чем полярные исследователи. Интересно еще одно обстоятельство — хотя многие исследователи последнюю телеграмму Русанова из Маточкина Шара толковали как информацию о намерении плыть в Тихий океан (особенно в сопоставлении с десятым пунктом «Плана Шпицбергенской экспедиции»), суда Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана под начальством Б. А. Вилькицкого на навигацию 1913 года приказа отслеживать признаки присутствия Русанова и его «Геркулеса» восточнее мыса Челюскин не получали и, видимо, не случайно — никто из серьезных полярных моряков текст последней телеграммы Русанова с Новой Земли как намерение плыть в Тихий океан не воспринимал, подобная трактовка появилась позднее.

В навигацию 1914 года к поисковым работам на пространстве от Новой Земли и Земли Франца-Иосифа на западе и до мыса Челюскин на востоке привлекались четыре моторно-парусных судна — для того времени беспрецедентные поисково-спасательные силы, тем более что никто не мог сказать, сколько их необходимо для достижения цели. Казалось, такая армада сделает свое дело, даже в условиях начавшейся Первой мировой войны, но все получилось иначе.

«Герта» (капитан И. П. Ануфриев, с которым Русанов дважды встречался на Новой Земле в 1911 году), снабженная радио, с зимовочным запасом продовольствия на экипаж и экспедицию Г. Я. Седова, отправилась к мысу Флора на Земле Франца-Иосифа, где обнаружила записку о предстоящем возвращении седовской экспедиции, гибели самого Г. Я. Седова, встрече с остатками экипажа «Святой Анны» и судьбе самой шхуны. Таким образом, это судно выполнило свою задачу в довольно короткие сроки.

«Андромеда» (капитан Г. И. Поспелов, тот, что командовал «Дмитрием Солунским» в русановской экспедиции 1910 года) обследовала западное побережье Новой Земли. Позднее пароход «Печора» доставил в Крестовую губу гидросамолет типа «Морис Фарман» с мотором мощностью 70 лошадиных сил, причем сам аэроплан напоминал внешне этажерку. Отсюда морской летчик в чине поручика по адмиралтейству Я. И. Нагурский совершил несколько полетов у Новой Земли, открыв, таким образом, эру авиации в Арктике, — единственное, чего, кажется, в своих планах на будущее освоение Северного морского пути не предвидел Русанов. Г. И. Поспелов, принявший участие в одном из полетов, оценил возможности самолета как исследовательского средства, включая ледовую разведку для полярных мореплавателей. Однако это замечательное событие никак не

прояснило судьбу последней экспедиции Русанова.

В навигацию 1915 года роковую роль для дальнейших поисков сыграло следующее обстоятельство... Как известно, на Земле Франца-Иосифа участники экспедиции Седова, возвращаясь на Большую Землю, встретили двух человек из экипажа шхуны «Святая Анна» — штурмана В. И. Альбанова и матроса А. Э. Конрада. Они доставили судовой журнал, по которому была восстановлена картина дрейфа в Карском море первоначально в северном направлении в обход Новой Земли с востока, а затем севернее Земли Франца-Иосифа общим направлением ближе к Шпицбергену. Руководствуясь этим, заведующий гидрометеорологической частью Главного гидрографического управления Л. Л. Брейтфус заявил: «Если Русанову в 1912 году, также как и в 1910 году, удалось, несмотря на крайне неблагоприятное состояние льдов, проскочить в Карское море, обогнув мыс Желания, то он должен был бы подвергнуться здесь новой опасности... “Геркулеса” следует уже искать не в Карском море, а в водах к северу или северо-западу от Шпицбергена, то есть, надо полагать, судно это разделило участь судна “Фрам” и судна “Святая Анна”» (1915, с. 35). Такой, с позволения сказать, прогноз лишил экипаж «Геркулеса» и участников экспедиции Русанова последних шансов на спасение, если даже кто-то из них еще оставался в живых.

Неудивительно, что «Герта» в навигацию 1915 года направилась к берегам Шпицбергена, где не обнаружила ничего сколько-либо заслуживающего внимания, а «Андромеда» с тем же успехом обследовала север Новой Земли вплоть до ледников Норденшельда. Общий итог оказался разочаровывающим, хотя на востоке складывалась совсем иная поисковая ситуация.

«Эклипс», прочный зверобойный барк, несмотря на солидный возраст (построен еще в 1867 году), с самого начала предназначался для поисков Русанова прежде всего в Карском море, причем с расчетом на зимовку. Судно получило великолепное снаряжение и провиант из запасов Руала Амундсена, который по обстоятельствам военного времени вынужден был отложить очередной арктический вояж, но охотно поделился со спасателями, узнав о целях экспедиции. На судне находилась радиостанция с радиусом действия около 800 километров с русским же радистом Д. И. Ивановым. Обязанности капитана выполнял старый морской волк Отто Свердруп, которому в знаменитом дрейфе 1893–1896 годов Нансен поручил командование «Фрамом». Таким образом, Свердруп не был новичком в Карском море — в этом рейсе он практически повторил маршрут, проделанный 20 лет назад, причем в условиях неблагоприятной ледовой

обстановки, которую родоначальник ледового и погодного прогноза в Арктике В. Ю. Визе охарактеризовал так: «При просмотре всех плаваний, совершенных между Енисеем и мысом Челюскин... навигационный сезон 1914 года был в этом районе наименее благоприятным в отношении льдов» (1948, с. 154). Действительно, достигнув 28 августа 1914 года острова Диксон и продолжив 4 сентября свое плавание на восток, «Эклипс» уже в 30 милях встретил тяжелый лед, который и задержал его у острова Скотт-Гансена на несколько дней. Только 12 сентября он достиг мыса Штеллинга, где в ожидании улучшения ледовой обстановки простоял до 26 сентября, чтобы окончательно зазимовать в бухте, названной в честь судна. Таким образом, при своем плавлении вдоль таймырского побережья Свердруп шел на восток и северо-восток мористей внешней кромки многочисленных прибрежных островов, что с точки зрения поставленной задачи оказалось роковым — он прошел на расстоянии всего 10 миль от тех мест, где в 1934 году были обнаружены немые свидетельства русановской экспедиции. Однако с учетом ледовой обстановки и характера побережья язык не поворачивается обвинить заслуженного полярного морехода в небрежности — всю операцию надо было планировать по-иному с использованием нескольких поисковых групп для тщательного прочесывания извилистого побережья с многочисленными островами. Но и это не все — на фоне общего разочарования от полученных поисковых результатов (между прочим, полностью достигнутых в отношении седовской экспедиции и частично брусилловской) «Эклипс» получил совсем иное задание, причем срочное.

В навигацию 1914 года ледокольные пароходы из Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (начальник капитан 2-го ранга Б. А. Вилькицкий) «Таймыр» и «Вайгач» в своем плавлении из Владивостока на запад успешно одолели в конце августа рубеж мыса Челюскин, считавшийся по ледовым условиям наиболее опасным, но вскоре у островов Фирнлея столкнулись с непроходимыми льдами и в конце концов после многих неудачных попыток зазимовали в заливе Дика на расстоянии 16 миль друг от друга. В это напряженное время вечером 8 сентября радист с «Таймыра» услышал в эфире работу судовой радиостанции — впервые в этой части Арктики, что, несомненно, было чрезвычайным событием. Последовал радиообмен:

«“Таймыр” и “Вайгач” находятся у островов Фирнлея. Скажите, кто вы и где». Ответ не заставил себя ждать:

«“Эклипс”, экспедиция для поисков Брусилова и Русанова, находимся между островами Тилло и Маркгама. Свердруп».

Хотя с началом зимовки корреспондентов разделяли какие-то 275 километров, по арктическим масштабам это было совсем немного, что способствовало в недалеком будущем и личным контактам. Первоначально Свердруп хотел даже подвести свой барк ближе к русским судам, чего, однако, не произошло, по мнению русских моряков, — к счастью, поскольку в этом случае «Эклипс» выходил из зоны слышимости станции в Югорском Шаре. В результате русские моряки впервые в условиях зимовки получили возможность не только связаться с руководством в Петербурге, но и общаться с родными на личные темы, а главное, согласовывать свои планы с начальством. Время было военное, общественная ситуация беспокойная, и планы на будущее менялись весьма часто. Уже по указанной причине устремления Свердрупа были направлены в основном на восток, тогда как первоначальная цель его поисков, как оказалось позднее, находилась на расстоянии вдвое меньшем, но в противоположном направлении.

Взаимодействие экипажей «Эклипса» и русских кораблей с завершением полярной ночи в будущем 1915 году между тем все усиливалось, а это означало, что первоначальная задача поисков Русанова на фоне отсутствия какой-то новой более или менее отчетливой информации оттеснялась новыми событиями на второй план все больше и больше. Как отмечалось, ледовая обстановка в навигацию 1914 года оказалась достаточно сложной и по мере завершения зимовки все чаще возникал вопрос — а освободятся ли корабли из ледяных оков к концу лета 1915 года, тем более что состояние экипажей оставляло желать лучшего, причем не обошлось и без смертных случаев. Главное гидрографическое управление в возникшей ситуации решило поиски Русанова прекратить и сосредоточиться на эвакуации части экипажей «Таймыра» и «Вайгача».

С этой целью по радио был согласован план отправки лишних людей с кораблей сначала на «Эклипс», а затем их пешего похода на Енисей по суше с помощью опытного промышленника, бывшего военного моряка Никифора Алексеевича Бегичева, осевшего после демобилизации на Таймыре. С «аргишем» (стадом) из 500 оленей в конце мая он выступил из Вол очанки, пересекая обширное «белое пятно» на западе Таймыра общим направлением к бухте Эклипс, до которой было всего 600 километров, где зимовал Свердруп со своим судном. Карт на это пространство не было, и положение начального и конечного пунктов своего грандиозного маршрута относительно друг друга Бегичев представлял приблизительно, рассчитывая окончательно сориентироваться на морском побережье. Со своим многочисленным аргишем, который одновременно обеспечивал и

транспорт, и провиант, он чувствовал себя в этой мертвой пустыне вполне уверенно. Тем временем капитан «Эклипса» начал принимать сорок русских моряков на свое судно, и новая незапланированная спасательная операция, возникшая спонтанно, но грандиозная по своим масштабам, набирала темп. На фоне этих перемещений десятков людей судьба экипажа «Геркулеса» все больше отходила на второй план, интерес к ней вытеснялся другими конкретными задачами. Освободившиеся из льда «Таймыр» и «Вайгач» благополучно пришли 30 августа на Диксон, где по настоянию Академии наук шло строительство крупной полярной станции и мощной рации, которая уже держала связь с радиостанцией в Исакогорке вблизи Архангельска, куда ледокольные суда пришли 16 сентября. Кстати, здесь проявилось еще одно русановское предвидение — русский метеоролог Мультианов-ский буквально «по крохам» составил первый прогноз развития ледовой обстановки для зимующих кораблей, который в значительной мере оправдался.

Не вдаваясь во второстепенные детали этого грандиозного предприятия, лишь отметим, что Бегичев доставил своих подопечных к сентябрю в Гольчиху на нижнем Енисее без каких-либо потерь. На этом поиски Русанова прекратились, если не считать посещения «Эклипсом» острова Уединения, поскольку он также значился в тексте телеграммы, оставленной Русановым в Маточкином Шаре. Результат был тот же, что и на Новой Земле, Шпицбергене и таймырском побережье...

Удивительно, как участники поисков проигнорировали пророческий прогноз, высказанный по свежим следам Р. Л. Самойловичем: «Может быть также, что они успели обогнуть мыс Желания и, не достигнув устьев Оби или Енисея, принуждены были остаться на зимовку» (1913, с. 38). Как в воду глядел! Практически тоже самое утверждал участник седовской экспедиции Н. В. Пинегин, с которым Русанов встречался перед отправлением на Шпицберген: «Из записки, оставленной в Маточкином Шаре, можно заключить, что целью этого похода было стремление доказать возможность прохода на судне к устьям сибирских рек мимо оконечности Новой Земли» (1935, с. 42). А поисковики вместо сосредоточенного поиска именно в устьях сибирских рек вели его на огромном пространстве от Шпицбергена до мыса Челюскин с одинаковым нулевым результатом.

В том, что к мнению начинающих полярников, не отягощенных заслугами Р. Л. Самойловича и Н. В. Пинегина, не прислушались, ничего удивительного нет. Однако каким образом организаторы поисков не приняли во внимание ближайшие планы исследователя, причем известные, представляется теперь в ретроспективе событий просто удивительным. В

экспедицию 1910 года Русанов уже планировал будущие операции к устьям сибирских рек: «Если работы экспедиции дадут положительные результаты, то уже в 1911 году можно будет сделать первый пробный рейс из Архангельска в Енисей по новому Ледовито-Океанскому пути» (1945, с. 67). Однако, как мы уже знаем, полевой сезон 1911 года был целиком использован для работ на Южном острове Новой Земли. Тем самым выполнение планов, намеченных накануне экспедиции 1910 года, автоматически переносилось на 1912 год. На уровне того времени было трудно согласиться, что такой вариант является реальным, хотя будущее показало, что это так. Один из участников событий 1915 года морской врач Л. М. Старокадомский позднее писал, вспоминая горькую участь русановцев, что «может быть, замеченное с “Таймыра” вертикально поставленное бревно на мысе Штеллинга также было знаком, поставленным этими мужественными людьми» (1959, с. 276). Совершенно не исключено...

Следует отметить, что маршруты спасателей буквально со всех сторон окружают часть побережья, где впоследствии были обнаружены следы экипажа злосчастного «Геркулеса»: «Таймыр», «Вайгач» и «Эклипс» с севера, Бегичева с востока, а спустя шесть лет еще и с юга, образуя треугольник погрешностей со сторонами в первые десятки километров — и никто не сделал попытки проникнуть внутрь него... Больше всего этой возможности было у Свердруп, тем более что он располагал собачьими упряжками, которые использовал для похода к «Таймыру» в мае 1915 года. Для похода на запад на вдвое меньшее расстояние ему понадобилось бы всего несколько дней, но этого не произошло. Разумеется, едва ли он застал кого-нибудь из участников последней русановской экспедиции в живых, это можно утверждать достаточно уверенно...

Именно такой финал последней экспедиции Русанова запечатлел в своих воспоминаниях известный художник В. В. Переплетчиков (тот, что образовывал Илью Выходца во время его «зимовки» в Москве), даже если его трактовка в какой-то части является спорной: «Один мой знакомый переживал когда-то тяжелую душевную драму. Не зная, куда девать себя, он отправился на Новую Землю, не без мысли, что там, в опасностях полярной экспедиции, он, может быть, найдет естественный конец своей тяжелой жизни. Но случилось обратное: он увлекся полярными странами, совершенно переродился душевно, совершил туда ряд экспедиций... Теперь он, быть может, погиб, от него давно нет известий. И если он погиб, то погиб он бодрый, любя жизнь, любя эти волшебные страны... Торжествует другое: человеческая энергия, предприимчивость, любовь к

знанию, которые не боятся смерти» (1918, с. 17). Эти строки напоминали реквием первопроходцу и тем, кто остался с ним, хотя и в мажорных тонах, заставляющие вспомнить знаменитый теннисоновский девиз: «Бороться и искать, найти и не сдаваться», которые исповедовало не одно поколение наших полярников.

Вспоминая все события, связанные с попытками разгадать загадку исчезновения одного из самых успешных и результативных российских исследователей Арктики, невольно приходишь к выводу, что неудачи поисковых экспедиций 1913–1915 годов были обусловлены целым рядом причин. Первая — сложность таймырского побережья с массой островов и укромных бухт, похожих друг на друга словно близнецы. Вторая — смена первоначального задания Свердрупу в связи с необходимостью эвакуации части людей из экипажей «Вайгача» и «Таймыра». Третья — распыление поисковых усилий на гигантском пространстве от Шпицбергена до Таймыра вместо сосредоточения усилий на определенном направлении. Успешная эвакуация части экипажей «Таймыра» и «Вайгача» приводит к мысли, что поиски экипажа «Геркулеса» были бы более результативными, если бы проводились с суши человеком, хорошо знавшим местные условия, каким был именно Бегичев, которому высокое руководство в Петербурге целиком доверяло и не вмешивалось в его действия в отличие от организации русановских поисков.

Судьба Русанова могла проясниться уже в 1921 году, когда Бегичеву поручили поиск участников экспедиции Амундсена, Тессема и Кнудсена, отправившихся с зимующего судна на Диксон и пропавших без вести. Обследуя участок таймырского побережья южнее полуострова Михайлова 10 августа Бегичев обнаружил в куту одноименной бухты остатки большого кострища: «Я увидел сожженные дрова и подошел к ним. Здесь лежат обгоревшие кости человека и много пуговиц и пряжек, гвозди и еще кой-чего есть: патрон дробовой, бумажный и несколько патронов от винтовки. Я их собрал и принес в чум... Я разобрался с вещами, которые нашел. Патроны оказались норвежские военного образца 1915 года. Тогда я узнал, что погиб какой-то из спутников Амундсена» (Болотников, 1976, с. 166). Как будто все однозначно...

И только в 1973 году Никита Яковлевич Болотников, биограф Бегичева, обратил внимание на странные совпадения в характере находок 1934 и 1921 годов... Бегичев в своем дневнике описал свои находки (из которых самая важная — человеческие останки) достаточно скупо. Однако существует опись доставленного С. А. Рыбиным из Комитета Северного морского пути в Новониколаевск (теперешний Новосибирск). В ней

отчетливо прослеживается «французский след» в виде 25-сантиметровой монеты и пуговиц с французскими клеймами — это во-первых. Да и сами по себе находки удивляют своим назначением. Зачем норвежцам понадобился полевой барометр-анероид, применяемый обычно в геологических маршрутах? Зачем в условиях практически «ночного» маршрута (октябрь-ноябрь) им были нужны солнцезащитные очки-консервы, откуда взялась у дальнорыбных моряков оправа пенсне? (Известно, что пенсне носил механик Семенов с «Геркулеса».) Зачем в сухопутном маршруте был нужен багор? — и так далее. Остановимся все же на главном — человеческих останках и датировке обнаруженных патронов.

По поводу первого сомнения возникли уже при приемке материалов поисковой экспедиции, что отражено в заключении Рыбина, детально опросившего участников поиска: «Факт нахождения костей так серьезен, что при расспросах об этом обстоятельстве я приложил особое старание, чтобы понять, на основании каких признаков нашедшие убедились в том, что кости эти принадлежат человеку; и в результате же у меня самого такого убеждения не получилось... Размеры отдельных костей не превышали... длины десяти сантиметров, и только одна тонкая плоская кость, которую нашедшие признали за кость от черепа человека, и, как мне показалось, на этой именно кости построена уверенность их в том, что здесь сожжен труп человека» (Болотников, 1976, с. 183). Надо сказать, что ссылки на находки человеческих костей представляются всем поисковикам, особенно любителям, решающим доводом и поэтому встречаются очень часто, но, как это уже показано выше, путаница в их происхождении (от животных или человека) также рядовое явление.

По поводу второго едва ли не главное свидетельство принадлежит Бегичеву — патроны выпуска 1915 года, то есть после отправления экспедиции на «Геркулесе». Однако не менее важна идентичность патронов, найденных Бегичевым и среди находок 1934 года с одинаковым клеймом «R2P-1912». Наконец, дробовые патроны не нужны были норвежцам Тессему и Кнудсену просто из-за отсутствия мелкой дичи в то время года, когда состоялся их поход. В сохранившихся патронах нет выпущенных позднее 1912 года, а что касается ссылок по памяти — увы, человеческая память весьма несовершенна. Не случайно анализирувавшие, хотя и с запозданием, находки 1921 года Н. Я. Болотников и Н. Н. Урванцев пришли к общему заключению — Бегичев и его спутники вышли на стоянку участников русановской экспедиции на «Геркулесе» — третью из известных, а по времени обнаружения, таким образом, — первую. Но так

как поисковики были ориентированы на поиски норвежцев (что они позднее и выполнили, но в другом месте), то свою первую находку они также связали с исчезновением норвежских моряков из экспедиции Амундсена. А жаль — более тщательные поиски могли бы привести к обнаружению еще сохранившихся в то время письменных документов Русанова и его спутников, раскрывающих заключительные события его последнего вояжа. Надо сказать, что в 70-е годы уже прошлого века была предпринята попытка установить сам факт кремирования человеческого тела средствами современной судебной медицины, она оказалась неудачной, поскольку сам исторический памятник оказался уничтоженным в результате своеобразного паломничества многочисленных любительских экспедиций, увы! Не повезло Русанову и его отважным спутникам ни в его последней экспедиции, ни в наше время — к этому нечего добавить.

С каждым годом шансы разгадать загадку, оставленную первопроходцем, таяли. Теперь надо было не упустить детали, которых все же оставалось немало. Так, в 1957 году остров Попова — Чукчина посетил знаток Таймыра гидрограф В. А. Троицкий, исходивший собственными ногами практически все его побережье. (Позднее он защитил кандидатскую диссертацию в Арктическом и антарктическом научно-исследовательском институте по восстановлению маршрутов различных экспедиций в этой части Арктики.) Последовали новые находки, включая все те же патроны 16 калибра, причем дробовые, характерные барочные гвозди с квадратной шляпкой, остатки ящика из-под консервов, носовую часть шлюпки с такими же гвоздями с квадратной шляпкой, остатки одежды и многое другое, причем повторился «французский след», судя по находке золотой (или позолоченной) запонки с фирменной маркой Klementz plate. На соседнем безымянном острове, получившем имя капитана «Геркулеса» Кучина, был обнаружен частично замытый галькой еще один фрагмент шлюпки со следами ремонта все с теми же характерными гвоздями с квадратной шляпкой. Сам Троицкий оценил значение своих находок достаточно сдержанно, как и подобает серьезному исследователю, отметив, что «чего-либо принципиально нового по сравнению с тем, что было известно ранее, обнаружить не удалось» (1962, с. 283). Однако уважаемый Владилен Александрович скромничал — собранная им информация об остатках экспедиции Русанова на материке спустя десятилетия сыграла свою роль, причем важнейшую, поскольку им были получены сведения о какой-то давней стоянке на восточных склонах горы Минина, о человеческих скелетах в двух километрах восточнее горы Высокой и т. д. В целом вся совокупность находок и сведений о них рисовала путь

участников экспедиции от острова Геркулес через остров Колосовых и полуостров Михайлова на протяжении около сотни километров в юго-юго-западном направлении, то есть к ближайшим жилым местам в низовьях Енисея, что в высшей степени логично. Я помню, как в беседах с Владиленом Александровичем мы дискуссировали самые разнообразные версии. Например, расхищение ближайшими зимовщиками-промысловиками имущества, оставшегося после гибели русановцев, включая особо ценное — огнестрельное оружие. А учитывая свирепствовавшее в то время ОГПУ в связи с активизацией контрреволюционного элемента в период коллективизации, эти «дети Севера», сбежавшие в Арктику от непонятных событий на материке, держали язык за зубами среди людей с Большой Земли, чья деятельность для них нередко оставалась просто непонятной. Или другой вариант — последствия указания местных полицейских властей после знаменитого восстания туруханских ссыльных анархистов, разрешавшего аборигенам отстреливать всех появившихся в тундре неизвестных местным властям — такое тоже могло случиться в этих забытых Богом местах...

Не случайно живучим оказался миф о возможном открытии Русановым Северной Земли, особенно при отсутствии критического восприятия слухов и непроверенных сообщений. С другой стороны — никто и не удивился, если бы к заслугам Русанова добавилось бы еще и открытие очередного архипелага — это было так похоже на него.

Поводом для очередной легенды явился слух о находке какого-то скелета (опять скелет — как в старых пиратских легендах о таинственных кладах на далеких островах!) в заливе Ахматова на Северной Земле. По сообщению одного из ведущих гидрографов Главсевморпути той поры А. И. Косого, эта находка была сделана 12 июля 1947 года и с чужих слов описана им с подробностями и деталями, что делало версию крайне правдоподобной: «В 300 метрах от берега на поверхности земли, на участке радиусом около тридцати метров были разбросаны отдельные кости: правая голень со ступней, часть позвоночника, ребра, правая лопатка. В том же месте были обнаружены остатки костра, вокруг которого валялись пять вскрытых пустых консервных банок. По остаткам костра, ржавчине можно было без труда определить, что трагедия, следы которой были неожиданно открыты, разыгралась всего лишь несколько десятков лет назад» (1949, с. 308). Пожалуй, такая детальность добавляла убедительности слуху, а главное, позволяла в дальнейшем выстроить логическую цепочку в действиях Русанова после ухода с Новой Земли. Действительно, скелет мог принадлежать только одному из участников его экспедиции, поскольку

судьбы участников экспедиции Вилькицкого и зимовщиков-североземельцев советского периода прослеживались по имеющимся документам самым детальным образом. При этом маршрут с выходом на Северную Землю (о существовании которой Русанов не знал, поскольку она была открыта экспедицией Вилькицкого лишь в сентябре 1913 года) в целом совпадал с тем, что был указан в последней телеграмме из Маточкина Шара. В этом случае находки на острове Попова — Чукчина можно было объяснить как принадлежавшие русановцам, отправленным на Большую Землю с каким-то сообщением (совсем как Тессем и Кнудсен немного позднее в экспедиции 1918–1920 годов Амундсена), после чего следовал сенсационный вывод — Русанов открыватель Северной Земли или, по крайней мере, один из сооткрывателей наравне с экспедицией Вилькицкого в 1913 году. Легенда красивая настолько, что даже автор настоящих строк однажды не устоял перед ней и выдал свой вариант на страницах популярного журнала, за что и получил отповедь от маститого историка, причем заслуженно (Корякин, 1975; Белов, 1977).

Однако наше время заставило нас более внимательно относиться к собственной истории. Целая бригада видных специалистов (включая доктора исторических наук М. И. Белова, В. А. Троицкого и некоторых других) буквально бросилась докапываться до первоисточника сообщения о скелете на Северной Земле, в основе которого оказался... совершенно не заслуживающий внимания пошлый полевой треп — некий топограф решил скрасить серость будней «полевой травлей», которая попала на страницы солидных изданий, обретя некую научную видимость. А окончательно прикончили эту недостойную легенду ребята из научно-спортивной экспедиции «Комсомольской правды», в 70-х годах буквально перекопавшие и перевернувшие все, что можно и чего нельзя, на пустынных берегах залива Ахматова. Ни таинственного скелета, ни даже ржавых консервных банок, ни красивой сказки, в которой герой этой книги просто не нуждался на фоне собственных реальных заслуг.

Не хочет он расставаться с нами, тревожит наши воспоминания и наши души. Не обойтись без него ни в солидных научных томах, ни в ночной тишине у костров из плавника на пустынных арктических берегах, когда воспоминания о предшественниках и экскурсии в полярную историю, освобождаясь от академического снобизма, вдруг становятся неожиданно близкими и нужными, особенно к месту — «Эй вы, молодые! Поближе к огню — я не первых встречаю и хороню. Идите сюда, и я расскажу...» Так было и так, слава богу, еще останется надолго, несмотря на круговерть современной жизни и засасывающие асфальтовые джунгли мегаполисов,

где жизнь с каждым годом становится все более виртуальной. А где-то тем временем кто-то встанет и скажет под посвист ветра и шорох снежной крупы по брезенту палаток: «Ну, парни, мне пора... До скорого!» И люди, оставшиеся у костра, еще долго будут слушать, как гремят сапоги уходящего по прибрежной гальке, и, глядя на летящие искры, будут думать об ушедшем и тревожиться за него, как много лет назад под вздохи ночного ветра и равномерный гул морского прибоя. Каждому свое и в свое время!

Об обстоятельствах, способствовавших изданию трудов Русанова в советское время, уже писалось ранее. Несомненно, его научные разработки были востребованы, но для оценки исторической личности еще важна продолжительность времени, пока эта востребованность остается, когда судьба человека продолжает волновать коллег и потомков или медленные воды Леты уносят память о нем все дальше в потемки прошлого и спустя годы только узкий кружок специалистов может назвать две даты, с трудом припоминая то, что укладывается между ними. Определенно, к Русанову это не относится, тем более что дата его гибели остается открытой и продолжает интересовать нас. Несомненно, его научный опыт важен для ученого-полярника, нашего современника, но не только... Еще в этой жизни был полет, была непонятная для нас любовь, да и сама личность не оставляла окружающих равнодушными, что показатель само по себе. При жизни кто-то любил его, следовал за ним, а кто-то, как мы теперь точно знаем, не принимал. Принял бы он советскую власть? Стал бы одним из деятелей Главсевморпути, где наверняка столкнулся бы со Шмидтом, или... Важно другое — в нашей стране полярники никогда не оставались только представителями своей профессии, они обязательно формировали вокруг себя определенную общественную среду, их влияние и положение в российском (советском) обществе всегда выходило за пределы профессии экстремалов — так повелось по крайней мере со времен Петра (или Семена Дежнева?), то же можно сказать о Макарове, Седове, Колчаке, позднее Шмидте и даже Папанине. Любой непредвзятый читатель, не вдаваясь в детали, согласится, что каждый из перечисленных — выдающаяся личность, и Русанов был только одним из многих в этой полярной когорте. Полярник всегда по праву будет занимать в нашем обществе особое положение — для страны, фасадом обращенной в Арктику, две трети площади которой приравнены к территориям Крайнего Севера, иначе быть не может. Вот почему он остается в нашей памяти, хотя и не только поэтому... Свидетельство тому книги, научные и журнальные статьи, конференции, незатихающие дискуссии и научные споры, то затухающие, то разгорающиеся, словно ночной костер на дальнем берегу. Их пик

пришелся на 70-е годы, когда общественность Орла вместе с Московским филиалом Географического общества и научно-спортивной экспедицией «Комсомольской правды» бурно отмечала столетие со дня рождения исследователя на его родине научнообщественной конференцией. Потом вроде бы этот интерес стал затихать, но нет...

Еще несколько лет назад казалось, что топливо для русановского костра на исходе, а сам он больше тлеет, чем светит. Однако молодцы орловчане во главе с журналистом В. Я. Сальниковым по наводке уже не раз упоминавшегося Владилена Александровича Троицкого все-таки добрались до гор Минина и Высокая к югу от полуострова Михайлова на Таймыре с их неизвестными скелетами. Не повторяя ошибок своих предшественников, они препоручили свои находки в руки специалистов. С тех пор события приобрели неспешный, но неотвратимый характер, и произошло то, что должно было произойти.

Лет двадцать назад один из ведущих специалистов НИИ судебной медицины в Москве Виктор Николаевич Звягин на заседании Полярной комиссии Московского филиала Географического общества публично продемонстрировал (так и хочется написать — на глазах изумленной публики, что точно соответствует истине) решение исторической загадки — кто же из экипажа амундсеновской шхуны «Мод» в конце концов почти добрался до Диксона в далеком 1919 году — Тессем или Кнудсен? В прошлом судьбы этих моряков уже пересеклись с судьбами русановцев, и, конечно, что-то подобное могло и повториться — история она такая... Под руками Звягина на экране происходило совмещение фото оскаленного черепа с провалами глазниц с прижизненной фотографией молодого, полного сил человека, не помышлявшего о собственной гибели. Смотреть в затихшем зале, как под разными ракурсами в свете проектора осуществляется совпадение мягких тканей лица и очертаний костей мертвого черепа, было жутковато (истина часто бывает ужасной), зато сомнений у присутствовавших не оставалось: зал в едином вздохе отреагировал — Тессем! Но это не все — характеристика костей еще засвидетельствовала состояние здоровья и поведала о некоторых отклонениях в поведении Тессема, что и подтверждал дневник Амундсена.

На этот раз профессору Звягину предстояла не менее сложная работа, уже потому, что он не знал — кому именно из 11 участников последнего плавания «Геркулеса» принадлежал очередной череп и несколько крупных костей. Для начала он установил их принадлежность одному и тому же лицу. Возраст — что-то около 22–27 лет. Мужчина с преобладанием черт европеоида, представителя беломорско-балтийского типа. Рост — в

пределах 168 плюс-минус два сантиметра, вес при жизни — 64 плюс-минус шесть килограммов. В конце концов из 26 возможных характеристик, необходимых для полной идентификации личности, совпали 24, после чего Виктор Николаевич, используя также известные фотографии экипажа и экспедиции на «Геркулесе», пришел к выводу, что «результаты медикокриминалистического исследования не исключают принадлежности обнаруженных костей капитану “Геркулеса” А. С. Кучину», уроженцу Онеги.

Какое-либо совпадение полученных характеристик с известными особенностями других лиц на борту «Геркулеса» также практически исключалось. Состояние костей, так же как и описания свидетелей страшной находки, показали, что тело находилось длительное время на нартах в положении на животе. Были также отмечены очевидные признаки челюст-но-зубных заболеваний (парадонтоза), возможно, с проявлениями цинги, причем с отчетливыми следами воспалительных процессов, которые даже в условиях своевременной медицинской помощи чреватые воспалением мозговых оболочек с летальным исходом. Несомненно, при жизни обладатель черепа испытывал сильные страдания, которые могли сказаться в поведении и отразиться в отношениях с людьми. Сразу и диагноз, и приговор...

Остальные ждут своего часа, среди них Русанов. Как на войне — пока не захоронен последний погибший, не вернувшийся к своим из разведки, их вояж в неизвестность не завершён, а наш долг по отношению к ним остается невыполненным, повиснув на нашей памяти тяжким грузом, от которого не избавиться иначе, как найти место их гибели и наконец понять, как это случилось... Надежды теперь у нас стало чуточку больше, и она стала сменяться уверенностью — скоро...

Глава 13. Полярная эстафета

Людей миллионы здесь живут,
Но интересно мне и вам,
Что люди будут делать тут,
Когда очутимся мы там?

Р. Киплинг

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь.

Б. Пастернак

Последняя русановская разведка исчезла, растворилась в ледяных просторах высоких широт за гранью неизвестного, а события в Российской Арктике развивались так, как наметил человек, судьба которого на два десятилетия для остального мира оставалась тайной за семью печатями. Своей неукротимой энергией он создал предпосылки для возникновения своеобразной полярной эстафеты, действовавшей в нашей стране на протяжении десятков лет. Обратимся к фактам.

Поскольку результаты работ полевого сезона 1912 года на Шпицбергене были восприняты как в Петербурге, так и в Архангельске положительно, на свет появилось промышленное общество «Груммант», в котором большую роль играли капиталы архангельского предпринимателя Агафелова. Уже в навигацию 1913 года из Архангельска на Шпицберген отплыл пароход «Мария» с горняками (около сорока человек) во главе с Самойловичем и штейгером Никитиным. «Уральские рабочие, впервые попавшие на море и в эту пустынную арктическую область, вначале чувствовали себя несколько подавленными, но когда были расставлены палатки и наладилась бытовая сторона жизни, они с каждым днем чувствовали себя все лучше и потом в конце нашего пребывания стали настоящими патриотами Арктики. Сама работа, — отмечал Самойлович, — была очень интересная; уголь выходил на поверхность, штольня, заложенная мной на берегу ручья, быстро двигалась вперед. Пища, хотя и

состояла из консервов, была сытная и работа спорилась прекрасно» (1982, с. 169).

Более детальная разведка показала, что запасы угля превышают здесь четыре миллиарда тонн, и, таким образом, сомнений в его промышленном значении не возникало. Через некоторое время рабочие освоились с жизнью в палатках, привыкли готовить пищу на примусах и спать в спальнях мешках. За неделю был выстроен бревенчатый дом с большой русской печью, по словам норвежцев, самый теплый на всем Шпицбергене. Ежедневная выпечка свежего хлеба окончательно подняла настроение «работяг».

К концу августа было выдано на гора 2500 тонн угля, но лиха беда начало... Доставка угля в Петербург сопровождалась таможенными затруднениями, поскольку «стражи закона» никак не могли уразуметь, каким образом русский уголь поступает в Россию из-за рубежа, да еще с островов, не имевших в ту пору государственной принадлежности! В конце концов этот казус в головах чиновников получил свое вполне благополучное объяснение и Шпицберген вернулся в сферу российских интересов.

Возвращению Самойловича в Россию предшествовало посещение Стокгольма для консультаций с видным знатоком геологии Шпицбергена профессором Натхорстом и ознакомлением с геологическими коллекциями в музеях шведской столицы и университета Упсалы. Эта работа была продолжена им и в Петербурге, где он имел встречу в Геологическом музее Академии наук с академиком Чернышевым, возглавлявшим тогда Геологический комитет, с которым в свое время не нашел общего языка Русанов. «Я никогда до того не встречался с Феодосием Николаевичем, — писал позже Самойлович, — и с некоторым трепетом думал о знакомстве с ним (возможно, после рассказов Русанова. — В. К.). Я застал его во время беседы с одним из сотрудников и, робко подойдя к нему, сообщил неуверенным голосом, что я приехал со Шпицбергена и хотел бы показать ему сборы. Чернышев схватил меня за руку, потащил куда-то в противоположную сторону музея и начал оживленно расспрашивать меня о работах нашей экспедиции. Я сразу почувствовал симпатию к этому человеку небольшого роста, с большой копной седых всклокоченных волос над огромным лбом и торчащей вперед седоватой бородкой. Феодосий Николаевич тот час же отвел мне один из столов в музее, у которого я должен был начать обработку своих коллекций» (1982, с. 167). Волею-неволею Геологическому комитету пришлось иметь дело если не с самим Русановым, то с продолжателями его дела.

Во время Первой мировой войны «Особое топливное совещание» поставило перед правительством вопрос о добыче шпицбергенского угля для снабжения паровозов Мурманской железной дороги, имевшей стратегическое значение.

После Версальского мира добыча угля на рудниках Грумант-сити с причалом в Колсбэе первое время составляла всего три-четыре тысячи тонн, а с продажей большей части акций при участии Самойловича советскому тресту «Северолес» в 1925 году поднялась до девяти тысяч. Наконец в 1931 году акции компании были полностью выкуплены советскими организациями, и угли Шпицбергена таким образом в конце концов были сохранены за нашей страной. Но не сам архипелаг, который в 1920 году страны Антанты решили передать Норвегии, с оговоркой в отношении особых прав России после завершения Гражданской войны. Спустя четыре года, в обмен на признание своего режима в России наши коммунисты признали норвежский суверенитет над Шпицбергеном и только тогда королевский флаг взвился над ледниками полярного архипелага.

В самой же России, несмотря на исчезновение Русанова, его идеи по гидрографическому обеспечению Северного морского пути уже завоевали умы, хотя «ледовитоокеанский вариант» в обход Новой Земли с севера по-прежнему отпугивал моряков, особенно после дрейфа «Святой Анны». Перспектива быть унесенным к полюсу в процессе выполнения обычного товарного рейса не вызывала восторга ни у деловых людей, вкладывавших деньги в новое предприятие, ни у самих судоводителей. Вместе с тем предложение Русанова о строительстве полярных станций, снабженных радио для обеспечения мореплавания к устьям Оби и Енисея, было принято — жизнь заставила. Последствия такого решения сказались тут же. Если за первое десятилетие XX века здесь в летнюю навигацию проходило лишь одно судно, то за последующие десять лет, несмотря на все военные потрясения, количество судов на этой трассе возросло в четыре раза, причем эти изменения пришлось на период строительства полярных станций: в 1913 году — в Югорском Шаре, в 1914-м — на Вайгаче в Карских Воротах и на западном берегу Ямала на мысе Морасале, а в 1915 году — на острове Диксон при входе в Енисейский залив. Во времена колониальных захватов или освоения Дикого Запада опорные пункты на новых территориях создавались в виде крепостей и укрепленных фортов, что порой сохранилось в их сегодняшних названиях, уже не отвечающих современному облику. В Российской Арктике такие опорные пункты мирного освоения обычно выглядели скоплением нескольких домиков и

складских помещений на негостеприимном пустынном берегу и только тонкие высокие силуэты флюгеров и метеобудок говорили об их назначении. При подходе с моря полярные станции в то время нередко опознавались по высоким решетчатым радиомачтам, позволявшим держать связь с Большой Землей — в первую очередь с Архангельском, где до сих пор сохраняется такая радиомачта в пригороде Исакогорка как памятник раннего этапа современного освоения Арктики. Хотя отмеченный этап деятельности полярных станций не получил должного освещения в литературе из-за военных событий, именно здесь был накоплен ценный опыт длительного пребывания людей в ограниченном коллективе, совсем иной, чем в экспедициях, весьма пригодившийся при подготовке экипажей космических кораблей много десятилетий спустя.

Благодаря работе этих станций продолжительность плавания на западном отрезке Северного морского пути уже в самые первые годы их существования (1913–1915) сократилась с 33 до 11 дней. По меркам того времени прогресс был выдающимся, однако в рамках русановского предвидения: «Когда явится возможность пользоваться услугами радиотелеграфных станций, извещающих о распределении льдов, тогда исчезнет необходимость в бесполезной потере времени на выжидательные стоянки у этих льдов» (1945, с. 95). Как отмечено ранее, строительство полярной станции на Диксоне, поддержанное Академией наук, было связано с выводом зазимовавших у северного побережья Таймыра судов «Таймыр» и «Вайгач» Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана под руководством Вилькицкого. В будущем этой станции предстояло превратиться в обсерваторию, а самому Диксону в столицу Западного сектора со штабом морских операций и всем тем, что ему сопутствует, включая аэродром и порт на ближайшем побережье материка. Не случайно деятельность подобных научных объектов сам Русанов связывал с развитием прогноза погодной и ледовой обстановки: «Представляется... полная возможность заранее и очень задолго предсказать приближение и затем наступление годов» с различной ледовой обстановкой, что могло значительно облегчить работу судоводителей. Прогноз Мултановского на лето 1915 года для Карского моря был только первой ласточкой на пути создания прогнозов изменения всей природной среды, но, что важно, он был сделан в самом начале развития направления, по Русанову. Но поиск и освоение двух новых путей — по Маточкину Шару и Ледовитому океану требовали постройки новых полярных станций.

В ряду других событий на протяжении лихолетья, пока Россия содрогалась в муках Первой мировой и Гражданской войн, временами

замещаясь на карте мира сборищем непонятных агломераций, сменявших одна другую, исчезновение «Геркулеса» с экипажем и экспедицией на борту первое время на фоне гибели миллионов не воспринималось истощенным и доведенным до потери инстинкта самосохранения российским послевоенным обществом как нечто чрезвычайное. Боль потери пришла уже в мирных условиях, когда с завершением Гражданской войны жизнь стала возвращаться к обычной повседневной работе. Разбросанные событиями Гражданской войны полярники разных специальностей (те, что уцелели или не ушли на чужбину) стали возвращаться с фронтов, где они нередко противостояли друг другу, и «тогда считать мы стали раны, товарищей считать». Иные тут же включались в работу в Арктике, порой просто для того, чтобы не умереть с голоду, другие в состоянии глубокого политического и военного похмелья раздумывали о будущем, пробуя занять свое место в нем. Самое удивительное заключалось в том, что даже братоубийственная бойня не остановила развития событий в Российской Арктике по русановскому прогнозу, что подтверждается множеством примеров.

Уже в апреле 1920 года новый советский Комитет Северного морского пути обратился в правительство с предложениями о постройке станций в Маточкином Шаре и на мысе Желания, тем более что деятельность новоземельских станций в Малых Кармакулах и в Крестовой губе из-за событий Гражданской войны практически прекратилась. Летом 1921 года ледокольное судно «Таймыр» при участии заинтересованных специалистов выполнило необходимые рекогносцировки, хотя по разным причинам к строительству приступили лишь в навигацию 1923 года. Строили эту полярную станцию силами Главного гидрографического управления под руководством Н. Н. Матусевича, для чего был организован Отдельный северный гидрографический отряд при участии таких видных специалистов, как Н. И. Евгенов и П. К. Хмызников. В качестве научных консультантов на берегах Новой Земли в это время работали из Главной Геофизической обсерватории — Н. И. Калитин, от Гидрологического института — В. Ю. Визе, из Академии наук — А. И. Толмачев, от Геологического комитета — Б. К. Лихарев, целое созвездие ученых, оставивших в науке значительный след. Станция была построена в период с 21 августа по 6 октября на северном берегу Маточкина Шара на полпути между Белужьей губой и мысом Выходным, где проходил один из первых русановских маршрутов летом 1907 года. На ее территории разместились жилой дом с пятнадцатью комнатами-каютами, баня, два склада, павильон для магнитных наблюдений, метеоплощадка, радиорубка. Первым ее

начальником (причем с чисто хозяйственными обязанностями) был Н. П. Кнюпфер. За метеорологические наблюдения (один из основных видов работ) отвечала И. Л. Русинова — первая женщина-зимовщица, получившая свой первый полярный опыт здесь же на Новой Земле в 1921–1922 годах в Малых Кармакулах. Магнитные наблюдения проводил А. Н. Захарьевский. Среди зимовщиков были также геолог А. Шенкман и ботаник А. И. Толмачев. Таким образом, первые зимовщики оказались весьма интеллигентной публикой. На будущий год строительство продолжалось, станция была преобразована в обсерваторию, а штат ее расширен.

Среди других немногочисленных научных объектов в Российской Арктике вскоре обсерватория заняла особое место, поскольку здесь проходили отработка новых видов наблюдений и применение новой техники. Например, радист Э. Т. Кренкель первым испытал здесь короткие радиоволны для связи на дальних расстояниях, а пилот Б. Г. Чухновский выполнил первые ледовые разведки для судов Карских экспедиций — это были важнейшие заявки на будущее, весьма перспективные и получившие развитие не только у нас, но и за рубежом. Обсерватория в Маточкином Шаре в будущем сыграла свою роль даже в освоении Центрального Арктического бассейна, поскольку через нее весной 1936 года самолеты М. В. Водопьянова и В. М. Ма-хоткина проложили воздушный путь на Землю Франца-Иосифа, которым год спустя воспользовалась воздушная экспедиция О. Ю. Шмидта уже вплоть до Северного полюса. Новая техника потребовала новых направлений исследовательской деятельности — в интересах авиации с 1930 года в обсерватории стали проводить аэрологические наблюдения, гидролог в штате станции появился еще раньше, в 1926 году. Важное место в работе обсерватории заняло изучение местных ветров стока или новоземельской боры, особенно после гибели в начале осени 1932 года тяжелой летающей лодки «Дорнье-Валь» под командованием Л. М. Порцеля, проводившей ледовую разведку для судов Карской экспедиции. После заправки с временного склада в Белушьей губе самолет должен был лететь на Землю Франца-Иосифа, но при попытке сесть на воду у мыса Поперечный машина попала в сильные потоки воздуха, буквально сбросившие ее в воды пролива. Эта трагедия показала необходимость тесного взаимодействия между авиаторами и наземной метеослужбой.

В первые годы среди зимовщиков наблюдалась повышенная смертность (четыре случая за восемь лет, включая гибель в пургу во время стока аэролога М. В. Лебедева) от самых разных причин, включая болезни.

В процессе работы станции выяснилось, что результаты наблюдений не отражают реальной метеообстановки из-за влияния окрестных гор при прохождении циклонов с Атлантики над Новой Землей. Чтобы исправить этот недостаток, в середине 30-х годов были построены станции в обоих устьях пролива на побережьях Карского и Баренцева морей. Тем не менее обсерватория сыграла свою роль как для отработки методики наблюдений, так и при подготовке кадров полярников, позднее выросших в крупных ученых (геофизики

А. П. Никольский, М. Е. Острекин и П. К. Сенько, метеорологи и гидрологи М. А. Кузнецов, И. Л. Русинова, И. Т. Черниговский) и других видных специалистов — пионеров в своей области (радист Э. Т. Кренкель, ледовый разведчик пилот Б. Г. Чухновский) и т. д. Полученные результаты наблюдений широко использовали в научных разработках выдающиеся представители прогнозного направления, такие как В. Ю. Визе, Б. Л. Дзердзеевский (недаром позднее он стал синоптиком в экспедиции Шмидта в 1937 году), Г. Я. Вангенгейм и многие другие. Точность прогнозов в эти годы повысилась настолько, что Комитет Севморпути (отвечавший за плавание арендованных иностранных судов) мог опираться на них в отношениях с Внешторгом, фрахтовавшим эти корабли. В самой обсерватории в течение навигаций 1926 и 1927 годов работало Бюро ледовой службы, что благоприятно сказалось на проводке судов в Карском море. В результате деятельности научной обсерватории «Маточкин Шар» моряки получили возможность выбора наиболее благоприятных маршрутов плавания в зависимости от ледовой обстановки в Карском море.

По мере накопления опыта плавания во льдах Карского моря внимание мореплавателей стала привлекать и северная оконечность Новой Земли, вокруг которой, по Русанову, проходил Ледовитоокеанский путь на восток Арктики, не обеспеченный необходимой ледовой и погодной информацией. Частично этот недостаток в навигацию 1930 года компенсировался наблюдениями уже трех воздушных ледовых разведчиков. В конце августа суда с Диксона в сопровождении ледокольного парохода «Малыгин» были направлены к мысу Желания, откуда, не встретив льда, благополучно прибыли в порты назначения. На их примере моряки убедились, что обход мыса Желания возможен, и в случае закупорки льдом проливов на юге Новой Земли этим путем можно пользоваться. Тем самым наличие пункта наблюдений в виде полярной станции на мысе Желания становилось просто необходимым, тем более что еще в 1925 году Самойлович практически выполнил рекогносцировку в этой части Новой Земли, выдав следующее заключение: «Можно с определенностью сказать, что на

крайнем севере Новой Земли бухта Поспелова является наиболее удобной для постройки радиотелеграфной станции. Здесь можно выбрать место для постройки домов, имеется пресная вода и достаточное количество плавника на топливо» (1929, с. 82). Все необходимое для строительства было доставлено на место 23 августа 1931 года на ледокольном пароходе «Сибиряков», и к 6 октября строительные работы были завершены. Строителей вывез ледокольный пароход «Малыгин», а на станции остались восемь человек во главе с опытным полярником М. Ф. Маловым — это была его восьмая зимовка. Хотя в литературе эта первая зимовка на крайнем севере Новой Земли не описана, судя по всему, она прошла без чрезвычайных происшествий и вскоре, благодаря своему положению, полярная станция на мысе Желания стала одной из важнейших на западе Российской Арктики, хотя здешние природные условия показались известному полярному океанографу Н. Н. Зубову, осенью 1932 года посетившему станцию, чрезвычайно суровыми: «Эта станция, расположенная на границе морей Баренцева и Карского, имеет громадное научное и практическое значение, в частности для обеспечения наших морских карских экспедиций, но нужно отдать справедливость: для зимовки эта станция одна из самых тяжелых. Унылое безрадостное место, невыносимые ветры, то с запада, то с востока» (1933, с. 22). Прошло, однако, еще восемь лет, прежде чем пути кораблей в обход Новой Земли с севера по русановскому маршруту на основании данных ледовой разведки вошли в обычную практику Главсевморпути. Читатель сам составит свое мнение, насколько Русанов в своих практических выводах и рекомендациях опережал свое время.

Изменения флота в северных водах, в первую очередь базировавшегося на Архангельск, также происходили в соответствии с его рекомендациями. В первую очередь это коснулось специальных грузовых судов ледового класса, для которых первый опыт в нашей стране был получен со строительством «Таймыра» и «Вайгача» на петербургских верфях для гидрографической экспедиции в Северный Ледовитый океан. Однако с началом Первой мировой войны Архангельск, где подобные суда были особенно необходимы, оказался отрезанным от верфей Балтики и Черного моря. Уже в 1915 году в Англии и Канаде была приобретена серия из семи ледокольных пароходов новой постройки, названных в честь былинных героев или именитых полярников. Позднее большинство из них погибло «при исполнении служебных обязанностей» («Садко» на неизвестной каменной банке в Карском море в 1942 году, «Соловей Будимирович», переименованный в «Малыгин», в шторм у берегов

Камчатки в 1940 году, «Семен Челюскин» при взрыве боеприпасов в

1917 году, «Александр Сибиряков» в неравном бою с «карманным линкором» «Адмирал Шеер» в 1942 году, «Семен Дежнев» пропал без вести при переходе из Англии в Архангельск в 1918 году). Двум другим выпала более долгая жизнь в ледовитых морях, причем «Георгий Седов» прославился повторением дрейфа «Фрама» в Центральном Арктическом бассейне в 1937–1940 годах и в конце концов был исключен из списков действующего флота лишь в 1967 году, чтобы быть разобранным на металл. Судьбы кораблей подобны человеческим, и уже поэтому долгая морская жизнь ледокольного парохода «Владимир Русанов», по Маяковскому, с его «дымной жизнью труб, канатов и крюков» требует более детального описания.

«Применение ледоколов будет последним и самым решительным шагом, навсегда и прочно обеспечивающим пользование этим великим путем» (1945, с. 98), — утверждал Русанов. Первая мировая война также ускорила решение этой проблемы, когда на Белое море одновременно с ледокольными пароходами стали поступать с британских верфей новенькие, с иголочки ледоколы «Александр Невский» (при советской власти «Ленин»), «Князь Пожарский», «Козьма Минин» и другие, всего шесть единиц, которые сделали навигацию на Архангельск военных лет практически круглогодичной, и дискуссия о пригодности ледоколов для северных морей, казалось, себя исчерпала. Последним на Белое море прибыл в 1918 году «Святогор» (в советское время переименованный в «Красина»). Однако исторический парадокс в использовании ледоколов, несмотря на их успехи в Белом море в военные годы, продолжался и далее. В Карских экспедициях 20-х годов из линейных ледоколов работал только «Ленин» вплоть до 1929 года, когда на помощь ему пришел с Балтики «Красин», получивший мировую известность после спасения участников экспедиции Нобиле на дирижабле «Италия». Возможности ледоколов в Арктике в полной мере раскрылись уже во времена Шмидта и Главсевморпути, — важно, что предвидение Русанова и в этой проблеме проявилось в полной мере.

«Особенности морского пути требуют специальной сложной организации» (1945, с. 91), — считал Русанов. Флот, связь, полярные станции, наука — все это требовало объединения в одной административно-хозяйственной системе, в связи с чем актуальным оказалось предвидение исследователя. Первые попытки в этом направлении подстегнули события Гражданской войны, почти одновременно как у белых, так и у красных. Первоначально инициатива

исходила от начальника Главного гидрографического управления Е. Л. Бялокоза, который в документе, направленном в Совнарком уже в феврале 1918 года, утверждал, что «политическая конъюнктура в Российской Советской республике требует немедленного и усиленного развития промыслов в Ледовитом океане и широкого пользования морскими путями к устьям больших сибирских рек», предлагая проводить эти мероприятия в широком масштабе силами государственной организации. В июле того же года эти планы получили поддержку Ленина и Совнаркома, в связи с чем экспедиция Вилькицкого в Архангельске стала готовиться к походу на Обь и Енисей, для чего были выделены необходимые денежные средства. Однако в первых числах августа в этом порту власть перешла в руки белых, и экспедиция, сменив флаг, приступила к своей деятельности, но уже в иных интересах. Сам Вилькицкий считал, что эта экспедиция отправлена с целью «установить телеграфную связь с сибирским правительством через посредство радиостанций и для оборудования морского пути из Сибири в Европу» (Белов, 1959, с. 58–59), что абсолютно совпадает с предложениями Русанова.

Захватившие Сибирь белые также отлично понимали значение морских коммуникаций, тем более что во главе их стоял Колчак, сам моряк с большим полярным опытом, занимавшийся проблемами Северного морского пути после возвращения из японского плена. Неудивительно, что «25 апреля 1919 года при колчаковском правительстве был создан Комитет Северного морского пути» (Белов, 1959, с. 59). Насколько большое внимание белые уделяли Севморпути, показывает перегон из Архангельска на Енисей пяти гидрографических судов, а также направление геолога Н. Н. Урванцева на поиски каменного угля летом 1919 года для обеспечения морских операций, что он и выполнил, открыв Кайерканское месторождение вблизи современного Норильска, работающее и поныне. После поражения Колчака «постановлением Сибревкома 20 апреля 1920 года была создана специальная организация — Комитет северного морского пути» (Сибирцев, 1936, с. 55). Очевидно, с сегодняшних позиций подобные повторения событий, исторические противоречия и прочие несоответствия доказывают только то, что красные, получив великолепный трофей, просуществовавший при советской власти еще целых 12 лет, не захотели признать колчаковские истоки Комсеверпути по идеологическим соображениям, несмотря на очевидную историческую преемственность этих организаций. Тем не менее и красные, и белые мыслили, когда дело касалось техники, экономики и организации производства, нередко общими категориями, исходящими от Русанова — это также достаточно очевидно.

Так или иначе, ценность предложений Русанова для дальнейшего развития Северного морского пути и прилегающей материковой Арктики на рубеже 20-х и 30-х годов прошлого века поставила его в один ряд с самыми заслуженными полярными исследователями XX века. Тем не менее вклад белых в освоение Северного морского пути оказался ограниченным прежде всего в силу кратковременности самого Белого движения на Севере и в Арктике. Несмотря на общие подходы что у красных, что у белых, при работе в Арктике именно у красных (поскольку они оказались победителями) русановские идеи получили свое дальнейшее развитие, что особенно наглядно видно на примере Северной научно-промысловой экспедиции, у истоков которой оказался один из сотрудников Русанова — Самойлович, первые шаги которого в Арктике описаны выше.

Накануне взятия Архангельска красными в феврале 1920 года Особая комиссия Северного фронта признала необходимым создать некий межведомственный орган для руководства хозяйственной деятельностью на территориях, примыкающих к Северному Ледовитому океану. Реввоенсовет 6-й Красной армии обратился к Ленину за поддержкой этого решения, а тот дал соответствующие указания в президиум Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ). В постановлении президиума ВСНХ от 4 марта 1920 года было решено «в целях научно-практических исследований и попутного использования естественных производительных сил, по преимуществу звериных, рыбных промыслов и оленеводства на Крайнем Севере, учредить... Северную научно-промысловую экспедицию». Таким образом, первоначально экспедиция в условиях общего хозяйственного кризиса была нацелена для решения продовольственных проблем, возникших на Севере в связи с завершением Гражданской войны. Видный историк Арктики М. И. Белов считает, что одной из причин успеха этой организации (помимо ряда других, по его мнению, связанных с установлением советских порядков) была «подготовленность почвы, на которой Сев-экспедиция сразу смогла развернуть довольно широкий фронт научных работ» (1959, с. 125), имея в виду исследования предшественников, включая русановские. Несомненно, уровень работ этой экспедиции обеспечивался также поддержкой Академии наук, поскольку ученый совет экспедиции возглавлял (хотя и номинально) сам президент академии академик А. П. Карпинский, а его членами (отнюдь не номинальными) стали академики А. Е. Ферсман, Н. М. Книпович, Ю. М. Шокальский и другие. Начальником экспедиции оказался, с учетом его полярного опыта, Самойлович. В распоряжение экспедиции было выделено несколько небольших судов, что обеспечило ее на первое время

необходимым транспортом, тем более что уже летом 1921 года в ее составе работало 23 полевых отряда, охвативших северные территории от Кольского полуострова до предгорий Урала, включая Новую Землю.

С самого начала деятельность экспедиции носила комплексный характер и включала как ресурсные направления (полезные ископаемые, оценки запасов рыбы в морях, реках и озерах, оленеводство), так и этнографические исследования, изучение экономической специфики Севера и т. д. Среди достижений экспедиции следует отметить разведку рыбных запасов Баренцева моря, открытие месторождений апатитов и никеля на Кольском полуострове, углей Воркуты и т. д., что достаточно показательно само по себе. В своем руководстве Северной научно-промысловой экспедицией Самойлович самым настоятельным образом проводил в жизнь известное положение Русанова о том, что «одна из задач науки состоит в том, чтобы давать общие руководящие начала, и дело практики — уметь ими воспользоваться» (1945, с. 242).

Сам Самойлович сосредоточился на экспедиционных исследованиях Новой Земли. В 1921 году он изучал баренцевоморское побережье Новой Земли вплоть до губы Северной Сульменева, в 1923 году в основном бассейн реки Безымянной, где установил южные пределы оледенения на архипелаге, а в 1924 году повторил маршрут Русанова 1911 года (и Пахтусова 1832–1833 годов). Следует отметить, что по сравнению с достижениями предшественника не было получено чего-то принципиально нового и не случайно — уровень достижений Русанова оказался настолько высоким, что для выхода на очередной научный рубеж требовалась масса новых данных, которые невозможно было получить за короткий срок. Тем не менее по заключению М. И. Белова, специально изучавшего этот вопрос, «результаты расширившейся к 1925 году деятельности Севэкспедиции оказались настолько значительными, что вызвали изменения в ее организационной структуре. 20 февраля 1925 года Президиум ВСНХ... принял постановление преобразовать Северную научно-промысловую экспедицию в Научно-исследовательский институт по изучению Севера, целью которого было планомерное и всестороннее изучение Севера СССР и сопредельных стран» (1959, с. 136). Отметим, что создание столь специализированного научно-исследовательского учреждения в нашей стране произошло почти одновременно с образованием Полярного института им. Скотта в Кембридже (Великобритания), по сравнению с которым наш институт занимался гораздо более актуальными практическими проблемами, включая обширные полевые исследования. В его составе числилось шесть отделов: промыслово-биологический, геолого-

минералогический, почвенно-ботанический, общегеографический, этнографический и экономический, что позволяло поднять наши исследования в Арктике на еще более высокий уровень.

На посту директора этого института Самойлович успел провести еще две экспедиции на Новую Землю. Первая из них, предпринятая в 1925 году на боте «Грумант», обошла вокруг архипелага, обнаружив на восточном побережье Северного острова новые неизвестные ранее заливы и подтвердив проникновение атлантических вод в Карское море и, соответственно, возможность благоприятных ледовых условий в районе мыса Желания. Последний вывод вскоре совпал с результатами воздушной ледовой разведки, использованными для похода каравана судов во главе с «Малыгиным» по океанскому варианту Русанова, о чем говорилось ранее. Экспедиция 1927 года по своим результатам оказалась более скромной (она охватила только западное побережье Новой Земли), тем более что ее результаты, подтверждая в целом наблюдения Русанова, вместе с тем свидетельствовали об усложнении картины происходящего природного процесса. Так, одновременно с подтверждением наличия надвига более древних пород палеозоя на сравнительно молодые в районе Архангельской губы, по Русанову, было обнаружено заполнение ледниками залива Иностранцева, что находилось в противоречии с выводами Русанова о сокращении оледенения Новой Земли. Казалось, институт и дальше будет спокойно заниматься академическими проблемами применительно к практике освоения Севера, однако разразившиеся вскоре события заставили Самойловича мобилизовать весь накопленный опыт в самые кратчайшие сроки на совершенно непредвиденном направлении, где он показал себя достойным продолжателем дела своего выдающегося предшественника — на весь мир разнеслась весть о катастрофе с дирижаблем «Италия» (командир Умберто Нобиле) у северного побережья Шпицбергена при возвращении с Северного полюса. Появилась великолепная возможность продемонстрировать наши возможности перед всем миром, собственным правительством и, разумеется, перед Политбюро ВКП(б). Самойлович ее не упустил...

В этой части Арктики не было наших полярных станций, а с норвежских можно было получить лишь ограниченную информацию. Однако уже была своя полярная наука, были пилоты с опытом посадок на морские льды, были кадры арктических моряков и, главное, были ледоколы. Самойлович предложил использовать все это в попытке спасти итальянцев — и спас, использовав то, чего не предусмотрел Русанов — авиацию, которая у нас шла своим российским путем, совершая посадки на

морские льды и осваивая пространства высоких широт, начиная с Новой Земли. Хотя многие в мире рассматривали спасение экипажа дирижабля как демонстрацию достижений коммунистического режима (в чем, несомненно, были правы), в глазах простых людей на первом месте этой сложной операции в водах Шпицбергена стояла гуманная миссия этих странных русских, вытащивших почти с того света своих политических противников. Отвлекаясь от политических проблем, Самойлович своей спасательной экспедицией завоевал симпатии многих людей за рубежом, прославил в глазах мира пославшую его страну, а себя продемонстрировал несомненным полярным авторитетом.

События на Шпицбергене подтолкнули новых хозяев страны на решение уже сложившихся полярных проблем — реализацию заявок, о которых еще царская Россия объявила в ноте 1916 года, включив в свои владения как сушу, уже разведанную, так и архипелаги, которые могли быть открыты в арктическом секторе между меридианами Берингова пролива и полуострова Рыбачий. Эта нота была подтверждена аналогичным советским документом 1926 года, что в первую очередь относилось к Земле Франца-Иосифа, о судьбе которой много лет назад так беспокоился Русанов: «Ввиду того, что наша ближайшая соседка Земля Франца —

Иосифа фактически и юридически ничья, этот хотя и отдаленный, но тем не менее доступный для навигации архипелаг заслуживает особого внимания со стороны России. Но не упустим ли мы Землю Франца-Иосифа, как уже упустили Шпицберген, и не почувствуем ли мы потом запоздалого сожаления о такой утрате?» (1945, с. 193). К этой теме Русанов возвращался неоднократно, мечтая о том времени, когда поморы «научатся строить крепкие ледовые суда, тогда им действительно понадобится и Карское море, и Новая Земля, и Земля Франца-Иосифа и Шпицберген. Тогда придет пора, во-первых, объявить Карское море, усиленно теперь эксплуатируемое норвежцами, закрытым для иностранных промышленников, нашим внутренним морем; взять всю Новую Землю в наши руки; в-третьих, включить Землю Франца-Иосифа в район наших промыслов» (1945, с. 283) и т. д. В 1929 году было решено срочно заняться Землей Франца-Иосифа, но (похоже, с подачи Самойловича) начать здесь не с промыслов, а с науки — с организации здесь советской полярной станции, с годами выросшей в обсерваторию. Эта полярная научно-дипломатическая операция возвестила о появлении в высоких широтах еще одного преемника русановских дел в лице О. Ю. Шмидта, честолюбивого и способного администратора, талантливого ученого-математика и опытного

альпиниста, продемонстрировавшего свои способности на Памире в экспедиции 1928 года. По его же собственному признанию, он согласился возглавить поход на пока ничейный архипелаг в качестве правительственного комиссара, когда «выяснилось, что экспедиция на Землю Франца-Иосифа потребует не больше двух месяцев (при удаче), а с подготовкой похода на Памир... выходили затруднения» (1956, с. 44). Однако как старый член партии, известный «в верхах» по работе в ЦСУ и своей разработкой финансовой системы Советской России в годы Гражданской войны, он был утвержден в должности правительственного комиссара, несмотря на отсутствие какого-либо полярного опыта, а ученые и опытные полярники Визе и Самойлович были назначены в качестве его заместителей — для последнего с учетом его роли в экспедиции 1928 года это было очевидным понижением, хотя он и оставался директором Института по изучению Севера. Поход на Землю Франца-Иосифа, как и постройка нашей станции в бухте Тихой (остров Гукера), в конечном итоге решили государственную принадлежность архипелага и неоднократно описаны в нашей литературе, обычно без упоминания роли предвидения Русанова в этих событиях — дело историка воздать ему должное, что забыли сделать Белов, Пинхенсон и даже Пасецкий. Факт остается фактом — Русанова давно уже не было в живых, а его идеи из области полярной дипломатии не просто существовали, но осуществлялись на практике.

Самое время рассказать о результатах воплощения в жизнь замыслов Русанова на примере Карских экспедиций на западном отрезке Северного морского пути, где его идеи в развитие полярного мореплавания проявились наиболее отчетливо. Количество судов, перевозивших грузы для Сибири (и, соответственно, вывозивших в основном лес, некоторые руды, пушнину), здесь возрастало год от года: 1900–1909 годы–8, 1909–1919-й–37, 1920–1929 годы — 67, причем по мере увеличения движения судов увеличился и навигационный период (когда суда могли находиться в Карском море) с 35 дней в начале 20-х годов до 73 на рубеже 20-30-х годов. Рост грузовых операций потребовал создания новых портов — Усть-Енисейского и Игарки на Енисее и Нового Порта в Обской губе, где грузы с морских судов перегружались на баржи с буксирными пароходами. Все чаще для проводки караванов привлекались ледоколы.

Карские экспедиции для своего дальнейшего развития потребовали обобщения всех накопленных научных сведений, что и сделал Н. И. Евгенов в первой «Лоции Карского моря и Новой Земли», увидевшей свет в 1930 году, включая прогнозы ледовой обстановки — наиболее сложный элемент обеспечения ледовых операций, на основе наблюдений полярных

станций и воздушной ледовой разведки. Возможности последней, по Русанову, определялись пределами визуального обзора из корзин судовых аэростатов. Кроме Нагурского, нашего первого арктического пилота, никто не мог предвидеть появления достаточно мощных винтокрылых машин с большим радиусом действия уже в самом ближайшем будущем.

Разумеется, вклад Русанова в освоение и изучение Российской Арктики продолжал работать на страну и дальше, о чем разговор пойдет отдельно — во всяком случае, по времени он не ограничился лишь 20-ми годами прошлого века. Его достоинства научного стратега не раскрылись из-за преждевременной гибели. Собрал огромный материал, гораздо более значительный, чем у своих предшественников, он просто не успел его обработать и сформулировать идеи на будущее во всем их объеме, хотя уже сделанного им хватило на десятилетия для целой дивизии исследователей разных направлений: геологов, гляциологов, картографов и географов как эпохи уничтожения «белых пятен» на карте России, так и тех, что перешли к изучению природного процесса в высоких широтах планеты. Ограничимся только указанными научными дисциплинами.

Русанов за пять полевых сезонов на архипелаге своими исследованиями подвел теоретическую базу будущим исследователям Новой Земли, которые могли уверенно приступать к геологическому картированию, с которого начинается современный поиск в геологии. Одновременно встал вопрос о соотношении геологических структур, слагающих архипелаг в трехмерном пространстве.

Дальнейшие работы в этом направлении были выполнены геологами Всесоюзного Арктического института и других организаций, которые подготовили к XVII Международному геологическому конгрессу в Ленинграде в 1937 году под руководством наиболее компетентного специалиста в своей области профессора Михаила Михайловича Ермолаева геологическую карту Новой Земли в масштабе 1:2,5 000 000 на весь архипелаг целиком. Однако еще десятью годами раньше видные специалисты-геологи Сергей Владимирович Обручев и Мария Васильевна Кленова при высадках с экспедиционного судна «Персей» установили на юге архипелага наличие так называемого антиклинория — совокупности складок, образующих выпуклый изгиб с погружением в толще слагающих пород в направлении к Маточкину Шару. Подобное образование было вскоре выявлено и на крайнем севере Новой Земли к югу от мыса Желания, с погружением оси также по направлению к Маточкину Шару. Между этими тектоническими элементами южнее Маточкина Шара находилась, очевидно, зона синклинория с относительно молодыми породами,

характерными для верхов палеозоя с возрастом перми (всего 230–280 миллионов лет тому назад), о чем знал еще академик Чернышев. Таким образом, плоская картина, нарисованная Русановым и детализированная в значительной мере Ермолаевым, усилиями последнего и его коллег стала обретать пространственный трехмерный характер. К сожалению, последующее детальное геологическое изучение архипелага на десятилетие было прервано как бесперспективное с точки зрения полезных ископаемых промышленного значения и, как показало будущее, достаточно неоправданно. Позднее здесь были обнаружены медные, марганцевые и полиметаллические месторождения, при благоприятной конъюнктуре способные обрести промышленное значение.

Однако даже на этом этапе Новая Земля сыграла для наших экспедиций роль своеобразного учебного полигона, на котором проходила отработку методика поиска и проведения полевых работ в экстремальных условиях Арктики, не претерпевшая принципиальных изменений по сравнению с русановскими временами. Все тот же геологический молоток и лопата, в скальных грунтах — кайло, лупа, чтобы изучать с увеличением строение минералов и горных пород, определитель фауны, бесконечные маршруты с ночевками в палатках, питание сухими продуктами и консервами и прочие приметы романтики со всеми мыслимыми и немыслимыми перегрузками и бесконечным ожиданием транспорта в виде катера, а то и надувных лодок, огромные потери времени на непогоду и невозможность неделями высушить даже портянки, не говоря уже о спальнях мешках. Но одновременно и ликвидация «белых пятен», когда уникальный материал позволяет полевому исследователю выдвигать гипотезы и теории, повергающие оппонентов в научный нокдаун (а порой и в нокаут), напряженнейшая работа мысли в стремлении разгадать загадки и кроссворды, на которые так щедра Арктика. И еще свобода выбора — играть или не играть в подобную игру, все то, с чем связана профессия геолога 30-х годов. Отправным моментом в этом суровом научном и жизненном поиске оставались на протяжении нескольких десятилетий работы Русанова, его выводы и оценки. Они наращивались, уточнялись, на протяжении длительного времени не подвергаясь в основе коренному пересмотру вплоть до послевоенного времени, когда на помощь геологу пришли аэрофотосъемка и новые физические методы, позволяющие, например, в ряде случаев определять абсолютный возраст пород, а то и «прощупать» земную твердь сейсмическими методами или замерить электропроводимость слагающей толщи. Это помимо появления новых видов транспорта (моторные лодки, вертолет), относительно надежной

радиоаппаратуры и новых видов полевого снаряжения, облегчившего быт полевиков. Одновременно менялась детальность исследования — основным документом при этом становилась геологическая карта масштаба 1:1 000 000, на которой до сих пор можно ощутить влияние русановских идей.

Не менее плодотворными оказались идеи Русанова для гляциологов, исследователей ледников Новой Земли, тем более что поведение этих природных объектов свидетельствовало о происходящих природных изменениях — проблема крайне актуальная для нашего времени. Во времена Русанова человек своей деятельностью еще не натворил чего-то такого, что могло бы сказаться на изменениях климата и ледников, и поэтому его самые первые наблюдения сохраняют свое значение и поныне. Метеонаблюдения в Арктике, как правило, не превышают ста лет, тогда как изучение оледенения позволяет судить об изменениях климата на протяжении тысячелетий. Для оценки грядущих изменений природной среды важно понять соотношение естественной природной составляющей и эффекта разрушительной деятельности человека. С этой точки зрения информация с ледников не имеет альтернативы, поскольку с ее помощью можно обнаружить момент, когда деятельность человека начала сказываться в развитии природного процесса, — но у истоков этой проблемы мы опять видим Русанова, отметившего начало процесса отступления ледников на Новой Земле. Едва ли в своих маршрутах исследователь мог предвидеть такие неожиданные повороты в развитии мировой науки, но, несомненно, его наблюдения остаются востребованными и поныне. Такое долголетие идей и результатов наблюдений суждено далеко не всем ученым и является высшей наградой для исследователя.

Он был первым, кто описал такие особенности оледенения, которые должны отражаться на картах. К сожалению, при издании первых послевоенных карт его наблюдения не были учтены достойным образом, отчего отображение местности во внутренних частях Новой Земли на иных картах было выполнено порой самым фантастическим образом, но сам Русанов в этом не виноват — продолжатели не всегда были на уровне основоположника, хотя располагали более новыми данными. Скорее, это лишь доказывает его способность к решению самых сложных проблем, в которых путались специалисты и позднее, но это была уже их беда... Действительно, старыми маршрутными методами удалось положить на карту не более десятой части территории архипелага, среди которых съемки Русанова заняли достойное место. При этом качество русановских

съебок оказалось настолько высоким, что его карты можно использовать для сравнения с современными и тем самым оценивать происходящие изменения природной среды.

Вклад Русанова в изучение географии Новой Земли велик уже просто потому, что он единственный в ряду новоземельских первопроходцев, кто охватил своими наблюдениями архипелаг целиком, получив сравнительный материал, который уже на уровне сопоставлений заставлял искать ответы на возникающие вопросы. Он первым оценил роль оледенения в ландшафтах Новой Земли во всем присущим им разнообразии и специфике, правильно осознав главенствующую роль ледников в их соотношении с рельефом. Собственно, это единственный более или менее надежный критерий для арктических архипелагов, непривычный для людей, чей взгляд на природу сформировался на южных территориях с богатой растительной и животной жизнью. Точно так же ему принадлежат первые описания арктических пустынь в районе мыса Желания и подтипа северной тундры (в маршрутах 1911 года) с их относительно богатой растительностью, реагирующей изменением цветовой гаммы на смену сезонов. Наконец, описание морских берегов, представляющих самостоятельный элемент природы с присущими им особенностями. Не случайно его описания потом широко использовались в обобщающих работах П. А. Шумского, Г. В. Горбацкого, Н. И. Евгенова и многих других. Можно еще много приводить примеров, как дела и мысли Владимира Александровича Русанова продолжали жить и продолжают жить сейчас, остаются с нами — значит, его жизнь и работа в Арктике не были напрасными.

У моряков есть замечательная, испытанная в веках традиция — присваивать имя достойного человека новому судну. С одной стороны, это способствует сохранению памяти об ушедших в наших сердцах, а с другой — обязывает экипаж оставаться на уровне личности, чье имя написано на борту. Достоинно удивления, как многие корабли во многом повторяют биографию такого героя, словно вместе с именем обретая и его душу, которая продолжает жить, когда брэнное тело уже обратилось в прах. Действительно, судьба полярного разведчика Владимира Русанова во многом воплотилась в «биографии» ледокольного парохода «Владимир Русанов». Построенное в 1909 году судно первоначально называлось «Бонавенчур», что можно перевести как «Добрая удача», и, возможно, поэтому оно избежало трагической участи своих собратьев, перечисленных выше, да и самого Русанова тоже. Первое время судно использовалось для зимних рейсов на Белом море, не принимая непосредственного участия в

военных действиях, хотя и было включено в военную флотилию Северного Ледовитого океана (предтечи современного Северного флота). Свой первый рейс в арктических водах это судно сделало в 1917 году для снабжения полярной станции в Моррасале. В событиях Гражданской войны «Владимир Русанов» не сыграл какой-либо значительной роли и с установлением советской власти в Архангельске два месяца числился в морских силах Северного флота, но летом 1920 года был передан в Мортран и зачислен в первый отряд Сибирской хлебной экспедиции, вывозивший хлеб Сибири в голодающую европейскую часть страны. На будущий год судно было включено в состав Карской экспедиции, начальником которой был Отто Свердруп, сыгравший, как описано выше, свою роль в судьбе Русанова. Плавание, во время которого погибли транспортные суда «Обь» и «Енисей», проходило в сложных ледовых условиях, для «Владимира Русанова» завершилось благополучно. В 1922 году «Владимир Русанов» совершил свой первый заграничный рейс под советским флагом в Лондон и Ярмут (Великобритания), вновь участвовал в Карской экспедиции, которую до 1924 года возглавлял Вилькицкий, так и не пожелавший принять советское гражданство. На рейдовых стоянках он ни разу не сходил на берег, видимо, ожидая, что чекисты могут припомнить ему смену флага на судах его экспедиции после белого переворота в Архангельске в августе 1918 года. Всего «Владимир Русанов» принимал участие в трех Карских экспедициях (1921, 1923, 1931 годов, помимо рейса 1920 года), а зимой ходил в европейские порты и привлекался на зверобойный промысел в Белом море, порой совершая рейсы на Новую Землю или Шпицберген — рядовая будничная работа год за годом, если не считать ноябрьского похода на исходе навигации 1925 года на Новую Землю для снабжения островитян всем необходимым, который проходил практически в зимних условиях. Работы для морского труженика прибавилось с организацией Главного управления Северного морского пути. Отметим только наиболее интересные походы и плавания за время его службы в этой организации.

Летом 1932 года экспедиция на «Владимире Русанове» (капитан Б. И. Ерохин, начальник экспедиции Самойлович — еще одно пересечение судеб кораблей и людей, связанных с героем этой книги) отправляется на строительство полярной станции на мысе Челюскин по программе Второго международного полярного года на самой северной точке азиатского материка. Помимо строительства станции в этом походе планировалось также выполнить смену зимовщиков острова Домашний под начальством Г. А. Ушакова, которые в два предшествующих года впервые положили на

карту архипелаг Северной Земли целиком. Обе поставленные задачи были экипажем судна и экспедицией решены, да еще с очевидным перевыполнением, поскольку в процессе плавания были открыты острова Известий ЦИК, Арктического института и Краснофлотские. Отметим, что «Владимир Русанов» был также первым судном, прошедшим проливом Шокальского в этом архипелаге — разведчик и в мирных условиях остается разведчиком. На обратном пути, посетив Русскую Гавань на Новой Земле, участники экспедиции и рабочие, освободившиеся после строительства на мысе Челюскин, помогли завершить постройку очередной полярной станции в Русской Гавани на Новой Земле, которой предстояло работать по программе Второго международного полярного года под руководством М. М. Ермолаева.

В 1933 году «Владимир Русанов» выполнил рейс к бухте Прончищевой на восточном побережье Таймыра для строительства там промысловой базы, которую возглавил один из первопроходцев Северной Земли С. П. Журавлев. При этом «Владимир Русанов» оказался первым судном, вошедшим в эту бухту, проверив ее глубины, что называется, собственным корпусом. При возвращении он помогал в организации зимовки судам Первой Ленской экспедиции (один из пароходов которой пришлось стаскивать с мели), а также участвовал в спасении экипажа шхуны «Белуха», затонувшей у острова Белый. В 1934 году «Владимир Русанов» побывал в бухте Нордвик, куда доставил людей и оборудование для большой геолого-разведочной экспедиции, связанной с поисками нефти. По пути судно посетило уже знакомые прежде места — мыс Челюскин и бухту Прончищевой, а также остров Преображения, где оказало существенную помощь в строительстве очередной полярной станции.

Особое место в «биографии» ледокольного парохода «Владимир Русанов» занимает рейс в навигацию 1935 года на Индигирку — он оказался первым судном, вошедшим в устье этой реки с моря. При этом и доставка необходимых грузов, и их выгрузка проходили в чрезвычайно сложных условиях. «Из 20 суток пребывания судна на Индигирке, — написал Н. И. Хромцов (заменивший после смерти Ерохина на капитанском мостике), — только 6 суток стояла погода, допускавшая выгрузку. Катерам, буксировавшим баржи и кунгасы, из-за шторма или тумана приходилось или по нескольку дней задерживаться у берега, или отстаиваться на баре, если их в пути застигал шторм, с риском потерять людей и груз» (Николаева, Хромцова, 1980, с. 52). Только усиленной работой всего экипажа это задание было выполнено.

«Владимир Русанов» оказался причастен к еще одной знаменитой полярной эпопее — к высадке первой дрейфующей станции «Северный полюс» под начальством И. Д. Папанина, поскольку обеспечивал доставкой грузов строительство базы «подскока» на острове Рудольфа в архипелаге Земля Франца-Иосифа для самолетов воздушной экспедиции Главсевморпути во главе с О. Ю. Шмидтом. «Летом 1936 года, — пишет виднейший историк Советской Арктики В. Ю. Визе, — на острове Рудольфа была устроена самолетная база. Под руководством И. Д. Папанина здесь были выстроены два жилых дома, радиостанция, радиомаяк, баня, гараж, два технических склада и один продовольственный, помимо взлетно-посадочной полосы на ледниковом куполе, с которой год спустя тяжелые самолеты уходили к полюсу для высадки на арктические льды первой дрейфующей научной станции СП-1, На базу было завезено большое количество горючего для самолетов и запасные части, два трактора и два вездехода, а также значительная часть продовольственных грузов и снаряжения для дрейфующей станции, устройство которой было намечено правительством на весну 1937 года» (1948, с. 374). Все это было доставлено сюда, добавим мы, на борту «Владимира Русанова», который, таким образом, способствовал осуществлению идей исследователя в их развитии. В злосчастную зиму 1937/38 года, когда в Арктике зазимовало 27 судов, та же участь постигла и «Владимира Русанова» вместе с двумя другими пароходами, которые поздней осенью пытались доставить на Землю Франца-Иосифа необходимые грузы для авиаторов, проводивших поиски Леваневского и подстраховку дрейфующей станции Папанина. Этот караван был освобожден из ледового плена ледоколом «Ермак» только весной следующего года.

Продолжительная ледовая служба не прошла даром для корабля — практически все описанные годы его эксплуатировали на износ, ни разу не произведя капитального ремонта. Тем не менее даже в навигацию 1939 года он совершил только на Новую Землю четыре рейса, а в сентябре — еще один на Землю Франца-Иосифа. Износ судна был настолько велик, что после включения с началом Великой Отечественной войны в состав Беломорской флотилии спустя полгода его вернули в систему ГУ СМП, очевидно, по принципу «на тебе, Боже, что нам негоже». Определенно, заслуженное судно ничем не подвело имя Русанова, лишь подтвердив известные слова Маяковского о тех, кто после смерти воплощается «в пароходы, строчки и другие громкие дела».

Есть еще один способ сохранить достойное имя, закрепив его на карте

в виде топонима, и в этом отношении Русанов не исключение. На Новой Земле его имя носят полуостров, пролив и бывшее становище, долина между губой Крестовой и Незнаемым заливом, по которой проходил маршрут 1909 года, залив на Карской стороне Северного острова. Нередко имя исследователя можно встретить и на карте других полярных архипелагов: на Северной Земле в честь Русанова назван ледник (остров Октябрьской Революции), на Земле Франца-Иосифа его имя присвоено мысу на острове Нансена, еще один мыс носит его имя на острове Колосовых вблизи таймырского побережья, неподалеку от тех мест, где были обнаружены следы его последней экспедиции в далеком 1934 году. На острове Западный Шпицберген имя Русанова в окрестностях бухты Колсбэй присвоено одному из входных мысов и ручью, в долине которого он вместе с Самойловичем проводил разведки угля. Наконец, улицы с именем Русанова есть на родине отважного полярного исследователя в городе Орле, а также в Москве, Архангельске и далеком Баренцбурге на Шпицбергене. В Хатанг-ском заливе на морские карты нанесена банка Русанова — но это по имени ледокольного парохода, испытывавшего на ней прочность своего корпуса.

В заключение возвратимся к проблеме исторической преемственности в освоении Российской Арктики, выразившейся в своеобразной полярной эстафете: Русанов — Самойлович — Шмидт... Разумеется, идеи Русанова продолжались и в деятельности Института по изучению Севера (который со временем преобразовывался во Всесоюзный Арктический институт, затем Арктический научно-исследовательский институт, пока окончательно не стал Арктическим и Антарктическим НИИ), и в работе Главного управления Северного морского пути, что, собственно, лишь подтверждает книга его трудов «Статьи, лекции, письма», изданная в 1945 году, хотя и с отчетливых «антишмидтовских» позиций, что проявилось в сопроводительных комментариях и других разделах, где имя Шмидта не упомянуто ни разу. Отсутствие Самойловича в ней тоже понятно — осужден в 1938 году как «враг народа» с последующей реабилитацией. Теперь все это выглядит неким историческим анахронизмом, мышшиной возней не самых умных управленцев и работников идеологического фронта, желавших приобщиться к славе первооткрывателей, — так было и так еще долго будет.

Однако остается интересный вопрос — насколько сам Шмидт находился под влиянием разработок Русанова, приступая к созданию своей самой мощной в истории страны специализированной полярной организации? Казалось бы, ответ на этот вопрос можно получить в трудах,

которые оставил нам «и академик, и герой, и мореплаватель...», — но ни намека на что-либо подобное. Думаю, причин для этого по крайней мере две: во-первых, он вполне определенно оставался в русле отдела идеологии ЦК, отрицавшего в то время какую-либо преемственность с эпохой «проклятого царизма»; и во-вторых, Шмидту просто было не до исторических изысканий или поисков преемственности, тем более в напряженной ежедневной оперативной работе, когда приходилось импровизировать, принимая порой рискованные решения. Его собственный вклад в изучение и освоение тогда Советской, а теперь снова Российской Арктики оказался настолько велик, что стремлением замолчать предшественников он только принизил бы собственные заслуги. Думаю, что сам он это великолепно понимал, ведь в его распоряжении были и полярные станции, и радиосвязь, и ледоколы с ледокольными судами, не говоря уже о полярной науке, — то, чем не располагал сам Русанов. Но все это с высот своего времени и своих возможностей Шмидт увязал еще с широким использованием авиации, сосредоточив этот мощный ударный кулак в руках одной организации — Главсевморпути. Это действительно был его, шмидтовский вклад на базе уже выполненного еще до него Русановым, Колчаком, Вилькицким, Нагурским, Самойловичем и многими-многими другими, о судьбе которых он не мог не знать и вклад которых до поры до времени по требованию партии приходилось замалчивать — пусть там, наверху, говорят о большевистском походе покорения Арктики в своей пропаганде... Сам Шмидт также оказался в положении разведчика будущего, еще более вооруженного технически (той же авиацией, которой не было у Русанова), но и связанного партийной идеологией, от которой был свободен Русанов. Тем самым риск для Шмидта исходил уже не столько от арктической природы, сколько от решений «сверху», что и подтвердила его отставка по итогам навигации 1937 года. Пожалуй, в этом и заключалось главное различие двух полярных корифеев периода освоения Арктики в первой половине XX века. Что касается ответа на вопрос об их исторической преемственности, то, думаю, он очевиден — без Русанова не было бы Самойловича, каким мы его знаем, без Самойловича, вероятно, Шмидт не стал бы тем самым Шмидтом, который вошел в историю таким, каким вошел. Каждому из них — свое, поскольку «мы, дети страшных лет России, забыть не в силах ничего...» — значит, все они остаются с нами, вместе с Владимиром Русановым.

Основные даты жизни и деятельности В. А. Русанова

1875, 3 (15) ноября — родился в городе Орле.

1897 — окончил Орловскую духовную семинарию.

1897–1898 — вольнослушатель Киевского университета.

1901–1903 — отбывал ссылку в Вологодской губернии. Проводил исследования на водоразделе Печоры и Волги. Совершил сплав по Печоре и плавание морем из устья Печоры в Архангельск.

1903 — по окончании ссылки выехал во Францию, поступил в Парижский университет на естественный факультет по специальности геология, одновременно посещал Высшую русскую школу.

1906 — подготовил этнографо-социологическое исследование «Зыряне».

1907 — предпринял первую поездку на Новую Землю. Обследовал побережье Маточкина Шара и окрестностей.

1908 — приглашен в качестве геолога для участия во французской экспедиции Ш. Бенара на Новую Землю. С отрядом доктора Кан-диогги пересек Северный остров Новой Земли от Незнаемого залива до Крестовой губы и обратно через систему ледников Макарова — Жерве.

1909 — участвовал в русской экспедиции на Северный остров Новой Земли. В морском маршруте обследовал участок побережья от Крестовой губы до полуострова Адмиралтейства. Позднее обнаружил проход, свободный от ледников между Крестовой губой и заливом Незнаемый.

1910 — возглавил русскую экспедицию на Новую Землю на судне «Дмитрий Солунский». Совершил на судне обход Северного острова впервые под русским флагом, провел гидрологические и ледовые наблюдения в Карском море.

1911 — возглавил русскую экспедицию на Новую Землю на моторной лодке «Полярная». Совершил обход Южного острова.

1912 — руководил русской экспедицией на Шпицберген на судне «Геркулес», выставив 28 заявок на перспективных участках по добыче угля и других полезных ископаемых. Выполнил пересечение главного острова архипелага. Перешел морем в становище Маточкин Шар на Новой Земле, откуда ушел на судне в Карское море.

1913 (?) — пропал без вести вместе со всем экипажем «Геркулеса» и

личным составом экспедиции у берегов Таймыра.

Краткая библиография

Белов М. И. К 100-летию со дня рождения В. А. Русанова // *Летопись Севера*. 1977. С. 122–132.

Берх В. Н. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны. Т. 1–2. СПб., 1821–1823.

Боднарский М. С. Великий Северный морской путь. М.; Л., 1926.

Борисов А. А. В стране холода и смерти. М., 1909.

Бунин И. А. Избранные сочинения. М., 1984.

Брейтфус Л. Л. Северные полярные экспедиции 1912 года и их поиски // *Записки по гидрографии*. 1915. Т. 49. Вып. 2. С. 1–44.

Быков А. А. За полярным кругом // *Известия Архангельского общества изучения Русского Севера*. 1910. № 16, 18–23. 1911. № 16, 17, 19.

Вебер В. Н. Из экспедиции «Ермака» в 1901 г. // *Записки Минералогического общества*. 1908. Сер. II. Ч. 46. Вып. 2.

Визе В. Ю. История исследований Советской Арктики: Баренцево и Карское моря. Архангельск, 1932.

Он же. Моря Советской Арктики. М.; Л., 1948.

Гельвальд Ф. В области вечного льда. СПб., 1884.

Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1866.

Готье Ю. В. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.

Демокидов К. К. Геологическое строение и полезные ископаемые Южного острова Новой Земли // *Тр. НИИГА*. 1953. Т. 68.

Демокидов К. К., Романович Б. С., Бушканец Ю. С., Беляков Г. Д. Геологическое строение Новой Земли и острова Вайгач // *Тр. НИИГА*. 1957. Т. 81. С. 23–57.

Де Фер Г. Плавание Баренца 1594–1597 годов. Л.: Главсевморпуть, 1936. 308 с.

Евгенов Н. И. Лоция Карского моря и Новой Земли. Л., 1930.

Ермолаев М. М. Очерк геологического строения Новой Земли. Новоземельская экскурсия МГК XVII. М., 1937. С. 102–117.

Залесский Н. А. Флот Русского Севера в годы Первой мировой и Гражданской войн // *Летопись Севера*. Вып. VI. М.: Мысль, 1972. С. 130–161.

Иванов И. М. Шпицберген. Архангельск, 1934. С. 1–76.

Казаков Ю. Мальчик из снежной ямы // *Новый мир*. 1983. № 10. С.

130–174.

Корякин В. С., Морфология оледенения // О. П. Чижов, В. С. Корякин, Н. В. Давидович и др. Оледенение Новой Земли. М., 1968. С. 23–40.

Он же. Современные изменения размеров оледенения // О. П. Чижов, В. С. Корякин, Н. В. Давидович и др. Оледенение Новой Земли. М.: Наука. 1968. С. 232–240.

Корякин В. С., Зингер Е. М. История исследований и краткий физико-географический очерк // О. П. Чижов, В. С. Корякин, Н. В. Давидович и др. Оледенение Новой Земли. М., 1968. С. 7–22.

Корякин В. С. У последних параллелей планеты // Вокруг света. 1975. № 11. С. 15–19.

Он же. Экипаж «Дмитрия Солунского». Комментарий // Вокруг света. 1980. № 3. С. 40–43.

Он же. Маршрутами гляциолога. М.: Мысль, 1981.

Он же. Владимир Александрович Русанов. М.: Наука, 1987.

Крестинин В. В. Географическое известие о Новой Земле // Путешествия академика Ивана Лепехина. Ч. 4. СПб., 1805. С. 123–193.

Кругловский М. М. Некоторые данные по геологии Северного острова Новой Земли // Материалы по геологии России. 1918. Т. 26. Вып. 1.

Кузнецов М. Матшар. Л., 1907.

Ле Руа П. Л. Приключения четырех российских матросов к острову Шпицбергену бурей принесенных. М.: Географгиз, 1955. С. 1–38.

Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля». М.: Географгиз, 1948.

С. О. Макаров и завоевание Арктики. М.; Л., 1943.

Нансен Ф. Шпицберген. Л., 1938.

Он же. В страну будущего. Пг., 1915.

Норденшельд А. Э. Экспедиция к устьям Енисея 1875 и 1876 годов. СПб., 1880. 198 с.

Он же. Путешествие А. Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 гг. СПб., 1881.

Носилов К. Д. На Новой Земле. СПб., 1903.

Обручев С. На «Персее» по полярным морям. М., 1929. С. 1–220.

Островский В. Г. Безвременно ушедшие. Л., 1934.

Отчет Императорского Русского географического общества за 1907 год Л. А. Молчанова. СПб., 1908. С. 15–17.

Пасецкий В. «Геркулес» исчезает во льдах. М.: Географгиз, 1961.

Он же. Отогревшие землю. М., 1971.

Пахтусов П. К., Моисеев С. А. Дневные записки П. К. Пахтусова и С.

А. Моисеева. М., 1956.

Перевалов В. А Ломоносов и Арктика. М.; Л., 1949. 504 с.

Пинегин Н. В. Новая Земля. Архангельск, 1935. 128 с.

Он же. Записки полярника. М., 1952. 495 с.

Пинхенсон Д. М. Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма // История открытия и освоения Северного морского пути. Л., 1962.

Попов С. В., Троицкий В. А. Топонимика морей Советской Арктики. М., 1972.

Провидец будущего Арктики // Неделя. 1975. № 46 (618).

Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. М., 1982.

Реклю Э. Земля и люди // Всемирная география. СПб., 1898. Т. 2. Кн. 1.

Самойлович Р. Л. Остров Шпицберген и первая русская научно-промысловая экспедиция. Архангельск, 1913. С. 4–6.

Свенске К. Новая Земля в географическом, естественно-историческом и промышленных отношениях. СПб., 1866.

Ставницер М. Русские на Шпицбергене. М., 1948. С 1 — 150.

Старков В. Ф., Корякин В. С., Завьялов В. И. Русские поселения XVI века на Шпицбергене // Вестник АН СССР. 1983. С. 109–113.

Троицкий В. А. Еще раз о следах экспедиции В. А. Русанова на «Геркулесе» // Летопись Севера. Вып. 111. М., 1962. С. 283–285.

Филипсон А. Европа // Всемирная география. СПб., б/г.

Хенниг Р. Неведомые Земли // Т. 2. М., 1962.

Черненко М. О плаваниях русских в Арктике и низкопоклонстве перед Западом // Советская Арктика. 1939. № 6. С. 17–23.

Чернов Г. А. Полвека в Печорском крае. М.: Мысль, 1974.

Чернышев Ф. Н. Новоземельская экспедиция 1895 г. // ИРГО. 1896. Т. 32. Вып 1. С. 1–26.

Чулков Н Экспедиция на Новую Землю под начальством Розмыслова в 1768–1769 годах Архангельск, 1898

Шпаро Д, Шумилов А Три загадки Арктики М, 1982 Шумский П А Современное оледенение Советской Арктики // Гр АНИИ 1949 Т 2

Энгельгардт А П Русский Север Путевые записки СПб, 1897 Эренбург И Г Люди, годы, жизнь // Собр соч Т 8 Кн 1 М, 1966 Benard Sh Dans 1 ocean Glacial et en Nouvelle Zemble P, 1909 Carlhem-Gillenskold V Pa attionde breddgraden Stocholm, 1900 P 167 Keilhau B M Reise i Ostog Vest Finmarken samt til Beeren-Eiland og Spitsbergen, i Arene 1827 og 1828 Christiania, 1831

Lowemg B Reise nach Spitsbergen Aachen und Leipzig 1830

notes

Примечания

1

Не путать с его сыном Борисом Андреевичем Вилькицким, позднее начальником Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, открывшей Землю Николая II (ныне Северная Земля) в 1913 г

Автору об этом сообщил Владимир Васильевич Кудрявцев, побывавший в указанных местах в 2002 г.